

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№3 2022 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

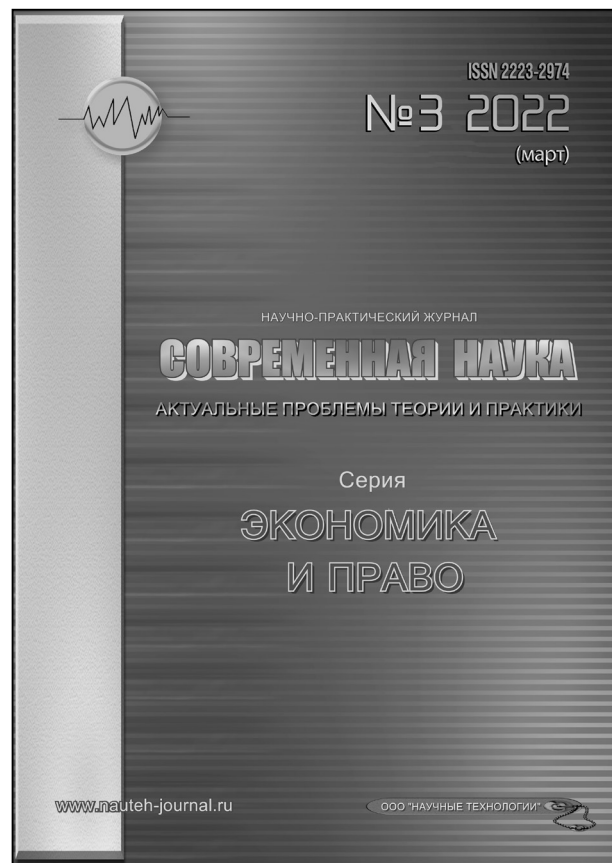
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 21.03.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

- Автономова С.А., Зотова А.А.** — Информационные технологии и PR в государственном управлении
Avtonomova S., Zotova A. — The information technologies and PR in public administration7
- Айрапетян В.Г.** — Цифровизация туризма: современные тенденции и динамика развития
Ayrapetyan V. — Digitalization of tourism: modern trends and dynamics of development11
- Акулов А.Я., Ряховский Д.И.** — Требования кредиторов и уполномоченного органа по денежным обязательствам в делах о банкротстве: проблемные аспекты регулирования и практики
Akulov A., Ryakhovsky D. — Claims of creditors and the authorized body for monetary obligations in bankruptcy cases: problematic aspects of regulation and practice15
- Боробов В.Н., Миндлин Ю.Б.** — Государственный долг и современная бюджетная политика России
Borobov V., Mindlin Yu. — Public debt and modern budgetary policy of Russia22
- Ван Юнцзюань, Яо Яо** — Анализ влияния факторов на объем производства зерновых в провинции Хэйлунцзян (Китай)
Wang Yongjuan, Yao Yao — Analysis of the influence of factors on the volume of grain production in Heilongjiang province (China)27
- Дробышевский А.А.** — Агрострахование с государственной поддержкой в государствах-членах Евразийского экономического союза
Drabysheuski A. — Agricultural insurance with state support in the countries of the Eurasian economic union34
- Ефремов М.А., Уханова Е.А.** — Совершенствование механизма налогообложения НДС при применении таможенной процедуры беспошлинной торговли
Efremov M., Ukhanova E. — Improving the VAT taxation mechanism in the application of the customs procedure of duty-free trade40
- Зайцева И.А., Мусатов Б.В.** — Выявление универсальных факторов формирования конкурентоспособности продукции
Zaitseva I., Musatov B. — Identification of universal factors of formation of competitiveness of products...47
- Кальдерон Роберто Даниэль** — Программирование в Матлаб для оптимизации инновационных процессов
Calderon Roberto Daniel — Programming in MATLAB to optimize innovation processes.....53
- Кусикбаева Л.З.** — Неструктурный подход к банковской конкуренции
Kussikbayeva L. — Non-structural approach to banking competition.....59
- Кшнякин П.А.** — Цифровые технологии совершенствования инновационной экосреды отрасли медицинских изделий
Kshniakin P. — Digital technologies to improve the environment of innovative entrepreneurship in the medical products industry62
- Мальцева Ю.А., Климин В.Г.** — Управленческие проблемы и триггеры развития медицинского туризма
Maltseva Yu., Klimin V. — Management problems and triggers of medical tourism development.....68
- Миндлин Ю.Б.** — Текстильный кластер как драйвер регионального развития экономики
Mindlin Yu. — Textile cluster as a driver of regional economic development72

Торосян Е.К., Цуканова О.А., Бреслава В.О., Торосян А.А. — Теория ограничений и системный подход к управлению цифровой трансформацией бизнеса <i>Torosyan E., Tsukanova O., Breslava V., Torosyan A.</i> — Theory of constraints and system approach to digital business transformation management.....79	Воронов А.М. — Клиентоцентричность в публичном управлении <i>Voronov A.</i> — Client-centricity in public administration117
Траоре Абдулаи — Современное состояние структуры занятости через призму экономических и региональных диспропорций (на примере г. Москвы) <i>Traore Abdoulaye</i> — The current state of the employment structure through the prism of economic and regional imbalances (example of Moscow)87	Ганичева Е.А. — Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях <i>Ganicheva E.</i> — Counteraction to the use of cryptocurrencies for illegal purposes.....124
Траоре Абдулаи — Регулирование рынка труда в контексте экономической безопасности региона и государства <i>Traore Abdoulaye</i> — Regulation of the labor market in the context of the economic security of the region and the state.....93	Губа В.В. — Состояние, тенденции и динамика преступлений, совершаемых с помощью беспилотных летательных аппаратов <i>Giba V.</i> — The state, trends and dynamics of crimes committed with the help of unmanned aerial vehicles129
Право	Голикова С.В. — Соотношение внутригосударственного законодательства РФ и Украины и международно-правовых актов о приоритете семейного воспитания <i>Golikova S.</i> — Relationship of the domestic legislation of the Russian federation and Ukraine and international legal acts on the priority of family education.....133
Александров А.Ю. — Проблема защиты прав и интересов ответчика при применении судом обеспечительных мер в гражданском процессе <i>Alexandrov A.</i> — The problem of protecting the rights and interests of the defendant when applying interim measures by the court in civil proceedings..... 100	Гудков А.И., Мищенко В.И. — Проблемы реализации института брачного договора <i>Gudkov A., Mishchenko V.</i> — Problems of the implementation of the institution of the marriage contract138
Белоусов А.В., Вассалатий Ж.В. — Особенности поисковой деятельности следователя при раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации <i>Belousov A., Vassalatiy Zh.</i> — Features search activity the investigator in solving crimes in the sphere of computer information104	Дзьоник В.Р. — Особенности современного состояния миграции в Российской Федерации <i>Dzonik V.</i> — Features of the current state migration in the Russian Federation141
Василькова С.В. — Актуальные аспекты правового положения российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом <i>Vasilkova S.</i> — Current aspects of the legal status of Russian companies engaged in the construction of energy facilities abroad108	Добровольская Ю.С. — Криминологические характеристики личности лиц, совершающих преступления террористического характера на транспорте <i>Dobrovolskaya Yu.</i> — Criminological characteristics of the personality of persons who commit crimes of a terrorist nature on transport144

Кварацхелия М. — Правовые основы контрольной деятельности региональных органов исполнительной власти по вопросам социального значения <i>Kvaratskhelia M.</i> — Legal basis for the control activities of regional executive authorities on issues of social importance149	Семенова Н.А. — Запрет анонимности в сети интернет как мера профилактики мошенничества <i>Semenova N.</i> — Prohibition of anonymity on the Internet as a measure to prevent fraud.177
Кузнецова Н.А., Матвеева Т.П. — Пенсионная система России: проблемы и перспективы <i>Kuznetsova N., Matveeva T.</i> — Pension system of Russia: problems and prospects.....153	Соколова А.С., Ахмадиева Г.Р. — Post cookies world: проблемы защиты персональных данных в эпоху распространения рекламных технологий <i>Sokolova A., Akhmadieva G.</i> — Commercialization of personal data as a consequence of the use of big data technologies183
Леденев В.В. — Понятие правила делового суждения мажоритарного участника корпорации <i>Ledenev V.</i> — The concept of the business judgment rule of the majority shareholder of the corporation157	Суюнова З.М. — Особенности применения стандартов международной защиты права собственности в решениях национальных судов <i>Suyunova Z.</i> — Features of the application of standards of international protection of property rights in decisions of national courts186
Минаева А.И. — Право на цифровое забвение как субъективное право индивидуальных субъектов права: вопросы теории и практики <i>Minaeva A.</i> — The right to digital oblivion as a subjective right of individual subjects of law: issues of theory and practice.162	
Петрунин Н.В. — Аспекты развития судебной практики в системе источников российского права <i>Petrinin N.</i> — Aspects of the development of judicial practice in the system of sources of Russian law167	
Сандлер Д.Г. — Особенности развития сферы услуг высшего образования: парадигма открытой детерминированной конкуренции <i>Sandler D.</i> — Features of the development of higher education services: the paradigm of open deterministic competition171	
	СОЦИОЛОГИЯ
	Ковалева А.В. — Проблемы семьи в системе долговременного ухода за людьми пожилого и старческого возраста <i>Kovaleva A.</i> — Family problems in the system of long-term care for elderly and senile people.191
	Плотников В.А. — Трансформация трудовых ресурсов в цифровой экономике <i>Plotnikov V.</i> — Transformation of labor resources in digital economy.....196
	Садловская М.В., Устиненко М.А. — Профессиональные стратегии преподавателей: история разработки концепта <i>Sadlovskaya M., Ustinenko M.</i> — Lecturers professional strategies: history of research200

Тайшибаева З.М., Рыбасова Ю.Ю., Утеева Э.Н. — Анализ реализации индивидуальных программ реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении <i>Taishibaeva Z., Rybasova Yu., Uteeva E.</i> — Analysis of the implementation of individual rehabilitation programs for families in a socially dangerous situation204	Шевченко О.П. — Воздействие интернет-коммуникации на современную предпринимательскую культуру: социологический анализ <i>Shevchenko O.</i> — The impact of Internet communication on modern entrepreneurial culture: sociological analysis216
Шевченко О.П. — Интернет-коммуникация в пространстве социокоммуникативной и социокультурной реальности <i>Shevchenko O.</i> — Internet communication in the space of sociocommunicative and sociocultural reality212	Информация Наши авторы. Our Authors220
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале223

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И PR В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

THE INFORMATION TECHNOLOGIES AND PR IN PUBLIC ADMINISTRATION

**S. Avtonomova
A. Zotova**

Summary. In view of the wide spread of information technologies and their application in all spheres of society, of particular relevance are the issues of their use in public administration. As a special subject of public relations with enormous powers, and acting as a link between the authorities and citizens, public authorities should pay special attention to the processes of application of information technology and PR in their own activities. This will help to optimize the current processes, improve them and thus improve the quality of services provided, and, consequently, the degree of satisfaction of their end users.

Keywords: information technologies, information structure, information networks, databases and data banks, PR, public administration.

Автономова Светлана Алексеевна

*К.с.н., Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва
avtonomova1@yandex.ru*

Зотова Анастасия Андреевна

*Ассистент, Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, Москва*

Аннотация. Ввиду широкого распространения информационных технологий и их применения во всех сферах жизнедеятельности общества, особую актуальность приобретают вопросы их использования в государственном управлении. Являясь особым субъектом общественных отношений, обладающих колоссальными полномочиями, и выступая связующим звеном между властными структурами и гражданами, органы государственной власти должны уделять особое внимание процессам применения информационных технологий и PR в собственной деятельности. Это поможет оптимизировать текущие процессы, усовершенствовать их и, тем самым, повысить качество предоставляемых услуг, а, следовательно, степень удовлетворенности ими конечных потребителей.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная структура, информационные сети, базы и банки данных, PR, государственное управление.

Активное использование информационных технологий на современном этапе социо-экономического развития — необходимое условие для обеспечения соответствия государственного управления ключевым потребностям и ожиданиям населения, которые выступают приоритетом любого правового государства. Посредством их применения можно организовать реальное эффективное управление деятельностью, выполняемой государственными органами и их должностными лицами и, как следствие, повышение качества оказываемых публичных услуг.

Действительно, в настоящее время происходит интенсификация развития и применения информационных технологий во всех областях. Это как никогда актуально, поскольку существующие методы работы с информацией, распространенные в государственном секторе, не в полной мере отвечают требованиям современной действительности и становятся менее эффективными, что негативно сказывается на работе всего государственного аппарата регионального уровня. Это, в свою очередь, отражается на качестве предоставляемых населению услуг, что просто нельзя допустить. Данный факт предопределяет острую необходимость

наличия постоянного беспрепятственного доступа к информационным ресурсам различного характера. Такой подход позволяет сократить временные затраты на выполнение административных функций и решение первоочередных задач. Расширение использования информационных технологий в работе органов власти создает предпосылки для совершенствования взаимодействия между государством и гражданами, которое включает создание эффективной системы предоставления общественных услуг гражданам в наиболее удобной для них форме [4].

Цель настоящего исследования состоит в рассмотрении информационных технологий и PR в государственном управлении и выявлении его значения в современных условиях.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие основополагающие задачи:

- ♦ рассмотреть сущностно-содержательные характеристики информационных технологий и PR-деятельности в секторе государственного управления;
- ♦ выявить их ключевые особенности в установленной сфере деятельности;

- ◆ рассмотреть информационную структуру, свойственную для российского государственного управления;
- ◆ определить проблемы, препятствующие полноценной реализации возможностей информационных технологий.

Прежде всего, необходимо разобраться, что представляет собой информационные технологии в общем смысле. В общем смысле в термин «информационная технология» специалисты вкладывают следующее содержание: это совокупность методов и средств целенаправленного изменения различных свойств информации [2]. Можно сказать, что представленное трактование раскрывает лишь общий смысл, не уделяя внимание конечному результату и методам воздействия на объект управления, а именно информацию.

Мы разделяем позицию О.В. Кругловой, которая под информационными технологиями предлагает понимать сложившуюся систему методов и способов сбора, накопления, хранения, поиска, обработки, анализа, выдачи информации на основе применения аппаратных и программных средств в соответствии с требованиями, предъявляемыми пользователями [6].

П.Д. Гришин и А.А. Миронов обращают внимание на тот факт, что для запуска механизма взаимодействия государственных органов и их должностных лиц с представителями общественности и его эффективного функционирования необходимо как можно более открыто, конструктивно и своевременно заявлять о принимаемых решениях, выкладывать в открытый доступ развернутые отчеты о ходе своей функциональной деятельности, выпускать средства массовой информации, доступные широкой публике, создавать сайт конкретного структурного ведомства и отслеживать работу ресурса с учетом постоянного обновления данных [3].

Одним из самых актуальных вопросов, связанных с использованием информационных технологий в государственном управлении, выступает информационная структура. Являясь фундаментом всей системы государственного управления, она оказывает непосредственное воздействие на состояние субъектно-объектного состава, полноценную реализацию базовых функций, выбор наиболее оптимальных форм и конкретных методов по установлению связей с населением. Отметим, что под субъектом управления целесообразно понимать социальную общность, обладающую четкой структурой, которая выполняет определенные функции по руководству и воздействию на объект для перевода его в качественно новое состояние. При этом субъект использует поступающую в распоряжение информацию в качестве основного ресурса управленческого

воздействия. Что касается объекта управления, то он представляет собой структурированную социальную общность, которая по аналогии с субъектом оперирует информацией, прежде всего, социального характера, которая доступна широкой общественности. При этом объект осуществляет свою функциональную деятельность под направляющим воздействием субъекта, что необходимо для достижения общих целей.

Н.Ю. Сокол, рассматривая информационную структуру, сложившуюся в Российской Федерации на современном этапе, выделяет в ней ряд неотъемлемых элементов, среди которых особого внимания заслуживают следующие [7]:

- ◆ информация;
- ◆ информационные ресурсы;
- ◆ программные средства вычислительной и телекоммуникационной техники;
- ◆ информационные сети и системы;
- ◆ банки и базы данных;
- ◆ интеллектуальные информационные технологии;
- ◆ персонал, который способен обеспечить их создание и нормальное использование.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, касающиеся PR-деятельности в анализируемом сегменте. М.А. Гусева достаточно подробно рассматривает сущностно-содержательную характеристику PR-деятельности в государственном управлении с позиции раскрытия базовых направлений, ключевых целей и основополагающих задач [5]. Так, среди приоритетных направлений PR-деятельности во властных структурах можно выделить следующие:

- ◆ установление и поддержание плотных взаимоотношений с физическими и юридическими лицами;
- ◆ оповещение социума о принимаемых решениях;
- ◆ изучение общественного мнения;
- ◆ анализ реакции общества на конкретные действия органов власти, их структурных подразделений и должностных лиц;
- ◆ прогнозирование общественно-политического процесса.

Для того, чтобы указанные направления были реализованы максимально полно и с наибольшей эффективностью, целесообразно установить тесные коммуникационные контакты с различными социальными группами и их отдельными представителями, организациями различной организационно-правовой формы собственности и представителями четвертой ветви власти — средствами массовой информации. Надо сказать, что последнему субъекту принадлежит особая роль в установлении отношений между обществом и государством позитивного характера.

Кроме этого, в целях формирования более полной картины, происходящей в сегменте государственного управления, в обязательном порядке нужно сформулировать глобальные цели PR-деятельности, адекватные современным условиям. Среди них особого внимания заслуживают следующие:

- ◆ обеспечение руководящего состава адекватной информацией о текущем состоянии общественного мнения;
- ◆ формирование позитивного имиджа государства и его органов внутри страны и за ее пределами;
- ◆ освещение деятельности государственных органов;
- ◆ оказание непосредственного влияния на ход проведения внутренней политики Российской Федерации и международные отношения;
- ◆ проведение научно-практических исследований и сбор статистических данных по самым актуальным вопросам политического характера.

Кстати, О.Р. Тапсиева в качестве базовой цели использования информационных технологий в деятельности государственных органов управления называет повышение эффективности механизмов государственного управления. При этом данный целевой ориентир достигается за счет создания общей информационно-технологической инфраструктуры, которая включает государственные информационные системы, ресурсы, а также средства, обеспечивающие их стабильное функционирование, беспрепятственное взаимодействие между собой, с населением и с организациями в контексте оказания общественных услуг [8].

Для достижения глобальных целей требуется сформулировать основополагающие задачи перед структурными подразделениями государственных органов, ответственных за связи с общественностью. Выглядеть они могут примерно следующим образом:

- ◆ детальное исследование области общественного мнения различных социальных групп, на основе чего проводится дифференциация ожиданий данных групп от деятельности властных структур;
- ◆ выявление топовых направлений в области развития общественного мнения;
- ◆ формирование практических рекомендаций для руководителей государственных структур и реализация комплекса мероприятий, направленного на удовлетворение наиболее значимых ожиданий со стороны общественных кругов, осуществляемого в целях оказания влияния на позитивную динамику общественных настроений;
- ◆ предотвращение возможных конфликтов и недопонимания в работе с общественностью либо при их наступлении минимизации негативных последствий;

- ◆ установление и поддержание обратной связи с разными общественными группами и их лидерами;
- ◆ качественное улучшение производственных отношений и создание общей атмосферы доброжелательности внутри органов государственной власти;
- ◆ реклама услуг, предоставляемых государственными организациями;
- ◆ существенное повышение эффективности работы государственных структур;
- ◆ создание положительного образа государственной службы и институтов в сознании широкой общественности.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что реализация PR-деятельности в сегменте государственного управления является свидетельством рациональной и оптимизированной деятельности госоргана государственной при реализации конкретных целей.

Необходимо отметить, что основными средствами PR-деятельности, используемыми на современном этапе, выступают открытое общение посредством установления личных контактов или при помощи средств массовой информации, а также организация научных исследований. При этом специалистам по связям с общественностью свойственна двойственная роль. Так, с одной стороны, они выступают советниками руководителей организаций, с другой, посредниками, которые помогают руководителям перевести личные цели и задачи организации в разумную и приемлемую для общественности политику. Все это способствует гармонизации государственной, частной и общественной деятельности.

Надо иметь в виду, что информационные и PR-технологии, активно используемые в сфере государственного управления, характеризуются определенными специфическими особенностями по сравнению с теми инструментами, которые применяются в коммерческом сегменте. В целом их наличие обусловлено характером выполняемой деятельности, приоритетом общественно значимых направлений развития, задач, функций и широкого масштаба согласования интересов различных групп. В государственном секторе они, как правило, носят внеэкономический характер. Что касается PR, организуемого на уровне предпринимательских структур, то в коммерческой сфере он всегда прямо или косвенно ориентирован на получение прибыли и ее максимизацию.

Это проявляется, как правило, в обширной социальной базе, то есть в охвате всех социальных групп конкретной территории. Это, в свою очередь, требует

от сотрудников, непосредственно отвечающих за связи с общественностью и их качественные характеристики, особой квалификации.

Большого внимания заслуживает тот факт, что в государственном сегменте связи с общественностью являются более определенными и носят формальный характер. При этом они регулируются соответствующими нормативно-правовыми документами и обязательны к исполнению всеми субъектами [1].

Кроме того, отличия наблюдаются в воздействии внешнего окружения в коммерческом и государственном PR. В первом случае решения, принимаемые в корпоративном секторе, редко освящаются и передаются на обозрение широкой общественности. Более того, средства массовой информации оказывают не такое сильное влияние на принятие коммерческих решений. В последнем случае важное значение приобретает стиль отношений, возникающих с социальными группами и средствами массовых коммуникаций, обоснованный выраженным стремлением общества посредством средств массовой информации знать все, что имеет место быть в институтах государственной власти [9].

Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось установить тот факт, что применение информационных технологий в государственном управлении имеет колоссальное значение для всей деятельности данных структур. Без их применения трудно представить принятие надежных и обоснованных решений в политике, бизнесе, науке и других сферах жизни государства и общества.

Однако для того, чтобы имеющийся потенциал был использован максимально полно, требуется устранить разрозненность государственных информационных ресурсов, предоставить возможность сопоставлять данные, которые содержатся в них, а также избавиться от существенного дублирования имеющихся сведений. Помимо прочего, необходимо в обязательном порядке обеспечить полноту, достоверность, актуальность и доступность официальной информации в электронном виде. Этого возможно добиться посредством модернизации используемых в настоящий момент механизмов официального опубликования нормативно-правовых документов и интеграции систем информационно-правового обеспечения властных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борнин А.И. Особенности PR-технологий в государственном и муниципальном управлении // Современные научные исследования и инновации. № 11. 2016.
2. Гагарина Л.Г. Информационные технологии управления и автоматизированные системы в экономике: Курс лекций: В 2-х ч. — М.: МИЭТ, 2008
3. Гришин П.Д., Миронов А.А. Теоретические основы внедрения информационных технологий управления в государственном управлении // Материалы Ивановских чтений. № 1–1 (10). 2017.
4. Гусева М.А. Специфика PR-деятельности органов государственной власти в Российской Федерации // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: материалы Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 22 марта 2017 г.
5. Дементьев А.О. Информационные технологии в государственном управлении // Вопросы современной науки и практики. Том 2. № 4(14). 2008.
6. Круглова О.В. Информационные технологии в управлении: учебное пособие. — Дзержинск: изд-во «Конкорд», 2016.
7. Сокол Н.Ю. Современные информационные технологии в государственном муниципальном управлении // Материалы международной научно-практической конференции. 2015.
8. Тапсиева О.Р. Современное развитие информационных технологий в государственном управлении // Научные исследования и разработки молодых ученых: материалы Международной научно-практической конференции. — Новосибирск, 10 марта — 7 апреля 2017 г.
9. Цыренова А.А., Шаралдаева И.А. Использование информационных технологий в государственном управлении в регионах // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. № 1(40). 2013.

© Автономова Светлана Алексеевна (avtonomova1@yandex.ru), Зотова Анастасия Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТУРИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Айрапетян Венера Грачиковна

Доцент, Сочинский государственный университет
venusar@mail.ru

DIGITALIZATION OF TOURISM: MODERN TRENDS AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

V. Ayrapetyan

Summary. In recent years, the tourism industry has undergone dramatic changes associated with global digitalization processes, generational change, and the impact of the COVID-19 pandemic on tourism. New challenges require new, promising solutions to the problems of further development of the tourism industry. The fourth industrial revolution was the technological driver that is fundamentally changing modern tourism. The article considers digital technologies used in the field of tourism and shows the directions of their use. Attention is paid to providing the tourism industry with professional personnel with digital competencies.

Keywords: tourism, digitalization, digital tourism, digital technologies, digital tourists, trends.

Аннотация. В последние годы в индустрии туризма происходят кардинальные изменения, связанные с глобальными процессами цифровизации, сменой поколений, влиянием на туризм пандемии COVID-19. Новые вызовы требуют новых, перспективных решений проблем дальнейшего развития туристической отрасли. Четвертая промышленная революция явилась тем технологическим драйвером, которая кардинально изменяет современный туризм. В статье рассмотрены цифровые технологии, применяемые в сфере туризма, и показаны направления их использования. Обращено внимание на обеспечение туристской индустрии профессиональными кадрами, владеющими цифровыми компетенциями.

Ключевые слова: туризм, цифровизация, digital-туризм, цифровые технологии, цифровые туристы, тенденции.

Глобальным трендом мировой экономики является цифровизация, которая проникает во все сферы человеческой деятельности. Пандемия COVID-19 послужила драйвером ускорения внедрения цифровых технологий в связи с массовым переходом на удаленный дистанционный режим работы многих организаций, включая предприятия индустрии туризма.

Исследования, посвященные синергии информационных технологий и туризма, постоянно расширяются. Так, следует отметить работы авторов — Н.А. Восколович, М.Д. Предводителевой, О.Н. Балаевой, С.П. Казакова, Е.Е. Коноваловой и А.А. Силаевой, И.С. Михиной и Е.Г. Ляшенко. Среди зарубежных исследователей — R. Baggio, R. Law, R. Schegg, L. Cantoni, F. Ricci, R. Egger, E. Parra-Lopez. Однако, один из наиболее цитируемых — профессор D. Buhalis. Ещё в далёком 1994 году автором была опубликована работа, рассматривающая

информационно-коммуникационные технологии как стратегический инструмент развития туризма.

В нынешних условиях следует учитывать, что негативные последствия COVID-19 распространяются на все сферы общества, включая туристическую отрасль. До 2020 года экономические прогнозы развития туристической индустрии в мире были весьма уверенными, но период пандемии серьезно обострил экономические, экологические, культурные проблемы в этой сфере. Под угрозой оказалась и реализация выработанной Всемирной Туристской Организацией (UNWTO, United Nations World Tourism Organization) стратегии устойчивого развития до 2030 года. В этой связи в середине 2020 года ООН подготовила проект «Концептуальная записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма», в котором обозначила несколько приоритетных задач для преодоления кризиса туристической индустрии [1]:

- ◆ смягчение социально-экономических последствий;
- ◆ поддержание конкурентоспособности отрасли;
- ◆ цифровизация туризма;
- ◆ обеспечение устойчивого и «зеленого» туризма;
- ◆ развитие партнерства.

Развитие digital-туризма в условиях социальной неопределенности представляется в качестве вынужденной меры для восстановления туристической отрасли. Очевидно, пандемия ускорила процессы цифровизации. Так, если в период «до-COVID-19» процесс цифровизации туризма предполагал довольно медленное внедрение технологий как дополнительных инструментов, то состояние института туризма «во время-COVID-19» требует максимального использования сетевых, информационных технологий и инновационных решений на всех этапах организации туристической деятельности. В этой связи возникает потребность формирования digital-установок и навыков у разных групп населения для преодоления «цифрового разрыва» [1].

Еще до пандемии COVID-19 туризм претерпел изменения в связи с объективно происходящей цифровизацией общества, востребованной временем. Как показал опрос туристических компаний Германии в 2019 году, первое место в тройке лидирующих тенденций развития туризма до 2030 года будет занимать возрастающее количество цифровых информационных и коммуникационных технологий в этой сфере [6]. И действительно, в последнее время уже привычными для путешествия стали онлайн-бронирование, использование приложений и интернет ресурсов для планирования поездок или обращение к цифровым услугам мобильности на месте отдыха (прокат велосипедов, авто и т.п.). Например, уже к началу 2020 года, большинство желающих путешествовать немецких граждан (68%) получают предварительную информацию до бронирования только в Интернете [7], а формирование идеи каждого четвертого путешествия начинается с поиска информации на онлайн-ресурсах [8]. К 2021 году наблюдается падение показателей туристского спроса, что связано, прежде всего, с динамичным распространением COVID-19. Однако доля туристов, выбирающих онлайн-планирование и бронирование путешествия, среди тех, кто все-таки путешествует, сохраняется на уровне большинства.

Во многом благодаря новым вызовам, можно предполагать, что развитие современного туризма уже не ограничится только цифровыми приложениями и информационными онлайн-ресурсами. Об этом свидетельствуют сформированные установки путешественников и их готовность к использованию таких

новых цифровых продуктов туристической отрасли, как: цифровой отель, цифровая экосистема, цифровые активности и развлечения и т.п.

К ключевым факторам, влияющими на туристскую индустрию, являются следующие [5]:

- ◆ цифровизация основных бизнес-процессов в туризме;
- ◆ смена поколений и формирование нового типа цифровых туристов;
- ◆ формирование экономик нового типа Sharing Economy, экономики впечатлений;
- ◆ возможность удаленного доступа к услугам (онлайн турагентства);
- ◆ персонализация услуг для туристов.

К основным цифровым технологиям, которые начали применяться в туристской и гостиничной индустрии, относятся технологии больших данных (Big Data), блокчейн (blockchain), искусственный интеллект (AI), Интернет вещей (Internet of Things — IoT), виртуальная (VR) и дополненная (AR) реальность, мобильные приложения и т.д.

Технологии обработки больших данных (Big Data) применяются для того, чтобы получить полную и исчерпывающую информацию о путешественниках с точки зрения их предпочтений, будущих намерений и желаний, что позволит обеспечить персонализацию обслуживания туристов. Анализ поисковых запросов и информации из социальных сетей позволяет изучить опыт потенциальных потребителей, правильно выстроить маркетинговые стратегии работы с целевой аудиторией, сформировать основу для персонализации предложений. С учетом возможностей искусственного интеллекта появляется возможность моделировать и прогнозировать потребности туристов. Это позволяет создавать туристские продукты, максимально соответствующие пожеланиям и потребностям путешественников. По данным портала Booking.com, треть аудитории мировых путешественников готова воспользоваться помощью искусственного интеллекта при планировании туристских поездок.

Использование технологии больших данных применимо и на региональном уровне управления туристскими дестинациями с целью всестороннего анализа туристских ресурсов и оценки туристского потенциала дестинации. Например, цифровые сервисы Мегафона на основе больших данных о перемещении абонентов сотовой связи могут получать принципиально новые знания о том, откуда приехали туристы, где остановились, какие туристские достопримечательности посетили, как долго пробыли на территории дестинации и тому подобную информацию.

Многие национальные туристские администрации обратили внимание на возможность применения результатов обработки больших данных в целях планирования и стратегического развития туризма. Так, Национальный совет по туризму Катара заключил договор с компанией Vodafone Qatar об использовании их сервисов по обработке больших данных для анализа поведенческих моделей путешественников с целью более глубокого их изучения. Предполагается изучение основных тенденций в потребностях туристов с учетом национальности и целей путешественников, что позволит выявить самые посещаемые туристские места с учетом сезонного спроса, оценить наиболее востребованные туристские маршруты, определить время, затрачиваемое на осмотр достопримечательностей [2]. Полученная информация позволит более точно сегментировать туристские потоки, приезжающие в Катар, диверсифицировать предлагаемые туристские продукты, повысить уровень персонализации туристских предложений, улучшить маркетинговую и рекламную стратегию продвижения страны на мировом туристическом рынке.

Аналогичные примеры есть в практике российского туризма. Правительство Пермского края заключило соглашение с Мегафоном об использовании технологии Big Data для изучения туристских потоков региона [4]. Информационную базу исследования составят обезличенные данные сотовых операторов о поле, возрасте приезжающих в Пермский край путешественников, их предпочтениях, сроке пребывания в дестинации, посещаемых туристских местах и т.п. Вся эта информация послужит основой для создания научно-обоснованных и статистически выверенных стратегических планов развития туристской деятельности в этом регионе.

Компания «Русатом: инфраструктурные решения», входящая в госкорпорацию Росатом, также подключилась к решению проблемы использования технологии Big Data в сфере туризма. На основе данных о поведении пользователей в цифровой среде, включая отзывы на сайтах и форумах, поведение в поисковых сервисах и социальных сетях, связанное с туризмом, собираются большие массивы информации, которые после аналитической обработки предоставляют регионам уникальную информацию для разработки стратегий развития регионального туризма [5]. Совместные проекты уже реализованы в Нижегородской области (Саров), Ставропольском крае (Железноводск), Мурманске, Томске.

Блокчейн представляет собой децентрализованную систему транзакций, которая контролируется каждым элементом сети; за счет этого обеспечивается достоверность данных и невозможность их несанкционированного изменения. Именно высокий уровень надежности данных и практически невозможность со-

вершения мошеннических действий с информацией при использовании технологии блокчейн является ее основным конкурентным преимуществом. Технология блокчейн выступает в качестве технологической платформы для обмена данными в туристской индустрии. Примером является цифровая платформа TravelChain, которая обеспечивает сбор информации о туристах и разработку персонализированных предложений для них, при этом пользователи получают вознаграждение за предоставление данных и просмотр адресных сообщений. Возможности технологии блокчейн с ее распределенной системой обработки данных могут служить основой для реализации моделей динамического формирования туристских продуктов и ценообразования, в рамках которой по желанию заказчика в режиме реального времени можно составлять различные комбинации туристского продукта.

Цифровизация приводит к формированию новых экономических отношений между всеми участниками туристского рынка. В качестве примера можно привести цифровую платформу WindingTree, основанную на блокчейн-технологии, которая реализует процесс взаимодействия экономических субъектов туристского рынка без участия традиционных посредников. За счет отказа от комиссии дополнительным посредникам снижаются затраты и, как следствие, удешевляется конечный туристский продукт. Цифровую платформу WindingTree успешно применяет авиакомпания Lufthansa. Аналогичные блокчейн-инструменты применяются в аэропорту Дубай (ОАЭ), в транспортной системе Японии и Южной Кореи и др.

Технологии «интернета вещей» широко применяются в индустрии гостеприимства для создания комфортной среды в номере, позволяет гостю самостоятельно устанавливать температурный режим, уровень освещения, управлять отдельными устройствами в номере и т.п.

Технологии виртуальной и дополненной реальности используются как инновационный инструмент при продвижении туристских продуктов и услуг, позволяющих продемонстрировать виртуальное путешествие, организации и проведении экскурсий и т.п.

Мобильные приложения стали неотъемлемым атрибутом путешественников, предоставляют им разнообразные цифровые сервисы, включая бронирование услуг, получение справочной информации и т.п.

Уровень цифровизации в туризме непосредственно зависит от наличия цифровых компетенций у работников предприятия туристской индустрии. Высокая технологичность основных бизнес-процессов в туризме влечет за собой необходимость постоянного повыше-

ния квалификации персонала, в связи с чем востребовано так называемое непрерывное обучение в течение всей жизни (lifelong learning).

Цифровизация бизнес-процессов в туризме особенно важна с точки зрения формирования цифровой конкурентоспособности, которая определяется уровнем и эффективностью внедрения цифровых технологий [3]. Основным компонентом при создании туристских продуктов является информационное сопровождение, которое необходимо обеспечить туристу. Результатом туристской деятельности опять же является информация и впечатления, которые турист получает в процессе своего путешествия.

Подводя итог, обозначим два основных вектора развития современного туризма. Во-первых, основная тенденция, с учетом объективных условий и состояний общества — это цифровизация всех этапов путешествия. Во-вторых, можно предполагать также, что состояние туризма в «посткоронавирусный период» будет характеризоваться развитием прежних трендов в этой сфере, но на ином уровне. Так, благодаря активным процессам и сформировавшимся цифровым ожиданиям путешественников совершенно очевидно, что развитие массового туризма и индивидуально ориентированных путешествий, ответственного и экологичного туризма будет происходить уже в цифровой инфраструктуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концептуальная записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма. Август 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_covid19_and_transforming_tourism_russian.pdf (дата обращения: 11.06.2021).
2. Катар и Vodafone внедряют технологии big data для развития туризма // Welcome Times. URL: <https://welcometimes.ru/news/katar-i-vodafone-vnedryayut-tehnologii-big-data-dlya-razvitiya-turizma> (дата обращения: 18.06.2021).
3. Морозов М.А., Морозов М.М. Цифровые коммуникации как инструмент формирования единого информационного пространства в туризме // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 2. С. 69–72.
4. Туристический потенциал Прикамья изучат с помощью Big Data МераФона // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4253057> (дата обращения: 18.06.2021).
5. Цифровые решения помогают регионам выстраивать эффективную стратегию развития туризма // Comnews: новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. URL: <https://www.comnews.ru/content/209311/2020-09-28/2020-w40/cifrovye-resheniya-pomogayutregionam-vystrivat-effektivnyuyu-strategiyu-razvitiya-turizma> (дата обращения: 18.06.2021).
6. Was sind Ihrer Meinung nach die drei wichtigsten Trendthemen, die die Entwicklung des Tourismus bis zum Jahr 2030 bestimmen werden? [Electronic resource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1122657/umfrage/tourismus-trendthemenin-deutschland-bis-2030/> (date of access: 20.08.2021).
7. Rohleder B. Digitaler Tourismus 2020: So smart reisen die Deutschen. [Electronic resource]. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2020-03/bitkompräsentation_tourismus2020.pdf (date of access: 20.08.2021).
8. Wagner R. Digitalisierung im tourismus: alle achtung, die reisebranche ist gut gerüstet! [Electronic resource]. URL: <https://intelligente-welt.de/digitalisierung-imtourismus-alle-achtung-die-reisebranche-ist-gut-geruestet/> (date of access: 20.08.2021).

© Айрапетян Венера Грачиговна (venusar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРОВ И УПОЛНОМОЧЕННОГО ОРГАНА ПО ДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ¹

CLAIMS OF CREDITORS AND THE AUTHORIZED BODY FOR MONETARY OBLIGATIONS IN BANKRUPTCY CASES: PROBLEMATIC ASPECTS OF REGULATION AND PRACTICE

**A. Akulov
D. Ryakhovsky**

In the current economic circumstances of management, when resolving disputes in the framework of bankruptcy cases of legal entities, the task of improving the mechanisms for protecting state interests on the part of the authorized body represented by the Federal Tax Service of Russia become actual, and, on the other hand, the state is obliged to create conditions for ensuring a balance of interests of various subjects. In this regard, works on the study of the economic and legal nature of the monetary claims of various creditors, including the claims of the authorized body, become in demand. The article discusses the features of the formation and the order (procedure) of satisfaction of various monetary claims of creditors; a grouping of creditors' monetary claims was made according to the main classification features that are important for decision-making in the framework of a bankruptcy case and in the implementation of procedures used in bankruptcy cases; the place of claims of the authorized body in the system of monetary claims of creditors and the actual problems of resolving disputes to satisfy them are shown. Based on a generalization of current changes in legal acts and modern judicial practice, trends in resolving disputes on various complex aspects of establishing and satisfying monetary claims of creditors, including the authorized body, are shown. The research was carried out in order to identify the most important problems in the formation, consolidation by category and ranking of creditors' claims, including the claims of the authorized body, in cases of bankruptcy of legal entities and to develop recommendations aimed at improving the quality of the formation of the system of creditors' claims and optimization the procedure for satisfying the creditors' claims, including tax ones.

Keywords: bankruptcy, authorized body, creditors' claims, debtor, taxes.

Акулов Андрей Яковлевич

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
Kfba_jeay@mail.ru*

Ряховский Дмитрий Иванович

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
Dlryahovskiy@fa.ru*

Аннотация. В современных экономических условиях хозяйствования при разрешении споров в рамках дел о банкротстве юридических лиц актуализируется задача совершенствования механизмов защиты государственных интересов со стороны уполномоченного органа в лице ФНС России, а, с другой стороны, государство обязано создать условия для обеспечения баланса интересов различных субъектов. В этой связи становятся востребованными работы по исследованию экономико-правовой природы денежных требований различных кредиторов, в том числе требований уполномоченного органа. В статье рассматриваются особенности формирования и порядка погашения различных денежных требований кредиторов; произведена группировка денежных требований кредиторов по основным классификационным признакам, имеющим значение для принятия решений в рамках дела о банкротстве и при реализации процедур, применяемых в делах о банкротстве; показано место требований уполномоченного органа в системе денежных требований кредиторов и актуальные проблемы разрешения споров по их удовлетворению. На основе обобщения актуальных изменений правовых актов и современной судебной практики показаны тенденции в разрешении споров по различным сложным аспектам установления и погашения денежных требований кредиторов, в том числе уполномоченного органа. Работа выполнена с целью выявления наиболее важных проблем в формировании, консолидации по категориям и ранжировании требований кредиторов, в том числе требований уполномоченного органа, в делах о банкротстве юридических лиц и выработки рекомендаций, направленных на повышение качества формирования системы требований кредиторов и оптимизацию порядка удовлетворения требований кредиторов, в том числе налоговых.

Ключевые слова: банкротство, уполномоченный орган, требования кредиторов, должник, налоги.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета

Введение

Федеральная налоговая служба России (ФНС России) является уполномоченным органом по представлению интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве юридических лиц и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве. Статус уполномоченного (налогового) органа предполагает представление интересов по налоговым платежам и иным публичным требованиям. Компетенция ФНС России как уполномоченного органа в делах о банкротстве раскрывается через понятия «обязательный платёж» и «уполномоченный орган», закреплённые в ст. 2 Закона о банкротстве [1] и в положениях Постановления Правительства Российской Федерации от 29.05.2004 года № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и процедурах банкротства» [2].

Вопросам исследования экономико-правовой природы требований кредиторов и кредиторской задолженности в рамках процедуры банкротства юридического лица, а также порядка удовлетворения требований кредиторов в процедурах, применяемых в делах о банкротстве, посвящены труды многих учёных в области права [3, 4, 5 и др.], экономики [6 и др.] и антикризисного управления [7 и др.].

Вместе с тем, исследований, в которых бы раскрывались и решались проблемы формирования, консолидации и ранжирования требований кредиторов в контексте современных динамичных изменений законодательства и актуальной судебной практики, недостаточно. Поэтому исследование вопросов природы требований кредиторов, в том числе требований уполномоченного органа, в делах о банкротстве, порядка их установления, группировки по различным классификационным признакам и определения очерёдности имеет повышенную актуальность и значимость для обеспечения баланса государственных и частных интересов в процедурах, применяемых в делах о банкротстве и повышения эффективности реализации процедур, применяемых в делах о банкротстве.

В последние годы проявляется тенденция в развитии законодательства о банкротстве и арбитражной практике по делам о банкротстве в расширении преференций ФНС России как кредитора по налоговым обязательствам. Например, возможность получения индивидуального удовлетворения требований по оплате налогов и сборов от третьего лица, увеличение допустимого для налогового органа срока для предъявления требований к банкроту (шесть месяцев вместо двух), возможность взыскания непогашенной недоимки по налогам и сборам с контролирующих должника

лиц за пределами банкротства, допустимость предъявления прогнозируемых, но не доказанных требований до завершения мероприятия налогового контроля, планируемые законодательные поправки о налоговом залоге (возникновении у ФНС России залоговых прав в отношении арестованного в рамках взыскания недоимки имущества банкрота). При этом, если каждое изменение в отдельности не обеспечивает преимущества налогового кредитора относительно частных кредиторов, то в их совокупности такой тренд наблюдается, что упрощает задачи удовлетворения налоговых требований в частности и пополнения бюджета РФ в целом.

Основным показателем эффективности функционирования института банкротства является степень удовлетворения включённых в реестр требований кредиторов. По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве степень удовлетворения требований кредиторов в последние годы находилась на крайне низком уровне и сократилась с 6,3 коп. с одного рубля требований в 2015 г., до 3,5 коп. в 2021 г., или на 44% [8]. В этой связи важным вопросом, определяющим шансы кредиторов на возврат долга со стороны несостоятельной организации, является очерёдность удовлетворения требований, поскольку при устоявшейся статистике ничтожно малой степени удовлетворения задолженности по реестру требований кредиторов, имеется разная вероятность погашения кредиторской задолженности в зависимости от её вида и статуса.

Данное обстоятельство связано с необходимостью в рамках процедуры банкротства должника учитывать, консолидировать и ранжировать требования кредиторов по различным классификационным признакам. Кроме того, группировка требований кредиторов необходима и возможна в связи с тем, что несмотря на формальное равенство всех кредиторов должника в условиях его банкротства, являющееся краеугольным камнем банкротного законодательства, обеспечить такое абсолютное равенство всех кредиторов невозможно по объективным причинам в связи с необходимостью соблюдения приоритетных прав отдельных кредиторов, например, в случае причинения вреда жизни и здоровью, или, наоборот, понижение требований отдельных кредиторов в случае установления фактической и/или фактической аффилированности кредиторов, или в связи с разными сроками возникновения: до возбуждения дела о банкротстве организации или после этого срока. В этой связи учёные в области права [3] предложили модель группировки кредиторов, основанную на иерархии девяти групп кредиторов: привилегированных; конкурсных кредиторов; уполномоченных органов; внеочередных (текущих); обеспеченных; зареестровых; субординированных; кредиторов мора-

Таблица 1. Группировка требований кредиторов по денежным обязательствам к должнику в процедурах, применяемых в делах о банкротстве

Классификационный признак	Виды требований кредиторов по денежным обязательствам
По источнику образования обязательства	Публичные требования (налоговые требования — задолженность по обязательным платежам (налогам, сборам и пр.) и прочие публичные требования), частные требования
По групповой очередности удовлетворения	Реестровые, текущие, зарегистрированные
По внутригрупповой очередности удовлетворения	Первой очереди, второй и т.д. очереди
По экономико-правовой природе обязательств	Реальные, фиктивные
По взаимосвязи с должником	Независимые, аффилированные
По обеспеченности обязательства залогом	Залоговые, не залоговые (обычные)
По содержанию	Требования по основному долгу и требования по санкциям, договорные и недоговорные и пр.
По результатам процедуры банкротства	Погашенные, прекращённые (списанные)

торных должников; кредиторов граждан-должников, признаваемых банкротами во внесудебном порядке по правилам § 5. «Внесудебное банкротство гражданина главы X. Закона о банкротстве.

С другой стороны, продолжает оставаться дискуссионным вопрос как в российской, так и зарубежной практике, о необходимости предоставления налоговым требованиям более высокой степени в иерархии относительно других кредиторов. Так, сторонники концепции «государство — невольный кредитор несостоятельного должника» («involuntary creditor»), указывают на то, что налоговые кредиторы не являются добровольными кредиторами, поэтому не могут обеспечить надлежащие гарантии своих требований и их следует исключить из принципа равного обращения с другими кредиторами. Противники данной концепции считают, что приоритет удовлетворения налоговых требований может лишить шансов частных кредиторов на удовлетворение своих требований, что может привести кредиторов к серьёзным финансовым проблемам в бизнесе и, соответственно, лишит бюджеты разного уровня налоговых поступлений [4]. Кроме того, уполномоченный орган имеет возможность осуществлять мониторинг финансового состояния компаний и своевременно применять меры по недопущению накопления долгов, а государство, в свою очередь, может диверсифицировать свои риски среди всех налогоплательщиков за счёт использования средств материальной налоговой политики.

Для получения комплексного представления о денежных требованиях кредиторов, сопровождающих весь процесс судопроизводства по банкротству должника, возникает необходимость в их группировке по определённым классификационным признакам, имеющим значение для принятия решений в рамках дела о банкротстве и при реализации процедур, применяемых в делах о банкротстве.

С позиции синтеза теоретических подходов и анализа судебной практики можно выделить несколько групп денежных требований кредиторов (включая требования уполномоченных органов) по наиболее существенным признакам (табл. 1).

По источникам образования следует выделить публичные требования, которые включают задолженность по обязательным платежам (налогам, сборам и пр.) и объединяются в понятие «налоговые требования», а также прочие публичные требования, например, государственные контракты и государственные гарантии. Уполномоченный орган в лице ФНС представляет в делах о банкротстве налоговые требования и иные публичные требования, несмотря на их существенное отличие от природы обязательных платежей. Исходя из понятия «уполномоченный орган» законодательство [1, 2] устанавливает представление уполномоченным органом в лице ФНС России в делах о банкротстве и в процедурах, применяемых в делах о банкротстве, денежные требования Российской Федерации независимо от их правовой природы. Например, в деле о банкротстве № А36–3505/2012 уполномоченный орган представлял интересы Российской Федерации по исполненной государственной гарантии, обеспеченной залогом имущества должника.

В свою очередь, налоговые требования в делах о банкротстве различаются по срокам исполнения и по порядку обеспечения применительно ко всем видам налогов, действующих на территории Российской Федерации (НДС, налог на прибыль организаций, НДФЛ, налог на имущество организаций, транспортный налог, земельный налог, НДСП и др., а также специальные налоговые режимы: УСН, ЕНВД и т.д.).

В целях справедливого и пропорционального распределения средств, полученных в результате реализации конкурсной массы, кредиторы банкрота получают

удовлетворение своих требований в определенной очередности, что позволяет сгруппировать требования кредиторов, в том числе требования уполномоченного органа, **по групповой очерёдности** удовлетворения на текущие требования, требования по реестру кредиторов и зарегистрированные требования. Текущие требования, возникшие у должника после возбуждения дела о его банкротстве, признаются первыми и удовлетворяются в установленной Законом о банкротстве очерёдности; на втором этапе удовлетворяются в определённой очерёдности требования, заявленные в ограниченный законодательством о банкротстве период времени и включённые в реестр требований кредиторов; на третьем этапе подлежат удовлетворению опоздавшие кредиторы, а также бенефициары и аффилированные с ними лица, если обстоятельства возникновения их требований свидетельствуют об их недобросовестности. Каждая из категорий кредиторов удовлетворяется только после удовлетворения предшествующей, исходя из принципа: требования, возникшие после возбуждения дела о банкротстве должника, опережают ранее сформировавшуюся долговую нагрузку должника в очерёдности удовлетворения. При этом и **внутри каждой из категорий** есть определённая очерёдность погашения требований. Так, последовательность удовлетворения зарегистрированных требований образует следующую вертикаль: в первую очередь удовлетворяются требования граждан, перед которыми должник несёт ответственность за причинение вреда жизни или здоровью; во вторую очередь требования лиц, работающих или работавших по трудовому договору по выплате выходных пособий и (или) оплате труда, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности; в третью очередь включаются требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов.

Результаты функционирования института банкротства в России свидетельствуют о высокой доле дел о банкротстве, по итогам которых кредиторы не получили ни копейки по своим требованиям, несмотря на устойчивую благоприятную тенденцию снижения значения данного показателя: если в 2015 году данный показатель зафиксирован на уровне 68,7%, то последующие годы продемонстрировали постепенное сокращение удельного веса таких дел о банкротстве и в 2021 году показатель уменьшился до 58,4% [9]. Вместе с тем, как показано выше, уровень показателя степени удовлетворения требований кредиторов имеет обратную тенденцию и за этот же период снизился с 6,3% до 3,5%.

Таким образом, сложившаяся очерёдность и результативность удовлетворения требований кредиторов показывает, что только текущие кредиторы

могут рассчитывать на полное удовлетворение требований, зарегистрированные кредиторы имеют невысокие шансы на возврат задолженности, погашение задолженности зарегистрированных кредиторов, за редким исключением, не представляется возможным.

Одним из актуальных вопросов, с которыми сталкиваются арбитражные суды, является проблема относительно очерёдности требования налогового кредитора, которые формально возникли после возбуждения дела о банкротстве, но не связанные непосредственно с производством по делу о несостоятельности или текущей деятельностью должник — банкрота.

Если должник продолжает производственную деятельность, признание его банкротом не приводит к изменению его налоговых обязанностей: должник, как и в добанкротный период, является плательщиком налога на прибыль в случае её возникновения, плательщиком налога на имущество до продажи объектов налогообложения и других налогов и обязательных платежей. Вместе с тем в Налоговый кодекс Российской Федерации с 1 января 2021 года внесены существенные изменения по уплате НДС: должник с даты признания должника банкротом освобождается от его уплаты как в случае реализации результатов текущей хозяйственной деятельности, так и в случаях реализации иного собственного имущества (подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ), однако его обязанность по п. 3 ст. 170 НК РФ восстановить сумму НДС, ранее принятую к вычету, сохраняется.

Если в отношении НДС законодательно закреплено, что компания-банкрот не является его плательщиком, то в отношении налога на прибыль должника такие нормативно установленные уточнения отсутствуют, хотя этот аспект налогового требования является дискуссионным и решение по нему формирует судебная практика. В рамках процедур, применяемых к должнику в делах о банкротстве, организация-банкрот может получить прибыль как в результате продолжения производственно-хозяйственной деятельности, так и в результате реализации имущества должника на торгах. В первом случае генерируемая прибыль должника подлежит налогообложению в обычном порядке наравне с иными хозяйствующими субъектами, а в случае возникновения прибыли в связи с обстоятельствами реализации собственного имущества должника по цене, превышающей учётную стоимость продаваемого актива, имеются споры, которые нашли разрешение через сложившуюся в последнее время судебную практику.

Так в деле о банкротстве ООО «КСК» определением суда первой инстанции от 18.04.2019 г., оставленным без изменения постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2019 г., установлено,

что налог на прибыль с проданных на торгах объектов недвижимости должника подлежит уплате в размере и сроки, установленные действующим законодательством. Постановлением суда округа от 21.10.2019 г. названные судебные акты изменены и судом кассационной инстанции указано, что уплата налога на прибыль производится за счёт оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, имущества должника. Определением Верховного суда № 303-ЭС19-10320 (2, 4) от 11.02.2020 отказано в передаче кассационных жалоб арбитражного управляющего и ИФНС по Ленинскому району г. Владивостока для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в связи с тем, что в данном конкретном случае продажа имущества должника в рамках процедуры банкротства производится для выручки средств и погашения имеющейся задолженности перед кредиторами, в связи с чем требование об уплате налога на прибыль, возникшего в связи с реализацией данного имущества, не должно удовлетворяться преимущественно перед непогашенными требованиями кредиторов третьей очереди.

Показателен пример из арбитражной практики в самом громком деле последних лет о банкротстве АО «Антипинский НПЗ», общая сумма требований к которому составила более 1 трлн. рублей. Арбитражный суд Тюменской области 27 января 2022 года удовлетворил заявление конкурсного управляющего АО «Антипинский НПЗ» о разрешении разногласий с уполномоченным органом по взысканию с АО «Антипинский НПЗ» налога на прибыль в размере 18,2 млрд. руб. по итогам продажи имущества. Противоречия между арбитражным управляющим заключались в следующем: конкурсный управляющий должника считал, что сумма налога на прибыль подлежит уплате за счёт имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, а уполномоченный орган в лице ФНС России придерживался позиции, что спорная сумма налога на прибыль подлежит отнесению к пятой очереди текущих платежей АО «Антипинский НПЗ».

Арбитражный суд пришел к выводу, что требование об уплате налога на прибыль, которая возникла в связи с реализацией имущества должника, не должно удовлетворяться преимущественно перед непогашенными требованиями кредиторов третьей очереди, поскольку данная прибыль получена формально, и уплата налога на прибыль до погашения требований кредиторов может ущемить их права. Поэтому суд определил, что уплата налога должна производиться только за счёт имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов.

Обобщение решений арбитражных судов позволяет сделать вывод, что к настоящему времени уже сложилась положительная судебная практика показывающая, что требование об уплате налога на прибыль, возникшего в связи с реализацией имущества должника, не должно удовлетворяться преимущественно перед непогашенными требованиями кредиторов третьей очереди. Данная позиция обосновывается целями реализации процедуры конкурсного производства: аккумулировать конкурсную массу организации-должника, реализовать её по максимально возможной цене и за счёт полученных от продажи имущества средств рассчитаться по требованиям кредиторов. Максимизации выручки от продажи активов банкротов способствует законодательно закреплённый механизм продажи имущества должника на публичных торгах (за исключением малоценного имущества) с предварительной оценкой рыночной стоимости имущества должника. При этом встречаются случаи, когда балансовая стоимость активов должника существенно ниже его справедливой рыночной стоимости. Отсюда цена продажи имущества в результате проведения конкурентных торгов может превышать данные налогового учёта должника, и тем самым формируется прибыль как разница между ценой приобретения и балансовой стоимостью. Формально такая прибыль образуется после даты возбуждения дела о банкротстве и поэтому требования по оплате налога на прибыль относятся к текущим платежам, которые опережают выплаты по реестру кредитов. Однако фактически полученная таким образом прибыль не является результатом успешного ведения бизнеса и налоговые требования по уплате налога на прибыль оторваны от реальных хозяйственных операций и, соответственно, противоречат целям реализации конкурсного производства.

Ещё один вывод, вытекающий из анализа судебной практики, заключается в назревшей необходимости совершенствования законодательства в области уплаты налога на прибыль после продажи имущества должника с торгов.

По экономической природе денежные требования кредиторов подразделяются на реальные и фиктивные. При установлении фиктивных требований, как правило «дружественных» кредиторов, суды отказывают во включении такой задолженности в реестр требований кредиторов. Например, в одном деле о банкротстве теплоснабжающей организации было выявлено, что должник незадолго до своего банкротства предоставил многомиллионный заём своей дочерней компании, которая, в свою очередь, в этот же день предоставила заём на такую же сумму другой аффилированной к должнику организации, после чего последняя выкупила требования независимого кредитора. Тем самым была ис-

кусственно создана крупная задолженность должника перед дружественной компанией, что позволило подготовиться к процедуре банкротства с целью проведения её под контролем в своих интересах. Однако сделки по искусственному обременению обязательств должника не всегда возможно доказать из-за их латентного характера, или применения различных схем для осложнения выявления фиктивности сделки и их вуалирование под сделки по договорам займа, цессии, аренды, комиссии, подряда и т.п. Распознавание фиктивности или искусственности денежных требований и сбор доказательств экономической направленности действий на извлечение выгоды заинтересованными лицами, для недопущения таких искусственных требований в сводный реестр требований кредиторов является важной задачей арбитражного управляющего и уполномоченного органа для подготовки возражений при рассмотрении судом вопроса о включении таких требований в реестр кредиторов. При этом часто специалисты употребляют вместо понятия «фиктивная» понятие «подконтрольная» задолженность, что позволяет суду применять повышенный стандарт доказывания.

По взаимосвязи с должником арбитражными судами выделяются денежные требования независимых кредиторов и требования аффилированных к должнику кредиторов как по формальным признакам, так и по фактическим. Продолжает развиваться судебная практика разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований аффилированных с должником лиц. Верховный суд в Обзоре судебной практики, утверждённой 29.01.2020 разъяснил судам, что, установив, при каких обстоятельствах предоставлялось финансирование, следует определить очередность удовлетворения требования контролирующего лица, а не отказывать во включении, и ввел понятие «очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты». Например, в рамках дела о банкротстве АО «ПРОГРЕСС» рассматривалось заявление АО «ОМГ» о включении задолженности в размере 45696848,91 рублей в реестр требований кредиторов должника по договору займа. Конкурсный управляющий ходатайствовал о понижении в очередности в связи с тем, что Должник и Кредитор являются аффилированными по отношению друг к другу и входят в одну группу компаний. Кроме того, сам договор займа был заключен в период имущественного кризиса заёмщика, а займодавец не принимал мер к истребованию в разумный срок задолженности, при этом заявитель не обращался в суд в исковом порядке с целью восстановления нарушенного права, что не соответствует экономической разумности.

Суд признал требования АО «ОМГ» о включении задолженности в размере 45696848,91 рублей обосо-

ванными и подлежащими удовлетворению в порядке очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (определение АС города Москвы по делу № А40–334323/19–38–419Б от 24.08.2021 г.).

Следует отметить, что зачастую аффилированность связывают с признаком фиктивности требования, однако такая взаимосвязь не является однозначной, поскольку аффилированность должна быть связана дополнительно с недобросовестными действиями взаимосвязанных сторон.

По обеспечению для решения споров в рамках дела о банкротстве имеет значение выделение требований, обеспеченных залогом и обычных требований. Выделение данной группы денежных требований кредиторов вызвана не только преимущественным положением залогового кредитора в очередности и полноты погашения задолженности, но и в разном подходе залоговых и не залоговых кредиторов к инициированию реабилитационных процедур, применяемых в делах о банкротстве. За редким исключением, кредиторы по обычным необеспеченным требованиям проявляют интерес во введении процедуры финансового оздоровления или внешнего управления, или в заключении мирового соглашения, тогда как залоговые кредиторы заинтересованы в скорейшем и наиболее полном удовлетворении требований кредитора по обеспеченным требованиям. Как правило, в качестве залогового кредитора выступают банки, которые устанавливают залоговую стоимость имущества заёмщика значительно ниже рыночной. Тем самым в ряде случаев имеют возможность распоряжаться имуществом заёмщика, стоимость которого превышает сумму полученного кредита и суммой платы за него. В этой связи в бизнес-среде в последние годы появился термин «залоговое рейдерство».

После внесения изменений в 2020 году в ст. 73 НК РФ и установления залогового статуса налогового кредитора обострился вопрос влияния введения такого статуса уполномоченного органа на соотношение прав кредиторов в делах о банкротстве и результаты процедур банкротства в целом, учитывая, что модель банкротства строится на равенстве требований частных лиц и государства. Представляется важным внести уточнение в Закон о банкротстве или Верховному суду высказать свою позицию в отношении п. 2.1 ст. 73 НК РФ применительно к делам о банкротстве. Дискуссионность этой проблеме придают имеющиеся противоречия в придании залогового статуса уполномоченному органу в делах о банкротстве: с одной стороны, такой статус уравнивает конкурсных кредиторов (залоговые требования типичны для частных кредиторов) и уполномоченного органа в случаях залога имущества долж-

ника, что позволит повысить бюджетные поступления, не прибегая к изменению очередности удовлетворения требований в делах о банкротстве; с другой стороны, отдавая предпочтение уполномоченному органу и предоставляя права залогового кредитора, законодатель и правоприменительная практика ограничит возможности остальных обычных кредиторов получить удовлетворение своих требований из конкурсной массы должника.

По результатам завершения или прекращения дела о банкротстве важно выделить категории погашенных и непогашенных (списанных) требований кредиторов. Судебная практика отождествляет списание безнадежной для взыскания задолженности по налогам и сборам с основанием прекращения налоговых обязательств (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.01.2013 № 10534/12).

Заключение

Настоящее исследование показало актуальность и значимость исследования экономико-правовой природы денежных требований различных кредиторов, в том числе требований уполномоченного органа, в целях повышения качества формирования реестра кредиторов, консолидации текущих требований и усо-

вершенствования порядка и очередности погашения накопленной задолженности.

С позиции синтеза теоретических подходов, последних изменений нормативной базы и обобщения современной судебной практики в результате исследования произведена группировка денежных требований кредиторов по классификационным признакам, имеющим существенное значение для разрешения споров в рамках дела о банкротстве и при принятии решений в процедурах, применяемых в делах о банкротстве. Представленная группировка даёт комплексное представление о сформированной системе денежных требований кредиторов, включая требования уполномоченного органа, и служит основой для активного подхода к упорядочению и селекции возникающих требований и устранению фиктивных обязательств, искусственно обременяющих пассивы должника для «размывания» конкурсной массы и получения контроля над банкротством компании. Особое внимание уделено исследованию требованиям уполномоченного органа, которое показало, что необходимо дополнительное нормативное регулирование в НК РФ об уплате налога на прибыль организации в случае её банкротства, а также нормативного урегулирования залогового статуса уполномоченного органа в делах о банкротстве должника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция)
2. Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 г. № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве»
3. Фролов И.В., Карелина С.А. К вопросу о моделях классификации кредиторов в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. — 2020. — № 6 (91). — С. 14–24
4. Извеков С.С. Критика концепции «государство — невольный кредитор несостоятельного налогоплательщика» / Финансы и управление. — 2017. - № 4. — С. 95–114.
5. Богданова Е.Е. Принцип реального исполнения обязательства в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации / Е.Е. Богданова // Законодательство и экономика. — 2019. — № 3. — С. 31–35
6. Казакова Н.А., Чикурова С.С. Внутренний аудит оценочных резервов и обязательств как метод диагностики корпоративных рисков: монография. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021.
7. Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики: монография / А.Н. Ряховская [и др.]; под ред. А.Н. Ряховской. — М.: Издательство Юрайт, 2019.
8. Статистический бюллетень ЕФРСБ — 2017, <https://fedresurs.ru/news/29f08071-a8ef-4a16-bdc2-bb7559fd1cca>-Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31 декабря 2021 года — Федресурс (дата обращения 08.02.2022)
9. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31 декабря 2021 года <https://fedresurs.ru/news/29f08071-a8ef-4a16-bdc2-bb7559fd1cca>— Федресурс (дата обращения 08.02.2022)

© Акулов Андрей Яковлевич (Kfba_jeay@mail.ru), Ряховский Дмитрий Иванович (Dtryahovskiy@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ И СОВРЕМЕННАЯ БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

PUBLIC DEBT AND MODERN BUDGETARY POLICY OF RUSSIA

**V. Borobov
Yu. Mindlin**

Summary. The scientific article reveals the essence of the state debt, the budget policy of Russia. Options for repayment of the public debt are being considered. The instruments of fiscal policy are disclosed in some detail. Promising directions of modern budgetary policy are proposed in the context of a pandemic.

Keywords: Public debt, budget deficit, fiscal policy, financial obligations, social security, public administration, national currency, subsidies, fiscal policy.

Боробов Василий Николаевич

Д.э.н., профессор, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К.И. Скрябина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
vborobov@mail.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К.И. Скрябина
mindliny@mail.ru

Аннотация. В научной статье раскрывается сущность государственного долга, бюджетной политики России. Рассматриваются варианты погашения государственного долга. Довольно подробно раскрываются инструменты налогово-бюджетной политики. Предлагаются перспективные направления современной бюджетной политики, в условиях пандемии.

Ключевые слова: Государственный долг, бюджетный дефицит, фискальная политика, финансовые обязательства, социальное обеспечение, государственное управление, национальная валюта, субсидии, налогово-бюджетная политика.

Вопрос увеличения государственной задолженности был важным фактором, лежащим в основе широко распространенного мнения о том, что среднесрочные последствия бюджетного дефицита ограничивают возможности использования фискальной политики для поддержки совокупного спроса. Какова подходящая концепция государственного долга? Следует ли принимать во внимание другие компоненты баланса государственного сектора, такие как государственный капитал и будущие пенсионные обязательства, которые не являются частью финансовых активов или обязательств Правительства?

Насколько серьезна современная ситуация с государственным долгом? Приведет ли нынешняя политика к долговому «взрыву»? Меняет ли изучение государственных нефинансовых активов и обязательств вывод, сделанный на основе анализа только долга? Насколько чувствительны перспективы долга к изменениям, влияющим на экономическую ситуацию, процентные ставки или позицию налогово-бюджетной политики?

Каковы возможные последствия высокого и/или растущего уровня государственного долга.

Два основных вопроса определения и третий, несколько менее важный, возникают при обсуждении государственного долга. Следует ли смотреть на валовой или чистый долг? Является ли долг только центрального Правительства, сектора государственного управления или государственного сектора в целом, включая государственные корпорации, наиболее актуальной концепцией? Наконец, есть ли какие-либо основания проводить различие между внешним и внутренним долгом?

Обычно обсуждаемым показателем государственного долга является валовой долг (т.е. совокупные финансовые обязательства Правительства), отражающий тот факт, что соответствующие данные более доступны и, следовательно, более широко публикуются, и что существует прямая связь между валовым долгом и уровнем платежей по обслуживанию долга — важный аспект озабоченности по поводу долга. Чистый долг (т.е. валовые финансовые обязательства (за вычетом финансовых активов) Правительства, с другой стороны, ближе к отражению совокупной суммы прошлых бюджетных дефицитов, которые представляют собой чистые заимствования правительства в каждом периоде. Различие между этими двумя концепциями лучше всего изучить,

рассмотрев природу государственных финансовых активов — разницу между валовым и чистым долгом. Они делятся на две основные категории: активы, которыми владеет Правительство в качестве финансового посредника, и фонды социального обеспечения, созданные в ожидании будущих обязательств [3].

В качестве финансового посредника Правительство заимствует средства (которые увеличивают его валовые финансовые обязательства) для предоставления кредитов как частным лицам (например, ипотечные кредиты), так и учреждениям (например, инвестиционные кредиты для регионального развития). Приобретенные таким образом финансовые активы, как правило, приносят Правительству процентный доход и должны представлять собой законное возмещение его валового долга. Однако существуют три проблемы, связанные с такими активами, которые в некоторых странах и в разной степени предполагают, что вычитание их из показателей валового долга может быть нецелесообразным. Во-первых, в некоторых случаях проценты, выплачиваемые Правительству частными лицами или учреждениями, не компенсируют собственные затраты правительства по займам. Во-вторых, если качество финансовых активов, находящихся в собственности Правительства, вызывает сомнения, то истинная стоимость активов может быть меньше их зарегистрированной стоимости. Это может иметь место в случае займов неплатежеспособным корпорациям частного сектора или некоторым государственным предприятиям. Наконец, дополнительные государственные заимствования, предпринятые для приобретения таких активов, могут создать давление на финансовые рынки, если это соответствует увеличению общего доступа частного сектора к кредитам [4].

Другая важная категория государственных финансовых активов связана со схемами социального страхования. Задействованные средства могут представлять собой буферы для ежегодных колебаний страховых взносов и расходов, например, на пособия по безработице или программы медицинского страхования. Однако основной компонент этих активов в ряде стран связан с государственными пенсионными планами, которые также предполагают значительные будущие обязательства. Валовой долг, как правило, вообще не учитывает сектор социального обеспечения, что является важным недостатком, учитывая последствия старения населения (см. Ниже). Показатели чистого долга также вводят в заблуждение, поскольку они учитывают только часть активов баланса социального обеспечения. В некоторых странах, особенно в Японии, такие цифры фактически игнорируются властями, поскольку они ожидают, что демографические изменения приведут к заметному сокращению активов социального обеспечения в ближайшем будущем. Подводя итог, можно сказать, что связи между

чистым долгом и бюджетным дефицитом делают более целесообразным использование чистого долга при расчете перспективных долговых сценариев. Однако проблемы, связанные с качеством финансовых активов, наличием скрытых обязательств и вниманием, уделяемым выплатам процентов по валовому долгу, делают важным также учитывать валовой долг [5].

Второй важный вопрос определения государственного долга касается рассматриваемого уровня государственного управления. В некоторых странах основное внимание уделяется долгу центрального правительства, в то время как в других дискуссия сосредоточена на обязательствах органов государственного управления или государственного сектора в целом (включая государственные предприятия). Самая узкая концепция может быть оправдана большей доступностью данных и тем, что долг центрального правительства в большей степени подвержен «монетизации», поскольку центральные банки обычно не покупают и не дисконтируют долг местных органов власти. Однако существуют трудности при сравнении данных о долге центрального правительства по странам, например, в странах с федеральной системой и без нее. В качестве альтернативы, самая широкая концепция (государственный сектор) может быть оправдана с точки зрения баланса, поскольку правительство обычно владеет акциями государственных корпораций, которые не считаются финансовыми активами (по крайней мере, по их истинной, а не исторической стоимости). Например, продажа таких акций влияет на валовой и чистый долг центрального или общего правительства, но не на общее положение государственного сектора. На оценки дефицита государственного сектора также в меньшей степени влияют изменения в определении или масштабах других «внебюджетных» операций. Кроме того, государственные предприятия часто использовались в качестве инструментов государственной политики, особенно в том, что касается занятости и установления цен. Если возникающие в результате убытки покрываются за счет гарантированных правительством заимствований, а не за счет операционных субсидий, они не будут отражены, как это должно быть, в показателях общего государственного дефицита или задолженности. Однако измерение задолженности государственного сектора вызывает значительные проблемы с данными и определением в разных странах, и в целом деятельность предприятий государственного сектора больше похожа на деятельность частных фирм, чем государственных структур.

Таким образом, в целом использование промежуточной концепции (общего управления), обеспечивающей разумную сопоставимость между странами и согласованность с национальными счетами, представляется наиболее подходящим. Более того, для большинства

стран динамика валового долга центрального и государственного управления в последние годы была весьма схожей [6].

Наконец, различие между типами долга имеет отношение к политическим дебатам в некоторых странах, таких как Дания, Швеция, Ирландия, Новая Зеландия, Португалия и Турция: какая часть государственного долга принадлежит иностранцам и какая часть выражена в иностранной валюте?

Иностранные займы позволяют странам приобретать дополнительные ресурсы для инвестирования больше, чем они экономят, с более низкими процентными ставками, чем в противном случае. С другой стороны, проценты, выплачиваемые по иностранным долгам, не являются внутренним трансфертом (они поступают на текущий счет платежного баланса и, следовательно, снижают ВВП и национальный доход), и, следовательно, способность обслуживать долг имеет еще большее значение, чем обычно. Более того: внешнее финансирование иногда может повлиять на конкурентоспособность экономики, особенно если приток капитала приведет к повышению обменного курса. Однако для данного общего внешнего долга вопрос о том, является ли правительство или частный сектор заемщиком за рубежом, (экономически) в значительной степени не имеет значения [7].

Задолженность в иностранной валюте может создать проблему для правительств, если национальная валюта обесценивается по сравнению с теми, в которых была заключена задолженность. В то время как в долгосрочной перспективе разница в процентных ставках будет иметь тенденцию компенсировать колебания обменного курса, в краткосрочной перспективе валютный риск может быть довольно важным. Недавние колебания курса многих национальных валют в долларах США привели к значительным изменениям в соотношении долга к ВВП, не связанным с бюджетным дефицитом стран с большой внешней задолженностью, хотя такие корректировки не всегда отражаются в опубликованных данных. В приведенном ниже анализе не проводится различия между внешними и внутренними обязательствами государственного сектора. Далее остановимся на вопросах связанных с налогово-бюджетной политикой.

Налогово-бюджетная политика, проще говоря, представляет собой оценку налогообложения и государственных расходов, влияющих на экономику. Существует два типа фискальной политики:

Экспансионистская налогово-бюджетная политика: Эта политика направлена на стимулирование экономики. В основном он используется во времена высокой безработицы и рецессии. Это приводит к тому, что пра-

вительство снижает налоги и тратит больше, или одно из двух. Цель состоит в том, чтобы стимулировать экономику и обеспечить, чтобы покупательная способность потребителей не ослабевала.

Сдерживающая налогово-бюджетная политика: Как следует из названия, эта политика направлена на замедление экономического роста в случае высокой инфляции. Ограничительная налогово-бюджетная политика повышает налоги и сокращает расходы [8].

Существует два ключевых инструмента фискальной политики:

Налогообложение: Средства в виде прямых и косвенных налогов, прироста капитала от инвестиций и т.д. Помогают правительству функционировать. Налоги влияют на доход потребителя, а изменения в потреблении приводят к изменениям реального валового внутреннего продукта (ВВП).

Государственные расходы: они включают программы социального обеспечения, государственные зарплаты, субсидии, инфраструктуру и т.д. Государственные расходы способны повышать или снижать реальный ВВП, поэтому они включены в качестве инструмента фискальной политики.

Некоторыми из ключевых целей налогово-бюджетной политики являются экономическая стабильность, стабильность цен, полная занятость, оптимальное распределение ресурсов, ускорение темпов экономического развития, стимулирование инвестиций, а также накопление и рост капитала.

Налогово-бюджетная политика является важнейшей частью экономической системы. В Индии играет ключевую роль в повышении темпов накопления капитала как в государственном, так и в частном секторах [9].

Налогово-бюджетная политика помогает мобилизовать ресурсы для финансирования проектов. Центральная тема фискальной политики включает мероприятия в области развития, такие как расходы на железные дороги, инфраструктуру и т.д. Деятельность, не связанная с развитием, включает расходы на субсидии, заработную плату, пенсии и т.д. Это дает стимул частному сектору расширять свою деятельность.

Налогово-бюджетная политика направлена на минимизацию неравенства в доходах и богатстве. Подоходный налог взимается со всех наемных работников прямо пропорционально их доходу. Вероятные косвенные налоги также больше в случае предметов полу-роскоши и предметов роскоши, чем в случае предметов необхо-

димого потребления. Таким образом, правительство генерирует значительный объем доходов, что также приводит к сокращению неравенства в благосостоянии.

Разумная налогово-бюджетная политика стабилизирует цены и помогает контролировать инфляцию.

Планирование бюджетно-налоговой политики выделяет большую часть средств на региональное развитие для достижения сбалансированного регионального развития. Она направлена на сокращение дефицита платежного баланса.

Существует разница между денежно-кредитной политикой и фискальной политикой.

Денежно-кредитная политика связана с управлением процентными ставками и общей денежной массой в обращении [10].

Налогово-бюджетная политика, с другой стороны, оценивает налогообложение и государственные расходы. В идеале она должна соответствовать денежно-кредитной политике, но поскольку она создается законодателями, интересы людей часто имеют приоритет над ростом.

Вследствие проведения экономической политики государства существует вероятность возникновения государственного долга. Дефицит бюджетных средств способствует увеличению величины государственного долга. Размер государственной задолженности и ее отношение к ВВП является одним из показателей эффективности государственного управления экономикой. Внешний долг государства не должен превышать 50% от ВВП страны [1], чтобы не подвергать опасности экономическую безопасность. Профицит бюджета позволяет погасить задолженность государства и выполнить долговые обязательства по займам. Однако в случаях возникновения кризисных ситуаций в экономике ввиду дефицита бюджета, государство предпринимает ряд экономических мер, направленных на стабилизацию экономических процессов и «оздоровление» финансового хозяйства.

Позитивная роль государственного долга на экономику заключается в том, что государственные займы используются как субституты налоговых поступлений. Государственный долг в данном случае рассматривается как инструмент макроэкономической политики.

Консервативная бюджетная политика государства за последние 20 лет дала Правительству РФ широкое пространство для преодоления последствий кризиса, вызванного пандемией. В 2022–2023 году активная

бюджетная политика России будет нацелена на стабилизацию пострадавшей от локдауна и коронавирусного кризиса мер экономики, при этом она будет ориентирована на консолидацию государственных средств, во избежание бюджетного кризиса. Государственный бюджет на ближайшие годы предполагает превышение расходов над доходами, в то время, как в предыдущие годы бюджет государства был профицитным. Правительство РФ проводит гибкую политику в налоговой сфере, в первую очередь повышаются налоги для крупного бизнеса, снижается налоговое бремя на представителей МСП [2].

Таким образом, государственный бюджет — это ядро общегосударственных финансов. Государственный долг подразделяется на внутренний и внешний, и от срочности его обслуживания зависит бюджетная политика государства. Важным видом государственного долга является внешний, поскольку от его размеров зависит размер внутреннего долга и вся финансовая система государства. С ростом государственного долга снижается запас финансового капитала в экономике государства. Ближайшие годы бюджетная политика государства будет направлена на увеличение внутреннего государственного долга за счет выпуска ОФЗ и векселей, поскольку существует необходимость в преодолении последствий пандемии COVID-19, а это значит, что Правительству РФ придется разрабатывать программу по обслуживанию государственного долга, величина которого будет расти и может составить, чуть более 20% ВВП [11]. Бюджетная политика государства должна быть направлена на модернизацию экономики, увеличение её конкурентоспособности и обеспечения экономического роста. Совершенствование бюджетной политики России требует использования индивидуального подхода к каждой области экономики, необходимо повысить уровень устойчивости бюджетной системы и минимизировать влияние на нее извне. Уже сейчас практикуется составление бюджета на основе государственных программ, что говорит о том, что Правительство РФ предпринимает меры по стабилизации бюджетной системы России. Подводя итоги, можно сделать выводы.

Доля государственного долга — как валового, так и чистого — в большинстве стран ОЭСР за последние десять лет быстро возросла по отношению к ВВП. В то время как современные соотношения долга к ВВП, как правило, находятся в пределах исторического опыта, сегодня тенденция дальнейшего увеличения этих коэффициентов в период экономического роста является необычной.

Альтернативные варианты налогово-бюджетной политики явно повлияют на эти прогнозы задолженности, основанные на стилизованной интерпретации неизменной политики.

Для Соединенных Штатов, Италии и Канады требуется существенное сокращение непроцентного бюджетного дефицита для стабилизации или сокращения их соотношения долга к ВВП. В случае Соединенных Штатов и Канады, по-видимому, существует некоторая перспектива того, что эти корректировки произойдут.

Для Японии и Германии любые фискальные меры по расширению спроса в краткосрочной перспективе, скорее всего, устранят или существенно сократят период относительно стабильных коэффициентов задолженности, который в противном случае ожидался бы до того, как рост пенсионных расходов приведет к заметному ухудшению ситуации. Для Франции и Соединенного Королевства любые меры по ослаблению степени фискальных ограничений привели бы к аналогичным результатам.

Высокий и, в большинстве случаев, все еще растущий уровень государственного долга вызывает две основные проблемы. Во-первых, вытекающие из этого более высокие выплаты процентов по долгу снизят гибкость бюджета: для сохранения дефицита без изменений потребуется большее сокращение непроцентных государственных расходов или даже более высокое налогообложение (тем самым уменьшая возможности для снижения налогового бремени). Во-вторых, высокие объемы долга могут повысить процентные ставки (сверх любого давления со стороны потоков бюджетного дефицита) либо в результате увеличения доли

государственного долга в частных портфелях, либо, что более важно, из-за опасений монетизации долга, что приведет к ускорению инфляции. Хотя трудно определить «оптимальный» уровень соотношения государственного долга/ВВП по чисто экономическим соображениям, стратегия избегания риска, заключается в снижении этого соотношения при благоприятных экономических условиях, чтобы повысить гибкость правительства перед лицом будущих потрясений. Сокращение задолженности может быть достигнуто за счёт сокращения или продажи государственных нефинансовых активов (таких как природные ресурсы или государственные предприятия), это, как правило, не приведет к увеличению общего чистого капитала правительства. Конечно, скорость, с которой следует сокращать долг, будет зависеть от конкретных экономических условий в каждой стране. Когда ожидается, что коэффициент задолженности не увеличится в течение нескольких лет, в краткосрочной перспективе могут появиться возможности для менее ограничительной политики. Однако при рассмотрении вопроса о любом смягчении налогово-бюджетной политики важно иметь в виду, что, учитывая значительное накопление задолженности, которое уже произошло в большинстве стран, возможности для бюджетного стимулирования будут намного меньше, чем в 1970-х годах. Кроме того, любые краткосрочные выгоды от спроса необходимо будет сопоставлять со среднесрочными последствиями для долга, особенно с учетом ожидаемого быстрого увеличения пенсионных расходов в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс РФ. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/. (дата обращения: 26.12.2021).
2. Гришина О.С., Слепов В.А., Чалова А.Ю. Бюджетная политика в 2019–2021 гг. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — 2019. [Электронный ресурс]. — URL: cyberleninka.ru/article/n/byudzhethnaya-politika-v-2019-2021-gg-mezhdustsilloy-i-haribdoy. (дата обращения: 26.12.2021).
3. Попова Г.В. Государственный кредит и госдолг: Учебное пособие / РГЭУ «РИНХ». — Ростов на Дону, 2021. — 269 с.
4. Мысляева И.М. Государственные и муниципальные финансы. Изд. 2-е переработанное и дополненное. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 360 с.
5. Мельников В.Д. Основы финансов: Учебник. — Алматы: ТОО «Издательство LEM», 2021. — 600 с.
6. Алехин Б.И. Государственный долг. — М.: Юнити — Дана, 2019. — 302 с.
7. Журнал «Финансы и кредит». — Москва, 2020. — № 21 (309).
8. Виноградов Н.В. Системные проблемы планирования и оценки эффективности программно-целевого управления расходами бюджета г. Москвы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 326–338. <https://doi.org/10.24891/ni.16.2.326>
9. Кузнецова Н.Р. Межбюджетные отношения как инструмент регулирования социально-экономического развития регионов // Путеводитель предпринимателя. 2020. № 40. С. 181–189.
10. Барциц А.Д. Федеральные и региональные аспекты социальной поддержки семей, имеющих детей // Финансовая экономика. 2019. № 6. С. 904–908.
11. Минфин в 2021–2022 годах увеличит объем госдолга до 20% ВВП. ТАСС. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/9472569>. (дата обращения: 26.12.2021).

© Боробов Василий Николаевич (vborobov@mail.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА ОБЪЕМ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОВЫХ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (КИТАЙ)¹

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF FACTORS ON THE VOLUME OF GRAIN PRODUCTION IN HEILONGJIANG PROVINCE (CHINA)

Wang Yongjuan
Yao Yao

Summary. Grain crops are the basis of the existence of mankind and the basis of the economic development of many countries, therefore they play an important role in stabilizing society and the economy. Therefore, the analysis of factors affecting the volume of grain production is always quite an urgent issue in the management of the economy of the region and the country.

In order to create a more effective guarantee system for grain safety and in-depth study of the profound factors influencing the volume of grain production, the article analyzes the current situation in this sector of the economy of Heilongjiang province. Using the method of factor analysis and statistical software, the analysis of eight key factors affecting the volume of grain production in the period from 2006 to 2019 was carried out. As a result of the research, two main groups of factors affecting grain production have been identified. In particular, the first group is the amount of chemical fertilizers consumed, the amount of agricultural polyethylene film used, and the amount of pesticides used. The second group of factors is natural factors, which include the area subject to flooding. Using the construction of a complex model of the overall assessment, the rationality of the factor analysis was verified and proved. According to the results of the study, measures are proposed to increase the volume of grain production in Heilongjiang province.

Keywords: agriculture, grain production; factors of grain production, Heilongjiang Province, Heilongjiang, China.

Ван Юнцзюань

Преподаватель, Хэйхэский университет,
Институт естественных наук, провинция Хэйлунцзян,
Китай

Китай

Яо Яо

Преподаватель, Хэйхэский университет, провинция
Хэйлунцзян, Китай
123060625@qq.com

Аннотация. Зерновые культуры являются основой существования человечества и основой экономического развития многих стран, поэтому играют важную роль в стабилизации общества и экономики. Поэтому анализ факторов, влияющих на объем производства зерновых культур, всегда является достаточно актуальным вопросом в управлении экономикой региона и страны.

В целях создания более эффективной гарантийной системы безопасности зерновых и углубленного изучения глубоких факторов влияния на объем производства зерновых культур, в статье проанализирована текущая ситуация в данной отрасли экономики провинции Хэйлунцзян. С помощью метода факторного анализа и статистического программного обеспечения проведен анализ восьми ключевых факторов, влияющих на объем производства зерновых культур в период с 2006 года по 2019 год. В результате исследований выявлены две основных группы факторов, влияющих на производство зерновых. В частности, первая группа — количество расходуемых химических удобрений, объем используемой сельскохозяйственной полиэтиленовой пленки, количество используемых пестицидов. Вторая группа факторов — природные факторы, к которым отнесены площадь, подверженная затоплению. С помощью построения комплексной модели общей оценки проверена и доказана рациональность проведенного факторного анализа. По результатам исследования предложены мероприятия по увеличению объема производства зерновых в провинции Хэйлунцзян.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производство зерновых культур; факторы зернового производства, провинция Хэйлунцзян, Хэйлунцзян, Китай.

Провинция Хэйлунцзян богата водными ресурсами и пашнями. При этом производимый объем зерновых культур дает возможность провинции не только находиться на полном самообеспечении, но и экспортировать зерновые культуры в другие ре-

гионы. Несмотря на ежегодные положительные темпы роста объема производства зерновых культур в провинции, в последние годы наблюдается замедление его прироста. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что анализ основных факторов, влияющих

¹ Работа поддерживается проектом операционных расходов за факультативные научные исследования Департамента образования провинции Хэйлунцзян (номер проекта: 2020-KYYWF-0882).

Рис. 1. Динамика производства зерновых в провинции Хэйлунцзян в 2006–2019 гг.
Источник: составлено по данным [10].

на объем производства зерновых культур в провинции Хэйлунцзян, позволяет внести предложения по его росту, что имеет большое значение для обеспечения экономической безопасности производства зерновых в Китае [10].

Существует множество факторов, влияющих на объем производства зерновых культур, чему посвящены труды многих ученых. Ху Сюэбин и Чэнь Вэнькуань [8] на основе модели реляционного анализа Грея отобрали факторы, оказывающие заметное влияние на объем производства зерновых культур. Используя модель GM, они спрогнозировали объем производства и потребления зерновых в провинции Сычуань, проанализировали баланс спроса и предложения, а также исследовали ситуацию с экономической безопасностью производства зерновых культур в провинции Сычуань. Результаты показали, что наиболее важными факторами, влияющими на производство зерновых в провинции Сычуань, являются посевная площадь зерновых культур, объем производства зерновых культур на единицу площади и количество людей, занимающихся сельским хозяйством.

Яо Цзэнфу [14] и другие использовали модель производственной функции для анализа факторов, влияющих на эффективность технологии производства зерновых культур в провинции Хэйлунцзян. Результаты показали, что различные факторы, связанные с природными ресурсами, имеют очевидные различия во влиянии на эффективность технологии производства зерновых.

Чжан Ли, Чжан Сиань, Лян Геньхун [11], используя метод анализа главных компонентов, проанализировали факторы влияния, связанные с изменением про-

изводственной мощности зерновых в Гуйчжоу с 1978 по 2018 год, а также их степень влияния. Результаты показали, что пять основных факторов, влияющих на объем производства зерновых культур в Гуйчжоу, можно обобщить в три группы: уровень развития механизации сельского хозяйства, себестоимость производства сельскохозяйственной продукции и наличие плодородных площадей для посева зерновых культур.

Ван Ань и Чжан Чжибо [1] на основе методики прогнозирования нейронных сетей связи по Грэй, разработали новую модель прогнозирования производства зерновых в Китае с небольшой средней относительной ошибкой. Результаты показали, что новая модель связи по Грэй обладает хорошим прогностическим эффектом.

Обобщив ранее упомянутые методы и результаты исследований, применив модель факторного анализа, основанную на современном экономическом состоянии провинции Хэйлунцзян, в данном исследовании были определены основные факторы, влияющие на производство зерновых культур провинции Хэйлунцзян.

Показатель объема валового производства зерновых культур отражает производственные возможности региона, а коэффициент роста показывает динамику производства зерновых культур за определенный период. Данные показатели для провинции Хэйлунцзян представлены на рисунке 1.

Согласно представленным данным, объем производства зерновых в провинции Хэйлунцзян из года

Таблица 1. Матрица коэффициентов корреляции

Фактор	x_1^*	x_2^*	x_3^*	x_4^*	x_5^*	x_6^*	x_7^*	x_8^*
x_1^*	1.000	0.943	0.959	0.975	0.827	0.965	0.760	0.650
x_2^*	0.943	1.000	0.869	0.916	0.928	0.980	0.924	0.458
x_3^*	0.959	0.869	1.000	0.954	0.729	0.926	0.648	0.713
x_4^*	0.975	0.916	0.954	1.000	0.803	0.964	0.742	0.630
x_5^*	0.827	0.928	0.729	0.803	1.000	0.891	0.934	0.272
x_6^*	0.965	0.980	0.926	0.964	0.891	1.000	0.867	0.528
x_7^*	0.760	0.924	0.648	0.742	0.934	0.867	1.000	0.110
x_8^*	0.650	0.458	0.713	0.630	0.272	0.528	0.110	1.000

Таблица 2. Дисперсия общего фактора

Фактор	Начальное значение	Извлечение
x_1^*	1.000	0.980
x_2^*	1.000	0.986
x_3^*	1.000	0.953
x_4^*	1.000	0.957
x_5^*	1.000	0.933
x_6^*	1.000	0.988
x_7^*	1.000	0.980
x_8^*	1.000	0.949

в год имеет тенденцию к росту. Коэффициент роста производства зерновых в провинции Хэйлунцзян нестабилен с 2007 г. по 2010 г. Тогда как за период с 2011 г. по 2016 г. его значение имеет тенденцию к снижению, а с 2017 г. по 2019 г. наблюдается рост коэффициента.

На основе результатов анализа источников, а также с учетом современного состояния экономики провинции Хэйлунцзян, было отобрано 8 факторов, влияющих на объем производства зерновых культур в провинции:

- ◆ посевные площади зерновых культур;
- ◆ количество расходуемых химических удобрений;
- ◆ потребление электроэнергии в сельском хозяйстве;
- ◆ мощность сельскохозяйственной техники;
- ◆ используемое количество сельскохозяйственной полиэтиленовой пленки;
- ◆ используемое количество сельскохозяйственно-го дизельного топлива;
- ◆ используемое количество пестицидов;
- ◆ площадь, подверженная затоплению.

Эти факторы обозначены $x_1, x_2, x_3, x_4, x_5, x_6, x_7, x_8$.

Согласно статистическим сборникам, были суммированы данные о производстве зерновых культур в провинции Хэйлунцзян с 2006 по 2019 г., а также данные о 8 факторах влияния. С целью выявить степень влияния исследуемых факторов на объем производства зерновых культур, были рассчитаны коэффициенты корреляции (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, коэффициент корреляции каждого показателя довольно большой, что показывает высокую степень влияния.

Для проведения проверки выполнимости критериев КМО и Bartlett была использована программа обработки статистических данных SPSS. Результаты проверки показали, что значение КМО составляет 0,779, что больше 0,7. Это указывает на сильную корреляцию между переменными и на слабую частичную корреляцию, что соответствует основным требованиям фактор-

Таблица 3. Интерпретации общей дисперсии

Компонент	Начальное характеристическое значение			Сумма квадратов извлечения нагрузки			Сумма квадратов вращающихся нагрузок		
	итого	дисперсия, %	общее количество, %	итого	дисперсия, %	общее количество, %	итого	дисперсия, %	общее количество, %
1	6.593	82.410	82.410	6.593	82.410	82.410	4.905	61.313	61.313
2	1.132	14.154	96.564	1.132	14.154	96.564	2.820	35.250	96.564
3	0.143	1.793	98.356						
4	0.063	0.785	99.141						
5	0.037	0.461	99.602						
6	0.023	0.293	99.895						
7	0.007	0.084	99.979						
8	0.002	0.021	100.000						

Таблица 4. Матрица общих факторов после ротации

Фактор	Коэффициент нагрузки фактора	
	1	2
x_1^*	0.746	0.651
x_2^*	0.902	0.416
x_3^*	0.633	0.743
x_4^*	0.734	0.647
x_5^*	0.945	0.202
x_6^*	0.851	0.513
x_7^*	0.989	0.047
x_8^*	0.044	0.973

ного анализа. Следовательно, использованные данные могут быть применены для факторного анализа. В проверке сферичности Bartlett, Sig = 0,000 меньше уровня значимости 0,05, это также показывает, что между переменными существует корреляция, которая подходит для факторного анализа.

Значение извлечения может быть использовано для определения степени извлечения общих факторов исходной переменной. Чем выше значение извлечения, тем лучше его эффект. Дисперсия общего фактора представлена в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что данные об этих двух общих факторах для исходных переменных достигли более 90%, общая потеря данных невелика.

Данные таблицы 3 интерпретируют общую дисперсию.

Исходя из представленных данных, существуют два общих фактора, влияющих на производство зерновых.

Первый фактор обозначается как F_1 , второй фактор F_2 , а значение характеристического корня больше 1. Коэффициент интерпретации общей дисперсии после чередования двух факторов составляет 96,564%, что в основном сохраняет данные исходных 8 показателей, а 8 показателей преобразуются в два фактора, тем самым достигнув цели уменьшения размерности.

Чтобы сделать извлеченные основные компоненты факторов более научными и рациональными, для ро-

Таблица 5. Матрица коэффициентов оценки компонентов

Фактор	Компонент	
	1	2
x_1^*	0.062	0.175
x_2^*	0.200	-0.032
x_3^*	-0.012	0.274
x_4^*	0.058	0.177
x_5^*	0.288	-0.186
x_6^*	0.148	0.050
x_7^*	0.357	-0.303
x_8^*	-0.312	0.624

Таблица 6. Общий показатель производства зерновых

Период	Показатель	Период	Показатель
2006	-1.33521	2013	0.78542
2007	-1.30619	2014	0.952156
2008	-1.10733	2015	0.873177
2009	-0.76234	2016	0.880588
2010	-0.27205	2017	0.800215
2011	0.195079	2018	0.167846
2012	0.606805	2019	-0.47582

тации и определения отношения соответствия между этими факторами и объектом исследования, был использован метод ротации максимальной дисперсии (табл. 4).

Как видно из таблицы 4, первый общий фактор F_1 в основном определяется количеством расходуемых химических удобрений, количеством используемой сельскохозяйственной пленки и количеством используемых пестицидов. Среди них вклад использования пестицидов является наибольшим и составляет 0,989. Эти три показателя можно обобщить как факторы вложения. Производственные факторы вложения являются научными и рациональными, производство зерновых отчасти будет увеличиваться [4]. Второй общий фактор F_2 в основном определяется площадью, подверженной затоплению, то есть природным фактором.

Матрица коэффициентов оценки компонентов представлена в таблице 5.

В соответствии с матрицей коэффициентов оценки компонентов в таблице 5, были получены следующие факторные уравнения:

$$F_1 = 0.062 x_1^* + 0.200 x_2^* - 0.012 x_3^* + 0.058 x_4^* + 0.288 x_5^* + 0.148 x_6^* + 0.357 x_7^* - 0.312 x_8^*$$

$$F_2 = 0.175 x_1^* - 0.032 x_2^* + 0.274 x_3^* + 0.177 x_4^* - 0.168 x_5^* + 0.050 x_6^* - 0.303 x_7^* + 0.624 x_8^*$$

Путем подстановки ежегодных данных в приведенные выше формулы рассчитан уровень производства зерновых по двум факторам за разные годы. Затем оценки каждого фактора были линейно взвешены и суммированы с соответствующим удельным весом для построения математической модели общей оценки:

$$F = 0.853F_1 + 0.147F_2$$

Затем были стандартизированы статистические данные по разным факторам в провинции Хэйлунцзян за разные периоды и рассчитаны для будущих перио-

Рис. 2. Динамика комплексного показателя производства зерновых и показателя объема производства зерновых после стандартизации

дов, в результате чего получен общий показатель производства зерновых, что показано в таблице 6.

Следующим шагом было сравнение комплексных показателей производства зерновых после стандартизации на протяжении многих лет со стандартизированным производством зерновых для получения графика их динамики (рис. 2).

Как видно из рисунка 2, тенденция изменения производства зерновых в провинции Хэйлунцзян соответствует общим показателям производства зерновых за последние годы. Это указывает на то, что тенденция изменения по увеличению объемов производства зерновых соответствует движущим факторам, а выбор движущих факторов соответствует реальной обстановке.

Таким образом, в данном исследовании проведен анализ факторов, влияющих на объем производства зерновых культур в провинции Хэйлунцзян, для чего было отобрано 8 факторов. Анализ текущей ситуации производства зерновых культур в провинции Хэйлунцзян показал тенденцию роста из года в год, однако темпы роста имеют тенденцию к замедлению. В результате проведенного анализа было выделено две группы факторов, оказывающих влияние на объем производства зерновых культур. Первая группа факторов — факторы вложения, к которым относятся количество расходуемых химических удобрений, количество используемой полиэтиленовой пленки и количество используемых пестицидов. Вторая группа факторов — природные факторы, к которым отнесены площадь, подверженная затоплению. При этом коэффициент дисперсии пер-

вой группы факторов достиг 82,41%, что показывает ее наибольшую значимость и влияние на производство зерновых. С помощью создания модели комплексной оценки были рассчитаны показатели производства зерновых в провинции Хэйлунцзян за разные годы. Общие показатели производства зерновых соответствуют тенденциям производства зерновых в провинции Хэйлунцзян за эти годы. Это указывает на то, что результаты факторного анализа соответствуют реальной местной обстановке.

Согласно результатам исследования, такие факторы, как количество расходуемых химических удобрений, количество используемой сельскохозяйственной полиэтиленовой пленки, количество используемых пестицидов играют наиболее значительную роль в развитии производства зерновых в провинции Хэйлунцзян. Однако стихийные бедствия также оказывают большое влияние. Для увеличения производства зерновых необходимо внедрять современную агротехнику, исследовать и разрабатывать высококачественные химические удобрения и пестициды, а также активно привлекать инновационное производственное оборудование, начиная с семейного сельскохозяйственного производства и заканчивая фермерским сельскохозяйственным производством, чтобы повысить роль механизации в данной отрасли. В то же время необходимо прилагать усилия по исследованию стихийных бедствий, чтобы минимизировать потери, вызванные такими природными факторами, как засуха и затопление, а также повысить возможности сельскохозяйственного производства противостоять стихийным бедствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, А., Чжан Ч., Ян Ю. Модель прогнозирования Грея, основанная на нейронной сети, и ее применение для прогнозирования общего объема производства зерновых в Китае // Практика и понимание математики. — 2021. — № 51 (18). — С. 102–107.
2. Ван, Х., Вэнь Х. Доказательства и анализ взаимосвязи между расходом химических удобрений, производством зерна и пространством — на примере провинции Хэйлунцзян // Журнал Университета освоения целины Лунцзян Баи. — 2021. — № 33 (2). — С. 116–122.
3. Ван, Ц., Ли М., Ли С. Анализ, эффективность, механизм и отличительные особенности влияния разумной аграрной политики на доходы региональных фермеров // Сельские прикладные технологии. — 2020. — № 12. — С. 10–12.
4. Ван, Я., Ху Ю. Эмпирический анализ факторов влияния при производстве зерновых в провинции Аньхой // Информатизация управления в Китае. — 2020. — № 23 (11). — С. 179–181.
5. Вень, С. Анализ факторов влияния на производство зерновых в провинции Хэйлунцзян, на основе модели Грея // Технологии и экономика зерновых. — 2020. — № 45 (10). — С. 25–27.
6. Лю, Ю., Гао Б., Пань Ю. Исследование анализа изменений производства зерновых и состава сельскохозяйственных культур в Китае на основе модели LMDI // Журнал природных ресурсов. — 2014. — № 29 (10). — С. 1709–1720.
7. Ма С. Исследование факторов влияния при производстве зерновых в городе Наньчун провинции Сычуань, на основе факторного анализа // Технологии и экономика зерновых. — 2020. — № 45 (07). — С. 41–43.
8. Ху, С., Чэнь В. Факторы влияния производства зерновых в провинции Сычуань на основе модели GM и прогностического анализа спроса и предложения в «14-й пятилетке» // Китайский журнал сельхозтехники и химии. — 2021. — № 42 (06). — С. 130–136.
9. Цай, Ж., Тао С. Развитие концепции производства зерновых в Китае и раскрытие возможностей машинного производства: 1978–2018 // Ресурсы и обстановка засушливых районов. — 2021. — № 35 (6). — С. 1–7.
10. Цзян, Ю., Ли Ш., Юй Я. Исследование сравнительных преимуществ зерновых культур в провинции Хэйлунцзян // Аньхойский агрономический журнал. — 2021. — № 27 (17). — С. 47–51.
11. Чжан, Л., Чжан С., Лян Г. Анализ факторов влияния и прогнозирование тенденций производственных мощностей по производству зерновых в Гуйчжоу // Исследования сельскохозяйственных культур. — 2021. — № 35 (04). — С. 368–375.
12. Чжан, Х., Ван Г., Юань Ч. Исследование прогнозирования производства зерновых на основе нейронной сети AIGA-BP // Китайский журнал сельскохозяйственной техники и химии. — 2016. — № 37 (6). — С. 205–209.
13. Ян, Ф., Лю Л., Юань Ч. Анализ и прогнозирование факторов влияния на колебания производства зерна в провинции Хунань // Вестник китайской агрономии. — 2020. — 36 (29): 153–160.
14. Яо, Ц., Лю С. Эмпирический анализ технической эффективности производства зерновых и факторов влияния крупных предприятий по производству зерна — на основе случайных новейших производственных функций и данных микроисследования 460 домашних хозяйств в провинции Хэйлунцзян // Технологии и экономика. — 2012. — № 25 (2). — С. 60–64.

© Ван Юнцзюань, Яо Яо (123060625@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АГРОСТРАХОВАНИЕ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКОЙ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

AGRICULTURAL INSURANCE WITH STATE SUPPORT IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A. Drabysheuski

Summary. The implementation of a successful agricultural insurance model makes it possible to reduce budget expenditures on state support of agricultural producers' incomes in the event of natural disasters, animal diseases and other events that may lead to the termination of agricultural activities. There are considered the regulation of agricultural insurance with state support in Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia, are carried out comparative analysis of the provisions of the legislation of the member states of the Eurasian Economic Union and studied the system of agricultural insurance in developed and developing countries.

Approaches to agricultural insurance in the EAEU countries are different — agricultural insurance in Armenia and Russia is carried out through an insurance pool of insurers, in Belarus — the only state-owned company do it, in Kazakhstan — index insurance is used in crop production based on space monitoring of moisture deficit (or excess), in Kyrgyzstan — actual support agricultural insurance is not carried out.

Due to the wide variability of approaches to the organization of agricultural insurance caused by both the peculiarities of risks characteristic of agricultural production in certain climatic zones and the level of liberalization of state regulation of economic relations, there are proposal on creation a reinsurance pool within the EAEU to ensure the sustainable development of the sector.

Keywords: the Eurasian economic union, EAEU, subsidies, agricultural insurance.

Дробышевский Андрей Андреевич

*Начальник отдела, Департамент агропромышленной политики Евразийской экономической комиссии, г. Москва
a.a.dr@yandex.ru*

Аннотация. Реализация успешной модели агрострахования позволяет сократить бюджетные расходы на государственную поддержку доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в случае наступления природных катаклизмов, заболевания животных и других событий, которые могут привести к прекращению сельскохозяйственной деятельности. Рассмотрено регулирование агрострахования с государственной поддержкой в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России, проведен сравнительный анализ положений законодательств государств — членов Евразийского экономического союза, изучена система агрострахования в развитых и развивающихся странах.

Подходы к агрострахованию в рамках ЕАЭС различны — в Армении и России агрострахование осуществляется через страховой пул страховщиков, в Беларуси — единственная государственная компания, в Казахстане — применяется индексное страхование в растениеводстве на основе космического мониторинга дефицита (либо избытка) влаги, в Кыргызстане — фактическая поддержка агрострахования не осуществляется.

Ввиду широкой вариативности подходов к организации агрострахования, вызванных как особенностями рисков, характерных для сельскохозяйственного производства в определенных климатических зонах, так и уровнем либерализации государственного регулирования экономических отношений, предложено создание перестраховочного пула в рамках ЕАЭС для обеспечения устойчивого развития сектора.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, субсидии, агрострахование.

На результаты сельскохозяйственного производства оказывают влияние множество факторов, а наступление природно-климатических катаклизмов может привести к фактическому лишению доходов сельхозтоваропроизводителя, что может привести к невозможности продолжения производственной деятельности в последующих сезонах. С учетом важности устойчивого развития отрасли для продовольственной безопасности целью государственной аграрной политики является в том числе обеспечение

производителей эффективными инструментами преодоления кризисных явлений. Одним из таких инструментов является страхование сельскохозяйственных культур и животных, которое зачастую предоставляется с государственной поддержкой.

Во всех странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) принята нормативная правовая база для предоставления субсидий при агростраховании, однако имеются различия как в подходах функционирования

Таблица 1. Страховые продукты для многолетних насаждений абрикоса и винограда

Зоны риска	Страховое покрытие на 1 га, тыс. драм		Тариф для града и пожара		Тариф для весенних заморозков			
					50% (макс. компенсация)		100% (макс. компенсация)	
	абрикос	виноград	абрикос	виноград	абрикос	виноград	абрикос	виноград
1	400	750	2,5%	2,1%	18,9%	5,8%	32,1%	7,5%
2	600	1 000	4,1%	3,4%	15,7%	5,8%	21,9%	7,5%
3	800	1 250	5,7%	4,7%	12,6%	4,7%	17,5%	6,0%
4	1 000	1 500	6,8%	5,7%	14,2%	5,8%	21,9%	7,5%
5	1 200	1 800	11,3%	9,4%	11,3%	4,7%	17,5%	6,0%

Источник: составлено авторами на основании данных [3]

системы страхования, так и по страхуемым объектам и рискам. В Беларуси, Казахстане и России страхованием с господдержкой охвачены растениеводство и животноводство, в Армении — только растениеводство.

Среди государств-членов ЕАЭС обязательное страхование сохраняется только в Республике Беларусь по ряду сельскохозяйственных культур (в 2021 г. озимый рапс, лен-долгунец) и животных (племенное маточное поголовье крупного рогатого скота и свиней, родительские и прародительские стада племенных кур, чистопородных свиноматок) [1]. При этом в Беларуси страховая премия субсидируется в размере 95% ее стоимости, сельхозтоваропроизводитель оплачивает 5% страхового взноса. В то же время процент возмещения ущерба при гибели скота и птицы составляет 100%, сельхозкультуры — 30%.

По примеру действующих моделей агрострахования в развитых странах (Канада, США) предусматривается прямая зависимость между приобретением страхового полиса и получением других сельскохозяйственных субсидий. Например, в Российской Федерации применяется повышенный коэффициент (1,15) при предоставлении поддержки на развитие виноградарства. Наиболее распространенной формой бюджетной поддержки сельскохозяйственного страхования является компенсация части страховых премий — от 50% в Казахстане, Кыргызстане и России до 65% — в Армении. В Кыргызской Республике дополнительно предусмотрена компенсация части страховой выплаты в случае наступления страхового случая, однако на протяжении последних лет в стране не предусматривались бюджетные расходы на поддержку страхования [2]. Поэтому в Кыргызстане фактическое страхование с государственной поддержкой отсутствует.

С четвертого квартала 2019 г. в Армении реализуется пилотная программа внедрения системы страхования в сфере сельского хозяйства [3]. Бюджет на цели компенсации части страховой премии формируется

за счет финансовых средств Германского банка развития (Kreditanstalt für Wiederaufbau, KfW) и Министерства экономики Республики Армения в пропорции 50:50. Прогнозируемые расходы на субсидирование страховых премий в 2019–2023 гг. составят около 10,8 млн. долл. Ожидается, что площадь страхования увеличится с 9 тыс. га в 2019 г. до 30 тыс. га в 2023 г. Пилотными областями для реализации программы являются: в случае града и пожара — 6 областей (Арагат, Армавир, Арагацотн, Котайк, Вайоц Дзор и Тавуш), в случае весенних заморозков — 2 области (Арагат, Армавир). Населенные пункты распределены по 5 зонам риска, разработанным на основе гидрометеорологических данных, собираемых с 1964 г. Страховое покрытие дифференцировано в зависимости от зоны риска, вида культуры и рисков, основано на собранной информации о возможных низких и высоких производственных расходах в расчете на 1 гектар. Применяется 10% безусловной невозмещаемой суммы (франшиза) для страхового покрытия. Количество культур планируется увеличить до 10, в настоящее время страховые продукты разработаны для абрикосов, винограда, персиков, яблок, озимого и ярового ячменя, пшеницы.

В случае мультирискового страхования сельскохозяйственных культур на определенной территории предусмотрена скидка в размере 10% страховой премии. Страховые компании осуществляют перестрахование до 90% взятых на себя рисков в перестраховочной компании Swiss Reinsurance Company Ltd (Швейцария).

Страхование сельского хозяйства осуществляется страховыми компаниями — членами специально созданной общественной организации «Национальное агентство страхователей сельского хозяйства» (Агентство), которые покрывают все расходы Агентства за счет членских взносов. Членами Агентства являются три страховые компании — SIL Insurance, Ingo Armenia, Росгострах Армения.

В Беларуси страховщиком по обязательному страхованию с господдержкой является единственная го-

Таблица 2. Страховой тариф на 2020 г.,%

Наименование продукции	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область, г. Минск	Могилевская область
Озимый рапс	7,43	21,69	17,35	5,08	9,15	16,66
Лен-долгунец	2,35	3,57	1,78	2,23	2,23	3,75
Племенное маточное поголовье КРС	0,037	0,037	0,037	0,037	0,037	0,037
Племенное поголовье свиней	0,385	0,385	0,385	0,385	0,385	0,385
Родительское и прародительское стада племенных кур в племенных хозяйствах	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Маточное поголовье основных свиноматок	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3

Источник: составлено авторами на основании данных [1]

Таблица 3. Страховые выплаты при индексном страховании

Наименование показателя	Фаза 1 15 мая — 15 июня	Фаза 2 15 июня – 15 июля	Фаза 3 15 июля — 15 августа	Итого (максимальная выплата)
Страховая выплата, %	15%	25%	8%	48%

Источник: составлено авторами по данным <https://agro-insurance.qoldau.kz/ru/insurance-product>

сударственная компания — Белгосстрах, которая также предоставляет услуги добровольного страхования без государственной поддержки на рыночных условиях. Договор перестрахования заключен между Белгосстрах и РУП «Белорусская национальная перестраховочная организация», которая имеет договоры о перестраховании с АО «Страховая компания КАФОЛАТ» (Узбекистан) и Eurora Re Ltd (Швейцария). Все принятые обязательства по каждому договору страхования, превышающие установленный лимит (20% собственного капитала), подлежат перестрахованию. Следует отметить, что Белгосстрах формирует Фонд предупредительных (превентивных) мероприятий в белорусских рублях за счет ежемесячных отчислений в размере 5% от поступивших страховых взносов по обязательному страхованию сельскохозяйственной продукции. Выделение средств этого фонда из республиканского бюджета осуществляется по решению Президента Республики Беларусь [4].

Страховая сумма по договору обязательного страхования сельскохозяйственной продукции устанавливается отдельно по каждому виду сельскохозяйственной культуры, скота и птицы в размере 75% страховой стоимости урожая сельскохозяйственных культур (исходя из средней урожайности культуры с 1 гектара за последние 5 лет и данных о среднереализационных ценах на продукцию этой культуры, сложившихся в предшествующем году) и 100 процентов страховой (балансовой) стоимости скота и птицы.

Перечень сельскохозяйственных культур, скота и птицы, подлежащих обязательному страхованию, а также страховые тарифы в зависимости от области страны и процент возмещения ущерба ежегодно утверждаются Президентом Республики Беларусь.

С 2004 г. по 2019 г. в Казахстане действовало обязательное страхование в растениеводстве. С 6 января 2020 г. вступили в силу изменения в законодательство, предусматривающие добровольное страхование с участием государства [5]. Согласно законодательству Казахстана, одним из требований к страховым продуктам является наличие перестрахования не менее 50% от 100% рисков в перестраховочной компании с рейтингом финансовой устойчивости не ниже «В+» по шкале международного рейтингового агентства Standars&Poor's [6]. На государственной цифровой платформе для бизнеса Qoldau предусмотрено страхование с господдержкой:

1. в растениеводстве (зерновые, масличные, пастбища, сенокос) по двум группам рисков: от дефицита влаги в почве; от избытка влаги в почве.
2. крупного рогатого скота от гибели, вынужденного убоя или утраты в результате инфекционных, инвазионных, незаразных болезней, несчастного случая, стихийных бедствий, пожара, злоумышленных действий третьих лиц.

Таким образом, в растениеводстве применяется индексное страхование, страховой тариф составляет от 2,43% до 4,8%. Размер страховой выплаты зависит

Таблица 4. Сравнение отдельных показателей агрострахования в рамках ЕАЭС

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Форма страхования	добровольное	обязательное	добровольное с 2020 г.	добровольное	добровольное
Доля субсидирования страховой премии	50–60%	95%	50%	50%	50%
Доля субсидирования страховых выплат	–	–	–	50%	–
Франшиза	безусловная, 10%	безусловная, 0% — для скота, 70% — по севу 2021 г.*	от 0,7% до размера средней страховой стоимости 1-й головы из числа застрахованных животных	не допускается	безусловная, 10–50%
Риски, подлежащие страхованию с господдержкой	град, пожар, заморозки	широкий перечень	дефицит и избыток влаги в почве, болезни животных, несчастные случаи, стихийные бедствия, пожар, злоумышленные действия третьих лиц	неблагоприятные природные явления	широкий перечень
Объекты страхования в растениеводстве	абрикос, виноград, персики, яблоки, ячмень, пшеница	озимый рапс, лен-долгунец	зерновые, масличные, пастбища, сенокос	зерновые, фасоль, хлопок, табак, сахарная свекла	зерновые, зернобобовые, масличные, технические, кормовые, бахчевые культуры, картофель, овощи, многолетние насаждения
Объекты страхования в животноводстве	–	племенные КРС, свиньи, куры	КРС	–	КРС, МРС, свиньи, лошади, верблюды, олени, кролики, пушные звери, птица, пчелы
Определение страховой суммы	определены лимиты выплат по культурам на 1 га	установленный процент возмещения стоимости скота / урожая	определен норматив затрат 30–80 тыс. тенге на га**/балансовая стоимость скота	затраты на посев и уборку	стоимость будущего урожая/балансовая стоимость скота
Объем господдержки в 2019 г., млн. долл.	–	16,23	0,11	–	31,67

*согласно установленному на 2021 г. проценту возмещения ущерба; **в зависимости от культуры
 Источник: составлено авторами на основании анализа национального законодательства стран ЕАЭС

от времени года. При этом в случае отсутствия страхового случая предусмотрен возврат СХТП 12% от оплаченной страховой премии.

Преимуществом такой формы страхования является отсутствие необходимости СХТП доказывать наступление страхового случая — на основании космического мониторинга формируются данные о влаге в почве и вегетации. При наступлении страхового случая (дефицит или избыток влаги) СХТП предоставляется возможность в онлайн режиме подать электронное уведомление о наступлении страхового события и получить выплату.

Страхование племенного крупного рогатого скота осуществляется по тарифу от 1,54 до 4,62% в зависимости от покрытия территории страхования — вплоть до возможности страхования до 5 км радиуса от застрахованной территории. Франшиза составляет от 0,7% до размера средней страховой стоимости 1-й головы из числа животных, по которым заявлен ущерб, в зависимости от количества застрахованных голов.

В Российской Федерации с 1 января 2016 г. на рынке сельскохозяйственного страхования с господдержкой действует единое общероссийское объединение — Национальный союз агростраховщиков (далее — НСА). Страховые компании, не вступившие в члены НСА, не имеют права заключать договоры агрострахования с господдержкой [7]. В настоящее время членами НСА являются 15 страховых организаций. При участии объединения страховщиков формируется фонд компенсационных выплат за счет отчислений страховщиками части полученных страховых премий. Размер таких отчислений устанавливается объединением страховщиков на соответствующий год, но не менее 5% полученных страховых премий. Если страховая выплата не может быть осуществлена страховщиком (например, вследствие банкротства), объединением страховщиков осуществляются компенсационные выплаты в счет возмещения ущерба. Наряду с этим, страховыми компаниями осуществляется перестрахование. Например, страховая компания «РСХБ-Страхование» имеет договора перестрахования в ряде российских и международных перестраховочных компаниях (АО «Российская Национальная Перестраховочная Компания», Partner Reinsurance Europe SE, Zurich Branch General Reinsurance AG и др.). По сравнению с другими странами в России оказывается государственная поддержка при страховании широкого перечня сельскохозяйственных культур и животных, аквакультуры от большинства возможных рисков, что обусловлено нахождением территории России в 4-х климатических поясах [8].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1441 утверждены пра-

вила предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление компенсации сельскохозяйственным товаропроизводителям ущерба, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций природного характера. Согласно документу сельхозтоваропроизводители могут рассчитывать на компенсационные выплаты со стороны государства при наступлении чрезвычайных ситуаций природного характера

В развитых и развивающихся странах наблюдаются различные подходы к предоставлению агрострахования с государственной поддержкой сельского хозяйства, которые можно сгруппировать в зависимости от степени участия государства:

1. агрострахование с широким вовлечением государства — модель, распространенная в США и Канаде. Характерной особенностью модели является разработка государством совместно с фермерами и страховыми компаниями широкого набора государственных программ и проектов в сфере агрострахования с государственной поддержкой сельского хозяйства;
2. агрострахование через страховой пул — модель, распространенная в Испании и Украине, предполагающая создание объединения частных страховых компаний, которое предлагает стандартные страховые продукты и единую методологию оценки убытков. Похожая модель реализуется в Армении и России;
3. агрострахование через единственную страховую компанию — модель реализована в Австрии, Швейцарии, Беларуси. Отличительной чертой данной модели является отсутствие конкуренции на рынке среди частных страховщиков, при которой из-за сложности технических аспектов агрострахования страхование осуществляется только через одну компанию (например, Hagelversicherung в Австрии);
4. агрострахование без государственной поддержки. Например, в Германии реализуются три основных инструмента управления аграрными рисками: выплаты в случае стихийных бедствий, в полном объеме финансируемые правительством; фонд по страхованию болезней скота (Tierseuchenkassen), частично финансируемый правительством; деятельность частных страховых компаний без господдержки (в частности широко распространено страхование от града).

Специфические особенности сельского хозяйства, сопряженного с экономическими и природными рисками определяют необходимость страхования СХТП и оказания им соответствующей государственной поддержки. Однако изучение международного опыта агро-

страхования показывает, что в-третьих странах страхование сельского хозяйства осуществляется также при финансовой поддержке государства (за исключением Германии) и отличается более широким набором страховых продуктов, что позволяет выбрать СХТП страховой продукт, соответствующий его потребностям.

В целях повышения эффективности государственной поддержки агострахования в государствах — членах ЕАЭС следует рассмотреть возможность расширения линейки страховых продуктов, включая мультирисковые и индивидуальные продукты. Этому могло бы способствовать создание межгосударственного страхового пула для перестрахования рисков в рамках ЕАЭС.

Такой пул создаст дополнительные условия для развития рыночного механизма покрытия убытков в сельском хозяйстве при наступлении страховых случаев посредством обеспечения устойчивости страховых компаний, что особенно актуально в случае наступления катастрофических рисков. В перспективе возможно осуществление перестрахования рисков в рамках ЕАЭС без привлечения (либо с минимальным участием) международных компаний из третьих стран. Кроме того, развитие агострахования с господдержкой снижает нагрузку на бюджеты стран ЕАЭС в случае наступления рисков природного либо экономического характера и в целом способствует устойчивости агропродовольственных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2020 г. № 336 «О страховании урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы в 2021 году». URL < https://minfin.gov.by/upload/insurance/acts/ukaz_070920_336.pdf >.
2. Закон Кыргызской Республики от 26 января 2009 г. № 31 «Об особенностях страхования в растениеводстве». URL < <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202550?cl=ru-ru> >.
3. Постановление Правительства Республики Армения от 24 октября 2019 г. № 1485 «Об утверждении программы государственного содействия для осуществления пилотной программы внедрения системы страхования в сфере сельского хозяйства». URL < https://www.arlis.am/Annexes/5/Lokal_2019N1485-L.docx >.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности». URL < <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=r30600530> >.
5. Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66 «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» (статья 10–1, в редакции, принятой в соответствии с Законом Республики Казахстан от 28.10.2019 № 268-VI). URL < https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30015652 >.
6. Приказ Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 19 мая 2020 г. № 172 «Об утверждении Правил субсидирования страховых премий». URL < <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020673> >.
7. Федеральный закон от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». URL < <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33692> >.
8. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 1 марта 2019 г. № 87 «Об утверждении методики определения страховой стоимости и размера утраты (гибели) урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений и методики определения страховой стоимости и размера утраты (гибели) сельскохозяйственных животных». URL < <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72103078/> >.

© Дробышевский Андрей Андреевич (a.a.dr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НДС ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ БЕСПОШЛИННОЙ ТОРГОВЛИ

IMPROVING THE VAT TAXATION MECHANISM IN THE APPLICATION OF THE CUSTOMS PROCEDURE OF DUTY-FREE TRADE

**M. Efremov
E. Ukhanova**

Summary. This article will consider the economic impact of customs payments on the budget of the Russian Federation, as well as the problems associated with the taxation of goods when applying the customs procedure of duty-free trade.

The subject of the study is the mechanism of taxation of goods placed under the customs procedure of duty-free trade, which leads to non-payment of value added tax.

The purpose of the work is to develop a methodologically correct mechanism for eliminating the tax consequences of non-payment of VAT.

The result of the work is a methodologically applicable and correct mechanism for eliminating negative tax consequences when placing goods under the customs procedure of duty-free trade.

The scientific novelty of this study is based on the study of topical issues and problems arising in modern practice. Problematic issues related to the taxation of goods when applying the duty-free trade procedure. But the problem is not limited to taxation during the application of the procedure, it continues after its completion, when goods are sold to counterparties in the country. The tax actually disappears and is not paid, which can be used as a tax evasion scheme. When a Russian duty-free shop (MBT) interacts with a foreign seller and sells purchased products to a Russian counterparty, VAT is not paid, but is included in the cost, so the Russian counterparty cannot deduct VAT.

Ways of solving existing problematic issues, as well as the results of research or suggestions of solutions to these problems can be used as a basis for further study of existing problems and/or applied as a temporary or permanent solution to existing problems, subject to further improvement of legislation.

Ефремов Михаил Алексеевич

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве РФ»

Уханова Екатерина Андреевна

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве РФ»

ukhanovaeaterina@gmail.com

Аннотация. В данной статье будет рассмотрено экономическое влияние таможенных платежей на бюджет Российской Федерации, а также проблемы, связанные с налогообложением товаров при применении таможенной процедуры беспошлинной торговли.

Предмет исследования — механизм налогообложения товаров, помещенных под таможенную процедуру беспошлинной торговли, который приводит к неуплате налога на добавленную стоимость.

Цель работы — разработка методологически корректного механизма устранения налоговых последствий неуплаты НДС.

Результатом работы является методологически применимый и корректный механизм устранения негативных налоговых последствий при помещении товаров под таможенную процедуру беспошлинной торговли.

Научная новизна данного исследования основана на изучении актуальных вопросов и проблем, возникающих в современной практике. Проблемные вопросы, связанные с налогообложением товаров при применении процедуры беспошлинной торговли. Но проблема не ограничивается налогообложением во время применения процедуры, она продолжается и после ее завершения, когда товары продаются контрагентам на территории страны. Налог фактически пропадает и не уплачивается, что может быть использовано как схема уклонения от налогообложения. При взаимодействии российского магазина беспошлинной торговли (МБТ) с иностранным продавцом и продаже купленной продукции российскому контрагенту НДС не уплачивается, а включается в стоимость, таким образом российский контрагент не может принять к вычету НДС.

Пути решения существующих проблемных вопросов, а также результаты исследований или предложения вариантов решения данных проблем могут быть использованы как основа для дальнейшего изучения существующей проблематики и/или применены в качестве временного или постоянного решения существующих проблем при условии дальнейшего совершенствования законодательства.

Основным материалом для оценки существующей проблематики служат уже имеющиеся в науке исходные данные и показатели: статьи, а также данные сайтов государственных служб ФНС и ФТС.

The basic material for assessing the existing problems is the source data and indicators already available in science: articles, as well as data from the websites of the state services of the Federal Tax Service and the Federal Customs Service.

In the course of writing this work, the following methods were used: analysis, deduction, synthesis, statistical method.

Keywords: customs procedure, customs duty, VAT, tax administration, duty-free trade, value added tax, foreign trade, value added tax.

В Российской Федерации действующая система налогообложения товаров, по отношению к которым применяются какие-либо таможенные процедуры, представляет собой сложный механизм, занимающий одно из важнейших мест в бюджетной системе страны. Товары, подпадающие под таможенные процедуры, являются частью внешней торговли и внешнеторгового оборота, что еще раз подчеркивает важность правильного налогообложения данной категории товаров. Такие товары, их оборот и налогообложение позволяют влиять не только на приток денежных средств в бюджет, но также и на формирование внешнеэкономических и политических отношений между странами, а, следовательно, на развитие экономики в целом. Что, учитывая сложившуюся эпидемиологическую ситуацию, является крайне важной проблемой.

У государства существует огромный список задач, решение которых должно сопровождаться повышением качества жизни граждан этого государства. Соответственно, государству необходимо иметь стабильные источники доходов, которые в свою очередь формируют финансовые ресурсы государства и покрывают расходы. Для удовлетворения как общественных, так и государственных нужд необходимо грамотно и четко осуществлять формирование бюджета.

Среди основных инструментов регулирования, осуществляемое государством, как национальной экономики и международных экономических отношений являются таможенные платежи. Поэтому значение оценки анализа таможенного администрирования получает все больше внимания и в связи с этим приобретает приоритетное значение.

Налогообложение таких товаров формирует инвестиционный климат внутри стран и создает барьеры входа иностранных товаров на внутренний рынок страны или экономического союза, что напрямую влияет на развитие страны.

В ходе написания данной работы использовались следующие методы: анализ, дедукция, синтез, статистический метод.

Ключевые слова: таможенная процедура, таможенная пошлина, НДС, налоговое администрирование, беспошлинная торговля, налог на добавленную стоимость, внешняя торговля, налог на добавленную стоимость.

Выбор таможенной процедуры напрямую влияет на таможенные платежи, к которым, с учетом вышесказанного, можно отнести таможенные пошлины, таможенные сборы, НДС и акцизы, уплаченные при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

Анализируя действующий в стране порядок администрирования таможенных платежей, взимаемых таможенными органами, следует понимать, что большая ответственность возложена на таможенные органы по взиманию платежей правовой и экономической природы, ведь на них приходится большая часть доходов федерального бюджета.

Таможенная служба является одним из основных элементов рыночной инфраструктуры и на основании этого ей принадлежит важная роль, чтобы обеспечить экономические интересы страны. Для решения экономических проблем и для регулярного пополнения государственного бюджета страны таможенная служба участвует в регулировании внешнеторгового оборота и осуществляет фискальную функцию. Также таможенные органы выполняют следующие задачи: взимают таможенные платежи, следят за правильностью их исчисления, своевременность их уплаты, принимают меры по принудительному взысканию, безусловно, в пределах своих компетенций. Обязанность по перечислению денежных средств, включающие в себя различные штрафы, проценты и другие платежи, в федеральный бюджет тоже входит во власть таможенных органов и является результатом применения финансово-правовых санкций и административных наказаний.

Важно понимать, что в фискальном процессе участвуют органы исполнительной власти, а именно, Федеральная таможенная служба и Федеральная налоговая служба, а также физические и юридические лица, участвующие в процессе налогообложения. В связи с этим получение таможенных платежей выделяется как один из основных источников пополнения бюджета государства.

Таблица 1. Поступления таможенных платежей в бюджет

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019	2020
Ввозная пошлина (млрд.руб.)	656	597	568	484	490	506	579	618	616
НДС (млрд.руб.)	1 557	1 562	1 631	1 644	1 762	1 901	2 256	2 613	2 702
Акцизы (млрд.руб.)	51	57	60	60	59	76	95	89	98
Вывозная пошлина (млрд.руб.)	4 100	4 058	4 637	2 780	2 054	1 968	3 026	2 291	1 148
Таможенные сборы (млрд.руб.)	22	29	20	20	17	18	20	20	27
Таможенные платежи	6 385	6 303	6 917	4 988	4 382	4 470	5 975	5 632	4 590
Доля там платежей	55,8%	63,5%	66,3%	56,1%	54,6%	46,3%	44,4%	37,1%	29,5%
Всего по налоговым и другим доходам в федеральный бюджет	11 446	9 932,66	10 429,4	8 891,76	8 021,34	9 651,96	13 467	15 167,9	15 576,1
Доля НДС	0,45	0,93	0,93	0,92	0,92	0,92	0,92	0,38	0,39
НДС ВНУТР+НДС ВНЕШ	3 443	1 671	1 750	1 785	1 913	2 067	2 442	6 871	6 970
В том числе									
Налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации (млрд.руб.)	102,70	1 868,21	2 181,42	2 448,35	2 657,40	3 069,93	3 574,6	3 559,8	3 575,4
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), ввозимым на территорию Российской Федерации (млрд.руб.)	1,95	461,05	520,83	527,89	632,16	909,57	860,72	857,17	860,91
Налог на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации (млрд.руб.)	1 886,1	108,88	119,26	141,73	150,80	166,38	186,56	4257,8	4268,6
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации (млрд.руб.)	341,87	6,45	11,42	6,51	3,29	2,26	1,19	946,7	900,3

Помимо того, что таможенные платежи составляют в формировании федерального бюджета значимую часть, они также влияют на такие показатели, как соотношение спроса и предложения на рынке, а значит и объем импорта и экспорта, уровень цен на товары, и процесс улучшения российского производства.

При этом таможенные платежи, взимаемые таможенным органом, можно классифицировать на три группы:

- ◆ распределяемые между странами-членами Союза;
- ◆ перечисляемые в полном объеме в федеральный бюджет государства;
- ◆ учитываемые до наступления определенных действий, которые устанавливает таможенное законодательство, на едином счете.

Также, таможенные платежи считались и до сих пор считаются одним из главных источников пополнения государственной казны. Из этого следует, что значимую часть бюджета страны составляют таможенные платежи, взимаемые таможенными органами.

Чтобы понять экономическую роль таможенных платежей в федеральном бюджете, была составлена таблица 1.

Согласно данным таблицы 1 можно заметить явное уменьшение ввозной вывозной пошлины, однако, НДС не падает также сильно, а в некоторые годы даже растет при одновременном падении пошлин. Из этого можно сделать вывод о некой компенсирующей функции налога на добавленную стоимость для бюджета.

Однако представленные выше данные отражают только общую ситуацию о поступлениях таможенных платежей в федеральный бюджет, поэтому на основе статистических данных ФТС и отчетов 1-НМ с сайта налоговой службы, была составлена таблица 2.

Согласно данным таблицы 2, можно заметить натуральное и процентное изменение поступлений таможенных платежей в федеральный бюджет. В период 2014–2015 гг. ФТС собирала меньше запланированного, в 2016 и 2017 годах план перевыполнялся в среднем на 4–6%. Данные таблицы 2 наглядно показывают рост

Таблица 2. Поступление средств от таможенных платежей в федеральный бюджет (млрд.руб).

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего по налоговым и другим доходам в федеральный бюджет	11 445,83	9 932,66	10 429,39	8 891,76	8 021,34	9 651,96	13 466,72	15 167,90	15 576,10
Темпа роста от 2012г. (%)	-	86,78	91,12	77,69	70,08	84,33	117,66	132,52	136,09
Темпа роста к предыдущему году. (%)	-	86,78	105,00	85,26	90,21	120,33	139,52	112,63	102,69
Таможенные платежи	6 385,34	6 302,69	6 916,73	4 987,55	4 381,75	4 469,50	5 975,30	5 631,70	4 590,00
Темпа роста от 2012г. (%)	-	98,71	108,32	78,11	68,62	70,00	93,58	88,20	71,88
Темпа роста к предыдущему году. (%)	-	98,71	109,74	72,11	87,85	102,00	133,69	94,25	81,50
НДС	1 557,00	1 561,90	1 631,00	1 643,50	1 762,18	1 900,80	2 255,50	2 613,40	2 701,60
Темпа роста от 2012г. (%)	-	100,31	104,75	105,56	113,18	122,08	144,86	167,85	173,51
Темпа роста к предыдущему году. (%)	-	100,31	104,42	100,77	107,22	107,87	118,66	115,87	103,37
Ввозная пошлина	655,50	596,70	568,10	484,20	489,80	506,00	578,60	618,20	615,50
Темпа роста от 2012г. (%)	-	91,03	86,67	73,87	74,72	77,19	88,27	94,31	93,90
Темпа роста к предыдущему году. (%)	-	91,03	95,21	85,23	101,16	103,31	114,35	106,84	99,56
Вывозная пошлина	4 099,70	4 058,00	4 637,10	2 780,40	2 054,07	1 968,30	3 025,70	2 291,30	1 148,10
Темпа роста от 2012г. (%)	-	98,98	113,11	67,82	50,10	48,01	73,80	55,89	28,00
Темпа роста к предыдущему году. (%)	-	98,98	114,27	59,96	73,88	95,82	153,72	75,73	50,11
Доля таможенных платежей	55,8%	63,5%	66,3%	56,1%	54,6%	46,3%	44,4%	37,1%	29,5%

доли таможенных платежей в период с 2012 по 2014 гг., однако, в последующие года доля таможенных платежей только снижалась. К тому же явно прослеживается тенденция уменьшения доли таможенных пошлин в федеральном бюджете, однако эти потери компенсируются за счет увеличивающихся показателей НДС (как абсолютных, так и относительных).

Однако, стоит принять во внимание, что, рассматривая таможенные поступления в бюджет на столь большом промежутке времени, необходимо освободить данные от влияния инфляции, продисконтировав их. Сделать это можно по отношению к отчетной дате или к предыдущему году, после чего можно сравнить темпы роста показателей к отчетной дате и предыдущему году для получения более точного результата. Проведя процесс дисконтирования данных к отчетной дате, можно увидеть общую картину поступлений за весь период наблюдения, что позволит сделать вывод о росте или упадке поступлений в целом. Дисконтирование к предыдущему году позволит сделать вывод о росте доходов федерального бюджета в краткосрочной перспективе и позволит получить более точные данные для построения графика в будущем. Согласно данным статистики сайта ФТС была составлена таблица 3.

Согласно данным таблицы 3, можно заметить, что прирост абсолютных и относительных показателей ввозных и вывозных таможенных пошлин уменьшается, что говорит нам о том, что в пересчете на менее ликвидные деньги отчетного периода государство несет убытки, однако потери бюджета компенсируются растущими показателями НДС. То есть повышается привлекатель-

ность России, как торгового партнера, что приводит к уплате бо́льших косвенных налогов (уменьшение объема пошлин может быть связано с предоставленными льготами для наименее развитых и развивающихся стран).

В разрезе относительных величин, дисконтированных к прошлому году, наблюдается аналогичная ситуация: показатели ввозной и вывозной пошлины снижаются, при одновременном росте НДС, который стабилизирует показатель таможенных платежей. Данная ситуация наглядно демонстрирует компенсирующую функцию НДС и его важность в системе таможенных платежей и бюджете в целом.

Как видно из данных, представленных выше, доля НДС в таможенных платежах стремительно растет в последние годы, он начинает выполнять некую компенсирующую роль при снижении объема пошлин. Что возвращает нас к вопросу налогового администрирования таможенных платежей.

Таможенным кодексом предусмотрено 17 таможенных процедур для определения экономических последствий участников ВЭД, однако всё еще существуют методологические проблемы связанные с налогообложением товаров при применении таможенных процедур.

Некоторые проблемы возникают непосредственно из-за внутреннего законодательства. Например, проблемы, связанные с таможенной процедурой беспошлинной торговли. Как описали эту проблему

Таблица 3. Дисконтированные значения поступлений таможенных платежей в федеральный бюджет.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего по налоговым и другим доходам в федеральный бюджет	11445,83	9932,66	10429,39	8891,76	8021,34	9651,96	13466,72	15167,90	15576,10
дисконтирование от инфляции к отчетной дате	11005,60	9183,30	9271,69	7600,72	6592,95	7628,09	10233,60	11083,04	10943,56
Таможенные платежи	6385,34	6302,69	6916,73	4987,55	4381,75	4469,50	5975,30	5631,70	4590,00
дисконтирование от инфляции к отчетной дате	6139,75	5827,19	6148,95	4263,38	3601,48	3532,31	4540,74	4115,03	3224,87
НДС	1557,00	1561,90	1631,00	1643,50	1762,18	1900,80	2255,50	2613,40	2701,60
дисконтирование от инфляции к отчетной дате	1497,12	1444,06	1449,95	1404,87	1448,38	1502,23	1713,99	1909,59	1898,11
Ввозная пошлина	655,50	596,70	568,10	484,20	489,80	506,00	578,60	618,20	615,50
дисконтирование от инфляции к отчетной дате	630,29	551,68	505,04	413,90	402,58	399,90	439,69	451,71	432,44
Вывозная пошлина	4099,70	4058,00	4637,10	2780,40	2054,07	1968,30	3025,70	2291,30	1148,10
дисконтирование от инфляции к отчетной дате	3942,02	3751,85	4122,37	2376,70	1688,30	1555,58	2299,28	1674,23	806,64
Реальный прирост без инфляции по налогам и другим доходам в федеральный бюджет	-	83,44	100,96	81,98	86,74	115,70	134,16	108,30	98,74
Реальный прирост без инфляции по налогам и другим доходам в федеральный бюджет (к отчетной дате)	-	83,44	84,25	69,06	59,91	69,31	92,99	100,70	99,44
Реальный прирост без инфляции таможенных платежей	-	94,91	105,52	69,34	84,47	98,08	128,55	90,62	78,37
Реальный прирост без инфляции таможенных платежей (к отчетной дате)	-	94,91	100,15	69,44	58,66	57,53	73,96	67,02	52,52
Реальный прирост НДС без инфляции	-	96,46	100,41	96,89	103,10	103,72	114,10	111,41	99,40
Реальный прирост НДС без инфляции (к отчетной дате)	-	96,46	96,85	93,84	96,74	100,34	114,49	127,55	126,78
Реальный прирост ввозной пошлины без инфляции	-	87,53	91,55	81,95	97,27	99,33	109,95	102,73	95,73
Реальный прирост ввозной пошлины без инфляции (к отчетной дате)	-	87,53	80,13	65,67	63,87	63,45	69,76	71,67	68,61
Реальный прирост вывозной пошлины без инфляции	-	95,18	109,88	57,65	71,04	92,14	147,81	72,82	48,18
Реальный прирост вывозной пошлины без инфляции (к отчетной дате)	-	95,18	104,57	60,29	42,83	39,46	58,33	42,47	20,46
Всего по налоговым и другим доходам в федеральный бюджет (к предыдущему году)	11005,60	9550,64	10028,26	8549,77	7712,82	9280,73	12948,77	14584,52	14977,02
Реальный прирост без инфляции (по отношению к предыдущему году) по налогам и другим доходам в федеральный бюджет	-	86,78	105,00	85,26	90,21	120,33	139,52	112,63	102,69
Таможенные платежи (к предыдущему году)	6139,75	6060,28	6650,70	4795,72	4213,22	4297,60	5745,48	5415,10	4413,46
Реальный прирост без инфляции таможенных платежей (по отношению к предыдущему году)	-	98,71	109,74	72,11	87,85	102,00	133,69	94,25	81,50
НДС (к предыдущему году)	1497,12	1501,83	1568,27	1580,29	1694,40	1827,69	2168,75	2512,88	2597,69
Реальный прирост НДС без инфляции (по отношению к предыдущему году)	-	100,31	104,42	100,77	107,22	107,87	118,66	115,87	103,37
Ввозная пошлина (к предыдущему году)	630,29	573,75	546,25	465,58	470,96	486,54	556,35	594,42	591,83
Реальный прирост ввозной пошлины без инфляции (по отношению к предыдущему году)	-	91,03	95,21	85,23	101,16	103,31	114,35	106,84	99,56
Вывозная пошлина (к предыдущему году)	3942,02	3901,92	4458,75	2673,46	1975,07	1892,60	2909,33	2203,17	1103,94
Реальный прирост вывозной пошлины без инфляции (по отношению к предыдущему году)	-	98,98	114,27	59,96	73,88	95,82	153,72	75,73	50,11

в своей статье "Недостатки механизма косвенного налогообложения в ЕАЭС и способы их устранения" Артемьев А.А. и Пинская М.Р. при ввозе товаров на территорию Союза и их дальнейшее помещение под процедуру беспошлинной торговли НДС и акцизы не подлежат уплате согласно п. 1 ст. 51 ТК ЕАЭС, а также ст. 146 и 182 НК РФ.

Таможенная процедура беспошлинной торговли применяется и для товаров Союза, и для иностранных товаров. Согласно этой процедуре, такие товары располагаются и осуществляются непосредственно в самих магазинах беспошлинной торговли, где не уплачиваются пошлины, налоги, а также антидемпинговых, специальные и компенсационные пошлины в отноше-

нии иностранных товаров, если соблюдаются условия, такие как помещение товара под таможенную процедуру беспошлинной торговли и использование этого товара в соответствии с процедурой.

Если такой товар реализуется для покупателей, которые зарегистрированы в другом государстве-члене Союза, то сначала товар необходимо поместить под таможенную процедуру таможенного транзита. Далее контролируемым образом товары перемещаются в другое государство Союза покупателю, а именно, на таможенный склад или магазин беспошлинной торговли. В большинстве случаев такой покупатель представляет собой владельца самого магазина беспошлинной торговли (далее — МБТ) или таможенного склада.

Если рассматривать приобретение товара российским поставщиком, который далее реализует этот товар также российскому лицу, являющемуся владельцем магазина беспошлинной торговли, то покупателю будет предъявлен НДС и акцизы от поставщика согласно ст. 168, 198, а также других связанных с ними норм Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ). Рассматривая другую ситуацию, когда товар приобретает уже не российским, а иностранным поставщиком, но при этом все так же реализуется российскому лицу — владельцу МБТ, то согласно национальному законодательству государств, где иностранные поставщики зарегистрированы, и для соблюдения норм, которые относятся к освобождению или применению нулевой ставки касаясь косвенных налогов при реализации товара, которые в свою очередь помещены под таможенную процедуру экспорта, то НДС покупателю предъявляться не будет. В данном случае под иностранными поставщиками мы понимаем лица, которые могут быть зарегистрированы в государствах-членах Союза или же в третьих странах.

Решением данной проблемы может служить установление нулевой ставки НДС на операции по реализации товаров через магазины беспошлинной торговли. Но для этого необходимо вносить соответствующие изменения в НК РФ, а именно, дополнить пп. 1 п. 1 ст. 164 НК РФ, то есть внести правки о том, что при реализации товара, который помещен под проце-

дуру беспошлинной торговли, должна производиться по нулевой ставке, и при этом дополнить так же ст. 165 НК РФ, в которой будет указано, что реализация товара по налоговой ставке 0% должно производиться на основании предоставления копии таможенной декларации, где находятся под той же таможенной процедурой беспошлинной торговли, и отчета о реализации товаров.

Как итог, российский поставщик может предъявить покупателю НДС, а сумма НДС будет приниматься к вычету как при экспорте. На данный момент в менее экономически предпочтительных условиях выступают такие операции с товарами, которые приобретены именно у российских поставщиков, в сравнении с такими же операциями, но уже у иностранных поставщиков.

Необходимо внести дополнительные изменения в методологию косвенного налогообложения, данная мера сделает товар, созданный на территории ЕАЭС, более конкурентоспособным, чем товар, который производится не на территории ЕАЭС.

Данный подход представляется наиболее предпочтительным для соблюдения интересов Российской Федерации. Это выражается в том, что отношение к операциям среди участников, зарегистрированных в странах-членах Союза, было равно такое же, как и к внешнеторговым операциям.

В настоящий момент таможенные платежи являются одним из главных источников пополнения государственного бюджета. Поступление в бюджет таможенных платежей и сборов сегодня составляет значительную часть бюджета. Эффективность собираемости таможенных платежей напрямую зависит от экспорта и импорта товаров, а также от нормативно-правовой базы, созданной государством для получения в полном объеме всех таможенных платежей.

Особая благодарность Сидоровой Елене Юрьевне, доктору экономических наук, профессору Департамента налогов и налогового администрирования за предоставление и помощь в обработке статистической информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс] // от 13.07.2015 № 214-ФЗ, № 232-ФЗ (ред. от 10.10.2016) // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 12.04.2017) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <http://www.eaunion.org/>. — Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 12.04.2017) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <http://www.eaunion.org/>.

3. International VAT/GST Guidelines, OECD, 2015, CHAPTER3: Determining the Place of Taxation for Cross-Border Supplies of Services and Intangibles, p.13 // Руководство ОЭСР по налогообложению НДС внешнеэкономических операций. ОЭСР, 2015 г., Глава 3: Определение места налогообложения трансграничных операций с услугами и имущественными правами. URL: www.oecd.org
4. Гараев А.А. Правовые меры повышения собираемости таможенных платежей / А.А. Гараев // Административное и муниципальное право. — 2017. — С. 29–39.
5. Красота Т.Г. Таможенные платежи [Текст]: Монография / Т.Г. Красота. — Ульяновск: Зебра, 2017. — 76 с.
6. Пинская М.Р., Артемьев А.А. недостатки механизма косвенного налогообложения в ЕАЭС и способы их устранения; // 2018 / Международные отношения;
7. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://customs.gov.ru/>
8. Сибирякова Т.А., Полежарова Н.В. Роль таможенных процедур в системе таможенно-тарифного регулирования [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_41464221_41913583.pdf

© Ефремов Михаил Алексеевич, Уханова Екатерина Андреевна (ukhanovaekaterina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ВЫЯВЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ

IDENTIFICATION OF UNIVERSAL FACTORS OF FORMATION OF COMPETITIVENESS OF PRODUCTS

**I. Zaitseva
B. Musatov**

Summary. Competitiveness is a broad and unambiguously vague term in the scientific marketing literature. A comprehensive analysis of various theoretical and research papers on this topic has allowed us to form a hypothesis regarding the presence of universal factors in the formation of competitiveness of products, regardless of its market niche. Based on the historical analysis of the evolution of the resource approach to analyze the success of companies and their products in various markets, a logical scheme for the formation of the competitiveness of the company's products has been developed. The article also provides a brief practical guide to the application of the scheme developed by the author.

Keywords: competitiveness, competition, product differentiation, resource approach, competitive forces, marketing analysis.

Зайцева Ирина Александровна

Аспирант, Российский Экономический Университет
имени Г.В. Плеханова, chaleurish@yandex.ru

Мусатов Борис Владимирович

Д.э.н., профессор, Российский Экономический
Университет имени Г.В. Плеханова
Musatov.BV@rea.ru

Аннотация. Конкурентоспособность широкий и однозначно неопределенный термин в научной маркетинговой литературе. Комплексный анализ различных теоретических и исследовательских работ по данной теме, позволил сформировать гипотезу относительно наличия универсальных факторов формирования конкурентоспособности продукции вне зависимости от ее рыночной ниши. На основе исторического анализа эволюции ресурсного подхода для анализа успеха компаний и их продукции на различных рынках разработана логическая схема формирования конкурентоспособности продукции компании. Также в статье приведено краткое практическое руководство по применению разработанной автором схемы.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, дифференция продукции, ресурсный подход, конкурентные силы, маркетинговый анализ.

Введение

Конкурентоспособность достаточно широкий термин. В научной литературе, как российской, так и зарубежной нет однозначного единого определения для этого явления (1, с. 72; 2, с. 81; 3; 4, с. 36, 37, 41; 6; 7; 9, с. 15; 10; 11; 12, с. 98–99; 13; 15). Проведенный обзор и анализ понятия конкурентоспособность позволил обобщить это явление в следующую формулировку — конкурентоспособность продукции выражается через степень удовлетворенности потребителей конкретной продукции, которые выбирают ее на соответствующем рынке среди конкурентов. Следует отметить, что предлагаемые различными авторами определения конкурентоспособности, при этом, не несут в себе отражение всех 5 конкурентных сил (по Портеру), которые оказывают влияние на формирование конкурентоспособности. В этой связи мною была выдвинута гипотеза о наличии нескольких укрупненных факторов, наличие которых является обязательной основой формирования конкурентоспособности для компаний различных отраслей на всем многообразии рынков.

Предпосылки появления гипотезы универсальных факторов формирования конкурентоспособности

Понятие конкурентоспособности неотрывно связано с определением отличий продукции компании. В 1980-х годов в научной литературе укрепляется ресурсный подход к управлению компанией, ее стратегией и развитием на рынке. Ресурсный подход характеризуется тем, что в основе принятия решений лежит необходимость в определении и оптимальном распределении ресурсов компании для достижения неповторимого преимущества на рынке. В первых статьях, посвященных теме развития применения ресурсного подхода в компаниях, делался акцент на важности грамотного планирования неоднородных ресурсов. Ранние научные статьи и работы сосредоточились, как раз, на неоднородности ресурсов (47, с. 241; 50, с. 940; 55, с. 172).

Анализ публикаций, которые исследуют и развивают ресурсный подход позволяет обобщить его в сле-

дующее определение — фирмы, которые развивают ценные, неподражаемые, редкие и не подлежащие замене ресурсы компетенции возможности, превосходят своих конкурентов. Ресурсный подход рассматривает компанию как набор определенных производственных ресурсов, которые компания может использоваться для создания ценности и конкурентного преимущества своей продукции (18, с. 101; 19; 29, с. 29; 38, с. 1071; 41, с. 368; 42, с. 519; 43, с. 122; 46, с. 79–81; 49, с. 40; 51, с. 235; 56, с. 172, 174). В данном контексте логично утверждение, что чем более ценными и редкими ресурсами обладает компания, тем большее преимущество фирма может получить. При этом неоднородность распределения или доступа к ресурсам, изначально предполагает значительный отрыв для ряда компаний, которые ими обладают изначально или смогли их завоевать или развить внутри компании. Такой подход подчеркивает необходимость приобретения «особой» ресурсной базы для достижения конкурентного успеха продукции компании на рынке.

Также следует отметить, что трактовка слова «ресурсы» в анализируемых публикациях достаточно широкая. Речь идет не только о денежных или временных ресурсах компаний (или о природных ресурсах для ряда отраслей), которые действительно неравномерно распределены на рынке, но скорее о необходимости развития внутри компаний компетенции, умения правильно оценивать доступные конкретной компании ресурсы, находить баланс их использования и уже на основе проделанной работы определять то, чем компания и ее продукция может дифференцироваться на рынке.

В дальнейшем авторы стали обращать внимание и исследовать непосредственно процессы, которые лежат в основе распределения ресурсов — то, как компании организуют этот процесс казалось более важным индикатором для последующей оценки успеха или неуспеха продукции компаний и их самих на рынке. В более поздних исследованиях подчеркивалось, что именно то, как предприятие выстроило процесс распределения ресурсов внутри, непосредственно связано с успехами компании на рынке, поскольку грамотное распределение ресурсов позволяет им создать необходимое отличительное преимущество и дифференцироваться от конкурентов. Первоначально статический взгляд на ресурсный подход расширился, чтобы сосредоточиться на том, как фирма интегрирует и использует свои ресурсы. Непосредственное обладание или доступ к уникальному ресурсу еще не является гарантией появления уникальной дифференциации продукции на рынке. Доступ к ресурсу — это необходимое, но недостаточное условие конкурентного преимущества. Достаточность возникает на основе того,

как фирма организует распределение и использование своих ресурсов в процессе создания конкурентных преимуществ. Таким образом, в научной среде формируется новый взгляд, который определяется как «динамические возможности» компании и утверждается, что реальное отличие заключается именно в процессе или процессах, согласно которым компания разрабатывает и использует ресурсы таким образом, чтобы максимально повысить конкурентоспособный потенциал своей продукции. Таким образом, из ресурсного подхода к созданию конкурентоспособности компании и ее продукции, выросло новое направление исследования «концепция динамических возможностей» для обеспечения конкурентного преимущества и успеха компании на рынке (5, с. 24–26; 16, с. 433; 20, с. 42; 23, с. 257; 25, с. 6,7; 26, с. 77; 27, с. 112; 30, с. 28,31; 36, с. 340; 39, с. 1321; 44, с. 92; 46, с. 82; 48, с. 95; 52, с. 58; 53, с. 510).

Впоследствии ряд исследователей использовали теоретическую базу ресурсного подхода и концепцию динамических возможностей для развития коллаборационного подхода к определению конкурентных преимуществ. Указывая на рост конкурентного давления, которое при этом сопровождается усилением глобализации и быстрым технологическим прогрессом, исследователи делают вывод, что сотрудничество, в том числе межфирменное, обладает в настоящее время большим потенциалом с точки зрения положительного влияния на конкурентоспособность компании (14, с. 121; 17, с. 130, 133; 22, с. 74; 24, с. 257; 28, с. 289; 31, с. 2,3; 32, с. 331; 33, с. 117; 34, с. 39; 35; 37, с. 112; 40, с. 237; 45, с. 151; 54, с. 1325).

Важным аспектом, на мой взгляд, является то, что интеграционный подход в части разработки и внедрения единой системы оценки применим не только для крупных вертикально интегрированных компаний, которым необходимо выстраивать отношения внутри по сути холдинговой структуры. Коллаборационный подход важен в первую очередь для микро и малого бизнеса, поскольку в виду изначального ограничения ресурсов, как финансовых, так и человеческих — создание среды системного сотрудничества необходимое условие для успеха микропредприятия и его продукции.

Один из наиболее важных факторов, который, как раз, позволяет компании наиболее грамотно планировать свои рыночные ожидания (вне зависимости от типа рынка) — это формирование источников информации. Какая информация является более ценной — внутрифирменная информация или информация из открытых источников. Следует понимать, что внешняя информация из открытых источников задает своеобразные границы каждому рынку или нише, на базе которой рассчитывается условный минимум

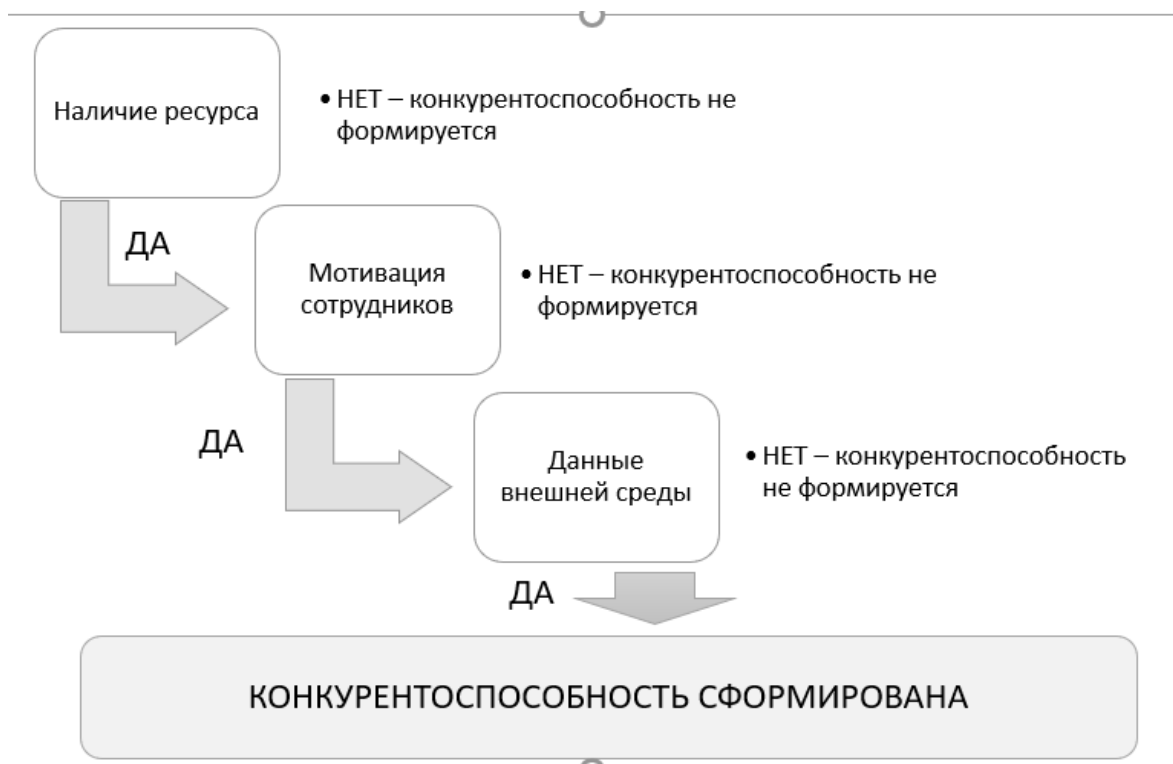

Рис. 1. Логическая схема формирования конкурентоспособности продукции компании

и максимум рыночного потенциала для каждой конкретной компании в интересном для нее рынке или ниши. Такой расчет — это условная лакмусовая бумажка для собственников компании, управленцев или аналитиков, которая позволяет оценить реалистичность финансовых моделей и программ развития компании. Само же построение финансовых моделей и программ развития и продвижения продукции должно строиться на базе внутренних данных компаний, потому как именно внутренние данные компании учитывают (несут в себе) ресурсный потенциал, которым компания обладает на данный момент. Находя эту точку «сейчас» — то есть описывая в экономических показателях существующую реальность для компании и ее продукции, управляющие директора могут спрогнозировать дальнейшее развитие — как условную «линию тренда». То же и с конкурентным преимуществом — продукция компании обладает им изначально, только ввиду того что продукция конкретной компании производится именно ей, как отдельной физической и управленческой сущностью. При этом следует отметить, что на любом рынке с развитой конкуренцией, такое конкурентное преимущество ничтожно, близко к нулю. Если компания находится именно в таком состоянии «сейчас» относительно конкурентного преимущества своей продукции, то внешние границы рынка или ниши, которые были изучены компанией ранее, могут помочь с планированием желаемого результата.

Приведенное выше описание этапов развития теории ресурсного подхода к управлению компанией позволяют выделить 3 универсальных фактора формирования конкурентоспособности продукции — наличие ресурса, мотивация сотрудников, данные внешней среды.

Логическая схема формирования конкурентоспособности

Результатом проверки жизнеспособности предложенной гипотезы стала разработанная логическая схема формирования конкурентоспособности продукции компании, которая приведена на рис. 1.

Важной особенностью данного авторского подхода к выделению факторов формирования конкурентоспособности является наличие сильной взаимосвязи между факторами и последовательности их появления. Начав с интуитивно понятных ресурсов, как необходимого фактора появления самой продукции как таковой, по мере раскрытия темы все острее перед учеными вставал вопрос — почему в двух компаниях при более-менее одинаковых ресурсных возможностях и существующих производственных процессов получаемый результат может кардинально отличаться. Аналогично и переход к третьему этапу развития начинался с необходимости поиска нового дифференциатора в успехе

компания, когда сила двух изученных факторов в компаниях, по сути, равна.

Наличие ресурса. Следует отметить, что трактовка слова «ресурсы» достаточно широкая. Речь идет не только о денежных или временных ресурсах компаний (или о природных ресурсах для ряда отраслей), которые действительно неравномерно распределены на рынке, но в том числе об умении правильно оценивать доступные конкретной компании ресурсы, находить баланс их использования и уже на основе проделанной работы определять то, чем компания и ее продукция может дифференцироваться на рынке. В данном контексте ресурсный подход в управлении компанией актуален до сих пор. Продукт невозможно произвести из пустоты, из «ничего». Отдельно считаю важным отметить, что все более распространяющиеся «интеллектуальные» бизнесы не являются примером продукта без ресурсов. В таких компаниях «ресурс» это наличие людей, производящих продукции своими знаниями и навыками. В данном контексте этот ресурс не отличается от любого другого природного ресурса, будь то нефть или металл. За этот ресурс также происходит борьба. В общем смысле именно на этом уровне проявляется власть поставщиков и «продуктов-заменителей».

Мотивация сотрудников. В рамках разработанной логической схемы под уровнем «мотивация сотрудников» понимается весь спектр необходимых компетенций для реализации ресурсного преимущества компании. В условиях ограниченности в распределении ресурсов внутри компании часто наблюдается открытая или скрытая конкуренция, что негативно сказывается на общем результате компании. В рамках развития теории динамических возможностей сложностям координации деятельности между сотрудниками компаний посвящено много научных работ и исследований. Данное направление очень широко и разносторонне представлено в научной литературе и развивается в межотраслевых обзорах и публикациях. Для микропредприятий этот аспект также является крайне существенным — несмотря на небольшое число сотрудников микропредприятия обладают также меньшими ресурсами для распределения.

Данные внешней среды. В рамках предложенной схемы под уровнем «данные внешней среды» понимается совокупность 3 внешних конкурентных сил по М. Портеру: власть покупателей, существующий уровень конкурентоспособности и возможность появления новых игроков. Следует понимать, что внешняя информация из открытых источников задает своеобразные границы каждому рынку или нише, на базе которой рассчитывается условный минимум и макси-

мум рыночного потенциала для каждой конкретной компании. Такой расчет — это условная лакмусовая бумажка для собственников компании, управленцев или аналитиков, которая позволяет оценить реалистичность финансовых моделей и программ развития компании. Само же построение финансовых моделей и программ развития и продвижения продукции должно строиться на базе внутренних данных компаний, потому как именно внутренние данные компании учитывают (несут в себе) ресурсный потенциал, которым компания обладает на данный момент. То же и с конкурентным преимуществом — продукция компании обладает им изначально только ввиду того, что продукция конкретной компании производится именно ей, как отдельной физической и управленческой сущностью. При этом следует отметить, что на любом рынке с развитой конкуренцией, для микропредприятий такое конкурентное преимущество ничтожно, близко к нулю. Если компания находится именно в таком состоянии «сейчас» относительно конкурентного преимущества своей продукции, то внешние границы рынка или ниши, которые были изучены компанией ранее, могут помочь с планированием желаемого результата.

Заключение

Предложенная автором логическая схема факторов формирования конкурентоспособности с точки зрения практического применения является верификатором наличия необходимых факторов при построении конкурентоспособности. Таким образом, работа по обеспечению конкурентоспособности с помощью данной модели строится в формате ответов руководителями микропредприятий на стратегические вопросы, а именно:

- ◆ на уровне наличия ресурса:
 - А) Есть ли у компании в наличии или в доступе необходимый для производства желаемой продукции ресурс/ ресурсы?
 - Б) Насколько уникален данный ресурс? Сколько компаний имеют доступ к его получению сейчас и в будущем?
 - В) Сколько «стоит» данный ресурс? Сколько поставщиков его предлагает?
 - Г) Чем можно заменить этот ресурс на уровне производства и на уровне потребителя?
- ◆ на уровне мотивации персонала:
 - А) Какие компетенции необходимы компании для реализации продукции на выбранном ресурсе?
 - Б) Выстроена ли в компании система мотивация сотрудников, которая позволяет избегать процессуальных нарушений в распределении и применении ресурса/ресурсов?

- ◆ на уровне данных внешней среды
 - А) Есть ли в компании описание потенциального потребителя продукта, созданного на базе выбранного ресурса? Насколько подробно описан потребитель?
 - Б) Сколько потребителей потенциально нуждается в данном продукте? Как часто потенциальный потребитель в нем нуждается?
 - В) Сколько компаний реализуют схожий продукт на базе выбранного ресурса?
 - Г) Каково рыночная позиция этих компаний? Как успешно они продают продукт?
 - Д) Какова вероятность появления новых продавцов продукта? Каковы барьеры входа на рынок? Как вход новых продавцов повлияет на распределение долей на рынке?

ЛИТЕРАТУРА

1. Альхасан А.А., Повышение конкурентоспособности продукции на предприятии, Молодой ученый, 2012, № 8, С. 69–75
2. Баумгартен Л.В., Анализ методов определения конкурентоспособности организаций и продукции, Маркетинг в России и за рубежом, 2005, № 4
3. Забин Д.В., Бребах Г.А., Прицельный маркетинг: Новые правила привлечения и удержания клиентов, Москва, ЭКСМО, 2006, 300 с.
4. Зайцева И.А., Моделирование конкурентоспособности: от продукции до страны, Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2018. № 3 (23). С. 35–44.
5. Ключева Ю.С., Гарина Е.П., Формирование и развитие ключевых компетенций компаний в системе конкурент-менеджмента, Вестник НГИЭИ. 2016. № 3 (58). С. 23–31
6. Котлер Ф., Маркетинг менеджмент, СПб, Питер, 2014, 464 с.
7. Мокроносов А.Г., Маврина И.Н., Конкуренция и конкурентоспособность: учебное пособие, Екатеринбург, издательство Уральского университета, 2014, 194 с.
8. Мусатов Б.В., Мусатова Ж.Б., Оценка эффективности маркетинга на основе показателей прибыли, Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием, 2016, Т. 7, № 2, С. 86–93
9. Парахин К.А., Парахина В.Н., Анализ понятия конкурентоспособность: сб. науч. тр., СевКавГТУ, Серия «Экономика», 2007, № 5
10. Петти В., Классика экономической мысли, Москва, ЭКСМО-Пресс, 2000, 895 с.
11. Портер М., Конкуренция, Москва, Вильям, 2005, 608 с.
12. Решетов К.Ю., Мысаченко В.И., Конкурентоспособность в среде инновационного предпринимательства, МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3–1 (23). С. 95–102
13. Фатхудинов Р.А., Глобальная конкурентоспособность. На стол современному руководителю, Москва, РИА «Стандарты и качество», 2009, 463 с.
14. Чебыкина М.В., Формирование маркетинга партнерских отношений как базовая стратегия повышения стоимости предприятий, Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 8. С. 120–125
15. Юданов А.Ю., Конкуренция: теория и практика, Москва, Гном и Д, 2001, 302 с.
16. Agarwal, R., & Selen, W. (2009). Dynamic capability building in service value networks for achieving service innovation. *Decision Sciences*, 40(3), 431–475.
17. Allred, C.R., Fawcett, S.E., Wallin, C., Magnan, G.M. A Dynamic Collaboration Capability as a Source of Competitive Advantage (2011) *Decision Sciences*, 42 (1), pp. 129–161.
18. Barney, J.B. (1991). Firm resource and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 17(1), 99–120.
19. Barney, J.B. (1997). *Gaining and sustaining competitive advantage*. Reading, MA: Addison-Wesley.
20. Barney, J.B. (2001). Is the resource-based 'view' a useful perspective for strategic management research? Yes. *Academy of Management Review*, 26(1), 41–56.
21. Barney, J.B. (2012) Purchasing, Supply Chain Management and Sustained Competitive Advantage: The Relevance of Resource-based Theory, *Journal of Supply Chain Management*, 48 (2), pp. 3–6.
22. Barratt, M. (2004). Unveiling enablers and inhibitors of collaborative planning. *International Journal of Logistics Management*, 15(1), 73–91.
23. Barreto, I. (2010). Dynamic capabilities: A review of past research and an agenda for the future. *Journal of Management*, 36(1), 256–280.
24. Bengtsson, M., Kock, S. Coopetition-Quo vadis? Past accomplishments and future challenges (2014) *Industrial Marketing Management*, 43 (2)
25. Brandenburger AM, Stuart HW. 1996. Value-based business strategy. *Journal of Economics and Management Strategy* 5(1): 5–24.
26. Chatain, O. Value creation, competition, and performance in buyer-supplier relationships (2011) *Strategic Management Journal*, 32 (1), pp. 76–102.
27. Chen, M.J. (1996). Competitor analysis and interfirm rivalry: Toward a theoretical integration. *Academy of Management Review*, 21(1), 100–134.
28. Chen, M.J. (2008). Reconceptualizing the competition-cooperation relationship a transparadox perspective. *Journal of Management Inquiry*, 17(4), 288–304.
29. Eaton, C.B., Lipsey, R.G., 1975. The principle of minimum differentiation reconsidered: some new developments in the theory of spatial competition. *Rev. Econom. Stud.* 42, 27–49.
30. Eisenhardt, K., & Martin, J.A. (2000). Dynamic capabilities: What are they? *Strategic Management Journal*, 21(10–11), 1105–1121.
31. Ellinger, A.E., Keller, S.B., & Hansen, J.D. (2006). Bridging the divide between logistics and marketing: Facilitating collaborative behavior. *Journal of Business Logistics*, 27(2), 1–27.
32. Emden, Z., Calantone, R.J., & Droge, C. (2006). Collaborating for new product development: Selecting the partner with maximum potential to create value. *The Journal of Product Innovation Management*, 23(4), 330–341

33. Ettlire, J., & Pavlou, P. (2006). Technology-based new product development partnerships. *Decision Sciences*, 37(2), 117–147.
34. Fawcett, S.E., Wallin, C., Allred, C., Fawcett, A.M., Magnan, G.M. Information technology as an enabler of supply chain collaboration: A dynamic-capabilities perspective (2011) *Journal of Supply Chain Management*, 47 (1), pp. 38–59
35. Gnyawali, D., He, J., Madhavan, R., & Bengtsson, M. (2012). Contradictions, dualities and tensions in cooperation and competition: A capability based framework. Presented at Academy of Management 2012 annual meeting, Boston Aug 03–07.
36. Helfat CE. 1997. Know-how and asset complementarity and dynamic capability accumulation: the case of R&D. *Strategic Management Journal* 18(5): 339–360.
37. Lado, A.A., Boyd, N.G., & Hanlon, S.C. (1997). Competition, cooperation, and the search for economic rents: A syncretic model. *Academy of Management Review*, 22(1), 110–141
38. Lippman SA, Rumelt RP. 2003. A bargaining perspective on resource advantage. *Strategic Management Journal* 24(11): 1069–1086.
39. MacDonald G, Ryall MD. 2004. How do value creation and competition determine whether a firm appropriates value? *Management Science* 50(10): 1319–1333.
40. Madhok, A. & Tallman, S.B. (1998). Resources, transactions and rents: Managing value through interfirm collaborative relationships. *Organization Science*, 9(3), 326–339.
41. Mahoney, J.T., & Pandain, J. (1992). The resource-based view within the conversation of strategic management. *Strategic Management Journal*, 13(5), 363–380.
42. Miller D, Shamsie J. 1996. The resource-based view of the firm in two environments: the Hollywood film studios from 1936 to 1965. *Academy of Management Journal* 39(3): 519–543.
43. Newbert, S.L. (2007). Empirical research on the resource-based view of the firm: An assessment and suggestions for future research. *Strategic Management Journal*, 28(2), 121–146.
44. Nicovich, S.G., Dibrell, C.C., & Davis, P.S. (2007). Integration of value chain position and Porter's (1980) competitive strategies into the market orientation conversation: An examination of upstream and downstream activities. *Journal of Business and Economic Studies*, 13(2), 91–106.
45. Oliver, A.L. (2004). On the duality of competition and collaboration: Network-based knowledge relations in the biotechnology industry. *Scandinavian Journal of Management*, 20(1/2), 151–171.
46. Prahalad, C.K., & Hamel, G. (1990). The core competence of the corporation. *Harvard Business Review*, 68(3), 79–91.
47. Penrose, E.T. (1959). Profit sharing between producing countries and oil companies in the middle east. *The Economic Journal*, 69(274), 238–254.
48. Porter, M.E. (1991). Towards a dynamic theory of strategy. *Strategic Management Journal*, 12(S2), 95–117.
49. Ramsay, J. (2001) "The Resource-Based Perspective, Rents, and Purchasing's Contribution to Sustainable Competitive Advantage," *Journal of Supply Chain Management*, (37:3), 2001, pp. 38–47.
50. Rubin, P.H. (1973). The expansion of firms. *Journal of Political Economy*, 84(4), 936–949.
51. Ruekert, R.W., & Walker, O.C. (1987). Interactions between marketing and R&D departments in implementing different business strategies. *Strategic Management Journal*, 8(3), 233–248.
52. Stalk, G., Evans, P., & Schulman, L. E. (1992). Competing on capabilities: The new rules of corporate strategy. *Harvard Business Review*, 70(2), 57–69.
53. Teece, D.J., Pisano, G., & Shuen, A. (1997). Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 18(7), 509–533.
54. Teece, D.J. (2007). Explicating dynamic capabilities: The nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*, 28(13), 1319–1350.
55. Wernerfelt, B. (1984). A resource-based view of the firm. *Strategic Management Journal*, 5(2), 171–180.
56. Wernerfelt, B. (1995). The resource-based view of the firm: Ten years after. *Strategic Management Journal*, 16(3), 171–174.

ПРОГРАММИРОВАНИЕ В МАТЛАБ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROGRAMMING IN MATLAB TO OPTIMIZE INNOVATION PROCESSES.

R. Calderon

Summary. Ecuador showed a significant GDP growth in the decade from 2010 to 2020, however, behind this growth there was no diversification of added value in national production. The implementation of innovation processes in the Ecuadorian business sector is a current need for the country to have an established growth guide to achieve short, medium and long-term goals. Innovation is the set of processes focused on improving production related to processes or products. In this area, mathematical tools are proposed and described that allow optimizing the performance of a productive organization from an objective, statistical and descriptive perspective, turning linear algebra and MATLAB into business improvement sources.

Keywords: innovation, matrices, linear algebra, MATLAB, efficiency, effectiveness.

Кальдерон Роберто Даниэль

Преподаватель, УТЭ Университет (Эквадор);
аспирант, Юго-Западный Государственный
Университет
roberto.calderon.84@inbox.ru

Аннотация. Эквадор продемонстрировал значительный рост ВВП за десятилетие с 2010 по 2020 год, однако за этим ростом не стояла диверсификация добавленной стоимости в национальном производстве. Внедрение инновационных процессов в бизнес-секторе Эквадора является актуальной необходимостью для страны иметь установленный ориентир роста и следить за выполнением краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей. Инновация — это набор процессов, направленных на улучшение производства, связанного с процессами или продуктами. В этой области предлагаются и описываются математические инструменты, которые позволяют оптимизировать производительность продуктивной организации с объективной, статистической и описательной точек зрения, превращая линейную алгебру и MATLAB в предшественников улучшения бизнеса.

Ключевые слова: инновации, матрицы, линейная алгебра, MATLAB, эффективность, результативность.

Инновация — экономическое применение изобретения [1]. Согласно этому определению, если инновация не нашла применения на рынке, то она не является инновацией. Инновация — это появление и разработка новых процессов, инструментов или продуктов, которые стимулируют рост экономики. Инновации заставляют экономику ускорять процесс своего роста, пока рынок не насытится и не начнется период депрессии или замедления. Допустимо, что система имеет циклы роста и депрессии, где инновации играют ключевую роль в поддержании этой динамики. Инновации классифицируются по двум параметрам: процессу и продукту. Если это процессная инновация, это означает, что в производственные, операционные или первичные процессы вносятся постоянные изменения с точки зрения времени, затрат, средств контроля и ресурсов, которые делают процесс универсальным; то есть способен меняться, чтобы успешно оставаться на рынке. Вместе происходят изменения в продукте, которые включают обработку новых ресурсов для получения новых продуктов. В обоих типах инноваций есть предварительные инвестиции и исследования для организации, чтобы получить соответствующие выгоды. Инновационный потенциал — это способность процесса или организации осуществлять свою произ-

водственную и стратегическую деятельность, чтобы производить более качественные продукты и услуги по сравнению с конкурентами. Вокруг концепции инновации были созданы предположения, которые со временем были утверждены в одних организациях и отвергнуты в других, например: «в компании есть ресурсы, которые нельзя переместить», «знания находятся в умах людей и в их распорядок дня», «эффективность инноваций исключительно экономическая», «обучение и инновации очень тесно связаны». Самый важный вклад для организации — это знания, а самый важный процесс — обучение. Часть этого обучения заключается в знании того, сколько денег и ресурсов следует выделять на инновационные процессы. Иногда больших денег не требуется, но увидеть инновации как инструмент экономического развития. В этом смысле организации, являющиеся экспертами в области инноваций, адаптируют человеческие ресурсы к новым задачам, что приводит к организационному обучению. В настоящее время не ведется дискуссия о том, необходимы инновации или нет; речь идет о механизмах ее осуществления, поскольку инновационный процесс требует терпения и времени [2]. На глобальном рынке то, что отличает одну организацию от другой, обычно является чем-то очень маленьким и незаметным, поэто-

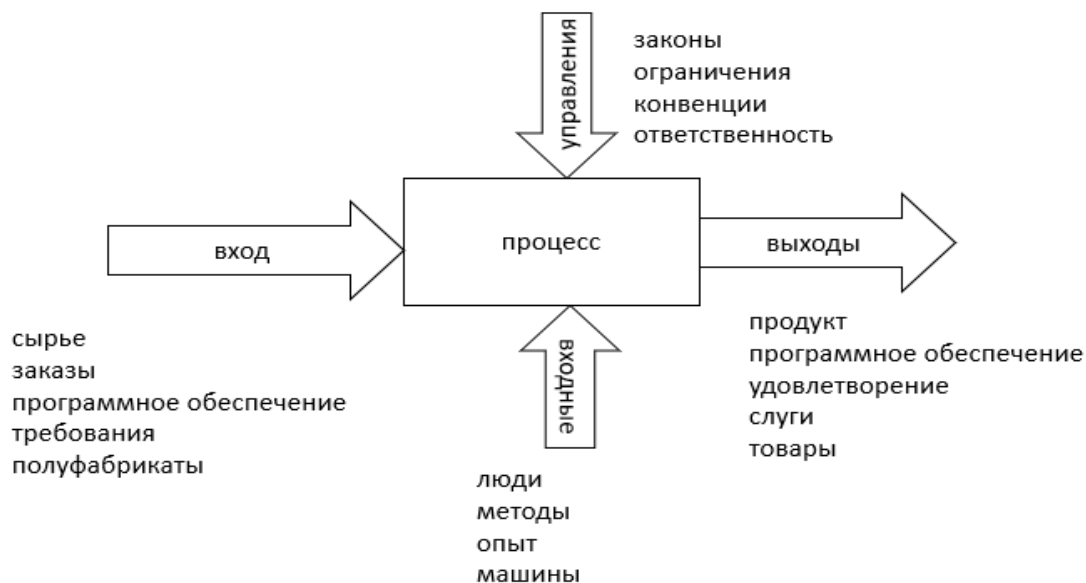

Рис. 1. Схема процесса с его компонентами. Источник: самодельный

му все члены организации должны быть частью инновационной команды и иметь возможность обратиться к высшему руководству, чтобы их голос был услышан и мог генерировать постоянные изменения в жизни компании [3]. Поскольку современные компании управляются процессами, многие инновационные идеи исходят из внешней среды; таким образом, поддержание хорошей связи с поставщиками, клиентами и конкурентами является хорошим источником внешней информации [4]. Любые усилия по инвестированию в инновации без выделения экономических ресурсов не имеют смысла, равно как и отсутствие лица, ответственного за осуществление этого инновационного процесса со среднесрочными и долгосрочными целями и сообщаемого о результатах. Сегодня существует высокая конкуренция, потому что в тот момент, когда на рынке появляется новый продукт, другие организации с более совершенными или более низкими технологиями могут производить такой же продукт и конкурировать на рынке. По этой причине единственным вариантом для компаний оставаться успешными на рынке является продолжение инноваций. Компании должны обеспечить предоставление основных ресурсов для своей работы, таких как: вода, электричество, инфраструктура, интернет, программное и аппаратное обеспечение, необходимое для их работы. Разницу между промышленно развитыми и неиндустриальными компаниями можно увидеть в наличии этих ресурсов. У каждой компании есть свои исходные данные, которые могут стать коммерческой тайной, которые, в отличие от патентов, представляют собой ресурсы, процедуры, исходные данные, проекты, компьютерные программы, формулы, финансовую информацию или общедоступные модели,

которые в сочетании друг с другом создают процессы и уникальные продукты. Самое важное в промышленных секретах то, что срок их действия не истекает, как у патентов. Организации состоят из людей, способных генерировать творческую идею, если у них есть постоянная мотивация. Эта мотивация может быть двух видов: выживания и конкурентоспособности. Не все люди могут быть гениями инноваций, но они могут иметь поддержку людей, разделяющих инновационное видение формирования рабочих групп внутри организаций. Компания состоит не только из дальновидных и любознательных людей, также очень необходима технологичная, гибкая и восприимчивая рабочая сила, которая быстро улавливает новые требования инновационных процессов и знает, как сообщать о недостатках и потенциальных решениях, которые возникают в процессе выполнения. повседневная промышленная деятельность. Говоря об инновациях, необходимо обязательно упомянуть, что I (исследования) + D (разработки) = I (инновации). Инновации являются частью делового администрирования или производственной инженерии, однако с серьезной озабоченностью отмечается, что ресурсы, выделяемые на исследования и разработки, недостаточны по отношению к сумме дохода, получаемого организацией. При отсутствии исследований и разработок нет инноваций точно так же, как если после инвестирования в исследования и разработки нет инноваций в продукте или услуге, эти ресурсы считаются не инвестициями, а расходами. Анализируя используемое выражение, мы можем спросить себя, соответствуют ли исследования и разработки стандартам, необходимым для их существования, и в этом случае в управление бизнесом вводятся два очень

Таблица 1. Таблица двойной записи

i \ j	C I	C II	C III	C IV
C1	$C1i_1 + CIj_1$	$C1i_2 + CIIj_2$	$C1i_3 + CIIIj_3$	$C1i_4 + CIVj_4$
C2	$C2i_2 + CIj_1$	$C2i_2 + CIIj_2$	$C2i_2 + CIIIj_3$	$C2i_2 + CIVj_4$
C3	$C3i_3 + CIj_1$	$C3i_3 + CIIj_2$	$C3i_3 + CIIIj_3$	$C3i_3 + CIVj_4$
C4	$C4i_4 + CIj_1$	$C4i_4 + CIIj_2$	$C4i_4 + CIIIj_3$	$C4i_4 + CIVj_4$

Источник: самодельный

распространенных термина: эффективность и результативность. Эффективность — это достижение цели, к количеству ресурсов, используемых для достижения этой цели. С точки зрения технологии производства эффективность представляет собой сочетание обоих терминов: действенности и эффективности [5]. Для компаний основной целью является эффективность, то есть максимизация прибыли при снижении производственных затрат до минимума. Инновации исходят не только от производителей, но и от потребителей, которым не следует бояться пробовать новые продукты, основанные на новых технологиях или новых применениях науки. Копия является частью инновации, поскольку слаборазвитые страны сделали копию инструментом-предшественником инновации. Стратегия этих стран заключалась в том, чтобы улучшить копию с помощью новых технологий, сократить использование ресурсов в виде сырья и посредников, но прежде всего в дешевой рабочей силе. В любом случае указанные термины относятся к процессам, образующим системы, поэтому необходимо определить каждую составляющую процессов, как на рисунке 1. Опять же, следует упомянуть, что концепция инноваций может быть применена к любому компоненту процесса: входы, выходы и элементы управления.

Распространенная во всем мире концептуальная ошибка состоит в том, что предполагается, что результатом инноваций станут новые продукты с более высокими доходами, чем первоначальные, и что они появятся немедленно [6]. Многие компании генерируют несколько инновационных процессов в различных областях, чтобы работать с успешной маржой в нескольких из них, которые покрывают убытки от тех инновационных процессов, которые не приносят прибыли в краткосрочной перспективе. По оценкам, в следующие 5 лет информация, которая будет производиться во всем мире, составит примерно 5 миллионов терабайт. Большая часть личной, деловой и профессиональной деятельности будет храниться в глобальном обла-

ке. В то же время требуется интерпретация огромной существующей информации, где можно узнать частоту потребления определенного продукта клиентом, дни наибольшего спроса на продукты, услуги, предпочитаемые клиентами или просто цвета или размеры самых продаваемых продуктов [7]. Предлагаемый показатель построен на основе матрицы двойной записи: производящий столбец включает внешнюю среду, государственную политику, финансирование и культурные традиции. Генерирующая строка включает правительство, бизнес, образование и отдельных лиц. Генерирующий столбец может иметь значения от 0 до 5; 0 — самый низкий уровень, а 5 — самый высокий. Генерирующая строка может иметь значения от 0 до -5; 0 — самый высокий, а -5 — самый низкий. Старшие менеджеры и члены организации присваивают значения каждому компоненту в соответствии со своим прошлым опытом, экономическими отчетами, бизнес-ассоциациями и т.д. Результат каждой ячейки получается алгебраической суммой строки и столбца.

Например, с матрицей Π ; путем вычисления собственных значений и собственных векторов считается; $|\Pi - \lambda I| = 0$. Высшее руководство организации вместе с оперативной областью создают матрицу Π

$$\Pi = \begin{bmatrix} 5 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 3 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 3 \end{bmatrix}$$

$$\left| \begin{bmatrix} 5 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 3 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 3 \end{bmatrix} - \lambda \begin{bmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \right| = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$\begin{bmatrix} 5 - \lambda & -2 & 0 & 0 \\ 4 & 1 - \lambda & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 3 - \lambda & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 3 - \lambda \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

Вычислить определитель матрицы; применяется метод Сарруса [8].

$$\Pi = \Pi_1 + \Pi_2 + \Pi_3$$

Следующая матрица соответствует:

$$\Pi_1 = \begin{bmatrix} 5-l & -2 & 0 & 0 & 5-l & -2 & 0 \\ 4 & -1-l & 0 & 0 & 4 & -1-l & 0 \\ 0 & 0 & 3-l & -1 & 0 & 0 & 3-l \\ 0 & 0 & 2 & 3-l & 0 & 0 & 2 \end{bmatrix}$$

Решая определитель, первый многочлен равен:

$$\Pi_1 = -29 - 6l + 28l^2 - 10l^3 + l^4$$

Следующая матрица соответствует:

$$\begin{bmatrix} 5-l & 0 & -2 & 0 \\ 4 & 0 & 1-l & 0 \\ 0 & 3-l & 0 & -1 \\ 0 & 2 & 0 & 3-l \end{bmatrix}$$

$$\Pi_2 = \begin{bmatrix} 5-l & 0 & -2 & 0 & 5-l & 0 & -2 \\ 4 & 0 & 1-l & 0 & 4 & 0 & 1-l \\ 0 & 3-l & 0 & -1 & 0 & 3-l & 0 \\ 0 & 2 & 0 & 3-l & 0 & 2 & 0 \end{bmatrix}$$

Решая определитель, второй многочлен равен:

$$\Pi_2 = 0$$

Следующая матрица соответствует:

$$\begin{bmatrix} 5-l & 0 & 0 & -2 \\ 4 & 0 & 0 & 1-l \\ 0 & 3-l & -1 & 0 \\ 0 & 2 & 3-l & 0 \end{bmatrix}$$

$$\Pi_3 = \begin{bmatrix} 5-l & 0 & 0 & -2 & 5-l & 0 & 0 \\ 4 & 0 & 0 & 1-l & 4 & 0 & 0 \\ 0 & 3-l & -1 & 0 & 0 & 3-l & -1 \\ 0 & 2 & 3-l & 0 & 0 & 2 & 3-l \end{bmatrix}$$

Решая определитель, второй многочлен равен:

$$\Pi_3 = 62 - 56l - 10l^2$$

Складывая все многочлены, получаем

$$\Pi = -29 - 6l + 28l^2 - 10l^3 + l^4 + 0 + 62 - 56l + 10l^2$$

$$33 - 62l + 38l^2 - 10l^3 + l^4 = 0$$

Разлагая полином на множители, получаем:

$$(l-3)(l-1)(l^2-6l+11) = 0$$

Итак, собственные значения:

$$l_1 = 3; l_2 = 1; l_3, l_4 \notin \mathbb{R}$$

Далее по полученным собственным значениям вычисляются собственные векторы матрицы [9].

$$l_1 = 3$$

$$\begin{bmatrix} 5 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 3 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 3 \end{bmatrix} - 3 \begin{bmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$\begin{bmatrix} 2 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -4 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 0 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$x_2 = x_1 = t; x_4 = 0; x_3 = 0;$$

$$\vec{x} = \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix}; \vec{x} = \begin{bmatrix} t \\ t \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}; \vec{x} = t \begin{bmatrix} 1 \\ 1 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$l_2 = 1$$

$$\begin{bmatrix} 5 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 3 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 3 \end{bmatrix} - 1 \begin{bmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$\begin{bmatrix} 4 & -2 & 0 & 0 \\ 4 & -2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 2 & -1 \\ 0 & 0 & 2 & 2 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$-F_3 + F_4 \rightarrow F_4$$

$$\begin{bmatrix} 4 & -2 & 0 & 1 \\ 4 & -2 & 0 & 1 \\ 0 & 0 & -2 & -1 \\ 0 & 0 & 0 & 3 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

$$x_2 = 2x_1; x_1 = t; x_4 = 0; x_3 = 0;$$

$$\vec{x} = \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix}; \vec{x} = \begin{bmatrix} t \\ 2t \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}; \vec{x} = t \begin{bmatrix} 1 \\ 2 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix}$$

```

vectores.m x +
1 - clear
2 - clc
3 - close all
4
5 - format short
6
7 - A=[5 -2 0 0;4 -1 0 0;0 0 3 -1;0 0 2 3]
8 - L=eig(A)
9
10
11 - [V, D]=eig(A)
12 - diag(D):
13
14
15

```

```

A =
    5    -2     0     0
    4    -1     0     0
     0     0     3    -1
     0     0     2     3

```

```

L =
    3.0000 + 0.0000i
    1.0000 + 0.0000i
    3.0000 + 1.4142i
    3.0000 - 1.4142i

```

```

V =
Columns 1 through 3
    0.7071 + 0.0000i    0.4472 + 0.0000i    0.0000 + 0.0000i
    0.7071 + 0.0000i    0.8944 + 0.0000i    0.0000 + 0.0000i
    0.0000 + 0.0000i    0.0000 + 0.0000i    0.0000 + 0.5774i
    0.0000 + 0.0000i    0.0000 + 0.0000i    0.8165 + 0.0000i

```

Рис. 2. Программный код
Источник: самодельный

Цель этой операции — получить собственный вектор, состоящий только из чисел 1, поскольку этот собственный вектор соответствует тавтологии в математике; что эквивалентно положительному сценарию для бизнес-инноваций. Как видно из расчета, собственное значение 3 создает лучший собственный вектор, чем 1, поэтому комбинация факторов, учитываемых в матрице, создает большие возможности для успеха в бизнесе. Ручной метод поиска векторов и собственных значений может оказаться слишком долгим; особенно если в строках и столбцах обрабатывается больше входных параметров. По этой причине в этой статье также показан программный код в Matlab, что значительно сокращает количество необходимых математических операций [10]. Например, для случая сгенерированной матрицы имеем:

Результаты такие же, как и сгенерированные ранее, но с помощью программы Matlab время разрешения оптимизируется для более своевременного принятия решений на благо компании.

Заключение

Инновации в бизнесе необходимы, чтобы быть в состоянии конкурировать на международном рынке сегодня. Различные стратегии непрерывного совершенствования были реализованы в разных организациях на протяжении многих лет. Самым ценным ресурсом компании являются люди, а из людей возникают идеи, процессы и инновационные механизмы, которые зачастую требуют математических знаний. Это математическое знание является частью бизнес-знания, которое применяется, когда принимаются во внимание такие факторы, как государственная политика, финансирование, культурные традиции, компании, образование и люди. Эти переменные используются для вычисления векторов и собственных значений; и, таким образом, знать возможные комбинации улучшения процесса. Традиционные методы расчета очень полезны, но можно использовать технологические инструменты для оптимизации времени отклика, что выгодно как компании, так и клиенту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schumpeter J.A. (1934) The theory of economic development. [книга]. — Cambridge.
2. Bankinter Fundación de la Innovación. (2010) El arte de innovar y emprender. [отчет]. USA.

3. Avilova, V; Lamberova, N. (2017). Management of Industrial Cluster. [книга]. Kasan.
4. Innovation Metrics: The innovation process and how to measure it. (2008) [электронный ресурс] // InnovationLabs.
5. Beno Seni. (2004) Educación y calidad de vida [книга]. — Bs As: [s.n.]
6. University. Department of Business and Management Aalborg. (2015) The origins of the national innovation system concept and its usefulness in the era of the globalizing economy. [конференция]. — Habana.
7. Comercio. Organización Mundial de <https://www.wto.org>. [электронный ресурс]. — 03 2020. — <https://timeseries.wto.org/>.
8. Grossman, S; Flores, J. (2012). Algebra Lineal. [книга]. México.
9. Benalcázar, H. (2013). Algebra Lineal y Aplicaciones. [книга]. Quito.
10. Izar, L. (2018). Métodos numéricos. [книга]. México.

© Кальдерон Роберто Даниэль (roberto.calderon.84@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕСТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К БАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

NON-STRUCTURAL APPROACH TO BANKING COMPETITION

L. Kussikbayeva

Summary. The important role of banking in the economy makes competition between banks an important and timely issue in many studies that attempt to study the determinants and consequences of competition in banking. The literature on the definition of competition in banking can be divided into structural and non-structural approaches. The structural approach derives the degree of competition from the structure of the market. The non-structural approach, based on the New Empirical Industrial Organization, assesses the degree of competition directly by observing the behavior of firms in the market. Non-structural measures of competition include: the Lerner index, the hypothetical variational model, the Panzar-Rosse model, the Boone indicator. This article discusses non-structural methods for determining the degree of competition, widely used in banking practice.

Keywords: banking, competition, non-structural approach to banking competition, Lerner index, hypothetical variational model, Panzar-Rosse model, Boone indicator.

Кусикбаева Лаура Закариевна

*Преподаватель, Западно-Казахстанский
инновационно-технологический университет,
г. Уральск, Казахстан
lkussikbayeva@mail.ru*

Аннотация. Важная роль банковского дела в экономике делает конкуренцию между банками важным и своевременным вопросом во многих исследованиях, в которых предпринимаются попытки изучить детерминанты и последствия конкуренции в банковской сфере. Литературу по определению конкуренции в банковской сфере можно разделить на структурный и неструктурный подходы. Структурный подход выводит степень конкуренции из структуры рынка. Неструктурный подход, основанный на Новой эмпирической промышленной организации, оценивает степень конкуренции напрямую, наблюдая за поведением фирм на рынке. К неструктурным мерам конкуренции относятся: индекс Лернера, гипотетическая вариационная модель, модель Панзара-Россе, индикатор Буна. В данной статье рассматриваются неструктурные методы для определения степени конкуренции, широко используемые в банковской практике.

Ключевые слова: банковская сфера, конкуренция, неструктурный подход к банковской конкуренции, индекс Лернера, гипотетическая вариационная модель, модель Панзара-Россе, индикатор Буна.

Проблема конкуренции в банковской сфере имеет большое значение из-за ее решающей роли в нефинансовой деятельности. Многие теоретические работы пытались объяснить неоднозначные последствия конкуренции для доступа к кредитам, стоимости и качества финансовых услуг, инноваций, стабильности финансовых систем и, следовательно, экономического развития. Чтобы эмпирически ответить на эти важные вопросы, необходимо найти надежные показатели для оценки банковской конкуренции. Чем точнее показатель, тем более точными могут быть эмпирические результаты. Оценка конкуренции в банковской сфере имеет давнюю традицию. Литература по измерению конкуренции обычно делится на два основных направления: структурный подход и неструктурный подход. Основываясь на традиционной промышленной организации, ранние исследования были сосредоточены на взаимосвязях между структурой рынка и производительностью (парадигма «структура-поведение-эффективность»), в которой говорилось, что вероятность сговора увеличивается с концентрацией рынка. Некоторые авторы, однако, выразили сомнение в надежности парадигмы «структура-поведение-эффективность» и связанных с ней структурных подходов меры конкуренции. В ответ на недостатки структурного подхода

были разработаны неструктурные меры конкуренции. Целью мер Новой эмпирической промышленной организации (NEIO) является прямая оценка конкурентного поведения фирм.

Рассмотрим эти методы. Индекс Лернера (или маржа цены и стоимости) — популярный показатель рыночной власти в эмпирических исследованиях. Рыночная власть фирмы определяется расхождением между ценой фирмы и ее предельными издержками. Цена и предельные издержки должны быть равны при совершенной конкуренции, но будут отличаться в менее конкурентных средах. Большой разрыв между ценой и предельными издержками свидетельствует о большей монопольной власти. Простота, понятная интерпретация являются основными причинами популярности данного индекса. Используя этот показатель можно измерять рыночную власть отдельно для разных банковских рынков (например, по банковским продуктам и по географическому признаку). Однако индекс Лернера страдает серьезными теоретическими и практическими ограничениями. Фактически, это показатель рыночной силы ценообразования, а не показатель конкуренции. Другими словами, увеличение средней рыночной власти с течением времени может

соответствовать увеличению в накал конкуренции. Индекс Лернера не позволяет провести различие между рынками с высокой маржой из-за неэластичного спроса и рынками с высокой маржой, потому что они менее конкурентоспособны или, возможно, действуют в рамках сговора. Чтобы преодолеть эту проблему, метод гипотетических вариаций был предложен рядом исследователей [1,2,3]. Цель состоит в том, чтобы контролировать изменения индекса Лернера из-за изменений спроса и, таким образом, изолировать конкурентное поведение фирм. Модель, описанная в [1] обеспечивает основу для оценки предполагаемых значений вариации для отдельных фирм, которые поставляют однородные продукты. Американский ученый Тимоти Бреснахан и китайский ученый Лоуренс ЛюЛау предлагают альтернативный подход, основанный на отраслевых данных. Преимущество этого метода — возможность использовать агрегированные отраслевые данные (более доступные, чем данные на уровне компаний).

Модель Панзара-Россе [4,5] является наиболее широко применяемой оценкой конкуренции в банковской литературе. Этот индикатор улавливает передачу производственных цен на выручку фирм. Слабая передача интерпретируется как указание на использование рыночной власти в ценообразовании, а более высокие значения указывают на усиление конкуренции. Для монополиста предельные затраты равны предельному доходу в состоянии равновесия. После увеличения цен на факторы производства предельные затраты увеличиваются. Чтобы поддерживать равновесие между предельными издержками и предельным доходом, монополист должен увеличивать предельный доход за счет уменьшения общего количества (поскольку предельный доход является убывающей функцией количества). Россе и Панзар [4] показывают, что общий доход уменьшается, если эластичность спроса по цене превышает единицу. Увеличение предельных затрат уменьшает количество, но увеличивает цену выпускаемой продукции. Если эластичность спроса превышает единицу, прибыль от повышения цены не компенсирует убыток от сокращения количества. Напротив, в условиях конкуренции рост цен на факторы производства приводит к увеличению общего дохода. Поскольку функции затрат должны быть однородными до степени единицы в ценах на вводимые ресурсы, любое увеличение цен на вводимые ресурсы приводит к увеличению затрат на равный процент. Выручка фирмы изменяется на тот же процент, что и ее общие затраты, и, следовательно, на тот же процент, что и цены на ее ресурсы, чтобы обеспечить условие нулевой прибыли (общие затраты равны общему доходу). Необходимые корректировки общего количества достигаются за счет сокращения количества фирм (долгосрочное равновесие).

Как следствие, повышение цен на сырье на 1 процент приводит к увеличению на 1 процент общего дохода на конкурентных рынках.

Исходя из этой теоретической основы, идентификация условий конкуренции получается путем расчета суммы эластичностей дохода по всем входным ценам. Сумма эластичности, часто называемая H -статистикой, находится в диапазоне от $-\infty$ до $+1$. Чем сильнее трансляция изменений затрат в изменения доходов, тем более конкурентоспособен рынок. В условиях совершенной конкуренции производственные цены и общий доход увеличиваются на один и тот же процент, а H -статистика равна единице. Американский ученый Шерилл Шаффер доказывает, что значение H -статистики равно единице для монополии на конкурентном рынке (свободный вход) [6]. Увеличение цен на факторы производства приводит к снижению общего дохода при определенных допущениях (например, эластичность спроса выше единицы). В работе [7] доказывается, что H -статистика неположительна в равновесии монополистической конкуренции без угрозы входа или для сговора олигополиста. Этот показатель составляет от 0 до 1 для конкурента-монополиста [4,5,7]. Экономисты-прикладники оценивают уравнение доходов в сокращенной форме. Тест проводится путем регрессии выручки (в логарифме) по входным ценам (в логарифме) и другим контрольным переменным. Успех модели PR объясняется ее простотой и тем, что она не предъявляет жестких требований к данным. Степень конкуренции можно рассчитать, используя только одно уравнение, требующее нескольких переменных и банков. В результате модель PR может быть получена из относительно небольшого числа наблюдений, что имеет решающее значение для исследований в менее зрелой банковской отрасли. Ш. Шаффер указывает, что модель PR является устойчивой в пределах рынка, поскольку в уравнении доходов не появляется никакого конкретного определения рынка [6]. Для оценки уравнения доходов требуются только данные от фирм, включенных в выборку. Это огромное преимущество в междисциплинарных исследованиях [8].

Бун расширил существующий набор мер конкуренции, предложив новую меру, основанную на идее о том, что эффективные фирмы получают большее вознаграждение на более конкурентных рынках. Индикатор исходит из представления о том, что на более конкурентном рынке фирмы более жестко наказываются с точки зрения прибыли за свою неэффективность [9]. Согласно гипотезе эффективности, более эффективные фирмы достигают лучших результатов с точки зрения более высокой прибыли за счет своих менее эффективных конкурентов, а также привлекают большую долю рынка [10]. Индикатор Буна использует этот эффект перерас-

пределения от неэффективных фирм к эффективным. В самом крайнем случае эффект перераспределения сочетается с эффектом отбора, поскольку наименее эффективные фирмы уходят с рынка. Бун показывает, что эффект перераспределения монотонно возрастает со степенью конкуренции [9]. В то время как усиление конкуренции может снизить объем производства фирм, это уменьшение будет меньше для более эффективных фирм. В результате доля рынка и прибыль более эффективных фирм увеличиваются, а менее эффективных — сокращаются. Другими словами, относительная разница в прибыли зависит от степени конкуренции. Как и любая модель индикатор Буна является упрощением реальности и страдает некоторыми ограничениями. Подход с использованием индикатора Буна фокусируется на одной важной взаимосвязи, на которую влияет конкуренция, тем самым игнорируя другие аспекты. Основное преимущество индикатора Буна заключается в том, что он может одновременно отражать динамику рынка и быть легко реализован для ограниченного числа наблюдений (за счет использования средних затрат в качестве меры эффективности).

Вывод

Подводя итог, можно сказать, что неструктурные показатели банковской конкуренции основаны на стандартной теории олигополии. Индекс Лернера оценивает среднюю рыночную силу ценообразования. Модель

гипотетических вариаций наблюдает, как соперники реагируют на изменения в поведении банка. Модель Панзара-Россе исследует, как изменения цен на факторы производства передаются в доход. Основное преимущество этих подходов состоит в том, что они позволяют различать различные возможные ситуации: сговор, совершенная конкуренция и несовершенная конкуренция (олигополия). Индикатор Буна основан на идее, что эффективные фирмы получают больше вознаграждения на более конкурентных рынках. Каждый индикатор имеет свои практические и теоретические преимущества, а также свои ограничения. Индекс Лернера является хорошей мерой индивидуальной рыночной власти, он не всегда является лучшим показателем конкуренции. Средняя степень рыночной власти может увеличиваться, уменьшаться или оставаться стабильной, даже если отдельные индексы Лернера снижаются из-за эффекта перераспределения от неэффективных фирм к эффективным. H -статистика Panzar-Rosse — хороший показатель конкуренции в статической перспективе. Однако для этого требуются сильные допущения (долгосрочное равновесие, эластичность спроса должна превышать единицу и т.д.), которые не всегда можно проверить и проверить. Кроме того, многие эмпирические приложения страдают от ограничений, связанных с оценкой уравнения масштабируемого дохода или уравнения цены. Наконец, индикатор Буна улавливает динамические аспекты конкуренции, но иногда может не определять степень конкуренции в краткосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Iwata, G. (1974). Measurement of conjectural variations in oligopoly. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 42(5):947–966.
2. Bresnahan, T. (1982). The oligopoly solution concept is identified. *Economics Letters*, 10(1–2):87–92.
3. Lau, L. (1982). On identifying the degree of competitiveness from industry price and output data. *Economics Letters*, 10(1–2):93–99.
4. Panzar, J. and Rosse, J. (1982). Structure, conduct and comparative statistics. *Bell Laboratories Economic Discussion Paper*
5. Panzar, J. and Rosse, J. (1987). Testing for "monopoly" equilibrium. *The Journal of Industrial Economics*, XXXV (4): 443–456.
6. Shaffer, S. (2004). Comments on «what drives bank competition? some international evidence». *Journal of Money, Credit and Banking*, 36(3):585–592.
7. Vesala, J. (1995). Testing for competition in banking: Behavioral evidence from Finland. *Bank of Finland Studies*.
8. Claessens, S. and Laeven, L. (2004). What drives bank competition? some international evidence. *Journal of Money, Credit and Banking*, 36(3):563–583.
9. Boone, J. (2008). A new way to measure competition. *The Economic Journal*, 118(531):1245–1261.
10. Demsetz, H. (1973). Industry structure, market rivalry and public policy. *Journal of Law and Economics*, 16:1–10.

© Кусикбаева Лаура Закариевна (lkussikbayeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОСРЕДЫ ОТРАСЛИ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

DIGITAL TECHNOLOGIES TO IMPROVE THE ENVIRONMENT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE MEDICAL PRODUCTS INDUSTRY

P. Kshniakin

Summary. The article is devoted to the study of processes taking place in sectors of the economy under the influence of digital transformation. The analysis is carried out on the example of the high-tech industry of medical devices. At the moment, for the development of the medical products industry, it is necessary to solve the problems of forming the environment of innovative entrepreneurship. According to the author, new information digital technologies should have a special impact, the use of which will overcome development barriers in the form of low digital literacy, high cost of the finished product, a long period of commercialization of development and the problems of scaling up technologies at the global level, replication of use in other industries. Particular attention is paid to the study of the “end-to-end” digital technology of virtual and augmented reality. Using the example of this technology, the opportunities for the development of the medical products industry are studied in detail and substantiated.

Keywords: digitalization, information technology, environment, innovative entrepreneurship, virtual reality, augmented reality, digital platform.

Кшнякин Петр Андреевич

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
kshnjakin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов, происходящих в отраслях экономики в условиях влияния цифровой трансформации. Анализ проводится на примере высокотехнологичной отрасли медицинских изделий. В настоящий момент для развития отрасли медицинских изделий необходимо решить проблемы формирования инновационной экосреды. Особое влияние, по мнению автора, должны оказать новые информационные цифровые технологий, применение которых позволит преодолеть барьеры развития в виде низкой цифровой грамотности, высокой стоимости готового продукта, длительного периода коммерциализации разработок и проблем масштабирования технологий на мировом уровне, тиражирование использования в других отраслях. Особое внимание уделяется исследованию «сквозной» цифровой технологии виртуальной и дополненной реальности. На примере данной технологии подробно исследуются и обосновываются открывающиеся возможности развития отрасли медицинских изделий.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, инновационная экосреда, виртуальная реальность, дополненная реальность, цифровая платформа.

Процессы цифровой трансформации в настоящее время оказывают сильнейшее влияние и на отрасль медицинских изделий. Однако, проблема развития этой сферы носит не только технологичный характер, но и имеет важное социальное значение. С одной стороны, рынок медицинских изделий (медтех) очень емкий, что объясняется численностью и структурой населения. С другой стороны, ощущается крайняя потребность модернизации системы здравоохранения и медицинской промышленности на основе применения современных достижений, в том числе и в области информационных технологий. Несмотря на важность проблемы, скорость развития инновационной среды в отрасли медтех крайне мала. Продолжает наблюдаться

сильнейшая зависимость от импорта высокотехнологичного оборудования и изделий медицинского назначения и явное отставание от уровня развитых стран [4].

Наметившиеся тенденции ускоренной цифровизации не только отрасли здравоохранения, но и других отраслей экономики создают необходимые условия для решения проблем формирования инновационной экосреды. Следует отметить тот факт, что формирование экосреды, как инструмента поддержки и развития инноваций в сфере разработки и производства высокотехнологичных медицинских изделий, невозможно без одновременного цифрового развития науки, образова-

ния и предпринимательства с возможным привлечением венчурных средств, поддержке стартапов. Цифровые технологии могут стать фактором, обеспечившим развитие отраслей, достижение поставленных целей и решение стоящих задач [1].

Цифровая трансформация отраслей направлена на разработку прорывных проектов в сферах промышленности, здравоохранения, образования, транспортной и энергетической инфраструктуры. Особое внимание уделяется цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [5].

Для целей исследования рассмотрим эффективность реализации «сквозной» цифровой технологии виртуальной и дополненной реальности.

Процессы цифровизации и реализации технологии виртуальной и дополненной реальности позволят преодолеть ряд барьеров, к которым относится низкая цифровая грамотность трудоспособного населения. Недостаточное понимание особенностей и возможностей использования виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности в профессиональной среде. Данная технология позволит обеспечить снижение стоимости создания качественного VR/AR-контента путем проведения исследования поведения человека в виртуальной среде и разработки методических рекомендаций по совершенствованию пользовательского опыта в VR-среде, созданию библиотек типовых сценариев, набора объектов и создания универсальных пользовательских редакторов виртуальной реальности на основе разработанных библиотек.

Решение задач упростит масштабирование технологии VR/AR в различных сферах применения, а также позволит говорить об увеличении сфер, где может быть применима технология.

Цифровая трансформация сможет изменить ситуацию долгого процесса согласования пилотных проектов для внедрения в государственных корпорациях и промышленных предприятиях. Создаваемые конструкторы, библиотеки объектов и сценариев, методические рекомендации по совершенствованию пользовательского опыта, а также разрабатываемые исследовательские и диагностические методики позволят сократить время на разработку пилотных проектов, упростят сам процесс разработки, повысят скорость внедрения проектов в корпорациях и промышленных предприятиях, что создаст благоприятные условия для достижения положительного социального и экономического эффекта.

Решение этих задач позволит выработать единые стандарты и единую методологию, что существенно

упростит вхождение технологии на рынки Российской Федерации, а как следствие позволит создать инновационную экосреду [3].

Разработка цифровой платформы технологии виртуальной и дополненной реальности, предназначенной для создания решений (математических моделей, цифровых технологий, исследовательских инструментов, методических рекомендаций и продуктов для пользователей) на основе технологий захвата движений в VR/AR, интерфейсов обратной связи и сенсоров (VR/AR), средств разработки VR/AR-контента и технологий совершенствования пользовательского опыта, обеспечит трансформацию приоритетных отраслей экономики и социальной сферы.

Системные модули платформы обеспечивают общую работу платформы и ее целостность, являясь основным механизмом управляющим работой платформы. Программное обеспечение платформы должно включать в себя следующие взаимосвязанные системные модули:

Модуль «Управление контентом» — информационная система для обеспечения и организации совместного процесса создания, редактирования и управления содержимым платформы.

Модуль «Биллинг» — автоматизированная система учёта предоставленных услуг, их тарификации и выставления счетов для оплаты.

Модуль «Маркетплейс» — система для организации доступа к продуктам платформы (товарам и сервисам), включающая в себя инструменты для создания продуктов, публикации и организации доступа к ним, оплаты и доставки продуктов, технической поддержки пользователей.

Модуль «Озеро данных» — хранилище большого объема структурированных и неструктурированных данных, сгенерированных или собранных участниками платформы.

Модуль «Информационная среда» — система, в которой осуществляется коммуникация участников платформы.

Модуль отказоустойчивости и сохранности данных.

Также предусматривается разработка сервисных модулей. Сервисные модули являются важным фактором организации работы платформы (хотя в отличии от системных модулей, платформа может функционировать и без них).

Для платформы необходимо разработать следующие сервисные модули:

Модуль «Конструктор сцен и объектов» — система конструирования VR/AR сред объединяет в себе разработанные для платформы объекты: первый уровень — это типовые 3D модели элементов бытовой среды, 3D модели промышленного оборудования, типовые 3D модели промышленных инструментов, 3D модели объектов и предметов для психодиагностики, 3D модели элементов из области нейромаркетинга и д.р.; второй уровень — это скрипты взаимодействия данных объектов между собой и человеком в виртуальной реальности; третий уровень — готовые библиотеки типовых сцен, включающими в себя объекты, скрипты взаимодействия и методы оценки, применяемые в наиболее распространенных ситуациях оценки поведения людей, социально-бытовой реабилитации, охране труда и других ситуациях, разрабатываемых участниками платформы.

Модуль анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности — данный модуль создается на основе наиболее востребованных ситуаций, в которых необходимо анализировать поведение человека, интерпретировать полученные данные и возвращать результаты с возможностью применения к ним различных методов оценки человека.

Внешними по отношению к архитектуре платформы являются конечные пользователи и пользовательские сервисы. Конечными пользователями являются непосредственные благополучатели продуктов платформы (физические или юридические лица). Их взаимодействие с платформой осуществляется через веб-интерфейс, открывающий доступ ко всему функционалу платформы в зависимости от прав доступа, или непосредственно с помощью API (протокол программного взаимодействия) платформы, минуя веб-интерфейс, или с помощью пользовательских сервисов.

Под пользовательскими сервисами подразумеваются такие сервисы, которые в своей работе используют ресурсы платформы (данные, методы обработки и анализа, библиотеки объектов и т.п.), но не являющиеся ни сервисным, ни системным модулем платформы. Пользовательские сервисы могут выступать надстройкой над платформой, расширяя функционал платформы, предоставляя пользователям этих сервисов дополнительные возможности. Данные сервисы представлены в виде самостоятельных цифровых решений с собственной архитектурой, системой хранения и обработки информации, биллингом и прочими атрибутами. При взаимодействии пользовательских сервисов с платформой они не нарушают условий использова-

ния платформы, в частности касающихся обработки персональных данных участников платформы, работы биллинговой службы и участие в работоспособность платформы в целом.

Рассмотрим основные перспективные пользовательские сервисы.

Система оценки восприятия маркетинговых стимулов потребителем товаров в виртуальной реальности — система для исследования восприятия потребителем товаров в торговом центре, с использованием VR технологий и снятием нейрофизиологических показателей и последующего анализа этих показателей в маркетинговых целях. Для подготовки сцен, 3D-объектов и сценариев для проведения исследования в виртуальной реальности используется конструктор сцен и объектов. Разработанные сцены и объекты также могут быть доступны для последующего использования в платформе. Хранение деперсонализированных данных, полученных в ходе исследования, осуществляется с использованием системных и сервисных модулей платформы.

Аппаратно-программный комплекс для диагностики и реабилитации пространственного и речевого слуха на основе виртуальной реальности с использованием различных аудиовизуальных сценариев. После проведения исследований возможностей диагностики и аудиовизуального обучения людей с нарушением слуха с помощью регистрации электроэнцефалографии в условиях виртуальной акустики разрабатывается аппаратно-программный комплекс для слуховой реабилитации. Данные, полученные в результате исследований, хранятся и обрабатываются с помощью ресурсов и системных модулей платформы в деперсонализированном виде. Аппаратно-программным комплексом проводят диагностику и реабилитацию параметров речевого и пространственного слуха с использованием погружения в виртуальную реальность для имитации сложных акустических ситуаций в условиях лаборатории при подборе средств электроакустической коррекции слуха у пациентов с сенсоневральной тугоухостью. Реализация алгоритмов диагностики и предложения последующего процесса реабилитации проводится с помощью одного из механизмов платформы — модуля анализа поведения в человеке в виртуальной и дополненной реальности.

Тренажер локализации и ликвидации аварий на объектах сетей газораспределения и газопотребления с использованием технологии виртуальной реальности — симуляционный тренажер предназначен для обучения определению возможных аварий, связанных с использованием газа; обучения порядку локализации и ликвидации аварий на опасном производствен-

ном объекте; планирование действий по локализации и ликвидации аварий на разных стадиях их развития; проведения учебных мероприятий, направленных на повышение эффективности противоаварийной защиты и снижение масштабов последствий аварий.

Модуль анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности позволяет наряду с оценкой правильности выполнения последовательности действий при локализации и ликвидации аварий оценивать такие качественные характеристики, как степень освоения навыков, уровень стресса при возникновении ситуаций, выходящих за рамки учебных сценариев, скорость и уверенность принятия решения, выявление личностных психофизиологических особенностей для выработки рекомендаций по повышению эффективности безопасности труда конкретного сотрудника.

Аппаратно-программный комплекс для психологического тестирования в области охраны труда и управления рисками на предприятии — предназначен для повышения эффективности управления профессиональными рисками, снижения рисков возникновения неблагоприятных ситуаций и сокращения травматизма на производстве за счет своевременного определения психических отклонений работников. Модуль анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности позволяет выявить следующие психические особенности человека: склонность к девиантному поведению для оценки рисков работников предприятий и объектов, работающих вахтовым методом; склонность к рисковому поведению персонала, выполняющего работы повышенной опасности, выявление склонности к депрессии для снижения рисков персонала, работающего вахтовым методом и/или в условиях крайнего севера, выявление признаков стресса и профессионального выгорания.

Система трекинга маркерных объектов и обратной связи в мобильных устройствах дополненной реальности — программный комплекс, который включает в себя серверную программную инфраструктуру дополненной реальности и инструментарий разработчика приложений дополненной реальности для мобильных устройств: планшетов и смартфонов. Серверная инфраструктура системы разрабатывается с использованием системных модулей платформы. Алгоритмы и компоненты доступны разработчикам, использующих платформу для построения решений с использованием технологий дополненной реальности.

Аппаратно-программный комплекс тренажер для обучения, проверки знаний и навыков работы проводников пассажирских вагонов — предназначен для обучения основным служебным обязанностям про-

водника в пути следования поезда; контроля знаний и проверка необходимых профессиональных навыков проводника пассажирского вагона; освоения основных нормативных документов и должностной инструкции проводника пассажирского вагона.

Модуль анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности позволит выявить психологических особенностей обучаемого, такие как: склонность к аддикции, признаки психопатологии, склонность к девиантному и делинквентному поведению и прочие надпрофессиональные качества, не выявляемые обычными (традиционными) методами контроля знаний и умений проводника пассажирского вагона. Своевременное выявление данных признаков позволит снизить риски, связанные с травматизмом на железнодорожном транспорте, некачественным выполнением своих обязанностей проводника пассажирского вагона за счет своевременного.

Аппаратно-программный модуль интеграции с операционным микроскопом для системы хирургической навигации предназначен для улучшения пространственной ориентации хирурга во время нейрохирургических операций с использованием микроскопа. Использование модуля интеграции с операционным микроскопом позволяет отображать полупрозрачные трёхмерные модели индивидуальной анатомии пациента и намеченные хирургом ориентиры поверх изображения, получаемого через оптическую систему микроскопа. Разработанные алгоритмы должны быть интегрированы в платформу для последующего использования разработчиками модулей и систем дополненной реальности.

Тренажер по выполнению симуляционной операции костно-пластической хирургии с использованием технологии виртуальной реальности. Тренажер способствует освоению алгоритмов выполнения операции в симуляционной среде виртуальной реальности с возможностью оценки последовательности и правильности выполняемых действий, анализа прогресса конкретного пользователя и анализа персонализированных психо-физиологических характеристик и поведения человека в среде виртуальной реальности для последующего использования в корректировке образовательных виртуальных сценариев.

Аппаратно-программный комплекс для социально-бытовой реабилитации пациентов с рассеянным склерозом и аутизмом — это аппаратно-программный комплекс оценки (определение и диагностика нарушений) и социально-бытовой реабилитации различных диагнозов, таких как: нарушений в реализации произвольных двигательных актов, как моторных, так и рече-

вых; нарушений пространственной ориентировки; нарушений процессов внимания; нарушений процессов памяти; нарушений эмоциональной и волевой сфер — с помощью отслеживания движений пациента системами оптического трекинга и оценки возможностей движения с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. Оценка возможностей движения (объем, ускорение, углы сгибов и угловая скорость) рассчитывается «Модулем анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности», с последующим хранением деперсонализированных данных о процессах реабилитации пациента будет происходить с использованием системных и сервисных модулей платформы (в том числе с использованием модулем «Озеро данных»). С помощью использования алгоритмов анализа поведения человека в среде виртуальной и дополненной реальности аппаратно-программный комплекс должен предоставлять планируемые варианты процесса реабилитации, в виде назначаемых упражнений, актуальных для конкретного диагноза пациента, на основании ранее проведенных реабилитационных курсов лечения.

Аппаратно-программный комплекс для восстановления мелкой моторики. Разработанное устройство с использованием новых высокоточных датчиков сгиба должно определять и оценивать алгоритмами платформы по поведению человека в виртуальной реальности насколько точно и правильно происходит захват объектов как в реальном мире (физических предметов), так и в виртуальном — виртуальных объектов. Каждый курс реабилитации конкретного пользователя по восстановлению мелкой моторики верхних конечностей должен сохранять информацию о движении каждой фаланги кисти рук, общую оценку возможности движения каждого пальца по отдельности и всех пальцев кисти одновременно, с последующим определением возможности процесса реабилитации пациента в плане верхних конечностей, для этого будет использоваться платформенное решение анализа поведения человека в виртуальной реальности (в том числе предусматривается возможность предоставления собранных данных для различных будущих исследований в области функционирования мелкой моторики). Для создания простых и понятных сцен виртуальной реальности по реабилитации кисти рук предусматривается возможность управления врачом средой виртуальной реальности (размещение и управление масштабом виртуальной объектов и всего виртуального окружения) используется модуль «Конструктор сцен и объектов».

Аппаратно-программный комплекс для восстановления общей моторики. Разработка аппаратно-программного комплекса для восстановления общей моторики планируется проводиться с использованием

систем анализа поведения в виртуальной реальности, для этого необходимо провести исследование возможностей применения технологий и систем оптического трекинга при совмещении с системами виртуальной реальности (как результат — повышение эффективности методик лечебной физкультуры). По итогам исследований возможна разработка новой методики лечебной физической культуры по восстановлению общей двигательной активности с помощью использования технологий виртуальной реальности и математических моделей, адаптированных под алгоритмы искусственного интеллекта, полученных на основании данных собранных в системных модулях платформы. Для повышения восприятия пациентом сцен виртуальной реальности используется технология совершенствования пользовательского опыта при помощи адаптации сред виртуальной реальности модулем «Конструктор сцен и объектов», для улучшения качества процесса реабилитации также будет предусмотрена возможность сохранения в данном модуле платформы типовых сцен и объектов виртуальной реальности для последующего использования различными лечебно-профилактическими учреждениями.

Данный перечень пользовательских сервисов не является ограничивающим, и может быть расширен. Собранные таким образом данные могут стать основанием для создания сервисов платформы с применением других сквозных цифровых технологий (системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, компоненты робототехники и сенсорики, нейротехнологии и искусственный интеллект, квантовые технологии, новые производственные технологии), что позволит повысить конкурентоспособность участников экосреды и создаст устойчивые предпосылки для дальнейшего развития. Влияние достижений новых прикладных и информационно-коммуникационных технологий на развитие высокотехнологичных отраслей экономики в конечном счете наибольшее влияние сможет оказать на качество жизни людей и общества в целом [2].

Разработка и внедрение современных цифровых технологий с целью развития инновационной экосреды является необходимым условием для присутствия отечественных компаний на глобальных высокотехнологичных рынках, для которых характерны смещение «центра тяжести» в конкурентной борьбе на этап разработки высокотехнологичной продукции, повышение уровня ее наукоемкости, сокращение сроков вывода новой продукции на рынок, жесткие ограничения по издержкам, высокие требования к потребительским характеристикам. Рассмотренные технологии позволят российским производителям выйти на мировой рынок и обеспечить конкурентоспособность продукции и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкодаева А.В., Балановская А.В., Колсанов А.А. Стратегические направления развития инновационной деятельности организации. Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 2–1. С. 134–138.
2. Volkodaeva A.V., Balanovskaya A.V., Rustenova E.A. Trends in information and communication technologies development in context of economy digitalization. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Т. 304. С. 583–592.
3. Герасимов К.Б., Кшнякин П.А. Основы использования инновационных экосистем в здравоохранении. В сборнике: Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 3–7.
4. Кшнякин П.А., Балановская А.В., Герасимов К.Б. Инструменты совершенствования экосреды инновационного предпринимательства отрасли медицинских изделий. Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12. № 4. С. 27–36.
5. Терелянский П.В., Троицкий А.В., Ашмарина С.И., Балановская А.В., Раев К.В., Ерохин С.Д., Титов Е.В., Булаева Н.А. Целевая модель цифровой трансформации университетов. Управление образованием: теория и практика. 2021. № 1 (41). С. 22–36.

© Кшнякин Петр Андреевич (kshnjakin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный медицинский университет

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТРИГГЕРЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

MANAGEMENT PROBLEMS AND TRIGGERS OF MEDICAL TOURISM DEVELOPMENT

*Yu. Maltseva
V. Klimin*

Summary. The paper presents the results of an empirical study devoted to identifying managerial growth points for the development of medical tourism. The degree of readiness of medical organizations to work with foreign patients in general and in the context of managerial functions is shown. It is proposed as a measure to level the barriers to the development of the Russian medical tourism market by the formation of an ecosystem built on an intersectoral principle.

Keywords: marketing in medical tourism, healthcare management, medical tourism, marketing management problems, barriers to the export of medical services, managerial growth points, the ecosystem of medical tourism.

Мальцева Юлия Анатольевна

*К.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «УрФУ им. Первого
Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург
i.a.maltseva@urfu.ru*

Климин Владимир Григорьевич

*Д.м.н., д.э.н., Президент, национальная
межрегиональная ассоциация медицинского туризма
vladimir.klimin2014@yandex.ru*

Аннотация. В работе представлены результаты эмпирического исследования, посвященного выявлению управленческих точек роста для развития медицинского туризма. Показана степень готовности медицинских организаций к работе с иностранными пациентами в целом и в разрезе управленческих функций. Предложено в качестве меры по нивелированию барьеров развития российского рынка медицинского туризма инструментом формирования экосистемы, построенной по межотраслевому принципу.

Ключевые слова: маркетинг в медицинском туризме, менеджмент здравоохранения, медицинский туризм, проблемы маркетинг-менеджмента, барьеры экспорта медицинских услуг, управленческие точки роста, экосистема медицинского туризма.

В соответствии с динамикой финансовых показателей и данными аналитических агентств, мировой рынок медицинского туризма до 2020 года развивался весьма активно [2, 4, 6, 7, 8]. По мнению экспертного сообщества, прогнозные финансовые показатели рынка медицинского туризма в ближайшие 10 лет будут расти, несмотря на ограничения, вызванные пандемией COVID-19 [8]. Результаты деятельности по организации медицинского туризма в Российской Федерации также свидетельствуют о позитивном тренде развития данного сектора экономики, что подтверждается статистическими данными Координирующего центра по реализации федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг», — так, в период с 2017 по 2020 гг. объем потока медицинских туристов вырос на 3849,15 тысяч человек [10].

Вместе с тем, несмотря на активный интерес к теме экспорта медицинских услуг и медицинского туризма, нельзя не отметить наличие «проблемных зон» в теоретическом осмыслении и практической реализации некоторых аспектов данной проблематики. Так, в исследовательских работах присутствует некоторое терминологическое смещение в классификации видов и подвидов медицинского туризма: специалистами

выделяются лечебно-оздоровительный — Бабкин А.В., Ветитнев А.М., Дзюбина А.В., Ефимов С.А., Мельникова О.Ф., Мозокина С.Л., Торгашева А.А., Федякин А.А. и др., лечебный — Безверхова И.В., Драчева Е.Л., Иванов В.Д., Казаков В.Ф., Каспар С., Набедрик В.А., Поколотная М.Н., Рихтер Л.К., Седова Н.Н., Nahrstedt H. и др., медицинский — Васильева С.О., Галкин В.В., Герасимов П.А., Разумов А.Н., Савельева Н.А., Селескерова Е.Ф., Щекин Г.Ю., Horowitz M.D., Rosensweig J.A. и др., санаторно-курортный/ курортологический — Архипов Е.А., Наводничий Р.М., Оборин М.С. и др. Отметим, что существенно расходятся взгляды исследователей и на вопрос о сопряженности указанных видов и, как следствие, факторов и инструментов детерминирующих их успешное развитие. Подчеркнем, что терминологическое смещение приводит как к смещению в эмпирических оценках, представленных в исследованиях, так и погрешности в статистических данных.

Представителями профессионального сообщества отмечается также наличие лагун в части сбора статистических данных о совокупном объеме выездного медицинского туризма и объеме оказания медицинских услуг иностранным гражданам в регионах, а также на недостаточность эмпирических исследований,

Таблица 1. Оценка готовности медицинских учреждений к вызовам внешней среды

Факторы внешней среды	Минимальная степень готовности	Максимальная степень готовности
Рост курса валют	22,22%	6,34%
COVID-стрессовая ситуация, актуализирующая обращения за медицинской помощью	4,76%	44,44%
Облегчение визового режима	19,04%	25,39%
Присутствие в регионах с уникальным природным и/или историческим ландшафтом	17,46%	15,87%
Усиление государственного регулирования	11,11%	20,63%
Падение реальных доходов населения	6,34%	9,52%
Обострение конкурентной ситуации в РФ	7,93%	19,04%
Усиление политической антироссийской риторики	14,28%	26,98%

посвященных переменам как в организации и реализации функций маркетинг-менеджмента в медицинских учреждениях, так и в потребительском поведении медицинских туристов, которые преодолеваются усилиями Координирующего центра по реализации федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг», НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента департамента Здравоохранения города Москвы, профессиональными ассоциациями и агентствами.

Среди барьеров для экспорта медицинских услуг аналитиками, профессиональным сообществом и исследователями в 2017 году выделялись недостаток оборудования, кадров, сервиса, отсутствие медицинских виз и слабое продвижение [1], в 2019 г. в качестве сдерживающих факторов указывались — отсутствие маркетинговой структуры и логистики, опыта по формированию комплексных медицинских туров, трудности в оперативном получении российской визы и ее продлении, низкая информированность иностранных туристов и малое количество зарубежных партнеров, их привлекающих, непрозрачность рынка и слабое использование цифровых технологий [5], недостаточное количество медицинских учреждений готовых к международной сертификации, низкая мотивацию персонала и отсутствие у него навыков сервиса [3].

Отметим, что несмотря на усилия по реализации стратегии развития медицинского туризма, часть обозначенных проблемных зон сохраняется. Так, в исследовании 2021 года, проведенном НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента департамента Здравоохранения города Москвы, как тормозящие факторы отмечены — низкая степень информированности и барьеры коммуникационного взаимодействия между потенциальным клиентом и медицинской организацией, недостаточно развитый сопутствующий (дополнительный) сервис, отсутствие систем взаимодействия с зарубежными страховыми

компаниями, контроля качества, признанного за рубежом, упрощенной визовой процедуры [9].

Мы полагаем, что большинство обозначенных практикующими специалистами и исследователями проблем коренятся в сфере технического, информационного и административного взаимодействия между акторами рынка.

В целях выявления управленческих точек роста для развития медицинского туризма нами в феврале-марте 2021 года был проведен опрос методом анкетирования посредством google-формы представителей 63 медицинских организаций различных профилей и организационно-правовой формы из 8 федеральных округов.

Правовой статус обследованных медицинских организаций представлен следующим образом: 66,6% — бюджетные, 27% — автономные, 3,2% — казенные учреждения, 3,2% — иные. Имеют опыт работы с иностранными пациентами от 3-х лет — 61,7% медицинских организаций, опыт 27,4% обследуемых составляет от 1 года до 3 лет. Уровень персонала медицинской организации, отвечавшего на вопросы анкеты, — руководитель (54%), заместитель руководителя (36%), врачи (2%), менеджеры, включая маркетологов и экономистов (8%).

Опыт взаимодействия со страховыми компаниями есть у 50,8% обследованных медицинских организаций, в то время как опыт взаимодействия с благотворительными организациями только у 6,3%. ТОП-3 областей, связанных с «ключевыми факторами успеха» медицинской организации у иностранных пациентов, по мнению опрошенных, составили медицинская услуга — 85,5%, организация — 46,8%, маркетинг и сопутствующий сервис по 33,9% соответственно.

Оценивая степень готовности к работе с иностранными пациентами дали оценку «средняя» — 49,2%

Таблица 2. Уровень медицинского персонала, отвечающий за координацию работ с иностранными пациентами

Квалификационный уровень	%
руководитель	60,3%
специалист с высшим медицинским образованием	22,2%
специалист с высшим образованием	7,9%
заместитель руководителя	3,2%

Таблица 3. Дополнительные возможности, предоставляемые иностранным пациентам

Наименование	Совокупное количество упоминаний, %
Помощь в оформлении документов	47,4
Дополнительное оснащение палаты	43,9
Трансфер	43,9
Бронирование мест размещения	42,1
Переводчик	40,4
Размещение сопровождающих	38,6
«Второе мнение»	36,8
Обеспечение пациентов питанием в соответствии с предпочтениями (национальными, идейными, религиозными)	28,1
Бронирование билетов	28,1
Организация культурно-досуговых мероприятий	26,3
Возможность опрашивать религиозные нужды	21,1
Визовая поддержка	19,3

представителей медицинских организаций, «низкая» — 19%, а 9,5% респондентов затруднились в оценке.

Обобщенная оценка степени готовности медицинских учреждений к вызовам внешней среды представлена в таблице 1.

Подчеркнем, что ведут целенаправленную работу по привлечению иностранных пациентов 61,9% медицинских организаций. Вместе с тем, централизованы функции по привлечению иностранных пациентов только в 44,4%. За координацию работ с иностранными пациентами отвечают в основном руководители медицинского учреждения. Данные представлены в таблице 2.

Согласно полученным данным, наиболее востребованные для топ-менеджмента медицинского учреждения знания, умения и навыки для руководства работой с иностранными пациентами лежат в предметных областях управления качеством, управления персоналом и финансов, а наиболее часто, при работе с иностранными пациентами используются такие функции менеджмента как координация и контроль.

Среди «мягких» компетенций, которых не хватает медицинскому персоналу для работы с иностранными

пациентами представители медицинских организаций в качестве ТОП-3 отмечали — коммуникационные (43%), цифровые (21,5%), работа в команде (16%).

Представляет интерес, что среди инструментов установления первичного контакта 3,2% респондентов ответили «через страховую компанию» и только 4,8% опрошенных используют все возможные инструменты коммуникации. Нельзя не отметить некоторые «узкие места», связанные с процессами коммуникационного взаимодействия с иностранными пациентами: отсутствуют указатели на иностранном языке в 61,9% обследованных организаций, а регламента коммуникаций нет в 36,5%.

Подчеркнем, что абсолютное большинство медицинских учреждений используют различные инструменты обратной связи (метрики оценки удовлетворенности, лояльности, работу с отзывами пациентов) и ведут работу по оценке качества услуг — 75,8%.

ТОП 3 задач, связанных с качеством и требующих приоритетного решения, по мнению представителей медицинских организаций, составляют: повышение качества материально-технических ресурсов, повышение экономической мотивации медицинского персонала и повышение качества информационных ресурсов.

Медицинскими организациями ведется и достаточно активная работа по увеличению сервисных услуг. Пул дополнительных возможностей для иностранных пациентов, предоставляемых, в том числе, медицинскими организациями представлен в таблице 3.

Резюмируя представленные данные отметим, что выявленные проблемные зоны относятся к сфере управленческого взаимодействия в широкой трактовке данной дефиниции. Часть из них может быть решена медицинскими организациями в рамках реализации региональных стратегий развития медицинского туризма (реализация программ дополнительного обучения медицинского персонала, разработка и создание коммуникационных программ и стратегий взаимоотношения с пациентами, основанных на их потребностях и ценностях, формирование систем мониторинга статистических данных, подготовка к сертификации и пр.) и подобные успешные бенч-марки есть, решение же

части проблем (оказания сервисных услуг, построение системы коммуникационного взаимодействия и продвижения и т.д.) невозможно без системного взаимодействия нескольких участников.

Мы полагаем, что инструментом нивелирования как барьеров развития российского рынка медицинского туризма, так и «окном возможностей» для российских медицинских учреждений может стать формирование экосистемы, построенной по межотраслевому принципу, являющейся достаточно адаптивной и ориентированной на создание дополнительной ценности. В рамках экосистемы возможны координация и диспетчеризация деятельности всех участников, мотивация медицинского персонала и информационное сопровождение клиента на всех этапах оказания комплексной услуги, реализация маркетинговой стратегии и контроль эффективности взаимодействия между участниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический центр при Правительстве РФ / Для развития медицинского туризма нужна стратегия режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/dla-razvitiya-medicinskogo-turizma-nuzna-strategia-14230> (дата обращения 10.01.2022)
2. Аналитический центр при Правительстве РФ / Изменения и тенденции в регулировании несырьевого экспорта в России и мире. Экспорт медицинских и ИКТ-услуг режим доступа: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/FEA/VED.2.2020.pdf> (дата обращения 10.01.2022)
3. Вдовин К.Э. Перспективы развития медицинского туризма в Российской Федерации: анализ конкурентной среды методом DEA режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-meditsinskogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-analiz-konkurentnoy-sredy-metodom-dea/viewer> (дата обращения 10.01.2022)
4. В России выросло число медицинских туристов | Стратегия на РБК+ / #20 Здравоохранение, 30 сентября 2021 режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/6154a5d57a8aa94f736ebf6a> (дата обращения 10.01.2022)
5. Игнатьев А.А., Никольская Е.Ю. Тенденции развития медицинского туризма в России режим доступа: http://www.e-rej.ru/Articles/2019/Ignatiev_Nikolskaya.pdf (дата обращения 10.01.2022)
6. Консалтинговая группа Текарт / Рынок медицинского туризма в России и мире режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/365591-meditsinskiy-turizm-pochemu-inostrancy-lechatsya-v-rossii-rossiyane-za-granicey> (дата обращения 10.01.2022)
7. Министерство здравоохранения РФ / Маркетинговое исследование российского экспорта медицинских услуг режим доступа: (дата обращения 10.01.2022)
8. Медицинский туризм: почему иностранцы лечатся в России, а россияне за границей | Forbes.ru режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/365591-meditsinskiy-turizm-pochemu-inostrancy-lechatsya-v-rossii-rossiyane-za-granicey> (дата обращения 10.01.2022)
9. Медицинский туризм и экспорт медицинских услуг / Дайджест апрель — август 2021 НИИ Организации здравоохранения и медицинского менеджмента департамента Здравоохранения города Москвы, режим доступа: <https://niioz.ru/upload/iblock/c40/c407289f5b7daa328ac52fc28dde1915.pdf> (дата обращения 10.01.2022)
10. Официальный сайт Федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг» режим доступа: <https://russiamedtravel.ru/> (дата обращения 10.01.2022)

© Мальцева Юлия Анатольевна (i.a.maltceva@urfu.ru), Климин Владимир Григорьевич (vladimir.klimin2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕКСТИЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru

TEXTILE CLUSTER AS A DRIVER OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Yu. Mindlin

Summary. The textile industry is one of the most developed branches of light industry in the world, which provides the population with vital products. The domestic textile industry, which has infrastructural, personnel, scientific, export potentials, a large capacity of the consumer market, at the same time needs structural modernization, improvement of raw material logistics flows, activation of the innovative component. In addition, the main problem is still the unsystematic and disordered structural transformations, the lack of a roadmap for the modernization of the textile industry at the regional level — the clustering of the industry. The process of reviving textile production should be provided with the necessary amount of domestic textile raw materials, which requires an analysis of the theoretical and methodological foundations for the formation of a strategy for the development of the industry. The relevance of the research topic is dictated by the need to rethink approaches to the management of the textile industry, streamline structural transformations and develop recommendations based on the determinants of regional economic development management policy.

Keywords: clusters, clustering of regional economy, competitive advantages, textile enterprises, textile industry, clusters' determinants.

Аннотация. Текстильная промышленность является одной из наиболее развитых отраслей легкой промышленности в мире, которая обеспечивает население жизненно необходимой продукцией. Отечественная текстильная промышленность, имеющая инфраструктурный, кадровый, научный, экспортный потенциалы, большую емкость потребительского рынка, в то же время нуждается в структурной модернизации, совершенствовании сырьевых логистических потоков, активизации инновационной составляющей. Кроме этого, главной проблемой все еще есть несистемность и неупорядоченность структурных преобразований, отсутствие дорожной карты модернизации текстильной промышленности на региональном уровне — кластеризация отрасли. Процесс возрождения текстильного производства должен быть обеспечен необходимым количеством отечественного текстильного сырья, что требует анализа теоретических и методических основ формирования стратегии развития отрасли. Актуальность темы исследования продиктована необходимостью переосмысления подходов к управлению текстильной промышленностью, упорядочение структурных преобразований и выработка рекомендаций на основе детерминант региональной политики управления экономическим развитием.

Ключевые слова: кластеры, кластеризация региональной экономики, конкурентные преимущества, текстильные предприятия, текстильная промышленность, детерминанты кластера.

Региональная экономика — это динамическая составляющая национальной экономики, которая саморазвивается за счет производительных сил и связанных с ними социально-экономических процессов. Как объект региональной политики региональная экономика выступает сферой реализации ее целереализующих систем. Сегодня одним из главных векторов развития региональной экономики в Российской Федерации является кластеризация отраслей.

Отраслевые аспекты развития региональной экономики наиболее подробно оценил в своих трудах И. Бланк. В их основу им были положены индикаторы, характеризующие роль отдельных отраслей в экономике государства и региона в частности, перспективность и эффективность их развития, уровень государствен-

ной поддержки этого развития, оценка и прогнозирование инвестиционной привлекательности, постоянства, социальной и экономической значимости отрасли. Дополнив перечисленные индикаторы показателями конкурентоспособности, сбалансированности, получим следующую систему критериев оценки функционирования национальной экономики на отраслевом (макרוструктурном) уровне (таблица 1).

Научным и прикладным аспектам функционирования и развития отраслей легкой промышленности в целом уделяют внимание такие отечественные и иностранные ученые-экономисты [15; 16; 7; 13]. Значительное внимание они посвятили разработке механизма обеспечения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности предприятий отрасли. Отдавая

Таблица 1. Отраслевая компонента в оценке региональной экономики

Критерии оценки отрасли	Показатели
Доходность отрасли	Коэффициент чистой прибыли Коэффициент прибыльности реализации продукции (работ, услуг) Коэффициент доходности затрат (рентабельность)
Эффективность производственной деятельности отрасли	Фондоотдача Удельный вес реализованной продукции и экспорта отрасли в общем объеме произведенной в отрасли продукции
Эффективность капитальных вложений в отрасль	Коэффициент окупаемости инвестиций Коэффициент окупаемости собственного капитала Индекс потенциала инвестирования Удельный вес отрасли в валовой добавленной стоимости региона
Значимость отрасли в экономике региона и РФ	Удельный вес отрасли в валовой добавленной стоимости региона Удельный вес отрасли в общем объеме промышленного производства региона Удельный вес объемов производства экономики региона в общегосударственном производстве Удельный вес объемов производства отрасли в экспорте региона и государства
Устойчивость отрасли к экономическому спаду производства	Соотношение динамики объема текстильного производства и легкой промышленности и динамики объема ВВП России
Социальная значимость отрасли	Удельный вес работников отрасли в общем количестве занятых в экономике региона
Степень государственной поддержки развития отрасли	Качество регуляторной среды Степень проектной поддержки Программная результативность поддержки отрасли Объем кредитов на развитие отрасли
Конкурентоспособность отрасли	Уровень инновационной активности Патентная активность Уровень коммерциализации инноваций Финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ
Сбалансированность развития отрасли на региональном уровне	Показатели экономической, экологической, социальной безопасности

Источник: составлено автором на основе [11]

должное трудам данных ученых и признавая их безоговорочный вклад в развитие региональной экономики, следует отметить, что вопрос трансформации текстильной промышленности региона не нашли должного научного систематизированного изложения и потому составляют научный и прикладной интерес.

Текстильная промышленность является не только ведущей отраслью легкой промышленности, которая

представлена хлопковыми, шерстяными, льняными и шелковыми производствами, изготавливающими ткани, нити, пряжу и другие волокна, но и составляющей региональной экономики, поскольку участвует в региональном воспроизводственном процессе. Сырьем для нее являются растительные (хлопок, лен), животные (шерсть, шелк) и искусственные и синтетические (вискозный шелк, лавсан, капрон, нейлон и др.) волокна.

Таблица 2. Трактовка базовых понятий объекта исследования

Понятие	Характеристика	Распространения термина
Текстильная промышленность	ведущая отрасль легкой промышленности, предприятия которой производят ткани (хлопковые, льняные, шерстяные, шелковые и т.д.), нетканые материалы, трикотажные, текстильно-галантерейные и другие изделия из растительной (хлопчатник, лен, сизаль), животной (шерсть, коконы шелкопряда) и химической (искусственные и синтетические волокна) сырья.	Дмитриев Ю.А., Омаров М.М. [3] Яшева Г.А. [6] Лачинина Т.А., Чистяков М.С. [5]
Отрасль	совокупность всех производственных единиц, которые осуществляют преимущественно одинаковые или подобные виды экономической деятельности	Гражданский Кодекс РФ (ст. 294)
Текстильная отрасль	включает хлопковые, шерстяные и льняные предприятия, изготавливающие ткани, нитки, пряжу и др.; использует натуральные (хлопковые, шерстяные, льняные, шелковые) и искусственные и синтетические (вискоза, капрон, нейлон и др.) волокна	Пантюшина О.В. [8] Шаповалова Е.Б. [13]
Текстильное производство	- раздел перерабатывающей промышленности, включает подготовку, прядение текстильных волокон, ткацкое производство, конечное отделка текстильных изделий и одежды, изготовленного другими единицами, производство готовых текстильных изделий (домашнего белья, одеял, ковров, веревок и тому подобное), кроме одежды составляющая рынка легкой промышленности	Общероссийский классификатор видов экономической деятельности Ксенофонтова О.Л. [13]

Источник: систематизировано автором

Текстильная промышленность России перерабатывает как собственную (лен, химические волокна, шерсть), так и привозное (шерсть, хлопок, текстиль) сырье.

При характеристике текстильной промышленности следует выделить несколько подходов (таблица 2):

- ◆ с позиций развития и размещения промышленного комплекса, где текстильная промышленность является крупнейшей подотраслью легкой промышленности, к которой принадлежит первичная обработка текстильного сырья, хлопковая, льняная, шерстяная, шелковая, нетканых материалов, текстильно-галантерейная, трикотажная подотрасли;
- ◆ с позиций рыночного подхода, где рассматривается текстильное производство в составе рынка продукции легкой промышленности, как перспективный сегмент для развития креативных индустрий, развития этнотенденций и хендмейда, индивидуализации спроса, освоения предпринимателями новых способов ведения бизнеса, внедрение e-коммерции;
- ◆ с позиций статистического учета и отчетности текстильная промышленность представлена текстильным производством, включающим подготовку и прядение текстильных волокон, ткацкое производство, конечная отделка текстильных изделий и одежды, производство готовых текстильных изделий.

Развитие текстильной отрасли легкой промышленности определяется определенными детерминантами. В научной литературе распространенной является факторная теория детерминант. То есть детерминанта трактуется как условие, фактор или фактор, который предопределяет либо влияет на определенный экономический процесс, либо определяет течение процессов и определенных явлений или ограничивает их. Сами же детерминанты порождаются противоречиями, которые могут быть общими (универсальными) или индивидуальными. Общие противоречия возникают из-за несоответствия между потребностями и возможностями их удовлетворения, а также возникающие между системой и ее средой. Индивидуальные противоречия обусловлены индивидуальными особенностями объекта или явления.

Исследуя сущность детерминант развития, соглашались, что они «являются определяющими факторами, осуществляющими конструктивный или деструктивное влияние на ход и результаты развития отрасли или экономической системы, учет которых является обязательным для достижения цели текущего или стратегического управления, направленного на активизацию развития определенного типа» [3].

В рамках данного научного исследования детерминанты используются как факторы, определяющие развитие текстильной промышленности. При характеристике детерминант развития текстильной отрасли стоит выделять региональные детерминанты и детер-

Рис. 1. Детерминанты развития текстильной промышленности
 Источник: систематизировано автором

минанты регионального развития. Региональные детерминанты связаны с исследованием текстильного производства через призму использования ресурсов региональных общественных систем. С учетом преимуществ и имеющегося потенциала регионов, эффективного их распределения и перераспределения.

Детерминанты регионального развития характеризуют текстильную отрасль из-за ее вклада в расширенное воспроизводство региональных общественных систем и их конкурентное развитие, повышение уровня жизни населения регионов.

Основными детерминантами развития текстильной промышленности, на наш взгляд (рисунок 1) следует считать: исторические, институциональные, воспроизводительные, пространственные, стоимостные, ресурсные (сырьевые, кадровые, финансовые, информационные, материально-технические), технологические, управленческие с выделением подсистем внутриорганизационного менеджмента (аналитическая, плановая, регулятивная, учетная, мотивационная, коммуникативная) и промышленного маркетинга, функциональные, социальные, культурные, экономические, внешнеэкономические, инновационные, инвестиционные, экологические и т.п.

Исторические детерминанты определяют появление культуры текстильного производства. Именно одежда и текстиль стали мерилом цивилизационного развития. Текстиль, означает «войлок» или «сопряжен-

ные волокна, изготовленные в пряжу», а затем в сетку, закрепленную петлями, с помощью вязания или ткачества.

В российской экономике текстильная отрасль имеет свои вековые традиции и корни: сохраняя кадровый потенциал и производственное оборудование, все же осуществляется законченный цикл производства тканей из собственной и привозной сырья. Главный акцент необходимо ставить на развитие собственного отечественного растениеводства, а именно выращивания льна и овцеводства. Именно эти нужные отрасли пришли в упадок, начиная с 90-х годов прошлого века.

Сегодня качественные отечественные льняные изделия очень высоко ценятся из-за специфические преимущества льна-высокая прочность и гигроскопичность. Используя потенциал научных разработок и инноваций в этой области может обеспечить конкурентоспособность льна не только на внутреннем, но и на мировом рынке.

Институциональные детерминанты указывают на правовую базу для развития текстильной отрасли; гармонизацию национальной правовой среды с национальными стандартами осуществления производства и торговли продукцией текстильной отрасли; обеспечение охраны текстильных образцов в соответствии с требованиями Всемирной организации торговли и Всемирной организации интеллектуальной собственности и т.п.; влияние публичных институтов путем

управления и регулирования развития отрасли; управление качеством; политическую стабильность [10].

Воспроизводственные детерминанты характеризуют вклад текстильной промышленности в добавленную стоимость национальной экономики и валовой региональный продукт. Текстильная промышленность является составляющей легкой промышленности, которая производит 48% продукции всей легкой промышленности. На предприятиях отрасли, расположенных во всех регионах России, сосредоточено около 7% общей численности промышленно-производственного потенциала промышленности и 2,4% производственных фондов. В 2020 году производство одежды составило около 40% от всего количества реализованной продукции, производство текстиля — 37%, производство кожи и обуви — превышает 20% [2].

Региональный рейтинг выработки товаров легкой промышленности в 2020 году возглавила Москва (16%), далее следуют Московская область (8%), Санкт-Петербург (7%), Ивановская область (7%), Новосибирская область (3%), Свердловская область (3%). По данным 2020 года в текстильной промышленности функционирует 7266 предприятий, на которых занято в производстве 330 тыс. работников. Практически все предприятия легкой промышленности приватизированы, а те, что находятся в государственной собственности, составляют менее 1%¹.

Отрасль состоит из 17 подотраслей, имеет мощный производственный потенциал, способен производить широкий спектр товаров широкого потребления и промышленного назначения, связана со многими смежными отраслями и обслуживает весь хозяйственный комплекс страны.

Стоимостные детерминанты характеризуют создание цены, добавленной стоимости, формирования себестоимости продукции и получения прибыли как конечного результата функционирования текстильной отрасли в денежной форме. Текстильная промышленность России имеет потенциал для ценовой конкуренции вследствие низкой стоимости рабочей силы. Однако, промышленность должна повышать свой конкурентный потенциал производительностью труда и этим обеспечивать ценовую конкуренцию.

Пространственные детерминанты характеризуют территориальную структуру текстильной отрасли. Характеризуя пространственные детерминанты развития текстильной отрасли, стоит отметить, что предприятия данной отрасли, которые действуют, в основном скон-

центрированы в центральных и восточных регионах, тогда как народные промыслы — в западных и северных регионах РФ.

Ресурсные детерминанты характеризуют обеспечение субъектов текстильной отрасли сырьем, материалами, финансовыми, кадровыми, информационными, коммуникационными ресурсами, необходимыми для организации производственного процесса. Текстильное производство представлено в России первичной обработкой сельскохозяйственного сырья (льна и шерсти), производством тканей и нетканых материалов (полученных методом соединения волокон клеем, механической или термической обработкой, например ватин, синтепон, фетр, холлофайбер), трикотажных изделий, технических волокон, вязаных сеток и канатов [13].

За последние 25 лет 70% предприятий текстильного производства, работавшие в России, прекратили свое существование. Почти треть действующих ныне комбинатов сориентированы на внешний рынок.

Технологические детерминанты характеризуют развитие исследований и разработок, модернизацию на основе новой техники, широкое применение новейших технологий в текстильном производстве. Активизация технологических детерминант развития текстильной отрасли может происходить несколькими путями: копирование или воспроизведение чужих технологий с целью их максимально быстрого позиционирования на рынке текстильных изделий, фрагментарная реализация собственных новых технологических решений, поддержка экономических субъектов, вовремя модернизирующих производственные процессы через фискальные преференции и трансфертную государственную политику.

Функциональные детерминанты определяют степень конкурентоспособности предприятий текстильной отрасли на национальном, региональном и зарубежном рынке потребительских товаров, их взаимодействие с рынком ресурсов, денег, инвестиций, ценных бумаг, научно-технических разработок, недвижимости и тому подобное. Относительно функционального назначения ткани, все готовые изделия можно поделить на три группы: для создания одежды; для нарядного наряда; для благоустройства жилища [4].

Управленческие детерминанты отражают результативность системы внутриорганизационного менеджмента и маркетинга, которые находят свое отражение в эффективной организации производства, логистического сопровождения и позиционирование на потребительском рынке.

¹ СПАРК. Интерфакс. <https://spark-interfax.ru/>

Социальные детерминанты раскрываются структурой занятости, уровнем заработной платы, производительностью труда, социальной ответственностью бизнеса, то есть способностью создавать достойные условия труда и отдыха работников, покупательной способностью населения [7].

Важной составляющей среди детерминант развития текстильной отрасли сохранение и распространение культурных традиций. Художественный текстиль является составной национально-культурного пространства и формирования национального триеннале, целью которого является формирование современного национального стиля в области древнейшей отрасли российского декоративного искусства. Основные направления: текстиль-архитектурно-пространственная среда; экспериментальный текстиль — традиция — новация.

Элементы культурного потенциала, сформированные в Ивановской области, являются ведущими ресурсами отечественной текстильной промышленности и ее развития в современной экономике. Изучение развития текстильного кластера приобретает особое значение в современной научной среде. Вопросы кластерного развития текстильной и легкой промышленности поднимаются многими учеными [16; 14]. Речь идет о развитии теории культурного потенциала как социально-экономического источника национальной экономики [3].

Культурный потенциал является мощным экономическим ресурсом для сохранения текстильных регионов. Таким образом, основа развития текстильных кластеров в современной экономике, культурный потенциал, согласованность региональных кластеров в науке предъявляют к ним требования, а именно «... привязанность к определенной области, в которой сосредоточена необходимая критическая масса производственных предприятий, образовательных и научно-исследовательских организаций, объектов производственной и рыночной инфраструктуры с отраслевой специализацией» [6].

Обеспечить модернизацию и дальнейшее развитие текстильной отрасли (кластеров) невозможно без основательного научного базиса, который формируют научные подходы, концепции, теории [8].

В основе данного исследования нами рассмотрен ряд научных подходов: системный подход к исследованию текстильной отрасли как целостной социально-экономической системы в составе национальной и региональной экономики; комплексный подход, который позволяет исследовать эндогенные и экзогенные фак-

торы, влияющие на развитие отрасли; маркетинговый подход, который позволяет рассматривать развитие отрасли с максимальной ориентацией на потребности потребителя, оценивать конкурентные преимущества отрасли на национальном и зарубежном рынках; инновационный подход, который позволяет не только модернизировать текстильную отрасль, вводить новшества, но и инноватизировать формы управления ею; нормативный подход, который характеризует целевые, функциональные, социальные составляющие развития текстильной отрасли, прежде всего, касающиеся качества, ресурсоемкости, технического уровня продукции, организации производственного процесса на предприятиях текстильной отрасли.

Важной детерминантой развития текстильной промышленности региона есть институциональный базис, который характеризуется системой законодательных и нормативно-правовых актов и системой формальных и неформальных институтов, стимулирующих развитие текстильной отрасли легкой промышленности. Основные задачи региональной промышленной политики заключаются в повышении эффективности во всех отраслях промышленности, модернизации ее технической базы, создании благоприятных условий для многообразия форм промышленных предприятий, активизации развития новых, наукоемких компаний и малого бизнеса.

Главными инструментами промышленной политики является использование прямых (упрощение условий ведения бизнеса, структурные коррекции, реализация отраслевых и региональных программ развития промышленного производства на основе новейших научно-технических достижений, государственные заказы, государственные закупки, привлечение иностранных инвестиций путем создания инвестиционных площадок, патентование результатов научно-технической деятельности; экологическая маркировка, экологическая сертификация, контроль качества продукции в соответствии с международными стандартами качества ISO) и косвенных методов государственного регулятивного влияния (фискальные преференции, упрощенные таможенные процедуры, льготные кредиты и т.д.).

Важным в институциональном сопровождении является применение методов и практик, относящихся к сфере легкой промышленности, касающихся снижение уровня загрязнения окружающей среды и потребления ресурсов во всех отраслях экономики («экологизация отраслей промышленности») и увеличение объемов потребления населением доступных экологических товаров и услуг, соответствуют требованиям зеленой экономики и являются главным фактором устойчивого промышленного развития, повышения уровня жизни и минимизации вреда для окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушуева М.А. Возможные пути развития Ивановского текстильно-промышленного кластера // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 303–306.
2. Валитова Л.А., Шарко Е.Р., Шерешева М.Ю. Выделение промышленных кластеров на основе анализа бизнес-связей: пример текстильной отрасли // Управленец. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-4-5>.
3. Дмитриев Ю.А., Омаров М.М. Повышение эффективности предприятия легкой и текстильной промышленности на основе создания производственных территориальных кластеров // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. 2015. № 4.
4. Ксенофонтова О.Л. Промышленные кластеры как фактор развития региона: теоретический аспект // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2015. № 4(44). С. 66–71.
5. Лачинина Т.А., Чистяков М.С. Кластерные технологии как необходимый элемент политики устойчивого социально-экономического развития региона // Мат. Междунар. научн.-практ. конф.: Управление инновациями-2017 / Под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. 2017. С. 176–181.
6. Луховская О.К. Культурный потенциал как социально-экономический ресурс национального хозяйства // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 1(17). С. 78–97.
7. Павленко Д.Ю. Проблема создания кластеров в России: региональный аспект // Вестник экономической интеграции. 2011. № 2. С. 139–143.
8. Пантюшина О.В. Методические основы оценки конкурентоспособности элементов льняного кластера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3(15). С. 104–114.
9. Плахова Л.В. Инвестиционные кластеры в системе региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 13. С. 76–81.
10. Файдушенко В.А. Кластерная политика как инструмент инновационного развития региона // Экономические науки. 2015. 11(132). С. 37–41.
11. Федоров С.И. Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 4. С. 161–185. <https://doi.org/10.38050/01300105202148>.
12. Чистяков М.С., Лачинина Т.А. Технологические платформы как инструмент консолидации инновационного форсайта реализации концепции реиндустриализации России // Менеджмент и бизнесадминистрирование. 2016. № 12. С. 16–27.
13. Шаповалова Е.Б. Кластеры в текстильной и легкой промышленности Российской Федерации // Наука и бизнес: пути развития. 2020. 5(107). С. 49–52.
14. Яшева Г.А. Обоснование кластерного подхода к повышению эффективности регионального производства // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2012. № 2 (23). С. 171–181.
15. Gyulai T. Policy Challenges in Defining and Utilizing Cluster Metrics // 5th International Conference on Innovation & Management. 2008. № 3. P. 265–271.
16. Kuzym M., Khaustova V. Cluster format for arranging and implementing industrial policy // Acta Innovations. 2015. № 17. P. 30–40.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ БИЗНЕСА

THEORY OF CONSTRAINTS AND SYSTEM APPROACH TO DIGITAL BUSINESS TRANSFORMATION MANAGEMENT

E. Torosyan
O. Tsukanova
V. Breslava
A. Torosyan

Summary. In this article discusses the feasibility and necessity of applying the theory of constraints and a systems approach for effective management of digital business transformation. This approach allows company's management to focus its attention on the strategic parts of the system, to cope with uncertainty by introducing appropriate protective mechanisms in the most critical areas, both within the system and outside it.

Expectations from digital business transformation projects will materialize only with a well-organized project and its implementation. For the successful implementation of a digital business transformation project, the theory of constraints provides the necessary tools, such as current reality tree, future reality tree, the strategy and tactics tree.

Keywords: system approach, theory of constraints, digitalization, business process automation, IT-business.

Торосян Елена Константиновна
К.э.н., доцент, Университет ИТМО
etorosyan@mail.ru

Цуканова Ольга Анатольевна
Д.э.н., профессор, Университет ИТМО
zoa1999@mail.ru

Бреслава Валерия Олеговна
Инженер, Университета ИТМО
valeria.bresalava@gmail.com

Торосян Алиса Арменовна
Инженер, Университет ИТМО
alisato2311@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрена целесообразность и необходимость применения теории ограничения систем и системного подхода для эффективного управления цифровой трансформацией бизнеса. Такой подход позволяет руководству компании сфокусировать свое внимание на стратегических частях системы, справиться с неопределенностью путем внедрения соответствующих защитных механизмов в наиболее критических областях как внутри системы, так и за ее пределами.

Ожидания от проектов цифровой трансформации бизнеса материализуются только при хорошо организованном проекте и его реализации. Для успешной реализации проекта цифровой трансформации бизнеса теория ограничений предоставляет необходимые инструменты, такие как дерево текущей реальности, дерево будущей реальности, дерево стратегии и тактики.

Ключевые слова: системный подход, теория ограничений, автоматизация бизнес-процессов, цифровая трансформация, бизнес.

Последние пятнадцать лет в развитых и развивающихся странах можно наблюдать активную стадию цифровой трансформации бизнеса [10]. Цифровые технологии продолжают проникать в самые разные отрасли: банковское дело, розничная торговля, транспорт и многие другие. Современный бизнес уже не может игнорировать цифровые технологии для взаимодействия с потребителями [20].

С помощью них бизнес увеличивает прибыль и лояльность клиентов по отношению к компании, привлекает новых клиентов.

Конечно, те компании, которые внедрили информационные технологии в бизнес, более успешны и конкурентоспособны, чем те, кто этого не сделали. Но даже те,

кто использует информационные технологии в бизнесе не всегда делают это в полной мере, ведь кто-то полностью интегрировал их в свой бизнес, а кто-то лишь частично, используя всего лишь некоторые инструменты.

Основные сферы и бизнес задачи, решаемые цифровой трансформацией бизнеса представлены в табл. 1 [19].

В наше время бизнес без информационных технологий уже не возможен. Клиентоориентированные компании становятся более успешными и конкурентоспособными за счет дополнительных источников продаж и каналов связи с клиентами, благодаря тому, что идут в ногу со временем. В современном мире дистанционной работы кажется, что каждый занимается цифровым

Таблица 1. Сферы цифровой трансформации и бизнес задачи

Сфера цифровой трансформации	Бизнес задачи
Взаимодействие с клиентами и улучшение качества обслуживания клиентов	Изучение потребностей клиентов; Использование информационных программ и сервисов; Взаимоотношения с клиентами.
Цифровизация бизнес-процессов компании	Автоматизация; Режим удаленной работы; Управление бизнесом.

бизнесом. Однако ведущие бизнес-лидеры по-разному понимают цифровую трансформацию. В результате приоритеты меняются, когда дело доходит до внедрения информационных технологий. Проще говоря, бизнес полагается на информационные технологии для работы и роста. В зависимости от вашей отрасли — это может выглядеть так:

1. Использование приложений для автоматизации бизнес-процессов;
2. Использование искусственного интеллекта для улучшения качества обслуживания клиентов;
3. Сбор данных для улучшения бизнес-аналитики.

Существуют два глобальных подхода к созданию и управлению бизнесом: подход мастера и системный подход [16].

Системный подход не полагается на экспертов, в отличие от подхода мастера. Руководители направляют свои усилия на то, чтобы создать надежный процесс управления бизнесом, которому возможно обучить других. Менеджеры разрабатывают процессную модель бизнеса так, как если бы они планировали тиражировать его через механизм франшизы, когда ее получатель приобретает у франчайзера не только имя, но и политику с конкретными процессами для ведения успешного бизнеса [11].

Признаки системного подхода в управлении бизнесом:

1. Деятельность по удовлетворению потребностей клиента осуществляется самой системой.
2. Ведение бизнеса осуществляется практически без вмешательства руководства.
3. Усилия менеджеров направлены на планирование будущих процессов и оптимизацию, а не на операционные и текущие задачи.
4. Целью обучения сотрудников является обучение системе ведения бизнеса.

Некоторые компании придерживаются исключительно одного подхода, однако, в большинстве компаний преобладают элементы подхода мастера. Руководство компаний, как правило, отвечают за операционные процессы, и чем компания становится

больше, тем сложнее им держать под контролем все процессы. Исходя из этого, часто возникает проблема нехватки квалифицированных менеджеров, которым можно было бы делегировать ответственность. Вместе с тем существует мнение, что успех компании зависит от компетентности руководства (мастеров) и является наиболее важным фактором. Все вышесказанное говорит о том, что подход мастера является препятствием для роста существующих и тиражирования новых предпринимательских успехов компании. В таких условиях более широкое внедрение системного подхода приобретает все большую значимость.

Прежде всего, необходимо дать определение понятию «система».

Система — это определенное количество взаимосвязанных элементов, совместно участвующих в определенном процессе. В процессе своей деятельности система принимает в себя определенный вход, обрабатывает его тем или иным способом и производит выход. Сумма этих выходов должна иметь большую ценность, чем сумма входов. Таким образом, в процессе перевода входа в выход система создает добавленную ценность. Можно сделать вывод о том, что так называемый доход системы является измерителем ценности, созданной самой системой.

Проблемы любой бизнес-системы: **сложность и неопределенность**. Прежде всего, компания, состоящая из более чем нескольких человек, это уже сложная система. Сложность заключается в том, что довольно трудно спрогнозировать, какие последствия повлечет то или иное действие на разные подразделения организации. Из-за большого количества взаимодействий между людьми и отделами установить причинно-следственные связи достаточно сложно.

Вторая проблема, неопределенность, существующая вокруг и внутри компании, означает, что любое решение или действие может привести к различным результатам. Взаимодействие этих двух факторов и заставляет многих менеджеров считать, что управление бизнесом — это скорее искусство, чем профессия, которому можно научиться в рамках традиционного обучения.

Проблема в управлении бизнесом приводит к дестабилизации всей системы. Можно с уверенностью сказать, что локальная оптимизация ответственна за создание определенной доли непредсказуемости системы.

Рассматривая бизнес как систему, нужно признать, что он ориентирован на достижение определенной цели.

Целью бизнеса всегда является получение прибыли. Именно за этим создаются и инвестируются компании. Необходимо помнить, что компании на рынке работают в условиях конкуренции, а стагнирующие компании погибнут без оптимизации своей деятельности. В таких условиях руководители из всех сил стараются улучшить финансовые показатели компании. Для этого необходимо сочетание трех условий.

1. Компании разбиваются на подсистемы – отделы, службы и т.д.;
2. Влияние руководителей направлено на то, что находится под большей степенью их контроля;
3. Локальные затраты находятся под прямым контролем руководителей отделов.

Такие условия приводят к тому, что фокус внимания большинства руководителей отделов сосредоточен на оптимизации локальных затрат, находящихся под их контролем. Фокусом внимания становится улучшение системы за счет оптимизации каждой подсистемы.

Однако сокращение расходов не единственный способ увеличения прибыли. В контексте системного подхода фокус на затраты означает фокус на «вход» системы. Если удастся сэкономить на входе, сохранив выход на прежнем уровне, за счет этой экономии достигается большая прибыль. Однако компании создаются для того, чтобы увеличивать прибыль, а не для того, чтобы снижать расходы. Исходя из этого ценность, созданная самой системой, отражается в доходе компании. Доход не эквивалентен сумме реализации от продаж, так как деньги, полученные от реализации, содержат в себе и те деньги, которые мы должны отдать внешним поставщикам и партнерам за сырье, субподрядчики и т.д., то есть те деньги, которые система отдает внешним поставщикам за каждый продукт или услугу, проданные клиенту.

Доход — это деньги, которые система создает сама путем перевода «входа» в «выход» и продажи этого «выхода» клиентам.

В контексте системного подхода к управлению компанией существует две причины для того, чтобы **считать увеличение дохода важнейшим приоритетом**.

Осознав, что доход является определяющим фактором, возникает понимание того, что большинство улучшений подсистем не способствует улучшению всей системы.

Такой подход заставляет задуматься, что является самым слабым звеном системы. Этот лимитирующий фактор называется ограничением системы, и, соответственно, системный подход к управлению называется Теорией Ограничения Систем (ТОС) [1, 9].

Согласно теории ограничений систем для улучшения любой системы существует слабое звено или ограничение должно быть улучшено или устранено, и следующим приоритетом становится поиск и устранение следующего наиболее слабого звена [8].

Теория ограничений предполагает, что сложные системы состоят из цепочек связанных процессов — производственной операции, строительства здания или процесса выпуска программного обеспечения.

Основная идея теории ограничения систем заключается в том, что каждая система, например, компания, ориентированная на достижение цели, т.е. получения прибыли имеет небольшое количество ограничений, препятствующих достижению этой цели. Исходя из этого, управление системой должно подразумевать собой управление ограничениями системы:

Существует два вида ограничений:

- ♦ **ограничения в объемах:** ограниченность физического ресурса компании, поставщиков или рынка.
- ♦ **ограничения управления:** способность зарабатывать больше денег ограничена внутренним правилом или процедурой, относительно того, как следует управлять ресурсами или как управлять бизнесом с клиентами или поставщиками.

Ограничения обоих типов можно встретить в любой компании. Данные ограничения позволяют менеджерам сфокусироваться на значимых вещах, имеющих потенциальный рывок для конечного результата при их оптимизации.

Рассмотрим первый тип ограничений и его процесс улучшения. Данный подход строится из пяти этапов [17].

1. Найти ограничение системы.

В данном случае ограничение может быть внутренним (ресурс) или внешним (рынок или поставщик). Зачастую найти ограничение непросто. В этом случае

сначала надо стабилизировать систему, какое-то время пожить без изменений в подсистемах.

Когда ограничение найдено, как правило, обнаруживается, что фирма использует это ограничение не полностью.

2. Максимальное использование ограничения

Под максимальным использованием не стоит понимать полное истощение ресурса и его разрушение. Часто это означает разгрузку ресурса от заданий, которые могут быть выполнены другими ресурсами, или уменьшение вариаций и остановок процесса, вызванных отсутствием должного фокуса.

На данном этапе необходимо затронуть ресурсы, которые не являются ограниченными и получить максимальный результат из ограничивающей мощности. Остальные ресурсы нельзя нагружать работой, так как, если на самую слабую подсистему положить груз, который она не может выдержать, система перестанет работать. Ограничения должны синхронизировать свой режим работы с мощностью ограничения.

3. Перестройка системы

Тут потребуется сменить политику локального оптимума, при котором улучшения происходят локально, а не в целом в системе. На этом этапе выявляется большинство ограничений компании, и они должны перейти на новые «правила» — синхронизировать поток.

В результате трех первых шагов добившись полного использования возможностей существующей системы, возникает необходимость найти способ увеличить ограничивающую мощность.

4. Развить ограничение системы.

Если ограничение находится внутри системы, этот шаг, означает, что необходимо инвестировать в область ограничения, или найти альтернативные способы для компенсации мощности ресурса, в котором образовался дефицит. Если ограничение находится на рынке или у поставщиков, требуется сформулировать взаимовыгодное предложение.

5. В случае устранения ограничения, вернуться к шагу 1.

На данном шаге существует опасность — создать новые ограничения, ведь люди в компании склонны к инерции. Вся система работала исходя из существующего ограничения, а в результате его перемещения

система полностью трансформируется. Следовательно, формируется следующая политика: что мы должны делать, чтобы удержать ограничение внутри компании, вне зависимости от того, что будет происходить на рынке?

Этот процесс одновременно является ключом к увеличению дохода, снижению уровня товарно-материальных ценностей и контролю над затратами. Данный подход позволяет избежать компромиссов, навязанных локальным управлением в организации (через подсистемы), и снижает сложность в управлении бизнесом [2].

Цифровая трансформация стала одной из главных обсуждаемых тем последних лет, связанных с оптимизацией управления [7]. Данные изменения предполагают замену ручных операций компьютеризированными и автоматизированными процессами, иногда даже с использованием искусственного интеллекта. Это способствует повышению производительности и снижению затрат, поскольку автоматизированные процессы заменяют людей [5, 6].

Вышеуказанные преимущества являются обычными ожиданиями от проектов цифровой трансформации, но они материализуются только при хорошо организованном проекте и его реализации.

Результаты цифровой трансформации компании во многом зависят от выбора бизнес-процесса, который нужно автоматизировать, и от степени его автоматизации.

С самого начала проекта цифровой трансформации теория ограничений предоставляет необходимые инструменты для организации проекта. Необходимо нарисовать дерево текущей реальности (Current Reality Tree (C.R.T.)) (рис. 1). Это логическое дерево, описывающее причинно-следственную связь текущей ситуации для выявления основных причин нежелательных эффектов [21].

- ◆ Действительно ли необходим этот проект? — некоторые процессы автоматизированы, хотя они могут быть устранены или сильно упрощены.
- ◆ Является ли автоматизация бизнес-процесса решением? — нет смысла автоматизировать бизнес-процесс только ради его автоматизации.
- ◆ Что такое автоматизация? — Каковы границы бизнес-процесса, который необходимо автоматизировать, чтобы не включать или исключать часть, которую может сделать проект слишком сложным или дорогостоящим, либо сделать невозможным интеграцию проекта автоматизации в работу компании из-за недостающих процессов.

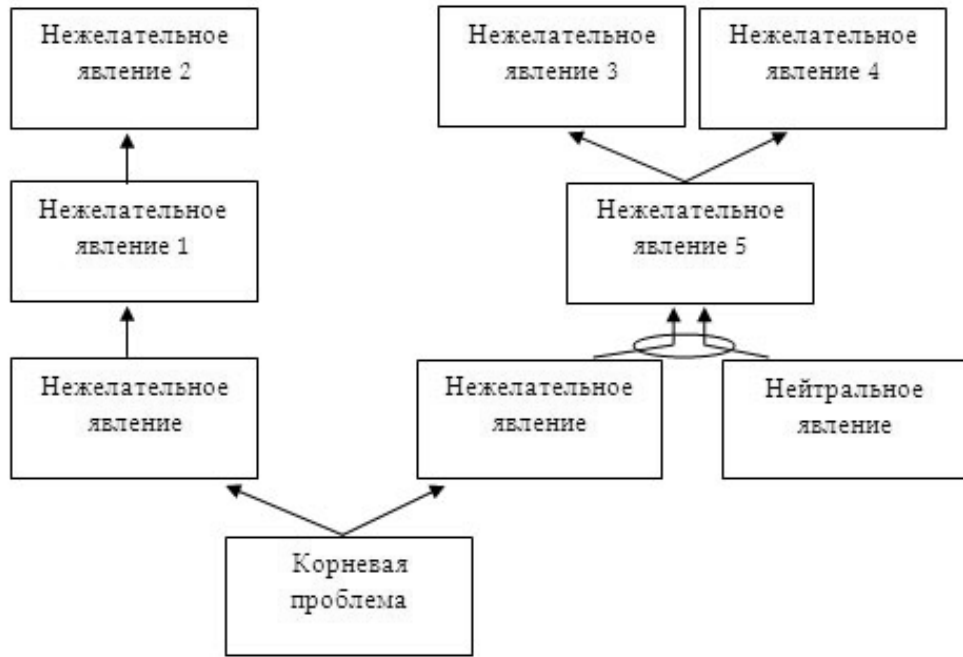

Рис. 1. Дерево текущей реальности

Источник: <https://tocpeople.com/2012/03/kak-postroit-derevo-tekushhej-realnosti/>

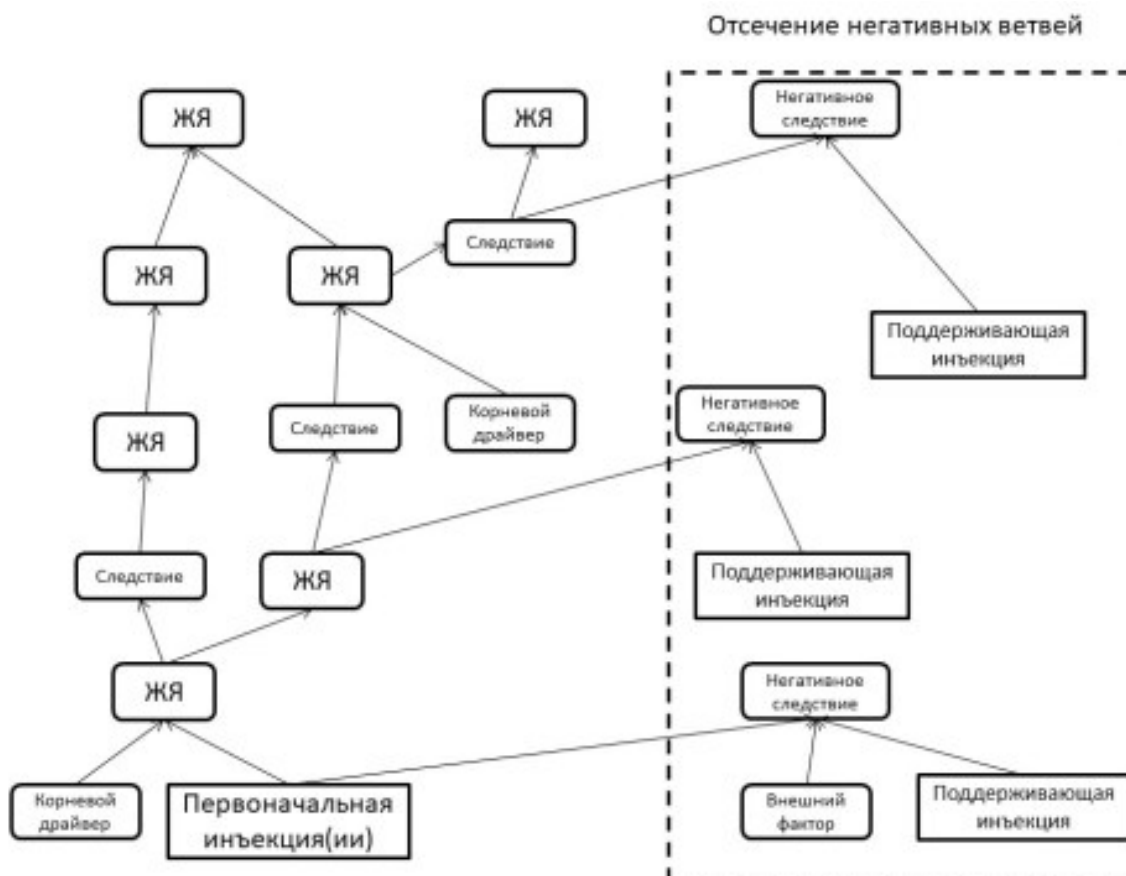

Рис. 2. Дерево будущей реальности

Источник: <https://egorovde.ru/archives/8581>

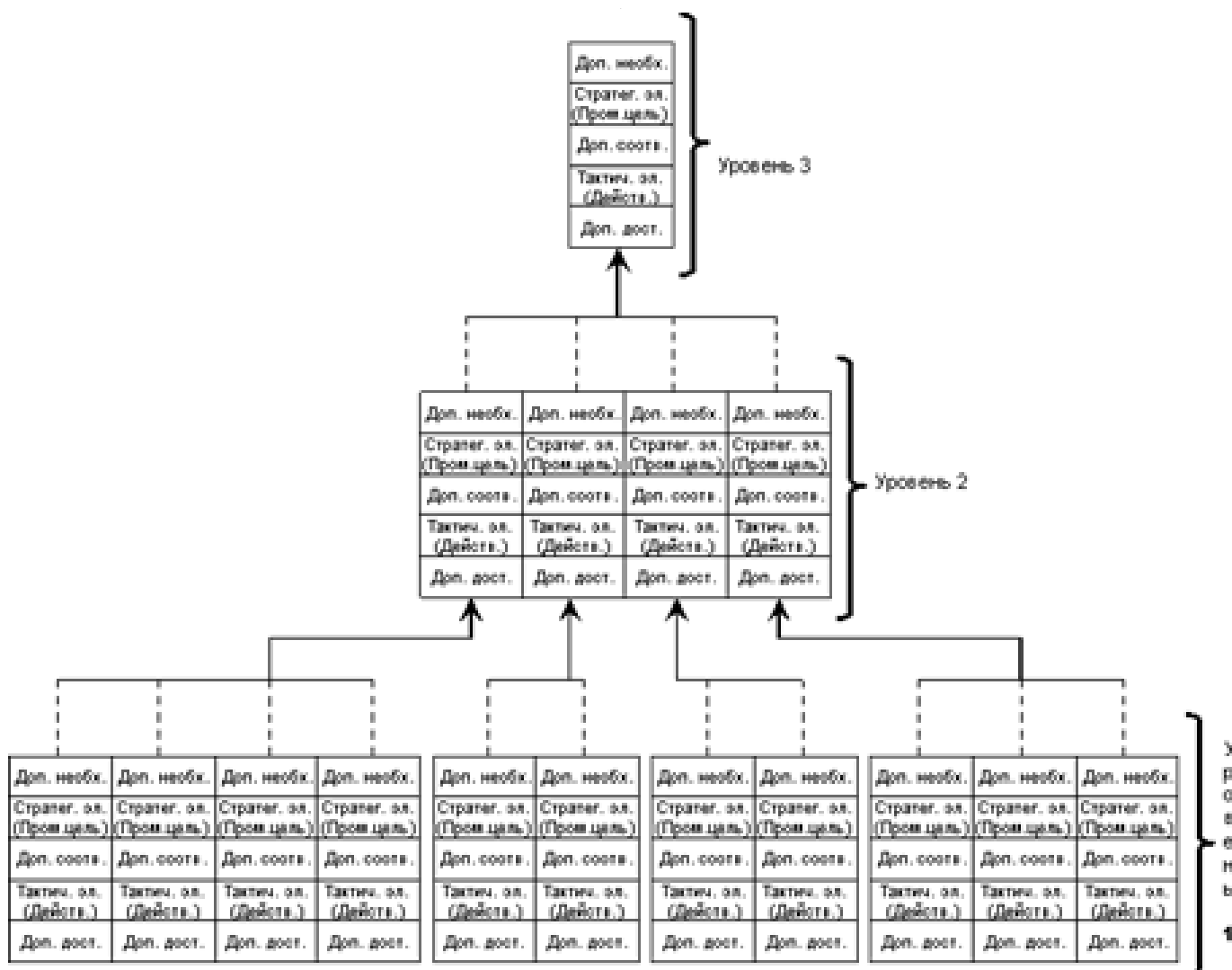

Рис. 3. Дерево стратегии и тактики

Источник: <https://tocpeople.com/2012/08/postroenie-dereva-strategii-i-taktiki/>

Использование дерева текущей реальности позволяет выявить, что может стать препятствием для автоматизации бизнес-процесса. Барьеры на пути к автоматизации процесса могут быть техническими — их легко найти и часто легко преодолеть, — но они также могут быть психологическими или поведенческими, и это в большей степени препятствие на пути к автоматизации.

Теория ограничений описывает несколько уровней сопротивления изменениям, а дерево текущей реальности позволяет уже преодолеть первые уровни, давая четкое обоснование того, почему изменение должно произойти, и что необходимо заменить.

Как только объем автоматизации определен, использование Дерева будущей реальности (Future Reality Tree) (рис. 2) поможет визуализировать влияние авто-

матизации [14]. Дерево будущей реальности представляет собой логическое дерево, описывающее причинно-следственную связь будущей конечной ситуации, чтобы выяснить, что может пойти не так или какое негативное влияние может понести за собой изменение.

Это позволяет с самого начала учесть эти воздействия и минимизировать негативные последствия. При этом учесть все последствия — положительные или отрицательные — еще до запуска проекта автоматизации:

- ◆ Снижение эффекта улучшения от автоматизации из-за неадаптированных восходящих и нисходящих процессов к новой мощности
- ◆ Перемещение ограничения туда, где управлять им гораздо сложнее;
- ◆ Не закрытие некоторых «недостающих частей», которые являются препятствием для улучшения всей операции;

Предвидя негативный исход и последствия, дерево будущей реальности позволяет преодолеть следующие уровни сопротивления, которые могут противостоять автоматизации, отказавшись от улучшения как способа решения проблем компании.

Когда эти препятствия будут устранены, теория ограничений предлагает еще один инструмент с деревом стратегии и тактики (Strategy and Tactics Tree) (рис. 3) — логическое дерево, описывающее, как достичь целей проекта и детализирующее предварительные условия, шаги и результаты [18]. Создание этого дерева дает всё необходимое для построения плана проекта.

Затем возможно положиться на теорию ограничений для использования дополнительных инструментов. Методология DevOps [13] поможет обеспечить своевременную реализацию проекта автоматизации в рамках бюджета и спецификации.

Теория ограничений очень хорошо интегрируется с методом Канбан [15]. Доска Канбан позволяет руководителю проекта и команде мгновенно определять узкие места. По мере выявления ограничений их первопричина может быть устранена. С небольшо-

ми ограничениями можно справляться ежедневно, в то время как масштабные ограничения могут потребовать установки новых целей дорожной карты и изменения направления деятельности вашей компании [4].

В заключении стоит отметить, что цифровая трансформация бизнеса часто рассматривается как чисто техническое мероприятие и обычно отдается на управление программистам [12]. На самом деле проекты цифровой трансформации, обеспечивающие ожидаемую выгоду, представляют собой скорее изменение парадигмы работы и более сложное и глубокое изменение, чем просто внедрение нового программного продукта. Теория ограничений предоставляет заинтересованным сторонам ясное, полное содержание и позволяет более безопасно и быстро внедрить процесс автоматизации бизнес-процессов компании. Это позволяет надежно интегрировать новый процесс автоматизации в оставшиеся бизнес-операции.

Системный подход может быть использован в любой отрасли для цифровой трансформации бизнеса, чтобы сохранять порядок и направить на путь устойчивого роста и жизнеспособность компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dettmer H.W., "Breaking the Constraints to World-Class Performance", ASQ Quality Press (1998)
2. Digital Adoption Team. (28 June 2021 г.). How Useful Is The Theory Of Constraints? Получено из DigitalAdoption: <https://www.digital-adoption.com/theory-of-constraints/>
3. Mulvenna, A. (2019). What You Need to Know About Critical Chain Project Management. Получено из Genius ERP: <https://www.geniuserp.com/blog/what-you-need-to-know-about-critical-chain-project-management>
4. Siderova, S. (2018). Manage Bottlenecks in Kanban: the Theory of Constraints. Получено из nave: <https://getnave.com/blog/theory-of-constraints/>
5. Shragenheim E., "Management Dilemmas", St. Luice Press (1999)
6. Toffler A., Toffler H., Gibson R. «Rethinking the Future: Rethinking Business, Principles, Competition, Control & Complexity, Leadership, Markets and the World», Nicholas Brealey Publishing; Reprint edition (1999)
7. Varlot, D. (2 February 2020 г.). How Theory of Constraints offers support to digitalization. Получено из Medium: <https://medium.com/thinking-logic/how-theory-of-constraints-offers-support-to-digitalization-3bffc2f9fdbb>
8. Woepel M.J., «Manufacturer's Guide to Implementing the Theory of Constraints», St. Luice Press (2001)
9. What Is the Theory of Constraints REALLY About? (24 April 2021 г.). Получено из Intelligent Management: <https://www.intelligentmanagement.ws/what-is-theory-of-constraints-really-about/>
10. Багаудинова, Н.Г. Новые конкурентные преимущества в условиях цифровизации [Текст] / Н.Г. Багаудинова, Р.А. Никулин // Инновации. — 2018. — № 8. — С. 80–83.
11. Барабаш, К.С. Влияние цифровой экономики на изменение рынка труда / К.С. Барабаш // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 6 (97). — С. 52–54 <https://elibrary.ru/item.asp?id=35076900>
12. Баранов, Д.Н. Социально-экономические последствия распространения цифровых технологий на рынке труда / Д.Н. Баранов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2018. — № 3 (26). — С. 91–97. doi: 10.21777/2587-554X-2018-3-91-97 https://www.muiiv.ru/vestnik/pdf/eu/eu_2018_3_26_91_97.pdf
13. Габрух, Н. (20 февраля 2021 г.). Основы методологии DevOps. Получено из proglib: <https://proglib.io/p/osnovy-metodologii-devops-2021-02-20>
14. Егоров, Д. (13 июля 2020 г.). Мыслительные инструменты ТОС. Дерево будущей реальности. Получено из Дмитрий Егоров: <https://egorovde.ru/archives/8581>
15. Николина, Ю. (2018). Суть методологии Канбан. Получено из Управляем предприятием: <https://upr.ru/article/metodologiya-kanban-sekrety-effektivnogo-ispolzovaniya/>

16. Пакк, Х. (б.д.). Системный подход к управлению бизнесом: в фокусе внимания ограничение, а не затраты. Получено из GoldrattBalticNetwork: http://www.goldratt.ee/ru/vene_link4.htm
17. Подопригора, В. (6 ноября 2014 г.). Теория ограничения система для малого и среднего бизнеса. Получено из Деловой мир: <https://delovoyimir.biz/teoriya-ogranicheniya-sistema-dlya-malogo-i-srednego-biznesa.html>
18. Речкалов, В. (14 августа 2012 г.). Построение дерева стратегии и тактики. Получено из ТОС People: <https://tocpeople.com/2012/08/postroenie-dereva-strategii-i-taktiki/>
19. Что такое digitalbusiness. (2019). Получено из Альянс Свободный предпринимателей: <https://union-sp.ru/blog/chto-takoe-digital-biznes/>
20. Что такое цифровой бизнес: обзор, концепции и способы его создания. (13 июля 2021 г.). Получено из BlueScreen: <https://bluescreen.kz/articles/chto-takoe-cifrovoy-biznes-obzor-konceptii-i-sposoby-ego-sozdaniya/>
21. Янгман, К. (2 марта 2012 г.). Как построить дерево текущей реальности? Получено из ТОС People: <https://tocpeople.com/2012/03/kak-postroit-derevo-tekushhej-realnosti/>

© Торосян Елена Константиновна (etorosyan@mail.ru), Цуканова Ольга Анатольевна (zoa1999@mail.ru),
Бреслава Валерия Олеговна (valeria.bresalava@gmail.com), Торосян Алиса Арменовна (alisato2311@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ)

THE CURRENT STATE OF THE EMPLOYMENT STRUCTURE THROUGH THE PRISM OF ECONOMIC AND REGIONAL IMBALANCES (EXAMPLE OF MOSCOW)

A. Traore

Summary. The article considers aspects that determine the state of the employment structure through the prism of economic and regional imbalances on the example of Moscow. The purpose of the article is to study the current state of the employment structure through the prism of economic and regional imbalances, as well as to highlight the main trends in the formation of high-quality labor potential of employees involved in the employment system. The main trends of the professional structure of the labor market, employment and unemployment in Moscow are highlighted. The activities that can contribute to the development of the region's labor market are briefly described.

Keywords: region, labor market, employment, unemployment, employment structure, labor potential, professional composition, labor.

Траоре Абдулаи

*Аспирант, Академия Труда и Социальных
Отношений
abtraore201@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты, определяющие состояние структуры занятости через призму экономических и региональных диспропорций на примере г. Москвы. Целью статьи является исследование современного состояния структуры занятости через призму экономических и региональных диспропорций, а также освещению основных тенденций формирования качественного трудового потенциала работников в системе занятости. Выделены основные тенденции профессиональной структуры рынка труда, занятости и безработицы в г. Москве. Кратко описаны мероприятия, которые могут способствовать развитию рынка труда региона.

Ключевые слова: регион, рынок труда, занятость, безработица, структура занятости, трудовой потенциал, профессиональный состав, труд.

Перед всеми странами мира стоит проблема обеспечения экономического роста, динамика которого характеризует развитие национальных экономик и жизненный уровень населения. При устойчивом экономическом росте в стране возникает возможность решения технологических, социально-экономических, экологических проблем. Поэтому экономический рост определяется как основная цель макроэкономической политики. Исходя из этого, в условиях формирования модели инновационного типа развития в России одним из факторов экономического роста становится эффективное использование трудовых ресурсов, поскольку нерациональное использование рабочей силы, профессиональных навыков и квалификации работников тормозят темпы экономического развития.

Среди современных исследователей довольно распространенным является исследование и анализ структуры занятости (например, Е.Н. Ширинкина [12, с. 103–112], Н.Ю. Ахапкин [3, с. 26–40], А.Г. Голова [5] и др.), а также формирование качественного трудово-

го потенциала через призму социально-экономических рычагов государственного влияния миграционных процессов (И.С. Хотамов [11, с. 664], Е.А. Колесник [7, с. 103–107] и другие). Не отрицая важность научных разработок, всё же необходимо отметить, что до сих пор в науке отсутствует комплексное общетеоретическое исследование механизма устранения диспропорций на территориальном и межотраслевом уровнях в структуре занятости, а, следовательно, формирование качественного трудового потенциала в вышеупомянутых сегментах на рынке труда на региональном уровне.

Современная структура занятости в России — как по секторам экономики, так и по профессиональному статусу — отличается от стандартов экономически развитых стран и не до конца отвечает стратегическим ориентирам развития страны. Результатом этого является низкая производительность труда и неэффективное использование трудового потенциала. Так, в качестве примера рассмотрена структура занятости по отраслям экономики в г. Москве — рис. 1.

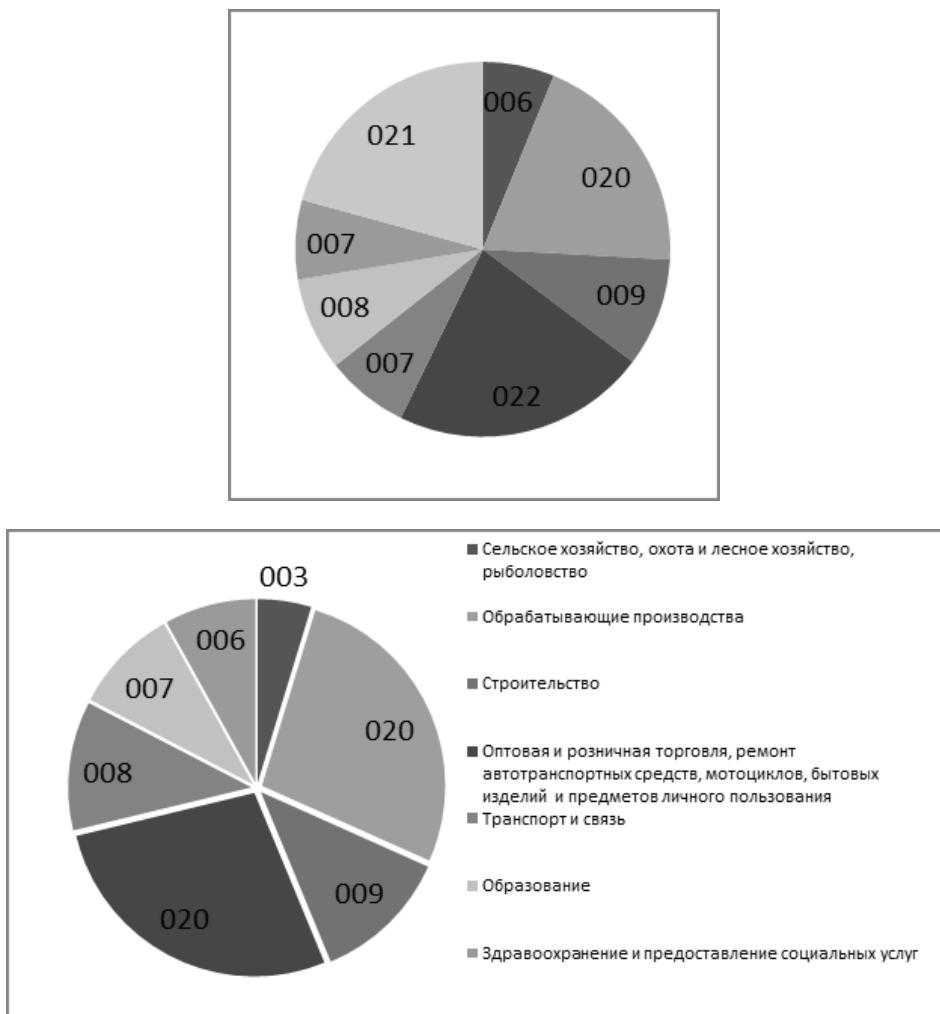

Рис. 1. Структура занятых по отраслям экономики в Москве в 2010 и 2020 гг. [на основе: ист.9]

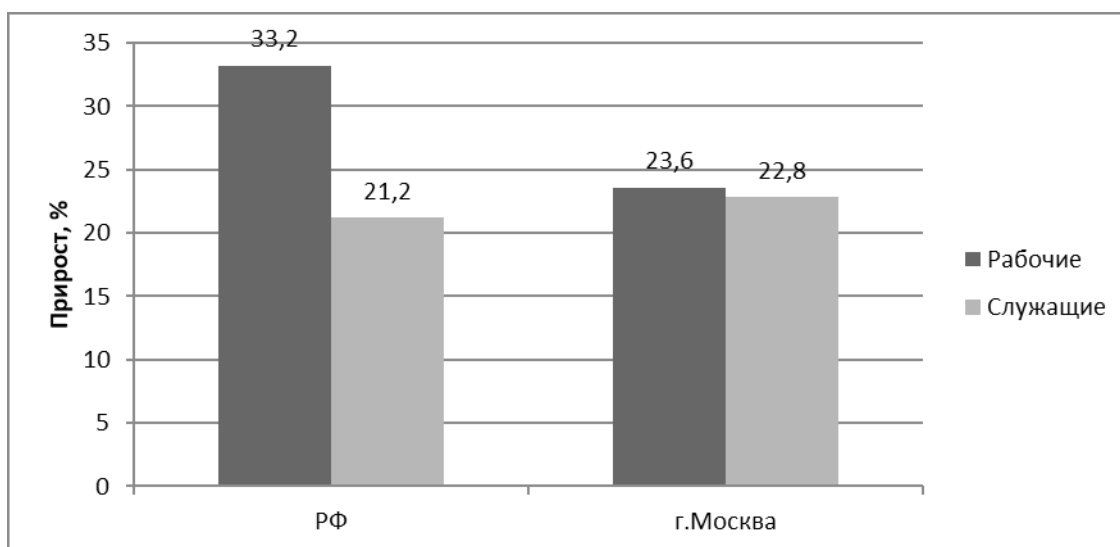

Рис. 2. Прирост рабочей силы по рабочим и служащим в России и в Москве за 2015–2020 гг. [на основе: ист.9]

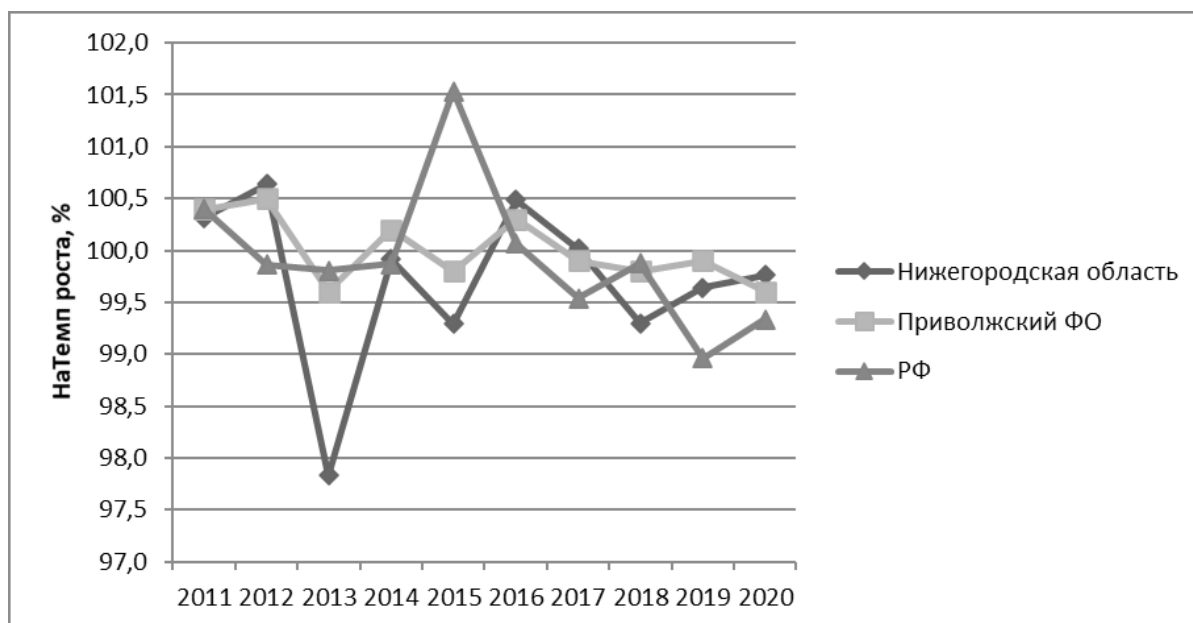

Рис 3. Сравнение темпов роста экономически активного населения по Москве, Центральному ФО и РФ в 2011–2020 гг. [на основе: ист.9]

Как показывают данные рис. 1, наибольшее количество занятых — почти 5 млн. человек или около четверти общего количества занятых — сконцентрирована в оптовой и розничной торговле, где наблюдается низкая производительность труда и неэффективное использование трудового потенциала. Зато слишком малой является доля занятых в образовании (6,81%) и обрабатывающей промышленности (5,89%), в частности в производстве машин и оборудования, производстве электрического и электронного оборудования, производстве транспортного оборудования, то есть в тех видах деятельности, которые обеспечивают инвестиции в экономику страны.

Таким образом, в России, и в Москве, в частности, существует дисбаланс на рынке труда по различным сегментам. Несмотря на уменьшение нагрузки безработных на рабочее место за год почти вдвое, предложение труда превышает спрос на нее в 5 раз. Остаются профессиональные диспропорции: при наличии острой потребности в квалифицированных рабочих с инструментом, по обслуживанию, эксплуатации и контролю технологического оборудования и машин преобладает предложение служащих, руководителей, менеджеров и тому подобное.

Не отвечает задачам инновационного развития и профессиональный состав занятых: наблюдается перераспределение занятости в пользу неквалифицированной рабочей силы (численность представителей простейших профессий выросло на 33,2% при сокра-

щении численности специалистов и квалифицированных рабочих), что свидетельствует о доминировании в экономике страны устаревших технологий и отсутствие каких-либо инновационных процессов. Для Москвы это характерно в меньшей степени:

Почти пятая часть занятых работает на должностях, не соответствующих уровню их образования. В частности, каждый двадцать третий работник с высшим образованием в России занят на работах, которые в таком уровне образования не нуждаются [4]. Рост объемов подготовки специалистов с высшим образованием обеспечивается преимущественно за счет специальностей экономики и права, тогда как количество выпускников инновационных специальностей, которые должны внедрять новые технологии в производство увеличилось только на 8% [8].

По данным статистического обзора Федеральной службы государственной статистики [10], в структуре занятого населения по профессиональным группам наибольшую долю составляли лица, которые работали в самых простых профессиях (18,9%), далее — профессионалы (17,9%) и работники сферы торговли и услуг (16,8%). При этом наименьший удельный вес среди занятого населения составляли технические служащие (3,0%) и квалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйств, рыбозаготовки и рыболовства (0,9%). Среди общего количества занятых лиц каждый пятый работал в торговле, седьмой — в промышленности.

Кроме того, в условиях рыночной экономики распространяется неформальная занятость населения, которая охватывает все неформальные рабочие места как в неофициальном, так и официальном (формальном) секторах экономики. В 2016 г. количество неформально занятого населения уменьшилось на 342,1 тыс. человек по сравнению с предыдущим годом и составило 4,0 млн. человек [6, с. 63], или 24,3% от количества всего занятого населения. Неформальные трудовые отношения преобладали в секторе самостоятельной занятости, где доля населения, которое работало на неформальных рабочих местах, составила 74,3%, а среди работающих по найму таких лиц было 15,1% [6, с. 64].

В течение 2020–2021 гг. в структуре занятого населения произошли изменения в статусе в занятости среди формально и неформально занятого населения. Так, в 2020 г. по сравнению с 2016 г. наблюдался рост доли работающих по найму среди официально занятого населения (84,9% против 82,7% [10]) и соответственно сокращение работающих не по найму (25,7% против 26,8%). В то же время обратные процессы произошли среди неформально занятого населения. В 2020 г. среди неформально занятого населения две трети (66,2%) составляли лица, которые имели профессионально-техническое и высшее образование, а среди официально занятого населения преобладали лица с полным общим средним образованием (включая полное, базовое и неполное высшее образование) (61,2%) [6, с. 64]. Неформально занятыми являются преимущественно лица с невысоким уровнем образования и те, кто занимается физическим или неквалифицированным трудом. В частности, доля неформально занятого населения среди работников простых профессий была значительно выше, чем среди официально занятого населения (49,0% против 9,2%).

Уменьшается предложение квалифицированных представителей рабочих профессий: доля лиц с профессионально-техническим образованием среди экономически активного населения сократилась до 24%. Во многом это обусловлено процессами изменения структуры экономически активного населения в населении страны и региона — рис. 3:

Структурные изменения в национальной и региональной экономике имеют влияние на формирование совокупного спроса на рынке труда на квалифицированные кадры, обладающие высоким уровнем интеллектуального потенциала и способные совместить несколько профессий.

Спад экономической активности и занятости населения в 2020–2021 г. в связи с пандемией коронавируса означает дальнейшее отставание России не только

за параметрами рынка труда, но и по уровню жизни населения. Низкие стандарты уровня жизни населения неизбежно приведут к ускоренной потере внутренних резервов социально-экономического развития (прежде всего, через уменьшение трудоспособного населения, профессиональных кадров, внутренних инвестиций, объектов социальной инфраструктуры). Игнорирование указанных проблем и их последствий, помимо прочего, предопределяет риски ухудшения международного имиджа нашей страны. Драматическое сужение внутреннего рынка и свертывание возможностей деловой активности уменьшает экономический интерес к России со стороны вероятных стран-инвесторов.

В целом несбалансированность на рынке труда находит свое проявление в диспропорциях, которые возникают между спросом и предложением рабочей силы. Это могут быть структурные или профессионально-квалификационные диспропорции, которые возникают вследствие несоответствия структуры профессиональной подготовки специалистов потребностям рынка как по квалификационному уровню, так и по профессиональным навыками. Отраслевые диспропорции возникают из-за структурных преобразований в экономике, ее переориентации на оказание услуг. Территориальные диспропорции обусловлены неравномерным размещением производства и трудовых ресурсов на территории региона или страны в целом. Демографические диспропорции являются следствием уменьшения конкурентоспособности некоторых возрастных и тендерных групп населения на рынке труда. Устранению этого дисбаланса будет способствовать реализация взвешенной политики доходов, лишенной социального популизма. Также для обеспечения эффективной занятости населения, ориентированной на повышение использования трудового потенциала, необходимо создавать новые высокотехнологичные и высокопроизводительные рабочие места.

Высшее профессиональное образование в современных условиях должно быть гибким и ориентироваться на перспективные изменения потребностей национальной экономики. В противном случае постоянно будет расти несоответствие между спросом и предложением квалифицированных кадров. Для преодоления образовательно-квалификационных дисбалансов на рынках образования и труда нужно постоянно обновлять содержание образовательных стандартов и учебных программ, применять новые методики и технологии преподавания дисциплин, усовершенствовать механизм взаимодействия обоих рынков. Ведь преимущество будут получать наиболее креативные работники, которые являются носителями уникальных компетенций, способными создавать инновационные технологии и решения.

Необходимо отметить, что радикальные изменения в институте занятости — это объективный ответ экономической системы и ее социально-трудовой составляющей на вызовы динамических изменений — технологических, организационных, мотивационных, демографических и экономических, потребительских и прочих. В то же время такие изменения являются свидетельством развития отношений постиндустриальной экономики (экономики знаний) в функционировании современного рынка труда. Новая иерархия факторов экономического развития, интенсивное внедрение новых прогрессивных технологий, прежде всего, информационно-коммуникационных, все больше обуславливают как трансформацию форм занятости, так и рост требований к субъектам трудовой деятельности. Усиление роли творческого человека в производстве способствует наращиванию спроса на интеллектуальную, креативную работу, на высококвалифицированных работников со склонностью к постоянному обучению, усвоению и интерпретации нового. Человеческий капитал становится ведущим фактором экономического развития, самым эффективным экономическим ресурсом.

Неэффективная структура занятости, которая имеет место быть в большинстве регионов России, отражает реализацию модели экономического развития, которая базируется на дешевой рабочей силе. Это может привести к потере трудового потенциала общества и деградации рабочей силы. Достижение высокого уровня производительности и доходов невозможно без кардинальной реструктуризации производства и занятости по видам экономической деятельности и институциональными секторами экономики. Речь идет, в частности, о перераспределении занятости из сектора домохозяйств в корпоративный сектор, из сельского хозяйства, добывающей и тяжелой промышленности и торговли — в высокотехнологичные отрасли перерабатывающей промышленности и сферы консультационных и социальных услуг, способных создать конкурентоспособные рабочие места с высокими требованиями к квалификации и образованию работников, и обеспечить высокий уровень и лучшие условия занятости (в частности, более высокие заработки) для всех слоев активного населения.

Рассматривая современные особенности государственной политики занятости в России, можно констатировать тот факт, что по своему характеру она является пассивной, поскольку направлена на осуществление мер по социальной защите безработных и выплаты материальной помощи по безработице, регистрации и учету безработных, информационной поддержке. В то же время активная политика на рынке труда предусматривает создание новых и обновление имеющихся

рабочих мест, меры по развитию предпринимательства, инновационных форм занятости и самозанятости населения. Отечественная модель регулирования на рынке труда на протяжении многих лет формировалась под влиянием несогласованных решений со стороны государства, профсоюзов и бизнес-структур. Именно поэтому на современном этапе развития социально-экономических отношений копирование институциональных и нормативно-правовых аспектов регулирования рынка труда развитых стран в России невозможно, прежде всего, из-за недостаточности ресурсного обеспечения, в первую очередь финансового и информационного. Среди приоритетных направлений усовершенствования институционального обеспечения социальной безопасности на рынке труда, по нашему мнению, целесообразно выделить следующие:

- ◆ законодательное закрепление социально-трудовой безопасности и конкретизация мероприятий по ее обеспечению (в частности, путем внесения поправок в Закон РФ «О занятости населения» [1] и внесения изменений в Стратегию национальной безопасности РФ [2]);
- ◆ внедрение социальных стандартов в отечественную практику, в частности, через совершенствование правовых основ функционирования рынка труда и системы социальной защиты населения;
- ◆ приведение нормативно-правового обеспечения социальной безопасности в сфере занятости населения в соответствии с международными требованиями с учетом отечественных реалий;
- ◆ совершенствование функциональных аспектов институционального обеспечения социальной безопасности на рынке труда путем перераспределения полномочий и функций государственных органов в условиях децентрализации, а также учет необходимости внедрения инноваций в процесс деятельности соответствующих учреждений.

Таким образом, важным во взаимодействии экономических элементов социально-трудовых отношений является совершенствование принципов формирования механизма управления рынком труда. В частности, становится важным изменение приоритетности экономического над социальным на приоритетность социального над экономическим, применение либерально-демократических основ с государственно-административным регулированием экономики на институциональных началах и сбалансированности объемов и структуры производства в соответствии с внутренними потребностями общества и государства. Необходимо также решать проблему поэтапного обеспечения уровня заработной платы не ниже стоимости рабочей силы с учетом разумных человеческих потребностей. Поэтому в регионах страны под эгидой государства

необходимо проводить серьезные стратегические исследования и нормировать социальные нужды населения, в зависимости от которых регламентировать минимальный и максимальный уровни заработной платы и доходов бизнеса на личное потребление, решать про-

блему достойной заработной платы. Такие меры приведут к социальной ориентации процесса регулирования рынка труда, позволят достичь наиболее важной цели — сделать рынок труда эффективным и оптимальным по структуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 (ред. от 19.11.2021) «О занятости населения в Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
3. Ахапкин Н.Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) //Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2019. — № . 6. — С. 26–40.
4. Варшавская Е.К. Кем работают образованные россияне // Высшая школа экономики. — Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/202104963.html> (Дата доступа: 10.02.2022).
5. Голова А.Г. Макроэкономические факторы, определяющие развитие рынка труда и структуру занятости в России и за рубежом //Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2018. — № . 4 (14).
6. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения //Фундаментальные исследования. — 2021. — № . 1. — С. 61–65.
7. Колесник Е.А. Эффективная занятость: социально-экономическое содержание и значение в формировании трудового потенциала //XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. — Екатеринбург, 2020. — 2020. — № . 22. — С. 103–107.
8. Образование в цифрах // Статистический сборник Высшей школы экономики, 2021. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/oc> (дата доступа: 12.02.2022).
9. Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики — г. Москва. — Режим доступа: <https://mosstat.gks.ru/> (дата доступа: 10.02.2022).
10. Федеральная служба государственной статистики // Раздел «Рынок труда и занятость. Заработная плата». — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата доступа: 12.02.2022).
11. Хотамов И.С. Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития региона //Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона. — 2018. — С. 664–666.
12. Ширинкина Е.В. Человеческий капитал и рынок труда в цифровом развитии российской экономики //Экономика труда. — 2019. — Т. 6. — № . 1. — С. 103–112.

© Траоре Абдулаи (abtraore201@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА И ГОСУДАРСТВА

REGULATION OF THE LABOR MARKET IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION AND THE STATE

A. Traore

Summary. The article discusses the issues of regulation of the regional labor market in the context of the economic security of the region. Statistical data characterizing the labor market of Moscow are considered. The main trends in the development of the labor market of the region are outlined, as well as its problems are highlighted. The possibilities of improving the regulation of the labor market of the region to improve the overall socio-economic security of the region are presented.

Keywords: regulation, institutions, employment, labor market shadow, regional labor market, socio-economic development, economic security of the region.

Траоре Абдулаи

Аспирант, Академия Труда и Социальных
Отношений
abtraore201@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы регулирования регионального рынка труда в контексте экономической безопасности региона. Рассмотрены статистические данные, характеризующие рынок труда г. Москвы. Обозначены основные тенденции развития рынка труда региона, а также выделены его проблемы. Представлены возможности совершенствования регулирования рынка труда региона для улучшения общей социально-экономической безопасности региона.

Ключевые слова: регулирование, институты, занятость, тенезация рынка труда, региональный рынок труда, социально-экономическое развитие, экономическая безопасность региона.

Доминирующими процессами современного мирохозяйственного развития являются интеграция и глобализация производительных сил экономических систем на национальном и мировом уровнях. В организационно-структурном измерении это воплощается в формировании разномасштабных региональных социально-экономических систем, развитие которых осуществляется с опорой на собственный производительный потенциал и товарный обмен в системе межрегионального разделения труда. Усиление роли интеграции и глобализации обусловлено необходимостью преодоления несоответствия между растущими потребностями общества, с одной стороны, и производственной возможностью их удовлетворения — с другой, что требует интенсификации усилий всех регионов как компонентов целостной системы. Это требует максимально полного использования существующих преимуществ каждого из регионов и усиливает актуальность раскрытия сущности регионализма и действия движущих факторов регионального роста и регионального развития.

Вопросам регионального развития рынка труда посвящены труды российских исследователей Л.А. Третьяковой [9, с. 2–15], Ю.Л. Есиной [6, с. 715–716], Л.И. Миграновой [5, с. 1430], А.Г. Тюрикова [10, с. 286–297], а также

зарубежных ученых: Э. Кима [12, с. 619], С. Томича [13, с. 86–98], Дж. Клементи [11] и других. В рассмотренных работах, несмотря на освещение вопросов развития регионального рынка труда, не уделяется внимание его взаимосвязи с социально-экономической безопасностью региона. Но необходимо отметить наличие очень тесной взаимосвязи между рынком труда и социально-экономической безопасностью страны и отдельных регионов. Так, влияние глобализационных процессов на все сферы хозяйствования и жизнедеятельности привел к необходимости пересмотра социальных отношений в обществе, а мировой кризис заставил научную и политическую элиту глубоко задуматься над необходимостью активных социальных реформ с целью предотвращения перехода социального кризиса к стадии социальной катастрофы. Поэтому в центре социальной политики стоят социальные потребности и интересы людей, удовлетворение которых является обязательной предпосылкой устойчивого развития общества. Мерилом социальной безопасности является индивид, возможность его достойного существования, свободного развития и обеспечение его потребностей, а социальная политика является средством достижения намеченных целей: утверждение образа, качества и достойного уровня жизни; достижение социального равновесия в обществе; гармонизация общественных

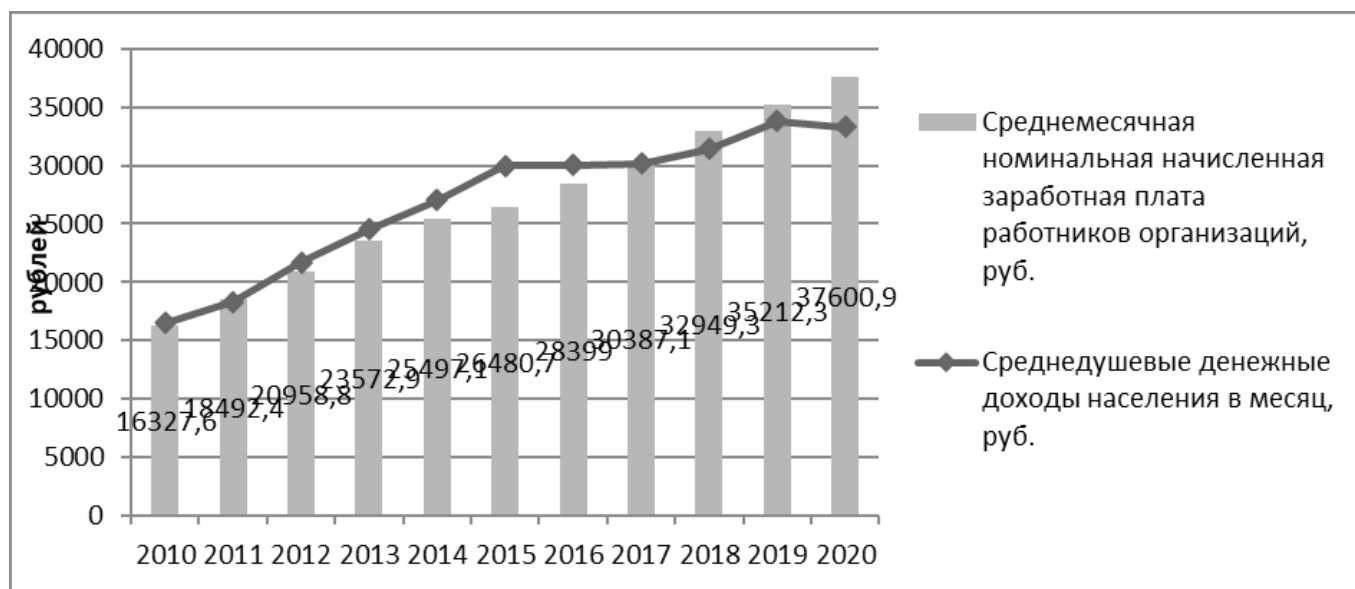

Рис. 1. Изменение среднемесячной заработной платы и среднедушевых доходов в Москве в 2010–2020 гг. [на основе ист.8]

отношений как способ укрепления политической стабильности государства и обеспечения национальной безопасности.

Социальные детерминанты национальной безопасности находят выражение в социальном состоянии индивида, которое характеризуется его доходами и социальной дифференциацией. Воздействуя на них, государство устанавливает минимальные социальные стандарты, формирует гарантированные социальные права, закрепленные конституцией и документами международных организаций. Основным направлением определения стандартов уровня жизни является анализ уровня и структуры потребления, а также уровней удовлетворения потребностей в различных социальных и демографических группах экономически активного населения. Из этого вытекает необходимость обеспечения безопасности на рынке труда.

Безопасность на рынке труда возникает только в условиях конкурентной среды, в которой возникают широкие возможности для осуществления адекватной деятельности человека, которая приносит прибыль (доход); другими словами, это среда, где предложение рабочей силы уравнивается спросом на рабочие места. Это определение, предоставленное экспертами Международной организации труда [7], ориентировано на девиацию структуры человеческих возможностей и их ожиданий.

Безопасность на рынке труда возникает исходя из среды, в которой есть широкие возможности для

адекватной деятельности, приносящей заработок экономически активному населению, или когда предложение рабочей силы равно или почти равно спросу. Следовательно, речь идет не столько о структуре возможностей рынка труда, сколько об общем уровне его сбалансированности. Таким образом, безопасность на рынке труда возникает от ожидания, что возможности уравнивания предложения рабочей силы спросом будут улучшаться, или хотя бы оставаться на достигнутом (относительно стабильном) уровне.

Исходя из представленного видение о необходимости обеспечения безопасности на рынке труда как обязательного условия эффективной занятости экономически активного населения, сбалансированного функционирования рынка труда, уравнивания предложения рабочей силы спросом на нее, стабильности развития работодателей и удовлетворенности наемных работников, развитие персонала как процесс, саморазвитие каждого отдельного человека должно стать прочной основой обеспечения социальных гарантий работников и осуществления социально ответственной деятельности бизнеса. И реализовано это должно быть, прежде всего, на уровне отдельных регионов страны. Развитие персонала является основой региональной конкурентоспособности, эффективного управления персоналом и компанией, а также отраслю в целом. Проектирование развития персонала обеспечивает быстрые изменения в управлении персоналом в соответствии со стратегией развития организации, отрасли, региона.

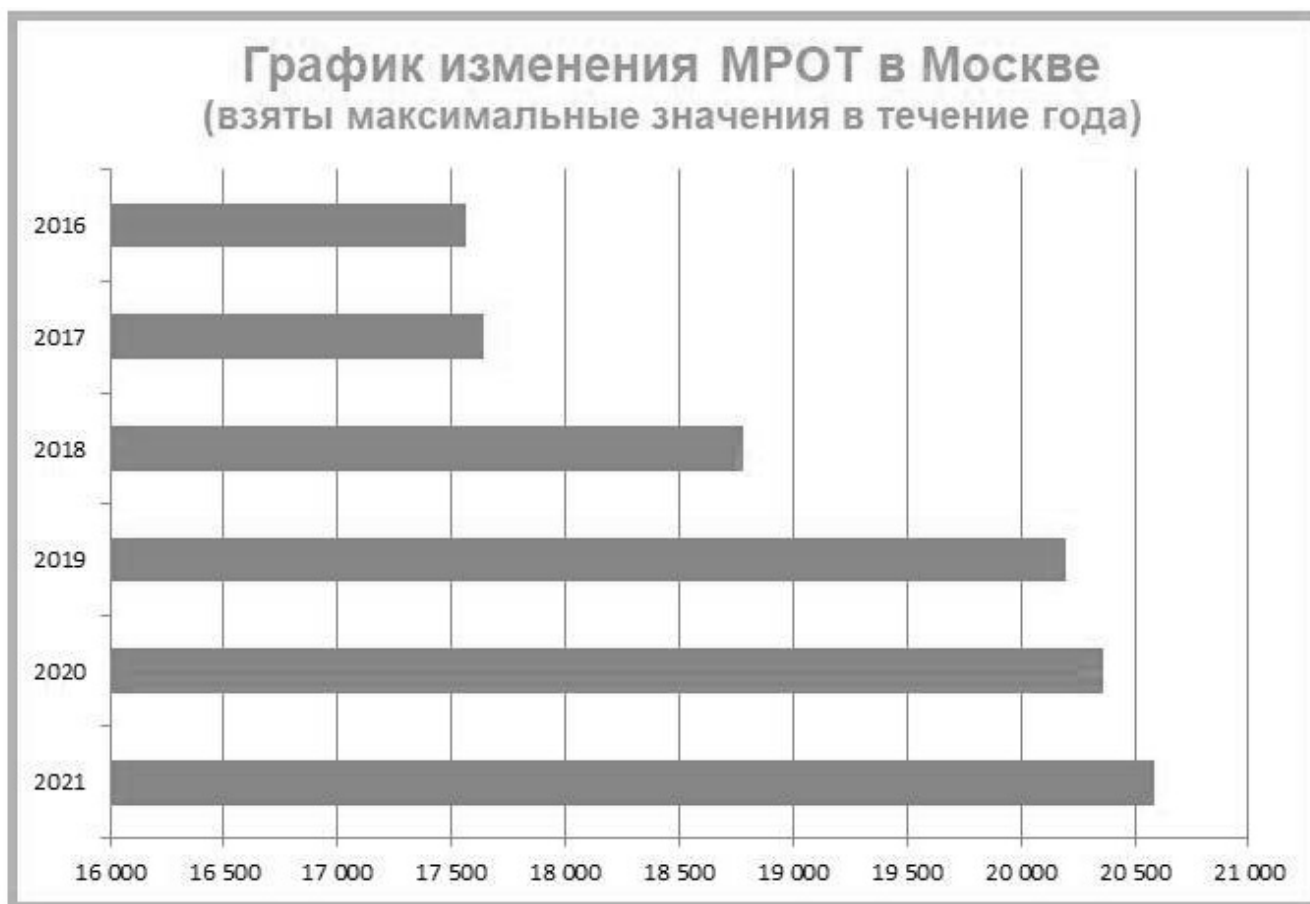

Рис. 2. Изменение МРОТ в г. Москве в 2016–2021 гг. [на основе ист.8]

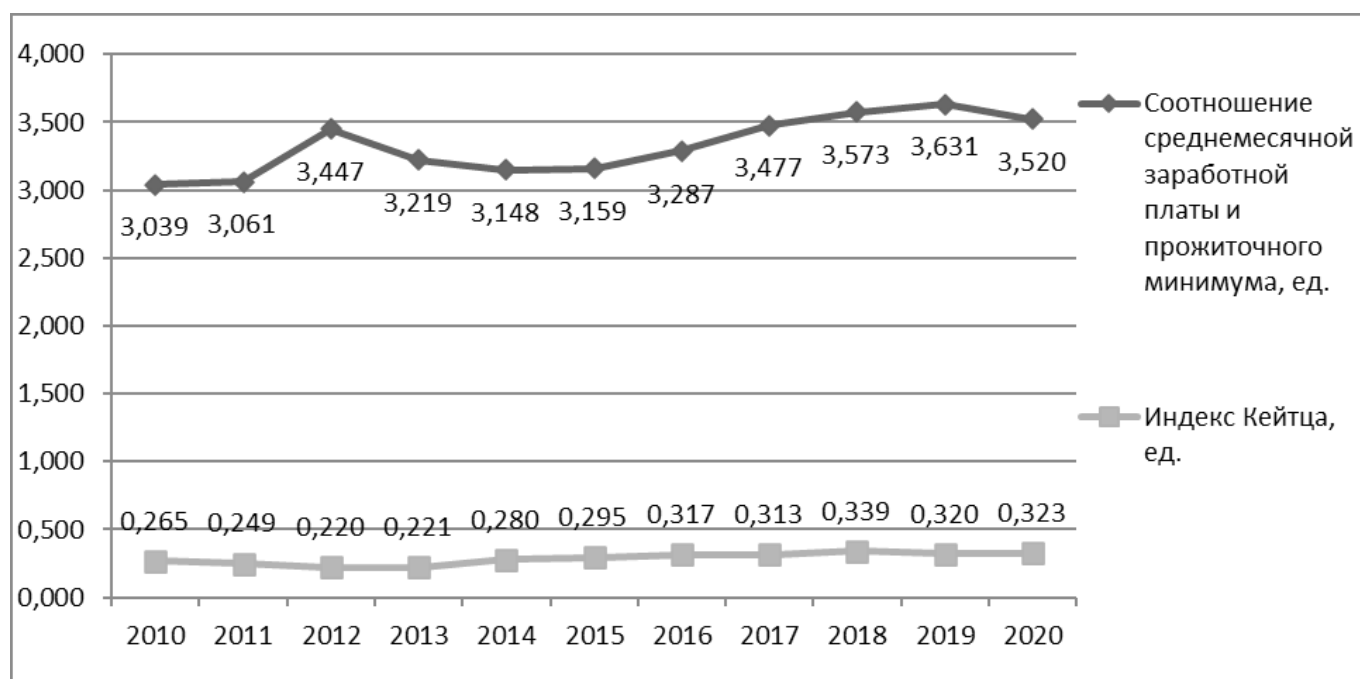

Рис. 3. Значение индекса Кейтца в Москве в 2010–2020 гг. [на основе ист.8]

Рис. 4. Институциональное обеспечение социальной безопасности на рынке труда г. Москвы и его составляющие

На уровень безопасности рынка труда влияют такие факторы, как: эффективная занятость, теневая занятость, миграционные процессы, соответствие сферы образования требованиям рынка труда, молодежная безработица, возможность создания новых рабочих мест, возможность внедрения инноваций и тому подобное. Они характеризуются соответствующей статистикой. Поэтому далее рассмотрены статистические аспекты, характеризующие социальную безопасность на рынке труда на примере г. Москвы. Так, за рассмотренный период средняя заработная плата в регионе значительно выросла, что связано с объективными условиями экономического развития региона и страны в целом — рис. 1.

Как и прочие регионы, г. Москва вправе использовать собственный МРОТ, если он не ниже установленного на федеральном уровне (ФЗ № 82-ФЗ [2]) — рис. 2:

Необходимо отметить, что минимальная зарплата по Москве пересматривается одновременно с прожиточным минимумом. В соответствии с постановлением правительства Москвы № 2207-ПП от 15 декабря 2020 г.

[4] столичные работники получают с 1 января 2021 г. не меньше 20 589 руб.

Далее представлено изменение индекса Кейтца в регионе, как основного показателя социальной безопасности на рынке труда г. Москвы — рис. 3:

Необходимо отметить, что увеличение индекса Кейтца в Москве свидетельствует о том, что выросла способность заработной платы обеспечивать минимальный достойный уровень жизни на рынках труда. Кроме того, после снижения в 2012–2015 гг. выросло соотношение средней заработной платы к прожиточному минимуму, что говорит о большей материальной обеспеченности работающего населения.

Осуществленный анализ статистических показателей рынка труда г. Москвы, который демонстрирует значительные количественные потери трудового потенциала региона, требует разработки комплекса мер по его стабилизации и развитию на основе формирования эффективной демографической, социальной, экономической, экологической политики как на местном

(локальном, городском, региональном), так и на общегосударственном уровнях. Первоочередными мерами региональной стратегии развития г. Москвы по противодействию разрушению трудового потенциала и снижению социально-экономической безопасности являются региональные программы по соответствующим направлениям на основе действенных мер повышения занятости населения, преодоления бедности, активизации охраны труда.

Кроме того, имеет место тенизация занятости, которая тормозит инновационность экономики и препятствует формированию эффективного механизма регулирования рынка труда. Теневая занятость является составляющей неформального рынка труда, охватывающей трудовую деятельность, которая не запрещена законодательством, однако не зарегистрирована. Негативные последствия теневой занятости существенно преобладают над положительными, а значит, необходимость разработки программы детенизации рынка труда в государстве и регионах очевидна.

Итак, современный рынок труда в настоящее время характеризуется следующими признаками: дисбаланс между спросом и предложением (несбалансированный рынок труда, что обуславливает высокий показатель нагрузки лиц, ищущих работу); неэффективное использование трудового потенциала; усиление процессов урбанизации (роста уровня безработицы более высокими темпами в сельской местности, чем в городах, что показано на примере г. Москвы), усиление миграционных тенденций, в том числе образовательной миграции. В этих условиях рынок труда региона нуждается в четком регулировании. Далее рассмотрены регулятивные процессы на рынке труда региона на примере г. Москвы. Так, в процессах регулирования рынка труда в г. Москве участвуют разнообразные институты — рис. 4:

Целью взаимодействия субъектов рынков труда, региональных органов власти и учреждений образования является максимальное удовлетворение потребностей всех заинтересованных сторон, что с одной стороны, позволяет сбалансировать спрос и предложение на квалифицированную рабочую силу, достичь высшего качества образования (улучшение его содержания и совершенствование формы), а с другой — удовлетворить всех стейкхолдеров в соответствующих социальных запросах на рынке труда.

Несмотря на работу данных институтов, всё же, на наш взгляд, действующее законодательство по обеспечению социальной безопасности рынка труда в России, и в Москве, в частности, является неэффективным и носит преимущественно декларативный характер.

В условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса, усиленной нестабильностью из-за пандемии коронавируса, повышение уровня благосостояния населения и тем более — уровня его жизни, улучшение социальных стандартов является очень сложной задачей. Поэтому более логичным является обращение к разнообразным предложениям по разрешению конкретных социальных проблем в контексте обеспечения национальной безопасности государства и региона на рынке труда (социальной, экономической, экологической, продовольственной и тому подобное).

Исследование занятости и методов государственного управления занятостью свидетельствует о необходимости постепенной трансформации курса экономического развития на социальные ориентиры. Имплементация норм Закона РФ «О занятости населения в РФ» [1] способствует реализации принципа социальной справедливости, который закреплен на трех уровнях иерархической системы правового регулирования занятости и учитывает современные реалии социально-экономического развития региона и страны в целом. В современных условиях модификация занятости — это объективный ответ экономической системы и ее социально-трудовой составляющей на динамические изменения.

Отечественный рынок труда постепенно заимствует общемировые тенденции и предусматривает трансформацию двусторонней модели трудовых отношений в трехстороннюю, что меняет требования к субъектам трудовой деятельности. Накопленный опыт функционирования рынка труда в г. Москве и России в целом, а также осмысление моделей, которые уже реализованы в странах с развитой рыночной экономикой, показывает, что целесообразным для условий страны является модель регулирования, адекватная социально-рыночной организации (скандинавская). Так, значительные региональные диспропорции по количественным показателям трудового потенциала могут быть компенсированы эффективным использованием интеллектуального потенциала. Обеспечить сохранение и развитие трудового потенциала можно только за счет осуществления взвешенной региональной политики, направление и содержание которой будет зависеть исключительно от потребностей региона — не текущих, а прогнозируемых.

Одной из важных составляющих регулирования рынка труда является социальный диалог. Закон РФ «Об основах социального обслуживания граждан» [3] определяет его как процесс определения и сближения позиций, достижения общих договоренностей и принятия согласованных решений сторонами социального

диалога, которые представляют интересы работников, работодателей и органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, по вопросам формирования и реализации государственной социальной и экономической политики, регулирования трудовых, социальных, экономических отношений. В контексте рынка труда главной целью совершенствование социального диалога является достижение консенсуса и принятия таких компромиссных решений, которые бы удовлетворяли потребности наемных работников, работодателей и государства, а также способствовали бы обеспечению полной, продуктивной занятости населения. В направлении совершенствования социального диалога на рынке труда требуют реализации следующие меры:

- ◆ создание благоприятных условий для осознания молодежью ценностей социального мира, сотрудничества и компромиссов;
- ◆ сбалансирование интересов сторон путем минимизации социальных конфликтов, а в случае их наличия решения путем достижения консенсуса;
- ◆ содействие тесному сотрудничеству и взаимодействию субъектов всех уровней социального диалога: наемных работников, работодателей, государства;
- ◆ минимизация проявлений эгоизма диаметрально противоположных сторон социального диалога (работников и работодателей).

Общие направления, обусловленные необходимостью кардинальных действий в сфере формирования, обеспечения высокого уровня занятости и преодоление дисбаланса на рынке труда, могут стать основой для разработки проекта Федеральной программы развития рынка труда.

Среди внедряемых мер действенными являются усиление ответственности работодателей, внедрение индикативных заработных плат. Процесс легализации заработных плат должен идти параллельно с пенсионной реформой и стимулированием роста экономики. Актуальной является реализация мероприятий, направленных на поддержку социально-демографиче-

ского развития, сохранения человеческого потенциала путем совершенствования программ регионального развития в части демографической политики, направленной на улучшение демографической ситуации в регионах. Кроме того, необходимо и развитие методологии рынка труда. Так, в условиях рыночной экономики стандартными показателями безопасности рынка труда являются скорость восстановления рабочей силы (доля трудоспособного населения в общем показателе рабочей силы на рынке труда), безработица, средняя продолжительность безработицы, удельный вес безработных в «долгосрочной» безработице. Но, на наш взгляд, этот перечень индикаторов является неполным; он должен включать развернутую систематизированную систему показателей-измерителей, а также интегрированный индекс оценки безопасности рынка труда (LMSI), который должен рассчитываться для отдельных регионов страны.

Итак, на современном этапе развития социально-экономических отношений особую актуальность приобретает вопрос обеспечения безопасности отечественного рынка труда в контексте обеспечения экономической безопасности государства и отдельных его регионов. Безопасность занятости является неотъемлемой составляющей национальной безопасности РФ, которая предусматривает защищенность качества жизни экономически активного населения. В современных условиях очевидным является движение России к модели обеспечения социальной безопасности, которая основана на системе последовательности: «социальные гарантии — социальные обязательства — социальное обеспечение — социальная безопасность». Данная последовательность и определяет меры регулирования рынка труда на уровне региона и страны. Среди основных проблем, вызванных сегодняшними процессами в сфере занятости, есть необходимость обеспечения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы с учетом требований современного рынка труда, возможность управлять миграционными потоками и тому подобное. Эти проблемы можно решить за счет социально ориентированного регулирования рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 19.11.2021) «О занятости населения в Российской Федерации».
2. Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 N82-ФЗ (ред. от 29.12.2020 N473-ФЗ).
3. Федеральный закон от 28.12.2013 N442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
4. Постановление Правительства Москвы от 15 декабря 2020 г. N2207-ПП «Об установлении величины прожиточного минимума в городе Москве за III квартал 2020 г.».
5. Гайнанов Д.А., Мигранова Л.И. Трансформация региональных рынков образовательных услуг и труда в условиях цифровой экономики // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18. — № 8. — С. 1430–1448.
6. Есина Ю.Л., Панькин П.В. Региональный рынок труда: состояние и перспективы развития // Экономика труда. — 2019. — Т. 6. — № 2. — С. 715–724.

7. Официальный сайт Международной организации труда (International Labour Organization). — Режим доступа: <https://www.ilo.org/global/lang-ru/index.htm> (Дата доступа: 14.02.2022).
8. Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики — г. Москва. — Режим доступа: <https://mosstat.gks.ru/> (дата доступа: 10.02.2022).
9. Третьякова Л.А. Рынок труда как главный элемент устойчивого регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № . 36. — С. 2–15.
10. Тюриков А.Г. Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2021. — Т. 46. — № . 2. — С. 286–297.
11. Clementi G.L., Coen-Pirani D. Fiscal Policy, Labor Mobility, and Regional Development-The case of Italy's South. — 2020.
12. Kim E. The Local Labor Market Effects of Korean Automotive Investments in the United States // International Regional Science Review. — 2021. — Т. 44. — № . 6. — С. 619–646.
13. Tomić V. Evaluation of the active labor market policies in The Republic Of Srpska // Journal of Economic Development, Environment and People. — 2021. — Т. 10. — № . 3. — С. 86–98.

© Траоре Абдулаи (abtraore201@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия Труда и Социальных Отношений

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ОТВЕТЧИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СУДОМ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Александров Андрей Юрьевич

*К.ю.н., доцент, Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского
Alexandrov.klg@yandex.ru*

THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE DEFENDANT WHEN APPLYING INTERIM MEASURES BY THE COURT IN CIVIL PROCEEDINGS

A. Alexandrov

Summary. The article is devoted to the problem of protecting the rights and interests of the defendant when the court applies interim measures in civil proceedings. The purpose of civil proceedings is to consider and resolve a civil dispute in order to restore and protect the violated subjective right of both the plaintiff and the defendant equally. The author, based on the analysis of current legislation and judicial practice, comes to the conclusion that the mechanism of interim measures applied in civil procedure, fixed by the norms of civil procedure law, is far from perfect, allows abuse of procedural rights by the plaintiff and does not take into account the rights and legitimate interests of the defendant, one of the parties to the disputed legal relationship, equally in need of protection, and the guarantees enshrined in the law cannot fully secure the scope of the defendant's rights. The article substantiates the need to improve the mechanism of interim measures, and makes proposals to improve legislation concerning counter-collateral, compensation for the defendant's losses in the event of termination of proceedings and abandonment of the claim without consideration.

Keywords: civil procedure, court, claim, subjective rights, parties, plaintiff, defendant, claim security, damages, counterclaim.

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты прав и интересов ответчика при применении судом обеспечительных мер в гражданском процессе. Цель гражданского судопроизводства состоит в рассмотрении и разрешении гражданско-правового спора для восстановления и защиты нарушенного субъективного права как истца, так и ответчика в равной мере. Автор на основе анализа действующего законодательства и судебной практики приходит к выводу о том, что закрепленный нормами гражданского процессуального права механизм обеспечительных мер, применяемых в гражданском процессе, далек от совершенства, допускает злоупотребление процессуальными правами со стороны истца и не учитывает прав и законных интересов ответчика, одной из сторон спорного правоотношения, в такой же мере нуждающейся в защите, а закрепленные в законе гарантии не могут в полной мере обезопасить объем прав ответчика. В статье обоснована необходимость совершенствования механизма обеспечительных мер, внесены предложения по совершенствованию законодательства, касающиеся, в частности, встречного обеспечения, возмещения убытков ответчика в случае прекращения производства по делу и оставления иска без рассмотрения.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, иск, субъективные права, стороны, истец, ответчик, обеспечение иска, убытки, встречное обеспечение.

В науке гражданского процессуального права представлено значительное число работ, посвященных отдельным аспектам искового производства, том числе и проблемным вопросам правового регулирования механизма обеспечения иска [1]. Институт обеспечения иска на современном этапе претерпел серьезные изменения, что объективно предопределяет необходимость дальнейшего научного исследования в этой области.

Анализ действующего законодательства, а также судебной практики позволяет сделать вывод о наличии нерешенных проблемных аспектов в исследуемом институте и о необходимости дальнейшего совершенствования

механизма правового регулирования обеспечения иска в гражданском процессе с целью формирования единообразия судебной практики, исключения судебных ошибок как материального, так и процессуального характера [2, 9, 10, 11], а также защиты прав и интересов не только истца, как ошибочно может пониматься институт обеспечения иска, но и ответчика.

Применяя избранную обеспечительную меру, суд обязан учитывать интересы каждого участника процесса, руководствоваться положением, что применяемая мера по обеспечению иска не должна наносить вред, существенно уменьшать объем прав ни одному

из участников процесса, создавать преференции истцу и препятствовать обычной деятельности ответчика [4].

Анализ обеспечительных мер в гражданском судопроизводстве показал, что ГПК РФ неполноценно защищает права и законные интересы сторон в равной степени.

Единообразии понимания и применения норм права, регулирующих институт обеспечения иска, имеет важное значение, поскольку они связаны с ограничением прав ответчика, ответственность которого еще не подтверждена решением суда, вступившим в законную силу, но его субъективные права уже ограничены.

Исковое производство строится, в частности, на началах диспозитивности, процессуального равенства сторон и состязательности. Исковое производство следует рассматривать как производство, защищающее субъективные права как истца, так и ответчика. Закон закрепляет условия судопроизводства, обеспечивающие баланс процессуальных прав и обязанностей сторон.

По смыслу положений главы 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обеспечительные меры направлены на защиту имущественных интересов заявителей и должны способствовать скорейшему исполнению судебного постановления [12].

Правом на обращение в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер вправе обратиться лица, участвующие в деле, в том числе и ответчик [3].

Поступившее заявление рассматривается согласно ст. 141 ГПК РФ в день его поступления без вызова участников процесса. Суд, проанализировав доказательственные материалы, приложенные к заявлению, и убедившись, что непринятие обеспечительных мер, как это закреплено в ч. 2 ст. 139 ГПК РФ, затруднит или сделает исполнение решения невозможным, выносит определение и ограничивает права ответчика или иного лица.

Следуя представлениям об идеальной правовой конструкции, надо понимать, что во-первых, вывод суда о необходимости применения обеспечительных мер вполне может быть ошибочным, поскольку формируется на основе анализа доводов только одной стороны и на основании представленных именно этой стороной доказательственных материалов; во-вторых, у лица, чьи права ограничены, есть только единственный способ восстановления права в первоначальном виде — подача частной жалобы в соответствии со ст. 145 ГПК РФ; и, в-третьих, определение суда о применении мер

по обеспечению иска выносится тогда, когда еще не известно, будет ли вообще удовлетворен заявленный иск.

Справедливости ради, следует заметить, что закон, ч. 3 ст. 140 ГПК РФ, закрепляет положения, направленные на защиту прав ответчика: суд, разрешая вопрос о применении обеспечительных мер должен исходить из положения, что заявленные обеспечительные меры должны быть соразмерны исковым требованиям; суд вправе требовать от истца внесения конкретной денежной суммы для покрытия возможных убытков ответчика на депозитный счет суда; ответчик наделен правом подать частную жалобу на определение суда о применении обеспечительных мер или заявление о замене одного вида обеспечительных мер другим, наконец, потребовать взыскания убытков с истца.

Статья 140 ГПК РФ закрепляет перечень мер по обеспечению иска. Указанный перечень не является исчерпывающим и может содержать иные меры.

К сожалению, отсутствие в законе положений, что следует понимать под иными мерами по обеспечению иска следует признать пробелом в гражданском процессуальном праве, что, в свою очередь, может породить дискуссии и ошибки в применении права [7].

Гражданское процессуальное право имеет другой немаловажный пробел, который оказывает негативное влияние на судебную практику и правовое положение лица, в отношении которого суд применил ограничения. В гражданском процессе в качестве основания для удовлетворения заявления об обеспечении иска не закреплен такой критерий как причинение значительного вреда истцу, как это предусмотрено в арбитражном процессе и закреплено в ч. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Не определены гражданским процессуальным законодательством и рамки процесса доказывания по установлению фактических оснований для вывода суда о необходимости применить обеспечительные меры.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, ч. 2 ст. 139, закрепляет в качестве основания для применения мер по обеспечению иска затруднение или невозможность исполнения решения суда. Гипотеза нормы права, закрепленной действующей редакцией ст. 139 ГПК РФ, может быть истолкована весьма широко, тем более что не ясно, как должна оцениваться невозможность исполнения решения суда, как основание для вынесения определения о применении обеспечительных мер, реально или потенциально, и какими доказательствами данный факт должны быть подтверждены. Сложившаяся ситуация может создать условия для

вынесения судом определения об удовлетворения заявления о применении обеспечительных мер, мотивировочная часть которого вполне может содержать бездоказательные и голословные выводы суда.

Применение мер по обеспечению иска в интересах истца приводит к ограничению прав ответчика и лишает его возможности осуществлять привычную деятельность [6]. Неисполнение ответчиком установленных судом ограничений может быть расценено как уголовное преступление, предусмотренное ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации [8].

Нельзя признать идеальным и процессуальный порядок отмены обеспечительных мер, закрепленный в ст. 144 ГПК РФ.

При удовлетворении исковых требований обеспечительные меры действуют до исполнения решения суда, что логично и полностью оправдано.

При отказе в удовлетворении исковых требований обеспечительные меры продолжают действовать до вступления в законную силу итогового акта. Справедливости ради следует заметить, что суд вправе по собственной инициативе отменить обеспечительные меры при вынесении решения или после его принятия, а также на основании заявления лиц, участвующих в деле. Не секрет, что в подавляющем случае обеспечительные меры отменяются по заявлению лиц, участвующих в деле, порождая дополнительные временные затраты.

Полагаю, что ст. 144 ГПК РФ должна быть дополнена положением, в соответствии с которым суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, обязан рассмотреть вопрос о судьбе обеспечительных мер, если таковые были применены, как это имеет место в отношении судебных расходов.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что заявление об отмене обеспечительных мер подлежит рассмотрению в суде, принявшем обеспечи-

тельные меры, а частная жалоба на обеспечительные меры — в суде апелляционной инстанции.

Определенную сложность вызывает вопрос о том, как обеспечить объективность выводов суда, рассматривающего заявление об отмене обеспечительных мер, если материалы дела уже не находятся в данном суде. Полагаю, в данной ситуации целесообразно дополнить ст. 144 ГПК РФ положением, в соответствии с которым при сложившихся обстоятельствах судья перенаправляет заявление об отмене обеспечительных мер по месту нахождения дела.

Думаю, было бы правильным законодательно закрепить основания, при наличии которых суд обязан по собственной инициативе разрешить вопрос о судьбе обеспечительных мер. К таковым основаниям следует отнести: прекращение производства по делу; оставление искового заявления без рассмотрения; приостановление производства по делу. Действующий процессуальный порядок не обеспечивает соблюдение баланса процессуальных прав и создает условия для злоупотребления процессуальными правами со стороны истца.

Считаю необходимым также дополнить гражданское процессуальное законодательство нормами права, регулирующими механизм встречного обеспечения по аналогии с арбитражным процессом для дополнительного обеспечения баланса интересов истца и ответчика. ГПК РФ в ст. 141.1 закрепляет предварительные обеспечительные меры, распространяя право их применения на смежные и авторские права в сети «Интернет». Встречные обеспечительные меры не только подтверждают обоснованность и добросовестность истца и его требований, но и обеспечивают на деле баланс интересов сторон.

Полагаю, изложенные выше предложения позволят сформировать более действенный механизм обеспечения иска, построенный на балансе интересов как истца, так и ответчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.А., Трофимова М.С. Современные проблемы определения понятия и сущности института обеспечения иска в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9.
2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>
3. Жукова Д.С. Предъявление и рассмотрение заявления об обеспечении иска, замене и отмене обеспечения иска // Молодой ученый. 2020. № 46 (336).
4. Киселева Н.С., Титенко Ю.А. К вопросу о гарантиях процессуального равноправия сторон при принятии мер по обеспечению иска // Единство и идентичность науки: проблемы и пути решения. Сборник статей. — 2018. — 175 с.
5. Кривошеева Т.А. Обеспечение иска: гарантия реализации прав или метод устранения конкурентов? // Право и экономика. 2007. № 2.
6. Кузьмина А.В., Журавлев Б.Г. Злоупотребление процессуальными правами при обеспечении иска // Марийский юридический вестник. 2017. № 2 (21).

7. Куртуков Р.С. К вопросу о видах мер по обеспечению иска, не поименованных в ГПК РФ // Молодой ученый. 2017. № 2 (136).
8. Малышева Л.Р. Последствия нарушения мер по обеспечению иска // Инновационная наука. 2020. № 4.
9. Обзор практики применения судами общей юрисдикции норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об обеспечении иска // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/o_primenenii_sudami_obschej_yurisdikcii_obespechitelnyh_mer/
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 г. 2021. СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358150/
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 г. СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301921/
12. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кима Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 144 ГПК РФ» // СПС ГАРАНТ. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70492806/>
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7079/
14. Савина В.В. Возмещение ответчику убытков, причиненных обеспечением иска // Актуальные проблемы юридической науки и практики. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. 2019. — 344 с.
15. Черная Н.В. Некоторые проблемы защиты интересов ответчика при реализации мер по обеспечению иска в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1.

© Александров Андрей Юрьевич (Alexandrov.klg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калужский Государственный Университет им. К.Э. Циолковского

ОСОБЕННОСТИ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

FEATURES SEARCH ACTIVITY THE INVESTIGATOR IN SOLVING CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

**A. Belousov
Z. Vassalatiy**

Summary. The article is devoted features search activity the investigator in solving crimes in the sphere of computer information. An attempt is made to determine the criminalistic essence and highlight the informational significance of the process of crime detection, as well as, depending on the current investigative situation, to develop an algorithm for the investigator's search activity in the disclosure of crimes in the field of computer information.

Keywords: crime; computer information; investigative situation; verification of a crime report; preliminary investigation.

Белоусов Алексей Владимирович

*К.ю.н., доцент, Тюменский Государственный
Университет
belousovalecs@mail.ru*

Вассалатий Жанна Васильевна

*К.ю.н., доцент, Тюменский Государственный
Университет
z.v.vassalatiy@utmn.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям поисковой деятельности следователя при раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации. Предпринята попытка определить криминалистическую сущность и выделить информационную значимость процесса раскрытия преступлений, а также в зависимости от сложившейся следственной ситуации разработать алгоритм поисковой деятельности следователя при раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: преступление; компьютерная информация; следственная ситуация; проверка сообщения о преступлении; предварительное расследование.

На сегодняшний день преступления рассматриваемого вида в большинстве случаев остаются нераскрытыми, а также характеризуются как латентные.

Анализ практической деятельности правоохранительных органов при расследовании рассматриваемого вида преступлений, теоретических положений и действующего законодательства, позволил акцентировать внимание на особенности поисковой деятельности следователя в получении информации о совершении преступления определенным лицом.

Поисковая деятельность следователя преимущественно проявляется в процессе раскрытия преступления. Представленные в теории криминалистики точки зрения ученых [1–4] указывают на то, что процесс раскрытия присутствует в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Позволяя таким образом проверить и подтвердить выдвинутые версии.

Кроме вышеизложенного, для всех правоохранительных органов, на законодательном уровне подчеркивается, что к нераскрытым преступлениям относятся

уголовные дела, производство по которым приостановлено (п.п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Исключением являются, преступления по которым вступило в законную силу обвинительное или оправдательное судебное решение, постановление о прекращении уголовного дела, судебное решение о применении принудительных мер медицинского характера [5].

В результате указанного выше проведенного анализа под процессом раскрытия преступления считается совместная деятельность следователя, оперативных подразделений и суда направленная на получение информации, представляющая основание для выдвижения, проверки, подтверждения процессуальными действиями версии о совершении преступного события конкретным лицом после того, как все иные взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты.

Анализ статистических данных по преступлениям в сфере компьютерной информации показывает, зарегистрировано преступлений: 2019 г.— 2883, 2020 г.— 4498, 2021 г.— 6869. Раскрыто: 2019 г.— 729, 2020 г.— 830, 2021 г.— 1545. Выявлено лиц: 2019 г.— 319, 2020 г.— 389, 2021 г.— 462. Направлено в суд: 2019 г.— 468, 2020 г.— 480, 2021 г.— 1155. [6–8]

Представленные данные свидетельствуют не только о росте совершаемых преступлений, но и низкой раскрываемости.

Таким образом организация поисковой деятельности следователя требует постоянной трансформации в ходе досудебного производства по уголовным делам рассматриваемого вида преступлений.

Проведенный теоретический [См., например: 9–13] и эмпирический анализ показывает, что по рассматриваемым преступным деяниям наибольшую сложность для следственных подразделений представляют типичные следственные ситуации с неустановленным лицом, а именно: указанным лицом совершен неправомерный доступ и воздействие на компьютерную информацию; нарушены правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; использована и распространена вредоносная компьютерная программа.

Выдвигаемыми версиями в представленных следственных ситуациях, являются: к преступлению причастны близкие родственники, друзья знакомые имеющие удаленный или прямой доступ к компьютерно-телекоммуникационному техническому средству физического лица; к преступлению причастно лицо из состава администрации или персонала юридического лица, а также ранее работавшие и уволенные по отрицательным мотивам; к преступлению причастны посторонние лица, находившиеся на территории юридического лица в период совершения преступления; к преступлению причастно лицо, ранее судимое за аналогичные преступления; к преступлению причастны недобросовестные конкуренты юридического лица; к преступлению причастны запрещенные в России организации; цель скрыть уже ранее совершённое преступление; неправомерный доступ, воздействия на компьютерную информацию или распространение вредоносных компьютерных программ произошел в результате электронного документооборота между юридическим лицом и участниками предпринимательской деятельности; произошел непреднамеренный технический сбой в работе компьютерно-телекоммуникационного технического средства; заявитель в силу своих слабых пользовательских познаний с компьютерно-телекоммуникационным техническим средством заблуждался и ошибочно обратился с заявлением о совершенном преступлении в правоохранительные органы.

Таким образом задачами будут являться:

- ♦ сведения, доказывающие неправомерный доступ и воздействие на компьютерную информацию;

- ♦ нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;
- ♦ создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- ♦ поиск лица, совершившего преступление.

В результате чего можно предложить следующую программу (алгоритм) поисковых действий следователя:

На этапе возбуждения уголовного дела

Опрос необходим для определения обстоятельств (времени, места, условий) и способа совершения преступления, а в отдельных случаях описать внешность заподозренного лица в противоправных действиях. *Осмотр места происшествия* необходим для определения места совершения преступления, обнаружения, фиксации и изъятия следов (например: неправомерного доступа и воздействия на компьютерную информацию; нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (червь, троян, spyware, adware, keylogger, ботнет, руткит, баннеры вымогатели, фишинг, спам), а так же следы пальцев, ладоней руки и обуви). *Исследования* изъятых компьютерно-телекоммуникационных технических средств, их компонентов или системного обеспечения в лабораторных условиях, на предмет обнаружения следов преступления. *Истребование у юридического лица документов*, например, должностные инструкции, документы финансовой отчетности, локальные акты, регулирующие эксплуатацию, хранение, обработку или передачу компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей. *Истребование видеофайлов охранной системы видеонаблюдения* необходимо для установления виновного в совершении противоправных деяния, способа совершения, идентификации объектов имеющих отношение к произошедшему преступному деянию. *Проведение ревизии* необходимо для выявления действий по использованию вредоносных компьютерных программ для снижения или неуплаты налогов. *Использование информационно-справочных учетов*: правоохранительных органов: оперативно-розыскные, розыскные, криминалистические, по линии Национального центрального бюро Интерпол; провайдеров предоставления услуги доступа к сети интернет и иным связям. *Письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий*, необходимо для получения сведений

и объектов: о лице, совершившем неправомерный доступ и воздействие на компьютерную информацию, его подельниках; его местонахождении; месте откуда осуществлялся или осуществляется неправомерный доступ и воздействие на компьютерную информацию; месте сокрытия объектов, содержащих вредоносную компьютерную программу; месте хранения цифровых носителей информации; сведения о перечне электронных документов финансовой отчетности подвергшихся неправомерному доступу и воздействию вредоносной компьютерной программой; места хранения записных книжек или черновиков содержащих пароли, электронные ключи для преодоления средств защиты от неправомерного доступа к компьютерной информации; сведения о способе и какие средства использовались для неправомерного доступа и воздействия на компьютерную информацию.

На этапе предварительного расследования

Допрос потерпевшего, свидетелей, эксперта, специалиста позволит, используя тактические приемы и их комбинацию уточнить, детализировать, сопоставить интересующую следствие сведения об обстоятельствах произошедшего преступного события и лицах, совершивших данное преступное деяние. Допрос *подозреваемого (обвиняемого)* позволит установить каковы цели и мотивы совершения преступления, навыки и уровень пользования с электронно-телекоммуникационным устройством, место работы, имеет ли доступ к указанному устройству на работе, что входит в его обязанности на рабочем месте (если преступление связано с местом работы) [13, с. 96]. *Очная ставка* позволяет устранить противоречия, проверить правдивость показаний, используя тактические приемы уличить во лжи. *Проверка показаний на месте* необходима для выяснения противоправных действий и обнаружения новых доказательств. *Обыск и выемка* необходима для обнаружения рукописных записей в виде цифр, букв, знаков, которые могут обозначать пароли или машинный код (например, машинный код вредоносной программы), должностные инструкции; локальные нормативные акты регулирующие правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей организации,

документы финансовой отчетности. *Осмотр и приобщение вещественных доказательств к уголовному делу* позволяет сделать вывод об относимости, допустимости, достоверности осматриваемого объекта к уголовному делу, а также выделить общие и частные признаки. *Судебная компьютерно-техническая экспертиза* позволяет установить: модель компьютерно-телекоммуникационного технического средства; технические характеристики электронного компонента компьютерно-телекоммуникационного технического средства; где, когда изготовлено или собрано данное компьютерно-телекоммуникационное техническое средство, каковы его комплектующие; были ли внесены программные изменения; исправность самого компьютерно-телекоммуникационного технического средства и его электронных компонентов; причины неисправности; установить операционную систему; содержание информации в памяти компьютерно-телекоммуникационного технического средства; стандартность и лицензионность электронной программы; изменения электронной программы; признаки нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; реализована ли в компьютерной системе какая-либо система защиты доступа к информации; имеются ли программы с признаками вредоносности; каково содержание установок удаленного доступа и протоколов соединений; имеют ли комплектующие компьютерно-телекоммуникационного технического средства единое происхождение [14, с. 109–111]. *Отдельные поручения о производстве следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, международные поручения* позволяют организовать взаимодействие с целью обмена информацией относящейся к преступному событию, устранить разобщенность между участниками расследования, оперативно провести совместные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. *Взаимодействие со средствами массовой информации* позволит дезинформировать и предотвратить попытки противодействия со стороны лиц причастных к совершению преступного деяния.

Таким образом, представленный алгоритм (программа) поисковых действий следователя позволяет повысить эффективность раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танасевич В.Г. Криминалистическое понятие раскрытия преступления // Социалистическая законность. 1975. № 10. С. 57–58.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. Т. 3. 480 с.
3. Мазунин Я.М. О понятии раскрытия преступления. Совершенствование следственной и экспертной практики: материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 2 июня 2010 г. Омск: Омская акад. МВД России, 2010. С. 79–83.

4. Суденко В.Е. Раскрытие преступления: оперативно-розыскная и криминалистическая теории. Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Алушта, 25–26 апреля 2019 г.: ООО «Издательство Типография «Ариал» (Симферополь). 2019. С. 114–116.
5. О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29.12.2005 / Зарегистрировано в Минюсте РФ 30.12.2005 № 7339 // Рос газ. 25.01.2006. № 13.
6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 10.02.2022).
7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 10.02.2022).
8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / (А.Ф. Абдулвалиев, А.В. Белоусов, Ж.В. Вассалатий и др.; под науч. ред. проф. Е.В. Смахтина, проф. Р.Д. Шарапова, доц. В.И. Морозова); Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: Изд. Тюменского государственного университета, 2021. 376 с.
10. Вражнов А.С. Криминалистический риск при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Москва, 2015.
11. Гаврилин Ю.В., Аносов А.В., Баранов В.В., Васильченко Д.А. и др. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. Изд-во: Академия управления МВД России. М. 2019. Ч 1. 208 с.
12. Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020.
13. Шевченко Е.С. Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Москва, 2016.
14. Кузнецов А.А. Понятие, виды и назначение судебных экспертиз в Российской Федерации: учеб.-справ. Пособие /под общ. ред. проф. А.А. Кузнецова. Изд-во: Омская академия МВД России. Омск, 2014. 164 с.

© Белоусов Алексей Владимирович (belousovalecs@mail.ru), Вассалатий Жанна Васильевна (z.v.vassalatij@utmn.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СТРОИТЕЛЬСТВО ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЗА РУБЕЖОМ

CURRENT ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN COMPANIES ENGAGED IN THE CONSTRUCTION OF ENERGY FACILITIES ABROAD

S. Vasilkova

Summary. In this article, the legal status of Russian companies engaged in the construction of energy facilities abroad is considered as a complex category combining elements of civil and energy legal statuses and having an international legal component due to participation in legal relations with foreign counterparties. The specifics for different organizational and legal forms of Russian companies engaged in the construction of energy facilities abroad are highlighted, the special relationship of their activities with the promotion of the national interests of the Russian Federation outside the country in relations with foreign partners is emphasized. The author's vision of the actual aspects of the legal situation and tasks in the field of further implementation of the support of these Russian companies is presented.

Keywords: energy, energy facilities, construction of energy facilities, Russian energy facilities abroad, Russian companies engaged in the construction of energy facilities abroad, the legal status of Russian companies engaged in the construction of energy facilities abroad.

Василькова Светлана Витальевна

К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Директор, НИЦ «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса»; член научно-консультативного совета Парламентского Собрания стран Беларуси и России по государственному строительству и праву; арбитр Арбитражного центра при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе»; vasilkova973@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье правовое положение российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, рассматривается как комплексная категория, сочетающая элементы гражданско-правового и энергетически-правового статусов и имеющая международно-правовой компонент в силу участия в правоотношениях с зарубежными контрагентами. Выделяется специфика для разных организационно-правовых форм российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, подчеркивается особая взаимосвязь их деятельности с продвижением национальных интересов Российской Федерации за пределами территории страны во взаимоотношениях с зарубежными партнерами. Излагается авторское видение актуальных аспектов правового положения и задач в сфере дальнейшего осуществления поддержки указанных российских компаний.

Ключевые слова: энергетика, энергетические объекты, строительство энергетических объектов, российские энергетические объекты за рубежом, российские компании, осуществляющие строительство энергетических объектов за рубежом, правовое положение российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом.

Российские компании, осуществляющие строительство энергетических объектов за рубежом, не только выступают субъектами в соответствующих гражданско-правовых отношениях и отношениях, относящихся к предмету регулирования энергетического права, но и, продвигая отечественные технологии и подходы к строительству, участвуют в реализации имиджевой стратегии (об актуальности и современном содержании этого понятия см. Василенко И.А. [1, С. 24–28]) России как страны, входящей в число государств, занимающих лидирующие позиции в современной

мировой энергетике и задающих актуальные тренды в этой сфере.

Ввиду этого высока значимость научных исследований правового положения указанных компаний с целью выработки подходов к дальнейшему точечному совершенствованию законодательства для повышения эффективности их деятельности в рассматриваемой сфере и отдачи от реализуемых проектов по строительству российских энергетических объектов за рубежом.

Тематика правового статуса хозяйствующих субъектов традиционно находится в фокусе внимания юридической науки. Немало исследований посвящено особенностям правового положения различных видов организаций. [2, С. 44–57; 3, С. 25–28; 4, С. 64–74; 5, С. 17–21; 6, С. 59–63; 7, С. 8–12] Некоторые авторы уделяют внимание специфике правового положения компаний отдельных отраслей энергетики. [8, С. 45–48].

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимы современные адресные исследования правового положения именно такой категории субъектов, как российские компании, осуществляющие строительство энергетических объектов за рубежом, ввиду их существенной специфики и особых стратегических целей и задач [9].

Прежде всего, следует сделать предварительные замечания по используемой терминологии с точки зрения теоретико-правового понимания.

Существует мнение, что в отечественной юридической науке «не сложилось однозначное представление о соотношении категории «правовой статус» с такими смежными понятиями, как «субъект права», «субъект правоотношения», «правосубъектность», «правовое положение». При анализе этих вопросов основные споры концентрируются вокруг содержания, объема, элементов, использования этих правовых конструкций, что делает весьма затруднительным выявление их взаимосвязи и взаимообусловленности». В работе Орловой К.А. приводится широкий спектр точек зрения исследователей на соотношение понятий правового положения и правового статуса — от их тождественности до имеющих место, по мнению ряда авторов, существенных различий. [10, С. 6–8]. В итоге К.А. Орлова отмечает, что «пары субъект права — субъект правоотношения, правовой статус — правовое положение употребляются чаще всего в качестве синонимов» Также излагается критическая точка зрения, состоящая в том, что «в научной литературе правовое положение субъекта правоотношений обычно отождествляется с его правовым статусом, правосубъектностью. Такой подход представляется не совсем удачным, так как применение в правовой сфере различных терминов, обозначающих одно и то же явление, так же, как и «расплывчатость», недостаточная определенность содержания какого-либо понятия, неизбежно влечет проблемы правового регулирования» [11].

Мы же считаем возможным основывать рассуждения на традиционно презюмируемой синонимичности понятий «правовое положение» и «правовой статус» (по этимологии от латинского «status» — «положение»). Например, классик отечественной теории права С.С. Алексеев употреблял эти понятия как сино-

нимичные в едином ряду. [12]. Так, он писал: «каждой основной отрасли присущ свой особый метод правового регулирования, специфические черты которого концентрированно выражены в правовом положении (статусе) субъектов, а также в основаниях формирования правоотношений, способа определения их содержания, в юридических санкциях».

В настоящей работе мы исходим из того, что правовое положение (правовой статус) указанных компаний необходимо рассматривать как **комплексную категорию, носящую межотраслевой характер**.

Ю.В. Лысова пишет: «традиционно в праве выделяют конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой и так далее статусы того или иного лица, соответствующие определенной отрасли права и регламентируемые ее нормами. Вместе с тем в последнее время наблюдается процесс переноса части традиционных прав и обязанностей из одной области права субъектам другой области права, что ставит вопрос о теоретическом осмыслении происходящих изменений в правовом статусе субъектов, а также порождает конкретные юридические проблемы в области правоприменения». [13, С. 64]. С одной стороны, безусловно, правовое положение российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, как и иных юридических лиц в целом определяется нормами гражданского права. С другой стороны, они выступают субъектами энергетического права, наделенными соответствующей спецификой. По мнению В.Ф. Попондопуло, энергетическое право регулирует «имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения между лицами, осуществляющими деятельность в сфере энергетики, или с их участием (энергетические отношения), основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников». [14, С. 206–207]. Хотя мы ведем речь о строительной деятельности, таковая в силу специфики создаваемых объектов — энергетических объектов, входит в данном случае именно в состав деятельности в сфере энергетики.

С учетом изложенного правовое положение российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, прежде всего обладает **отраслевым дуализмом, сочетая элементы гражданско-правового и энергетически-правового статусов**, а кроме того, имеет **международно-правовой компонент** именно в силу участия в правоотношениях с зарубежными контрагентами.

В настоящей работе мы используем обобщающий термин «российские компании», имея в виду в соответ-

ствии с положениями статей 48, 50 и 51 Гражданского кодекса Российской Федерации зарегистрированные в Российской Федерации в соответствии с российским законодательством юридические лица — коммерческие и некоммерческие организации различных организационно-правовых форм. В исследованиях справедливо отмечается: «в настоящее время нормальный гражданский оборот всех без исключения государств при прочих равных условиях невозможен без участия коллективных предпринимателей, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли. Наиболее распространенная форма коллективно-предпринимательства во всех странах мира — это являющиеся юридическими лицами хозяйственные (предпринимательские, торговые) общества (товарищества), нередко (в том числе в законодательстве) именуемые компаниями». [15, С. 64]. При этом необходимо учитывать, что в исследуемой нами сфере таковыми выступают не только хозяйственные общества (например, публичные акционерные общества «Газпром», «Нефтяная компания «Роснефть» и т.д.), но и такой вид некоммерческой организации как государственная корпорация (Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»).

Относительно системно-структурного подхода к изложению норм, регулирующих правовое положение тех или иных организаций, в научной литературе отмечается, что «понятие «особый правовой статус юридического лица» — широкое понятие, включающее в себя не только особую правосубъектность, но и особый порядок создания, реорганизации, ликвидации юридических лиц, права и обязанности их участников, права и обязанности их кредиторов, специфическую юридическую ответственность. ГК РФ использует три варианта изложения правовых норм о юридических лицах: общие нормы прямого действия для всех юридических лиц, общие нормы для отдельных организационно-правовых форм, и наконец, нормы, касающиеся ограниченного числа организаций». [16].

Таким образом, отталкиваясь от базовых норм Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах, являющихся основой правового положения всех организаций, в исследованиях определенной группы хозяйствующих субъектов следует акцентировать внимание на специфике норм, касающихся именно этой группы.

Обращает на себя внимание, что некоторые авторы в качестве существенной специфики правового положения тех или иных энергетических компаний отмечают особенности, не относящиеся непосредственно к правам и обязанностям по основному роду деятельности и не касающиеся конкретного вида энергии. Так,

В.В. Романова отмечает: «на основании проведенного анализа положений действующего законодательства можно сделать вывод о том, что основные особенности правового положения компаний угольной отрасли касаются обеспечения социальных гарантий работникам данных организаций и обеспечения требований в области промышленной безопасности соответствующих опасных производственных объектов». [8, С. 48] Полагая подобный вывод не вполне конкретным, поскольку он в равной мере применим ко многим опасным производственным компаниям (то же можно сказать, например, в отношении компаний, строящих метрополитен или специализирующихся на сталелитейном производстве). Представляется, что обобщающие выводы следует в большей степени ориентировать именно на специфику исследуемых групп хозяйствующих субъектов.

Отметим, что, с одной стороны, правовое положение российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, в целом находится в русле общего регулирования статуса юридических лиц, включая энергетические компании, нормами гражданского права и энергетического права и не имеет принципиальных отличий. С гражданско-правовой точки зрения для «цепочки» вовлеченных в отношения в сфере строительства российских энергетических объектов за рубежом организаций присущи, в частности, общие элементы правового статуса заказчиков [17, С.38–43; 18, С. 30–37], генеральных подрядчиков и субподрядчиков. [19].

С другой стороны, имеется специфика регулирования, проявляющаяся в особых подходах законодателя в тех случаях, например, когда на деятельность в соответствующей сфере (в том числе экспортную) накладываются какие-либо ограничения, связанные с вопросами безопасности и т.д.

Очень важный аспект правового положения российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, — это особенная значимость именно вопросов энергетической безопасности. [20, С. 8–10]. Существенной спецификой правового положения таких компаний, особенно актуальной в настоящее время, является их особая ответственность за обеспечение безопасности для жизни и здоровья людей и экологической безопасности при строительстве и эксплуатации энергетических объектов, которая должна быть гарантирована не только на период строительных работ, но и на весь срок эксплуатации (включая периодические ремонтные работы, реконструкцию и т.д.), который охватывает десятки лет (а по прогнозам, например, для современных АЭС — до сотни лет).

Усиление требований в этой сфере происходит повсеместно в современном мире по мере развития исследований влияния антропогенной нагрузки на климат, на состояние окружающей среды и, соответственно, на здоровье людей. Весьма наглядно можно продемонстрировать это на примере атомной отрасли, объекты которой по определению обладают высокими классами опасности. Так, «атомные станции проектируются с учетом многоуровневой системы безопасности для защиты людей и окружающей среды от выбросов радиации. Чтобы получить разрешение от регулирующих органов на строительство новой АЭС в Великобритании, строители должны гарантировать, что годовая доза радиации, получаемая от нее жителем страны, будет примерно такой же, какую он получит за время перелета в Нью-Йорк и обратно. На долю ядерной отрасли приходится менее 0,1% всей радиации, которой большинство жителей подвержены в повседневной жизни», — говорится в «Обзоре технологий атомной энергетики».[21].

Актуальными вопросами, таким образом, являются, с одной стороны, изначальная ориентированность требований российского законодательства и собственных локальных актов российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, на всестороннее соблюдение требований безопасности, с другой стороны, предметное изучение и учет соответствующих требований нормативных правовых актов тех стран, на территории которых осуществляется строительство российских энергетических объектов.

Как уже отмечалось, в рассматриваемой сфере действуют компании разных организационно-правовых форм, ввиду чего ключевое значение имеют федеральные законы о соответствующих видах организаций.

Базовым для акционерных обществ является Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», который помимо прочего регулирует особенности публичных и непубличных обществ, специфику их создания и деятельности. Закон регламентирует возможность создания российским акционерным обществом необходимых ему организаций и счетов за рубежом, ориентируя на соблюдение соответствующего законодательства. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 названного Федерального закона общество может иметь дочерние и зависимые общества с правами юридического лица на территории Российской Федерации, созданные в соответствии с названным Федеральным законом и иными федеральными законами, а за пределами территории Российской Федерации — в соответствии с законодательством иностранного государства по месту нахождения дочернего

или зависимого обществ, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации; согласно пункту 6 статьи 2 общество вправе в установленном порядке открывать банковские счета на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Специфика правового положения российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, которые являются **акционерными обществами**, проявляется, как правило, прежде всего:

- ◆ в особом круге соответствующих создаваемых энергетических объектов, обусловленном содержанием уставных целей деятельности и соответствующей хозяйственной специализацией (объекты газовой энергетики, объекты нефтяной энергетики и т.д.);
- ◆ в наличии той или иной доли государства в акционерном капитале; Например, согласно информации по состоянию на 1 июля 2021 года в состав акционеров ПАО «НК «Роснефть» с долей в уставном капитале 40,40% входит АО «РОСНЕФТЕГАЗ», которое находится в 100%-ной федеральной собственности; при этом прямая доля государства (в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом) в ПАО «НК «Роснефть» составляет 0,000000009%. [22].
- ◆ в наличии обусловленной двумя вышеуказанными факторами определенной скорреспондированности по целям и задачам собственной деятельности по созданию энергетических объектов с проводимой государством политикой в сфере энергетики и внешней политикой (в части векторов развития взаимоотношений с зарубежными партнерами).

В отношении же **государственной корпорации** следует отметить наличие особой специфики, заключающейся в том, что крупные капиталоемкие инфраструктурные энергетические проекты, напрямую связанные с государственной политикой и вопросами безопасности, реализует некоммерческая организация, то есть организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

Согласно положениям Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона. Имму-

щество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации. При этом государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное. Государственная корпорация может осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям.

Таким образом, предпринимательская, в том числе инвестиционная деятельность государственной корпорации находится под четким контролем государства, регламентируется им. Закреплено, что инвестирование временно свободных средств государственной корпорации осуществляется на принципах возвратности, прибыльности и ликвидности приобретаемых ею активов (объектов инвестирования); Правительство Российской Федерации вправе установить перечень разрешенных активов (объектов инвестирования), порядок и условия инвестирования временно свободных средств государственной корпорации, порядок и механизмы контроля за инвестированием этих средств, порядок совершения сделок по инвестированию временно свободных средств государственной корпорации, формы отчетов об инвестировании временно свободных средств государственной корпорации, порядок предоставления и раскрытия этих отчетов.

Российской компанией, осуществляющей строительство весьма значимых российских энергетических объектов за рубежом, является Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», правовое положение которой адресно регламентируется специальным федеральным законом — Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Этот закон определяет правовое положение «Росатома» как юридического лица, созданного Российской Федерацией в организационно-правовой форме государственной корпорации (часть 1 статьи 3) и устанавливает ряд норм, которые позволяют данной госкорпорации участвовать в строительстве энергетических объектов за рубежом.

Так, часть 7 статьи 3 названного Федерального закона предусматривает, что корпорация имеет банковский счет в Центральном банке Российской Федерации, а также вправе открывать банковские счета в иных кредитных организациях на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Согласно пункту 37 статьи 7 названного Федерального закона Госкорпорация «Росатом» для достижения установленных законом целей осуществляет, в частности, следующие полномочия и функции в области государственного управления использованием атомной энергии: проводит в порядке, установленном самой Корпорацией, по заявлению застройщика или уполномоченного им лица проверку проектной документации объектов использования атомной энергии, строительство которых осуществляется за пределами территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации и финансируется с привлечением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, средств юридических лиц, созданных Российской Федерацией, юридических лиц, доля Российской Федерации в уставных (складочных) капиталах которых составляет более пятидесяти процентов, на предмет оценки соответствия требованиям законодательства иностранного государства, на территории которого осуществляется строительство такого объекта использования атомной энергии, требованиям действующих на территории Российской Федерации технических регламентов, санитарно-эпидемиологическим, экологическим требованиям, требованиям пожарной, промышленной, ядерной, радиационной и иной безопасности (в части, не противоречащей требованиям законодательства иностранного государства, на территории которого осуществляется строительство такого объекта использования атомной энергии), а также результатам инженерных изысканий, выполненных для подготовки указанной проектной документации, и проверку результатов инженерных изысканий, выполняемых для подготовки указанной проектной документации, на предмет оценки соответствия требованиям законодательства иностранного государства, на территории которого осуществляется строительство такого объекта использования атомной энергии, требованиям действующих на территории Российской Федерации технических регламентов (в части, не противоречащей требованиям законодательства иностранного государства, на территории которого осуществляется строительство такого объекта использования атомной энергии) и выдает по результатам этих проверок заключение о соответствии или несоответствии указанной проектной документации и результатов инженерных изысканий указанным требованиям.

Сама формулировка этого комплексного полномочия показывает упомянутую нами выше важность единства международно-правовых компонентов и национального законодательства России и иностранных государств для правового положения и деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом.

Кроме того, названным Федеральным законом предусмотрено, что Корпорация взаимодействует в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями, включая представление в международных организациях по решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации интересов Российской Федерации по вопросам использования атомной энергии.

Это демонстрирует особое значение, которое государство придает продвижению своих интересов через профессиональное посредство российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом.

Подчеркнем, что значимость современных проектов по строительству атомных электростанций трудно переоценить. Исследователи отмечают, что «проекты АЭС масштабны: они охватывают сотни национальных и международных организаций и по времени могут растянуться до ста лет. Многоблочная АЭС может стоить до 30 млрд. долл. США, что сопоставимо с ВВП некоторых стран». [23, С.29].

Для некоторых регионов мира подобные проекты способны дать мощнейшие импульсы к дальнейшему социально-экономическому развитию. В исследованиях, например, в отношении ЮАР отмечается: «реализация такого крупного инвестиционного проекта, как строительство АЭС, не только будет способствовать решению проблемы энергодефицита Южной Африки, но и окажет положительное воздействие на экономику страны в целом. Строительство АЭС будет способствовать расширению производственной и инвестиционной активности как в сфере атомной энергетики, так и в секторах, связанных с ней. Распределение дополнительных доходов в пользу населения окажет важный социальный эффект». [24, С.144].

Госкорпорация «Росатом» уделяет зарубежным направлениям своей деятельности особое внимание. Согласно опубликованному отчету Корпорации за 2020 год «в 2020 году было продолжено развитие сети представительств Госкорпорации «Росатом» за рубежом согласно статье 14 Закона о Госкорпорации «Росатом» и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 603. Осуществлялась поддержка реализации зарубежных проектов Госкорпорации «Росатом» по линии представителей Госкорпорации «Росатом» при посольствах и торговых представительствах Российской Федерации, а также в постоянном представительстве при международных организациях в г. Вене (Австрия) и постоянном пред-

ставительстве при Европейском Союзе в г. Брюсселе (Бельгия). Особый акцент в работе был сделан на выполнение международных обязательств по сооружению за рубежом объектов ядерной энергии по российским проектам в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». [25, С. 7–8].

Еще одной важной отличительной особенностью правового положения таких компаний является то, что они вступают с иностранными контрагентами в комплексные длящиеся правоотношения по поводу создаваемых объектов, содержание которых не ограничивается непосредственно строительством, но предполагает и соответствующее сопровождение возведенных объектов на протяжении их жизненного цикла» Сюда входят отношения по оказанию консультативных услуг, по сопровождению эксплуатации, по поводу капитального ремонта, реконструкции объектов, по обеспечению безопасности и другие.

Ввиду сложности и комплексности функций многих энергетических объектов именно сопровождение всего жизненного цикла является принципиально важной спецификой. На примере плавучей атомной электростанции (ПАЭС) О.А. Супатаева убедительно демонстрирует это, отмечая: «с одной стороны, ПАЭС — несамостоятельное судно с реакторными установками, на которое распространяются отдельные требования, предъявляемые к судам с ЯЭУ (ядерным судам), с другой — стационарная АЭС в месте эксплуатации (жесткое крепление с берегом на весь период работы), обладающая с соответствующими ограничениями правовым статусом стационарной атомной станции. С учетом этого правовое регулирование ПАЭС должно сочетать национальные и международные нормы, используемые при проектировании, строительстве и последующей эксплуатации как ядерных судов, так и наземных АЭС, включая положения международных морских конвенций и правил Международной морской организации, требования применимых международных ядерных конвенций и стандарты МАГАТЭ по безопасности». [26, С. 15].

Также специфика заключается в вовлеченности многих специальных организаций в соответствующие «цепочки» отношений при направляющей роли соответствующей российской компании, ответственной в целом за проект по созданию российского энергетического объекта за рубежом.

А.С. Марченко, например, справедливо отмечает, что «в строительстве атомной станции, как правило, принимает участие множество как крупных, так и небольших компаний», при этом он подчеркивает: «компании, принимающие участие в строительстве АЭС, можно условно разделить на две группы — компании,

не обладающие ядерными технологиями и компании, обладающие ядерными технологиями. В данном контексте под ядерными технологиями стоит понимать совокупность инженерных решений позволяющих использовать делящиеся материалы как безопасный источник энергии для генерации электричества. Компании первой группы выполняют работы, которые характерны не только для атомных электростанций, но и для прочих энергетических объектов и, как правило, принимают участие в строительстве в качестве субподрядчиков. Вторая группа более интересна к рассмотрению, так как включает в себя компании, которые являются держателями технологий. Эта группа представлена крупными компаниями, корпорациями или их подразделениями, зачастую являющимися государственными или имеющие государственное участие. Такие компании могут становиться генеральными подрядчиками как в одиночку, так и в составе консорциумов, при этом оставаясь незаменимым элементом». [27, С. 31].

Этот подход показывает дифференциацию компетенций вовлеченных компаний по собственно строительным работам в отношении соответствующих зданий и сооружений и по работам, связанным с монтажом и вводом в эксплуатацию непосредственно объектов и конструкций, использующих ядерные технологии.

Сопряженность деятельности российских организаций, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, с национальными интересами Российской Федерации, целями и задачами, определяемыми во многом проводимой государственной политикой, обуславливает важность особого внимания со стороны государства к таким компаниям, в том числе — их всесторонней поддержке.

Представляется важной проработка вариантов развития программ дальнейшей финансовой поддержки деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, программ кредитования, включая разработку специальных кредитных продуктов на условиях, которые позволяли бы, в числе прочего, наилучшим образом стимулировать внедрение инновационных технологий и результатов перспективных отечественных научных разработок в строительную деятельность, процесс эксплуатации таких объектов и обеспечение на них безопасности.

Специфика правового положения российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, в целом проявляется в сочетании частноправовых и публично-правовых элементов, в частности, в том, что рассматриваемые российские компании действуют как обычные хозяйствующие

субъекты, участвующие в гражданских правоотношениях, гражданском обороте, и при этом одновременно выполняют стратегические по своей сути функции как представители интересов государства, как субъекты, способствующие продвижению национальных интересов Российской Федерации за пределами территории страны во взаимоотношениях с зарубежными партнерами. Эту специфику отражают в своих документах и сами компании. Например, в отчете Госкорпорации «Росатом» за 2020 год к основным направлениям деятельности отнесено «содействие укреплению национальных интересов в соответствии с Концепцией долгосрочного развития страны в части достижения мирового технологического лидерства российской атомной энергетики, создание инновационных ядерных технологий и расширение сферы их использования в российской экономике и за рубежом». [28, С.9–11].

Анализ современного положения дел в этой плоскости позволяет говорить о непосредственной вовлеченности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, в столкновение геополитических интересов многих государств, являющихся значимыми акторами международных отношений. Это можно наглядно продемонстрировать на примере ситуации, складывающейся вокруг «Северного потока — 2». Так, буквально параллельно в европейских странах и в США высказываются прямо противоположные мнения по поводу судьбы этого российского энергетического объекта. Германские политики и эксперты, к примеру, подчеркивают, что немецкие потребители газа ощущают острую необходимость в запуске трубопровода «Северный поток — 2». Об этом 9 ноября 2021 года заявил РИА «Новости» член бундестага ФРГ прошлого созыва от партии «Левые» Клаус Эрнст, возглавлявший комитет по экономике и энергетике. [29]. В тот же день член комитета американского сената по международным отношениям Джим Риш сообщил, что группа сенаторов-республиканцев предложила добавить санкции в отношении «Северного потока — 2» в оборонный бюджет США на следующий год. [30]. Как видим, во мнениях расходятся представители стран, являющихся партнерами по НАТО и другим международным форматам, традиционно выступающие в оппозиции к российским интересам. Причем США готовы во многом игнорировать даже интересы собственных партнеров, отдавая предпочтение наращиванию санкционного давления на Россию и способствуя тем самым эскалации напряженности не только в официальных отношениях между странами, но и в сфере бизнес-проектов с участием заинтересованных сторон из разных государств.

Есть основания полагать, что эта тенденция будет развиваться и дальше. Так, Юшков И.В. акценти-

рует внимание на том, что «странам-производителям энергоресурсов необходимо активизировать усилия по укреплению своего суверенитета». [31, С. 37]. В связи с этим считаем важным комплексно усиливать взаимовыгодные системные связи российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов

за рубежом, с государством на основе совпадающих интересов. Сбалансированный подход к такому сотрудничеству позволит без какого-либо ущерба крупному российскому бизнесу усилить синергетический эффект от государственно-частной коллаборации в рассматриваемой стратегически значимой сфере деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // *Власть*. 2013. № 7.
2. Гутников О.В. Особенности правового статуса организаций, созданных на основании федеральных законов, и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами // *Журнал российского права*. 2015. № 2. С. 44–57.
3. Кулишова Р.Т. Правовое положение кредитной организации как юридического лица // *Административное и муниципальное право*. 2010. № 9. С. 25–28.
4. Лысова Ю.В. О правовом статусе кредитных и некредитных финансовых организаций при реализации ими публично-правовых функций // *Хозяйство и право*. 2020. № 12. С. 64–74.
5. Саттарова Н.А., Гараев И.Г. Особенности правового положения коллективных субъектов финансового права // *Финансовое право*. 2010. № 6. С. 17–21.
6. Свирков С.А. Проблемы правового статуса организаций технологической инфраструктуры в электроэнергетике // *Закон*. 2012. № 10. С. 59–63.
7. Синицын С.А. Публично-правовой и частноправовой статус некоммерческих организаций: границы правового регулирования (на примере общественных движений) // *Гражданское право*. 2019. № 6. С. 8–12.
8. Романова В.В. Особенности правового положения компаний угольной отрасли // *Юридический мир*. 2015. № 3.
9. Василькова С.В. Стратегические цели и задачи правового обеспечения деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом. Монография. Санкт-Петербург. 2021.
10. Орлова К.А. Правовой статус: соотношение со смежными понятиями // *Мировой судья*. 2013. № 4.
11. Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // *Юридический мир*. 2006. № 2.
12. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I — М.: Юрид. лит. 1981. Параграф 4 «Методы правового регулирования» главы 17 «Правовое регулирование: понятие, основные черты».
13. Лысова Ю.В. О правовом статусе кредитных и некредитных финансовых организаций при реализации ими публично-правовых функций // *Хозяйство и право*. 2020. № 12.
14. Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития // *Энергетика и право*: Сб. / Под ред. П.Г. Лахно. М., 2008.
15. Беликова К.М. Правовое положение компаний, занятых в предпринимательской деятельности стран БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // *Законодательство и экономика*. 2016. № 6.
16. Опыхтина Е.Г. Коммерческие юридические лица с особым правовым статусом, понятие и виды // *Юридический мир*. 2006. № 1 (цитируется по тексту работы, размещенному в СПС КонсультантПлюс).
17. Романова В.В. Право заказчика на отказ от исполнения договора на строительство энергетического объекта и обеспечение интересов подрядчика // *Гражданское право*. 2011. № 4.
18. Нуждин Т.А. Правовые проблемы взыскания заказчиком с подрядчика убытков по договору на строительство нефтяных скважин // *Административное право*. 2017. № 1.
19. Иванова С.В. Генеральный подрядчик: понятие, правовой статус // *Материал подготовлен для СПС КонсультантПлюс*. 2021.
20. Василькова С.В. Правовое обеспечение энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков // *Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. Выпуск 1. Санкт-Петербург. 2021.
21. Атом в помощь климатической нейтральности. Текст: по материалам Rosatom Newsletter. Материал на сайте журнала «Атомный эксперт». Электронный ресурс. https://atomicexpert.com/atom_help_climate_neutrality Дата обращения — 29 октября 2021 года.
22. Информация на официальном сайте ПАО «НК «Роснефть». Электронный ресурс. https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/ Дата обращения — 7 ноября 2021 года.
23. Черняховская Ю.В. Макроэффекты международных проектов АЭС // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 1.
24. Салахетдинов Э.Р., Сидоров В.А. Российские проекты и энергетическое сотрудничество в Южной Африке // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 3.
25. Годовой отчет Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2020 год. Утвержден наблюдательным советом Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» 29 июня 2021 года.
26. Супатаева О.А. Вопросы правового обеспечения реализации жизненного цикла плавучей атомной электростанции (ПАЭС) // *Правовой энергетический форум*. 2016. № 3.
27. Марченко А.С. Особенности международного рынка строительства АЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 1.

28. Годовой отчет Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2020 год. Утвержден наблюдательным советом Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» 29 июня 2021 года.
29. В Германии высказались за срочный запуск «Северного потока — 2». Материал РИА Новости 9 ноября 2021 года. Электронный ресурс. <https://ria.ru/20211109/potok-1758153951.html> Дата обращения — 10 ноября 2021 года.
30. Республиканцы в США добиваются санкций против «Северного потока — 2». Материал РИА Новости 9 ноября 2021 года. Электронный ресурс. <https://ria.ru/20211109/sanktsii-1758152744.html> Дата обращения — 10 ноября 2021 года.
31. Юшков И.В. О роли энергетических ресурсов в международных конфликтах будущего // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2013, № 2.

© Василькова Светлана Витальевна (vasilkova973@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТЬ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

CLIENT-CENTRICITY IN PUBLIC ADMINISTRATION

A. Voronov

Summary. Based on an analysis of the array of regulatory legal acts, law enforcement activities of the public administration, in particular on the provision of service services to citizens, the author states that the digitalization of public administration is aimed specifically at improving state services, which focus on the interests of Russian citizens, while the essence of the client-centric state is precisely to solve human problems without its participation.

Keywords: public administration, public administration, client-centricity, public service, digitalization.

Воронов Алексей Михайлович

*Д.ю.н., профессор, г.н.с., ФГКУ «ВНИИ МВД России»
alex_voronoff@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа массива нормативных правовых актов, правоприменительной деятельности публичной администрации, в частности по оказанию сервисных услуг гражданам автор констатирует, что цифровизация публичного управления направлена именно на улучшение государственных сервисов, в центре внимания которых находятся интересы граждан России, при этом сущность клиентоцентричного государства заключается именно в решении проблем человека без его участия.

Ключевые слова: публичное управление, публичное администрирование, клиентоцентричность, государственный сервис, цифровизация.

21-й век — век информационных технологий, которые резко изменили человеческое бытие. Цифровые технологии позволяют создавать, хранить и распространять данные на более высоком, совершенно новом уровне, нежели аналоговые технологии, применяемые ранее.

Несмотря на бушующую во всём мире пандемию коронавируса COVID19, которая является одним из основных сдерживающих факторов развития социума, наряду с негативными явлениями следует отметить, что сложившаяся ситуация стала импульсом, который коренным образом повлиял на прорыв в развитии информационных технологий. Социальная дистанция, которую обязаны соблюдать граждане с целью недопущения заражения этим вирусом стала следствием перехода многих социально — экономических сфер, образования, производства и т.д. на удаленную, дистанционную форму коммуникации, именно посредством информационных технологий. В режиме он-лайн стали проводиться совещания руководства страны, обучение студентов, работа различных фирм и организаций не связанных с производством. На производственных предприятиях свое ускорение и развитие получила робототехника, также основанная на новейших технологиях.

В Российской Федерации, в связи со сменой 2020-м году правительства, РФ в новый состав которого вошли современные, образованные, управленцы новой формации, строящие свою работу на основе новейших цифровых и телекоммуникационных технологий, ко-

торые продолжили курс дальнейшего развития нашей страны, направленный именно на прорыв в развитии информационных технологиях, основанных на цифровой трансформации всех сфер государственного управления — экономической, социально-культурной и административно-политической. При этом уместно отметить что цифровая трансформация позволяет собирать, анализировать, прогнозировать информацию необходимую для принятия управленческих решений именно в он-лайн режиме.

В июле 2020 года Президент России утвердил цифровую трансформацию в качестве национальной цели[2]. Это решение стало отправной точкой в формировании локальных программ на всех уровнях государственного управления. Перманентно проводимая в стране административная реформа, тесно увязана с сервисным подходом правительства к публичному администрированию: идёт оптимизация и реформирования институтов развития, проводится цифровая трансформация в социальной, экономической, правоохранительной и иных сферах.

Следует согласиться с Председателем правительства В. Мишустиним в том, что «цифровизация должна стать атрибутом государства без бюрократии. Идеальный государственный сервис предоставляется в проактивном режиме — просто потому, что у человека изменился статус: окончил школу, вступил в брак, стал родителем. Не нужно будет никого ни о чем дополнительно уведомлять. Именно таким должно стать клиентоцентричное государство без бюрократии — необре-

менительным для людей и для бизнеса. Необходимо сократить до минимума участия чиновников в процессе оказания услуг, чтобы больше никаких справок, бумаг, документов или личных посещений госучреждений не было» [6].

На наш взгляд главным драйвером такой работы должен стать принцип выстраивания сервисов государства вокруг потребностей человека и гражданина, на основе уважения и взаимного доверия.

С развитием информационных технологий на рубеже XX–XXI веков в современном социуме широко распространилось получение цифровой трансформации, которая коснулась всех сторон жизнедеятельности общества. На конец 20221 года к услугам россиян по всей стране введены в эксплуатацию и успешно функционируют 13 тысяч многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее — МФЦ), в том числе в малочисленных населенных пунктах, при этом перечень услуг всех уровней в среднем составляет порядка 350 видов.

Для дальнейшего совершенствования работы в данном направлении «в 2021 году был разработан ряд методологических основ для формирования единой системы: разработаны три стандарта, обеспечивающие качество повышения сервисов для граждан, бизнеса и внутреннего клиента. Разработаны концепции и проектные решения IT-системы по всем направлениям поддержки внедрения стандартов (обратная связь, профиль клиентского сегмента, реестр жизненных ситуаций, мониторинг). Разработана концепция HR-системы, индивидуальных программ обучения для сотрудников, от которых зависит качество и непрерывное улучшение услуг и сервисов. Также запущен эксперимент по апробации инструментов, обеспечивающих внедрение стандартов в государственном управлении» [8].

Минэкономразвития подведены итоги мониторинга качества оказания госуслуг в электронной форме по итогам 2020 года. «Количество обращений в центры госуслуг (МФЦ) и на Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) росло на протяжении всего года. За период с 30 марта по 20 декабря 2020 года 87596486 обращений в МФЦ и 182093970 обращений на ЕПГУ. Самая популярная услуга в электронном виде: информирование зарегистрированных лиц о состоянии их индивидуальных лицевых счетов в системе обязательного пенсионного страхования (10284471 обращение)» [9]. Указанная статистика наглядно свидетельствует о правильности выбранного курса государственной политики в социальной сфере, востребованности сервисной функции публичной вла-

сти по оказанию услуг в различных сферах жизнедеятельности общества.

По поручению Президента РФ правительство до конца 2022 г. планирует перевести в электронный формат все социально значимые услуги. Список таких услуг составлен, он содержит более 160 услуг. К ним прежде всего относятся услуги по оформлению документов при рождении ребенка, расчету пенсии, обжалованию штрафов ГИБДД, удаленному заключению трудового договора, предоставлению удаленной консультации врача, открытие и закрытие больничного листа и многие другие [10].

В правительстве подчеркивают, что настроены и дальше повышать доступность и скорость государственных цифровых сервисов. «У каждого руководителя цифровой трансформации, назначенных во всех ФОИВ на позиции заместителя главы министерства или ведомства, задача не только как можно больше услуг переводить в «цифру», но и работать с точки зрения оперативности их выполнения. Электронные услуги — то прежде всего быстрота решения вопроса на основе межведомственного взаимодействия, при этом следует также отметить положительную динамику цифровой зрелости в контрольно-надзорной деятельности. В электронный вид планируется трансформировать 137 контрольно-надзорных функций, и к 2023 году более 50% проверок будут проводиться дистанционно. Также к 2023 году в цифровой формат будут переведены еще около 200 госуслуг» [11].

Внедрение инструментов искусственного интеллекта позволило объединить процесс оказания государственных услуг в одну информационную систему стоящую на единой цифровой платформе. Представляется целесообразным на этой основе создать межведомственную систему электронного взаимодействия объединяющие себя все банки данных не только министерств и ведомств государственной власти различных уровней, при этом необходимо обратить внимание на создание такой системы на перспективу и на уровне муниципалитетов. Речь идёт о необходимости включения всех базовых государственных информационных ресурсов в единую информационную систему, для того чтобы потребители путём одного клика могли избежать сотни ненужных манипуляций и действий.

Как следует из официальных источников, лидирующие позиции в сфере оказания государственных услуг занимает МВД России. Только за девять месяцев 2021 года МВД России оказало более 71 миллиона госуслуг, при этом Министерство является ключевым поставщиком сведений, необходимых для предоставления услуг другими ведомствами. 18 государствах ус-

луг и сервисов МВД России включены правительством перечень массовых и социально-значимых. Информационная система МВД России ежегодно обрабатывает около 1,5 миллиарда запросов посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, за счет которой сокращено количество действий и документов, которые заявитель должен составлять органы государственной власти при получении госуслуг. При этом ряд государственных услуг, предоставляемых МВД России можно оформить полностью в электронном виде.

К ним, в частности, относятся справки о наличии или отсутствии судимости, о привлечении того или иного гражданина к административной ответственности, в том числе за потребление наркотических средств. При этом МВД России и Минцифры разработали новый сервис, который позволяет гражданам России регистрироваться по месту пребывания онлайн и получить на портале «Госуслуги» соответствующее электронное свидетельство и ряд других инноваций, в частности возможности предъявления документов на транспортное средство — свидетельства о регистрации ТС с использованием мобильного приложения «Госуслуги.Авто».

Здесь уместно отметить, что в условиях бушующей во всем мировом социуме пандемии коронавирусной инфекции COVID19 принимаемых ограничительных мер, в Российской Федерации удалось на высоком уровне сохранить показатель уровня удовлетворённости граждан качеством предоставления государственных услуг который составляет 97,9% [12].

При этом также следует обратить внимание, что эксперты ООН признали Москву лучшим мегаполисом мира по качеству жизни и уровню развития городской инфраструктуры в различных сферах: жилищной, социальной, транспортной, а также информационно-коммуникационных технологий [13].

Вновь обращаясь к заявленной проблематике следует отметить, что цифровизация государственного управления направлена именно на улучшение государственных сервисов, в центре внимания которых находятся интересы граждан России. В связи с чем клиентоцентричность выходит на передовые рубежи не только в бизнесе, но и в госуправлении.

Цифровая трансформация — это новая философия для государственных органов и организаций, это национальная цель развития страны. Она предусматривает новые модели развития и принципы клиентоцентричности при создании сервисов и в работе с гражданами. Необходимость взаимодействия с клиентами и применения клиентоцентричных подходов продиктована са-

мой практикой работы государственных учреждений. В конечном счете реализация клиентоцентричных подходов позволяет больше узнать о том, как организован текущий процесс, оказание услуги или сервис с точки зрения конечного пользователя» [5].

На наш взгляд сущность клиентоцентричного государства заключается именно в решении проблем человека без его участия.

Для более полного уяснения сущности данного феномена, представляется целесообразным рассмотреть понятийно-категориальный аппарат, вошедший в оборот в сфере оказания гражданам публичных услуг.

В научных источниках, нормативных актах клиентоцентричность представляет собой модель построения деятельности (бизнеса), устройство организации, обеспечивающее предоставление услуг, максимально адаптированных для каждого клиента.

При таком подходе под клиентоцентричностью в государственном управлении, на наш взгляд, следует понимать деятельность публичной администрации по удовлетворению потребностей как граждан, общественных организаций так и юридических лиц при их обращении для оказания сервисных услуг на основе действующего законодательства.

Наряду с термином «кlientоцентричность» часто встречается термин «кlientоориентированность». Иногда эти слова используют как синонимы, однако это не вполне корректно.

Кlientоориентированность трактуется как действия, которые направлены на понимание потребности клиента с целью выполнения его требований.

При таком подходе под клиентоориентированностью в государственном управлении, на наш взгляд, следует понимать деятельность публичной администрации и ее должностных лиц по умению своевременно определить потребности и желания клиентов на основе изучения и анализа конъюнктуры¹, складывающейся в социально-экономической сфере государства на современном этапе развития, для их удовлетворения с максимальной пользой.

Говоря о клиентоцентричности уместно отметить, что ключевым здесь является понятие «кlient», под

¹ Термин происходит от средневекового латинского *conjunctura* и от латинского *conjungo* — «связываю», «соединяю». Понятие «конъюнктура» возникло еще в Древнем Риме — как результата грамотного применения соотношения между спросом и предложением. <https://fin-az.ru/480111a-konyunktura-prostyimi-slovami-eto-ne-slojno-dostupnoe-obyasnenie>

которым следует понимать любого пользователя сервисных услуг (граждан, общественные организации, юридические лиц и проч.) обратившиеся в органы публичной власти для удовлетворения своих потребностей. Именно для клиента услуга представляет ценность и имеет большое значение. При таком подходе клиентоцентричность в государственном управлении представляет собой концепцию совершенствования и развития деятельности публичной власти по удовлетворению интересов и потребностей клиента.

При этом сущность клиентоцентричного подхода в государственном управлении заключается именно в удовлетворении потребностей граждан, общественных организаций, юридических лиц во всех сферах жизнедеятельности без обращения к бюрократии, т.е. чиновникам именно в формате цифровых технологий, к примеру через МФЦ. В развитие указанных тезисов клиентоцентричное государство подразумевает решение проблем человека посредством обращения по каналам IT-технологий в органы публичной власти без его участия.

В эпоху цифровой трансформации, происходящей в Российской Федерации особое внимание уделяется вопросам внедрения принципов клиентоцентричности в деятельность органов публичной власти. «За последний год в этой сфере произошли значительные изменения: во всех федеральных органах исполнительной власти назначены руководители по цифровой трансформации (Chief Digital Transformation Officer), аналогичные назначения происходят в регионах. Стартовала серия проектов по использованию искусственного интеллекта в деятельности ряда федеральных органов исполнительной власти. Перед ними поставлена задача повысить качество и эффективность оказания госуслуг, снизить издержки государственного управления. Ее реализация связана, в первую очередь, с переводом госуслуг «в цифру», это касается также осуществления контрольно-надзорной деятельности и государственных функций» [14].

Инструментом цифровой трансформации госуправления является национальная система управления данными (далее — НСУД)¹. Правовую основу НСУД составляет Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р «Об утверждении Концепции создания

¹ Национальная система управления данными — совокупность взаимосвязанных элементов информационно-технологического, организационного, методологического, кадрового и нормативно-правового характера, обеспечивающая достижение целей и выполнение задач по эффективному управлению государственными данными. Вся имеющаяся у государства информация о гражданах, компаниях, товарах и объектах будет включена в единую информсреду, которая объединит сотни государственных информационных систем (ГИС).

и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий (дорожной карты) по созданию национальной системы управления данными, разработанные в целях реализации мероприятий федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [15].

НСУД представляет собой набор решений, представляющих единый правовой, методологический, управленческий и технологический механизм работы с госданными в целях решения проблем с которыми сталкиваются органы власти в процессе управления, получения и доступа к этим данным, их хранением. При этом управление данными, на наш взгляд, является основным механизмом обеспечения эффективности деятельности публичной администрации.

В 2022–2025 годах эксперты прогнозируют существенный рост уровня цифровизации публичной администрации, активный перевод всех госуслуг в электронный формат, а также увеличение востребованности в руководителях по цифровой трансформации. Однако здесь следует учитывать, что эти позитивные изменения обусловят и некоторые негативные тенденции. Прежде всего интенсивное внедрение цифровых технологий приведет к деградации некоторых специальностей и соответственно высвобождению рабочей силы. На наш взгляд данный фактор будет иметь существенное значение в росте социальной напряженности в стране.

Думается всеобъемлющее проникновение интернета и соцсетей в повседневную жизнь обывателя будет всё сильнее поднимать вопросы приватности, защиты персональных данных граждан и их интересов, при таком подходе контроль государства над интернетом и обществом существенно возрастет. Цифровая трансформация изменит образ жизни людей. Работа из дома в удаленном формате приведёт к оттоку жителей из городов, усилит миграционные потоки как внутри страны, так между странами. Для соответствия новым всё возрастающим требованиям работникам понадобится постоянное повышение квалификации. Соответственно, произойдет рост сферы обучения, преимущественно удалённого[7].

Подводя некоторые промежуточные итоги, представляется уместным отметить, что для научного сообщества термин клиентоцентричность в государственном управлении представляется несколько неожиданными и странным. Здесь было бы более уместным и понятным словосочетание — человекоцентричность, государственные услуги и проч. Однако на наш взгляд в данной трактовке речь идет

не только о получении услуг, а о философском укладе взаимоотношений между публичной администрацией и гражданами. При этом следует ответить на вопрос — что такое государственный сервис либо публичные услуги, входят ли они в содержание понятия управление, либо эти отношения имеют иную правовую природу.

Здесь следует обратиться к истории вопроса, а именно откуда взял свое начало термин клиентоцентричность. В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2], были закреплены национальные цели развития Российской Федерации, среди приоритетных — сохранение населения, здоровье и благополучие людей. При таком подходе человек, его жизненные потребности являются главным ориентиром для всего развития страны.

Правительство взяло этот приоритет за основу выстраивания деятельности публичной власти вокруг и во исполнение потребностей людей, и в настоящее время продолжает развивать такую деятельность. Вышеперечисленные и многие другие факторы свидетельствуют об этом. Речь здесь идёт не только об оказании государственного сервиса, публичных услуг, но и государственной политике сфере социально экономического развития нашей страны.

В контексте высказанных положений следует отметить, что в настоящее время отобраны и одобрены 42 стратегических инициативы социально-экономического развития страны — проекты, призванные повысить качество жизни людей и сделать российскую экономику более современной и гибкой. Одним из ключевых блоков данных стратегий является именно концепция государства для граждан — клиентоцентричного государства, при этом данный проект красной нитью проходит через все предыдущие инициативы.

В таком контексте на наш взгляд клиентоцентричность следует понимать не как управление в социальной сфере, а точнее управление людьми, а как управление государством по удовлетворению его (государства) потребностей в предоставлении сервисных услуг гражданам, общественным организациям, юридическим лицам и т.д.

Здесь представляется уместным обратиться к опыту республики Казахстан, в которой 26 февраля 2021 года Глава государства утвердил Концепцию развития государственного управления до 2030 года: построение «человекоцентричной» модели — «Люди прежде всего».

Концепция направлена на улучшение взаимодействия граждан с государством, повышение эффективности государственного планирования, качества кадрового состава государственной службы, переход на проактивный формат оказания государственных услуг, совершенствование регуляторной и антикоррупционной политики, а также трансформацию судебной и правоохранительной систем» [16]. Анализ данного документа позволяет констатировать что он коррелируется с российской концепцией государства для граждан — клиентоцентричного государства по основополагающим положениям.

Прежде всего государственный сервис должен представляться в проактивном формате и государство должно учитывать факторы не только удобства предоставления услуг, а в первую очередь именно удобства получения этих услуг гражданами. Для человека государственная услуга есть получение блага, именно удовлетворение его потребностей в той или иной сфере жизнедеятельности. При таком подходе данный вопрос не только нашел свое выражение в политике государства, но и закреплён нормативно.

На наш взгляд представителям административно-правовой науки современной России не стоит находиться в плену прежней методологии, а активно развивать многие современные инновационные положения и доктрины административного права направленные на его развитие.

В контексте государственного сервиса по оказанию публичных услуг представляется более корректно говорить не о клиентоцентричности в государственном управлении, либо публичном управлении, а об публичном администрировании, также имеющим административно-правовую природу. Понятие публичное администрирование более шире и охватывает своим содержанием публичное управление, при этом существенно дополняет предмет современного административного права, включая в него помимо управленческих функций деятельности публичной администрации по реализации задач государства во всех сферах жизнедеятельности, правоотношений в области обеспечения безопасности и обороны нашего государства, также третий существенный блок, блок сервисных отношений по оказанию публичных услуг[4].

В данном случае речь об управлении не идет, т.к. эти правоотношения основаны на методе реординации, когда инициатива поступает от граждан в органы публичной власти с целью оказания им государственных услуг и отсутствует императивность, которой характерна субординация и подчиненность между гражданином и органом публичной власти, присущие управлению.

Автор солидарен с позицией А.М. Волкова в том, что «целью публичного администрирования является именно исполнение политики государства, которая проводится в отношении всех участников правоотношений, регулируемых законодательством» [3].

Заявленный тезис также уместно аргументировать правотворческой деятельностью ряда постсоветских государств, в которых приняты и успешно реализуются законодательные акты по вопросам публичного администрирования. Среди прочих следует привести опыт, отраженный в Законе Литовской Республики 1999 г. от 17.06.1999 № VIII-1234 «О публичном администрировании», «который создает предпосылки для осуществления положения Конституции Литовской Республики о том, что все учреждения власти служат людям; устанавливает принципы публичного администрирования, области публичного администрирования, систему субъектов публичного администрирования и основы организации административной процедуры; гарантирует право лиц на обжалование действий, бездействия или административных решений субъектов публичного администрирования, а также право на законодательно обоснованное и объективное рассмотрение ходатайств, жалоб и сообщений лиц» [17].

Также заслуживает внимания закон республики Армении «Об основах администрирования и административном производстве» от 16 марта 2004 года № ЗР-41 (в редакции 31.07.2020 г. № ЗР-385), который «устанавливает основы администрирования, регулирует отношения, возникающие между административными

органами и физическими или юридическими лицами в связи с принятием административных актов, обжалованием административных актов, действий и бездействия административных органов, исполнением административного акта, административными расходами, а также с возмещением ущерба, причиненного администрированием» [18].

Вышеизложенное и многие другие факторы свидетельствует о правильности выбранного политическим руководством государства пути построения социального, правового, демократического государства, в котором интересы личности, потребности граждан являются приоритетными, а их защита является главной обязанностью государства. Анализ поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г. также дает основание утверждать, что они направлены именно на развитие демократических основ Российской государственности.

Под клиентоцентричностью в государственном управлении, следует понимать деятельность публичной администрации по удовлетворению потребностей как граждан, общественных организаций так и юридических лиц при их обращении для оказания сервисных услуг на основе действующего законодательства.

Сущность клиентоцентричного подхода в государственном управлении заключается именно в удовлетворении потребностей граждан, общественных организаций, юридических лиц во всех сферах жизнедеятельности без обращения к бюрократии, т.е. чиновникам именно в формате цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации
2. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>
3. Волков А.М. Административное право России: учебник. М.: Проспект, 2020. С. 26.
4. Воронов А.М. К вопросу правовой регламентации государственного администрирования // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 38–43.
5. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О.В. Линник, А.В. Ожаровского, М.С. Шклярчук. — Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. С. 18. <https://it-bank.gov39.ru/upload/iblock/d4f/d4f7b37e0809a89c135f2f75c18c0a57.pdf>
6. Мишустин рассказал о своем видении государства без бюрократии. <https://rg.ru/2021/05/22/mishustin-rasskazal-o-svoem-videnii-gosudarstva-bez-biurokratii.html>
7. Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801>
8. https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/
9. https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_podvedeny_itogi_ezhegodnogo_monitoringa_kachestva_okazaniya_gosuslug_v_elektronnoy_forme.html
10. <https://www.vesti.ru/finance/article/2509690>
11. <http://government.ru/news/41565/>
12. <https://rg.ru/2021/12/09/mvd-rossii-okazalo-bolee-71-milliona-gosuslug-za-devyat-mesiacev-2021-goda.html>
13. https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/8050050/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
14. <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801>

15. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72162090/>
16. <https://strategy2050.kz/ru/news/novaya-kontsepsiya-gospravleniya-klyuchevye-aspekty/>
17. <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b6979542faf011e4877aa4fe9d0c24b0?jfwid=rivwzvpvg>.
18. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29382.

© Воронов Алексей Михайлович (alex_voronoff@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТЫ В НЕЗАКОННЫХ ЦЕЛЯХ

COUNTERACTION TO THE USE OF CRYPTOCURRENCIES FOR ILLEGAL PURPOSES

E. Ganicheva

Summary. In the modern financial world, cryptocurrency has taken a strong place, which allows you to use it not only for legal transactions, but also, due to the lack of legal restrictions, use it for illegal purposes. This article provides an analysis of judicial practice and the experience of foreign countries, on the basis of which ways of effectively organizing counteraction to the use of cryptocurrencies for illegal purposes are proposed.

Keywords: cryptocurrency, counteraction, illegal purposes, crimes, international cooperation, legal support.

Ганичева Екатерина Александровна

*К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет;
адвокат, Санкт-Петербургская коллегия адвокатов
«Юстум»
ganichewa@mail.ru*

Аннотация. В современном финансовом мире криптовалюта заняла прочное место, что позволяет совершать с ее помощью не только легальные операции, но и ввиду отсутствия законодательных ограничений использовать ее в незаконных целях. В настоящей статье приведен анализ судебной практики и опыт зарубежных стран, на основе которых предложены пути эффективной организации противодействия использованию криптовалют в незаконных целях.

Ключевые слова: криптовалюта, противодействие, незаконные цели, преступления, международное сотрудничество, правовое обеспечение.

Создание криптовалюты — это рыночное явление. Поскольку криптовалюта свободно добывается неограниченным количеством людей, то ее цена определяется рынком без участия публичных государственных образований. В связи с чем, рыночная оценка криптовалюты характеризуется большой изменчивостью цен.

Неопределенность в отношении стоимости криптовалюты в настоящее время не позволяет рассматривать ее как валюту, которая функционирует подобно денежной единице. Вместе с этим, криптовалюта в основном используется для осуществления анонимных платежей или при необходимости для устранения посреднических издержек. В связи с возможностью такого практического применения криптовалюта считается угрозой для отмывания денег, финансирования терроризма и совершения иных преступлений, носящих трансграничный характер. Использование криптовалют в сделках может служить основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма [9].

Вместе с тем сторонники открытых, децентрализованных, частных и анонимных криптовалютных сетей не заинтересованы в том, чтобы централизованные власти вмешивались в их по-настоящему свободный рынок [10].

Однако стоит обратить внимание, что целью правового обеспечения обращения криптовалюты является недопущение ее использования в незаконных целях и защита добросовестных участников правоотношений.

До настоящего времени не разрешен вопрос законодательного регулирования обращения криптовалют в Российской Федерации. Однако, несмотря на указанный пробел, правоохранительные органы возбуждают и расследуют уголовные дела в отношении лиц, осуществляющих нелегальный оборот криптовалюты.

Так, в сентябре 2017 года возбуждено первое в России уголовное дело в отношении трех лиц, которые произвели майнинг биткоинов и последующую их продажу в Интернете. Органами предварительного расследования первоначально предъявлено виновным обвинение по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации в виде незаконной банковской деятельности [11].

Однако в ходе дальнейшего следствия их действия переквалифицированы на ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации как незаконная предпринимательская деятельность ввиду того, что криптовалюта, явившаяся предметом преступления, не расценена органом предварительного расследования как денежное средство, в связи с чем, операции с ней не квалифици-

руются как банковские. Судом поддержана данная правовая квалификация.

Интересен, в связи с этим, и другой пример судебной практики.

В июне 2020 года Петроградским районным судом Санкт-Петербурга вынесен обвинительный приговор, в котором исключено из обвинения указание на хищение осужденными у потерпевшего криптовалюты различного наименования.

Суд в приговоре сослался на положения ст.ст. 129, 208 ГК РФ, примечание к ст. 158 УК РФ, указав, что криптовалюта в соответствии с законодательством Российской Федерации не является объектом гражданских прав, так как не может быть отнесена к вещам, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иному имуществу, в том числе безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам, имущественным правам; результатам работ и оказания услуг; охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность), в связи с чем не может выступать предметом хищения.

Впоследствии данная позиция суда первой инстанции нашла свое подтверждение в суде апелляционной инстанции.

Так, в апелляционном определении от 23.11.2020 Санкт-Петербургский городской суд указал, что доводы о том, что криптовалюта является разновидностью цифровой валюты (электронные деньги) не основаны на положениях Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О национальной платежной системе», в соответствии с которым электронные денежные средства определяются как денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. Вышеприведенным признакам криптовалюта не соответствует.

Далее последовали выводы суда о том, что не отнесется криптовалюта и к иностранной валюте, так как не является денежной единицей иностранных го-

сударств и международной денежной или расчетной единицей, находящейся на банковском счете [15].

Однако суд кассационной инстанции не согласился с подобными выводами двух нижестоящих инстанции, отменив приговор Петроградского районного суда Санкт-Петербурга с передачей дела на новое рассмотрение.

Третий кассационный суд общей юрисдикции в кассационной определении от 24.06.2021 указал, что выводы нижестоящих судов нельзя признать состоятельными, поскольку они основаны на неверном толковании закона ввиду следующего.

Статья 128 ГК РФ относит к имущественным правам цифровые права. В соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ предметом хищения выступает имущество, противоправное безвозмездное изъятие и обращение которого в пользу виновного причиняет ущерб собственнику или иному владельцу имущества.

Согласно определению, изложенному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 26.02.2019 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств...» под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, включая электронные денежные средства, под иным имуществом — движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из строительных материалов, приобретенных преступным путем).

В силу изложенного, кассационный суд пришел к выводу, что нижестоящим судам следовало учесть, что цифровая валюта, к которой следует отнести биткойны, битшейресы и дигибайты, инкриминированные виновным в обвинении, могла быть принята в качестве средства платежа, не представляющего собой денежную единицу иностранного государства и международную денежную или расчетную единицу. По своей сути основным отличием криптоденег от денег является только способ их возникновения, а поскольку понятие криптовалюты не закреплено законодательно, обозначение ее как иное имущество в обвинении, предъявленном осужденным, являлось допустимым.

Судами нижестоящих инстанций также оставлено без внимания, что деятельность потерпевшего, связанная непосредственно с управлением криптовалютны-

ми счетами, конвертационными действиями и извлечением прибыли за пределами РФ, позволяла продавать биткойны и конвертировать их в рубли, которыми, как установлено судом, противоправно завладели осужденные.

В этой связи ссылки суда первой инстанции на информационное письмо Банка России об отсутствии обеспечения по «виртуальным валютам», не может свидетельствовать об отсутствии предмета преступления по смыслу примечания к ст. 158 УК РФ, поскольку криптовалюта использовалась и используется как средство платежа, инвестиций и накопления сбережений, то есть представляет экономический интерес, а также имеет материальную ценность [14].

Таким образом, на практике складываются абсолютно противоречивые ситуации, когда одними судами криптовалюта признается материальной ценностью, а другими к таковой не относится. Названные обстоятельства осложняют работу государственно-публичных образований, направленную на борьбу с противоправным обращением криптоденег.

Внимание вопросу противодействия использования криптовалюты в незаконных целях уделяет также надзорное ведомство.

Так, 16 ноября 2021 года Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов в ходе доклада на пленарном заседании в Государственной Думе указал на сохраняющиеся проблемы в правовом регулировании цифровых денег и как следствие широкое использование современных технологий для совершения преступлений.

Глава надзорного ведомства отметил неопределенность статуса онлайн-платформ, предоставляющих возможность анонимно покупать и продавать криптовалюту, нерешенность вопроса отнесения виртуальных активов к имуществу для целей уголовного судопроизводства [13].

Таким образом, на сегодняшний день назрела острая необходимость правового определения криптовалюты для противодействия ее использованию в незаконных целях, которую признали правоприменители, а также обозначила противоречивая судебная практика.

Вместе с тем, международный опыт показывает, что криптовалюта может быть эффективным средством платежа при расчетах. Данное обстоятельство также необходимо принимать во внимание, определяя грань между законными и незаконными действиями при ее использовании.

Изложенный анализ показал, что правовая неопределенность порождает резкую реакцию государства на любое нарушение публичных интересов в виде возбуждения уголовного преследования, а отсутствие четких правовых правил позволяет совершать правонарушения и преступления, в том числе в мировом масштабе, что, безусловно, должно пресекаться принудительной волей публичных образований.

Полагаем, что на законодательном уровне целесообразно предусмотреть вопрос о целях использования криптовалюты как основного механизма противодействия ее распространению незаконными способами. Названные правовые ограничения позволят установить границы использования криптовалюты определенным кругом лиц в законных целях.

При этом, законодателю необходимо определиться с выбором пути правового регулирования — разрешительного или запретительного. Полагаем, что наднациональный характер криптоденег делает запретительные действия государства неэффективными.

Представляется, что таковыми можно считать любые, кроме ограниченных законом: отмывание денежных средств, финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов и т.д. Юридико-техническая конструкция допускает конкретизацию таковых целей в специализированном законодательстве.

Интересным представляется зарубежный опыт в вопросах противодействия использованию криптовалют в незаконных целях.

Юрисдикции Австрии, Японии, Беларуси, ОАЭ установили правовой режим цифровых денег на законодательном уровне с перспективой расширения области их использования.

Напротив, в США создан специальный центр по обращениям в сфере интернет-преступлений для регистрации всех сообщений о киберпреступлениях, включая кражу интеллектуальной собственности, корпоративный шпионаж и онлайн-вымогательства.

Для выявления использования криптовалют в незаконных целях полиция США использует методы сличения криптоадресов, имеющих в базах данных; поиск в блокчейне с попыткой найти взаимосвязь с другими кошельками или адресами; проверка адресов в IP-реестрах; использование специальных ресурсов (например Chainalysis).

Кроме того, полиция Соединенных Штатов Америки для определения использования криптовалют в про-

тивоправных целях применяет методы сравнения зашифрованных адресов, доступных в базах данных, использует поиск в блокчейне для установления связи с другими кошельками или адресами, проверяет адрес в реестре IP, а также использует специальные ресурсы, например Chainalysis.

В ряде европейских стран таких, как Португалия, Италия, Нидерланды, Швеция криптовалюта не регулируется и не является законным средством платежа.

Поскольку в Дании оборот цифровых денег не регулируются, то представляет интерес опыт правоохранительных органов в части использования блок-анализа для отслеживания и преследования продавцов рынка DARKNET в виде использования специального программного обеспечения, способного анализировать блокчейн и определять, что адрес доставки товара соответствует конкретной транзакции криптовалюты.

С сентября 2021 года КНР установила тотальный запрет использования криптовалют как юридическими лицами, так и физическими лицами.

Финансовый регулятор Чехии сообщил, что операции с криптовалютой подпадают под нормативное регулирование борьбы с отмыванием денег. Но самое жесткое правовое регулирование операций с криптовалютой установлено в Бангладеше, где они отнесены к категории преступлений и караются запретами уголовного законодательства вплоть до санкции в виде лишения свободы на срок до 12 лет.

Сравнительный анализ правового регулирования противодействия использованию криптовалют в незаконных целях в зарубежных странах показал разные подходы законодателя от полного запрета операций до легитимации их правового режима. В связи с чем, полагаем, что международный опыт противодействия незаконному использованию криптовалют должен быть учтен при формировании национального правового поля рассматриваемой проблемы.

Заслуживает внимания еще одна острая проблема, тесно связанная с обращением криптовалют. Так, многие страны-члены ЕС обеспокоены крайне энергоемким процессом майнинга. Так, в Швеции регулятор сообщил, что все больше возобновляемой энергии уходит на добычу криптоактивов, вместо того чтобы направить усилия на замещение угля как традиционного источника энергии. Ежегодные затраты электроэнергии на производство криптовалюты эквивалентны годовому объему энергии, потребляемому Турцией.

Таким образом, криптовалюта является не только угрозой отмывания денег и совершения иных финансовых преступлений, но и несет риск экологических проблем и катастроф мирового масштаба.

В этой связи полагаем также необходимым установить законодательные ограничения в процессах майнинга за счет ресурсов энергии.

Для целей противодействия незаконному использованию криптовалюты в России заслуживает отдельного внимания вопрос определения применения криптовалюты как средства платежа или предмета договорных отношений.

Судебная практика исходит из того, что возможности сторон заключать соглашения специально не урегулированы нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, а, следовательно, к возникшим отношениям правомерно применять нормы, регулирующие аналогичные отношения, независимо от того, что предмет сделки не поименован в законе [12].

Исходя из изложенного и представленного анализа судебной практики, полагаем, что противодействию использованию криптовалюты в незаконных целях будет способствовать установление не запретов, а ограничений прав субъектов ее применения с определением границ, оснований и пределов таких ограничений. Названные обстоятельства позволят сформировать законодательные требования, минимизирующие риски цифровых денег и возможности использования электронного денежного оборота для развития финансовой системы страны.

Однако кроме национального законодательного регулирования представляется целесообразным организовать международное взаимодействие ввиду межнационального характера обращения криптовалют, а также эффективного объединения усилий ряда юрисдикций.

Так, международный обмен информацией о подозрительных адресах криптовалюты позволит избежать гроз экономической нестабильности; также целесообразно подключать к взаимодействию международные сообщества такие, как Интерпол, Европол, Эгмонт; регулировать цифровые обменники и провайдеров кошельков; разработать руководящие принципы для субъектов, действующих в данной сфере.

Полагаем, что четкие и простые рекомендации, адресованные субъектам противодействия незаконному использованию криптовалюты, позволят повысить как уровень борьбы с нарушениями в цифровом про-

странстве, так и уровень общей информированности о выявлении и отслеживании подозрительных операций с криптовалютой. Для чего предлагаем гармонизировать правовую среду в области цифровых активов путем принятия странами рекомендации по формированию основ регулирования цифровых активов, унифицировав правовую терминологию путем создания единого глоссария и общих принципов, а также отдельно раскрыв вопросы противодействия использованию криптоденег в незаконных целях. Особое внимание в рекомендации стоит уделить возможностям получения информации со стороны регулятора и государственных органов.

Следовательно, будет создана легитимная основа для развития международного взаимодействия в сфе-

ре противодействия использованию криптовалюты в незаконных целях, что позволит обеспечить надлежащую борьбу с преступлениями, в том числе с отмыванием доходов, полученных преступным путем.

Одним из базисных залогов успеха в борьбе с использованием криптовалют в незаконных целях является разработка и внедрение учебных материалов, пособий, курсов, а также ресурсов для самостоятельного обучения практикующих юристов, что даст долгосрочный и устойчивый результат путем включения в арсенал судей, прокуроров, следователей необходимых навыков, компетенций и знаний, позволит вести более эффективную деятельность в борьбе с незаконным оборотом криптовалют как на национальном уровне, так и оставаться в курсе международных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных систем // СПС Консультант Плюс.
2. Долгиева М.М. Криптопреступность как новый вид преступности: понятие, специфика // СПС Консультант Плюс.
3. Долгиева М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // СПС Консультант Плюс.
4. Долгиева М.М. Конфискация криптовалюты // СПС Консультант Плюс.
5. Жарова А.К. Риски информационной безопасности и возможности правового регулирования криптовалюты в России // СПС Консультант Плюс.
6. Трунцевский Ю.В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // СПС Консультант Плюс.
7. Трунцевский Ю.В., Сухаренко А.Н. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // СПС Консультант Плюс.
8. Макачук Н.В. Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики // СПС Консультант Плюс.
9. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. N2.
10. Трунцевский Ю.В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // Банковское право. 2018. N2.
11. Никитин К. Правовой статус криптовалют в России // ЭЖ-Юрист. 2017. № 45.
12. Постановление Президиума Верховного суда Республики Чувашия от 29 ноября 2013 по делу № 4-Г-12/2013 // СПС «Консультант Плюс».
13. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=66718559> / Дата обращения 04.02.2022
14. https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5943246&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 / Дата обращения 04.02.2022
15. https://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43236760&delo_id=4&new=4&text_number=1 / Дата обращения 04.02.2022

© Ганичева Екатерина Александровна (ganichewa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

THE STATE, TRENDS AND DYNAMICS OF CRIMES COMMITTED WITH THE HELP OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

V. Giba

Summary. Digitalization of many spheres of public life, in particular, has led to the widespread use of unmanned aerial vehicles (UAVs). Today they are available for purchase and operation not only by state and commercial structures, but also by ordinary citizens. In addition to many advantages, drones carry certain risks and threats caused by their use for criminal purposes. Not only in Russia, but also in many other countries, the number of detected cases of the use of UAVs to commit crimes is growing every year. At the same time, such crimes continue to be a little-studied category of crime. This article attempts to form an author's view of the state, trends and dynamics of crimes committed with the help of drones (quadcopters, drones) in order to justify the need to develop a special federal program for the prevention of crimes and other offenses, where UAVs act as a means or instrument of committing an illegal act.

Keywords: prohibited items, unmanned aerial vehicle (UAV), drone, quadcopter, crime, Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia).

Гиба Владислав Владимирович

Аспирант, РУТ (МИИТ)

vlad-giba@mail.ru

Аннотация. Цифровизация многих сфер общественной жизни, в частности, привела и к широкому распространению беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Они сегодня являются доступными для приобретения и эксплуатации не только государственными и коммерческими структурами, но и простыми гражданами. Помимо многих преимуществ, беспилотники несут за собой определенные риски и угрозы, вызванные их применением в преступных целях. Не только в России, но и во многих других странах, с каждым годом растет число выявляемых случаев использования БПЛА для совершения преступлений. При этом, такие преступления продолжают оставаться мало изученной категорией преступности. В настоящей статье предпринята попытка сформировать авторский взгляд на состояние, тенденции и динамику преступлений, совершаемых с помощью беспилотников (квадрокоптеров, дронов), в целях обоснования необходимости разработки специальной федеральной программы по предупреждению преступлений и иных правонарушений, где БПЛА выступают средством или орудием совершения противоправного деяния.

Ключевые слова: запрещенные предметы, беспилотный летательный аппарат (БПЛА), беспилотник, квадрокоптер, преступление, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России).

В условиях массового внедрения информационных, цифровых технологий (IT-технологий) во все сферы жизни, серьезным трансформациям подвергаются ключевые отрасли экономики и социальной сферы, меняется, при этом, и преступная среда. Доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России (им. В.Я. Кикотя) О.В. Волынская повышает общественную опасность киберпреступности поясняет следующим образом: большая часть киберпреступлений посягает не столько на отношения, связанные с безопасным использованием компьютерного оборудования, сколько на такие объекты уголовно-правовой охраны, как: право собственности либо основы конституционного строя и безопасности государства, причем в некоторых случаях можно наблюдать идеальную совокупность преступлений [7].

Условно все киберпреступления можно подразделять на киберпреступления специального характера и киберпреступления общеуголовного характера. Со-

гласно такому делению, в первую группу будут входить преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации, а во вторую — все иные преступления, совершаемые посредством применения IT-технологий [9]. Общеуголовные киберпреступления, в свою очередь, могут образовывать еще две группы:

- ♦ преступления, составы которых предусматривают наличие такого конструктивного либо квалифицирующего признака, как совершение деяния с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;
- ♦ преступления, составы которых могут подразумевать присутствие в качестве средства и орудия преступления компьютерных систем, цифровых носителей информации и т.п. [9].

Преступления, совершаемые с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), — это новое явление преступной деятельности, вызванное бурным

развитием цифровых технологий, которое можно отнести к категории общеуголовных киберпреступлений, поскольку БПЛА может выступать, как средством, так и орудием совершения преступления.

На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики можно сформировать собственное представление о возможных проявлениях преступного применения БПЛА, это:

- ◆ нанесение ударов по наземным и надводным целям, самостоятельно или посредством носимых средств поражения;
- ◆ наведение цели для других средств поражения, корректировка их применения; убийство (покушение на убийство) особо охраняемых лиц;
- ◆ подрыв боеприпасов и/или распыление радиоактивных материалов с целью поражения участников массовых мероприятий, создание шумовых и световых эффектов для возникновения паники и давки;
- ◆ доставка запрещенных к обороту веществ и предметов в общественные места, а также в места лишения свободы;
- ◆ доставка взрывных устройств к потенциальной цели;
- ◆ перемещение наркотических средств через государственные границы;
- ◆ срыв движения воздушных судов;
- ◆ осуществление шпионажа; наблюдение за жилыми домами и земельными участками в целях совершения краж;
- ◆ наблюдение за общественными местами (парками, детскими площадками и т.д.) для выслеживания потенциальных жертв преступления;
- ◆ сбор данных о личной жизни граждан, в том числе, с целью шантажа; съемка клавиатур банкоматов и др. [4; 8; 10].

Налагая приведенный примерный перечень преступных деяний на составы преступлений, содержащиеся в Особенной части Уголовного кодекса РФ [2] (далее — УК РФ), видится уместным предположить, что посредством использования БПЛА могут быть совершены: убийство (ст. 105), причинение смерти по неосторожности (ст. 109), причинение вреда здоровью (ст.ст. 111, 112, 115, 118), нарушение неприкосновенности частной жизни или жилища (ст.ст. 137, 139), кража (ст. 158), уничтожение, повреждение имущества (ст.ст. 167, 168), незаконная перевозка товаров и продукции без маркировки или нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ (ст. 171.1), контрабанда денежных средств и инструментов (ст. 200.1), контрабанда алкогольной и табачной продукции (ст. 200.2), террористический акт (ст. 205), хулиганство (ст. 213), приведение в негод-

ность объектов жизнеобеспечения (ст. 215.2), незаконная перевозка взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222.1), контрабанда сильнодействующих, ядовитых и др. веществ, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения (ст. 226.1), незаконная перевозка или пересылка наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества (ст.ст. 228, 228.1, 228.3, 228.4), контрабанда наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества (ст. 229.1), уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, природных комплексов, культурных ценностей, иных объектов, взятых под охрану государства (ст. 243), незаконная охота (ст. 258), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267), действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1), нарушение правил использования воздушного пространства РФ (ст. 271.1), шпионаж (ст. 276), посягательство на жизнь государственного, общественного деятеля (ст. 277), диверсия (ст. 281).

В целом, все рассматриваемые в настоящей статье преступления можно понимать, как совокупность составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, сопровождаемых использованием беспилотных летательных аппаратов и угрожающих: жизни и здоровью граждан, экономическим отношениям, национальной безопасности, основам конституционного строя. Эти преступления не образуют новых составов, вместе с тем, неоспоримо, что средства и орудия, посредством которых они совершаются, являются новыми для правоприменения, а потому нуждающимися в повышенном внимании со стороны теоретиков и практиков.

Преступления, совершаемые посредством БПЛА, по праву следует считать недостаточно изученным явлением развивающейся киберпреступности, и это в ситуации оценки общественной опасности таких преступлений как крайне высокой. Руководитель Управления строительства и развития системы применения БПЛА Генштаба ВС РФ А.В. Новиков настаивает на том, что в настоящее время признана реальной угрозой применения беспилотных летательных аппаратов в любой точке мира в преступных, в том числе, в террористических целях [12].

Яркий пример преступления, совершенного с помощью беспилотного летательного аппарата, — покушение в августе 2018 г. на президента Венесуэлы Николаса Мадуро во время его выступления на военном параде (ранения от взрывчатки, заложенной в три дрона, по-

лучили семь солдат и одно гражданское лицо). Считается, что именно этот инцидент позволил изменить отношение государств к БПЛА, став своего рода катализатором для осознания необходимости оформления новых подходов к правовой регламентации правил их эксплуатации [6]. Однако, какого-либо серьезного прогресса в данном направлении не достигло ни одно государство.

Высокая распространенность беспилотных летательных аппаратов, усиливаемая недостаточной правовой регламентацией соответствующих правоотношений, уже привели к росту случаев их умышленного применения в противоправных целях.

В отечественных средствах массовой информации чаще всего публикуется информация о предотвращенных полетах беспилотников над режимными объектами (в первую очередь, тюрьмами) либо вблизи от них. Представителями ФСИН России все активнее на повестку дня выносятся вопросы об участившихся инцидентах, связанных с использованием БПЛА для передачи запрещенных предметов осужденным и лицам, содержащимся под стражей. Отмечается, что в сравнении с 2015 г. и 2016 г., когда было зафиксировано 5 и 19 случаев использования БПЛА для доставки запрещенных предметов, уже в 2017 г. этот показатель вырос вдвое — до 43 случаев [14].

И пока эта тенденция сохраняется. За 2018 г. сотрудники ФСИН России предотвратили 40 попыток несанкционированной передачи беспилотниками мобильных телефонов, комплектующих к ним, сим-карт, а также наркотических средств, при этом, за 10 месяцев 2019 г. — таких попыток было выявлено 38 [11].

Проведенное автором изучение материалов, представленных на официальных сайтах региональных управлений ФСИН России и иных интернет-площадках, позволило установить, что и в 2020–2021 гг. практически во всех субъектах РФ ежемесячно регистрировались факты перехвата и изъятия БПЛА с прикрепленными к ним запрещенными предметами.

Так, в ноябре 2020 г. был задержан 34-летний житель Тюмени, пытавшийся с помощью двух квадрокоптеров осуществить доставку посылки на режимную территорию ИК № 2. Сотрудники регионального управления ФСИН, используя специальное оборудование, смогли принудительно посадить аппараты. При их осмотре было обнаружено два прикрепленных свертка, содержащих: 3 колоды игральных карт, 7 телефонных наушников, 19 сим-карт, 6 мобильных телефонов, а также прозрачный полиэтиленовый пакет с наркотическим веществом массой 0,5855 гр. [5].

Ровно через год — в ноябре 2021 г. — была предотвращена доставка дроном на территорию ИК № 17 Мурманской области посылки с 8 упаковками по 25 таблеток в каждой, 3 мобильными телефонами, смарт-часами, 15 сим-картами и 3 флэшками. Службная собака своим поведением обозначила возможность наличия в изъятых таблетках наркотических веществ [13].

Аналогичным образом складывается и судебная практика. На основе проанализированных автором материалов дел, рассмотренных судами общей юрисдикции и опубликованных на ресурсе «Судебные решения.РФ» (<http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/>), есть возможность утверждать, что с помощью БПЛА сегодня преимущественно совершаются административные правонарушения, ответственность за которые установлена ст. 19.12 КоАП РФ, и уголовные преступления, предусмотренные ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ.

В качестве иллюстрации сказанного можно привести приговор Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27 января 2020 г. В соответствии с ним был осужден по п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ гражданин М.В., осуществивший запуск квадрокоптера модели «Mavic Pro», с прикрепленными к нему с помощью лески полимерными пакетами с наркотическими средствами (гашиша массой 6,93 гр. и каннабиса массой 0,68 гр.), в целях их передачи своему знакомому Л.Г., содержащемуся в ФКУ СИЗО № 1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области [3].

К сожалению, стоит признать, что правоохранительными органами РФ (не считая ФСИН России) опасность БПЛА оценивается в недостаточной мере, вследствие чего слабо вырабатывается методика противодействия им. Представляется, что для эффективной борьбы с такими преступлениями необходима активизация совместной работы всех российских силовых ведомств, обучение, переквалификация их сотрудников по соответствующему профилю.

В данном случае можно ориентироваться на уже имеющийся опыт Министерства обороны РФ, создавшего в рамках своей системы новое формирование — войска информационных операций. Также видится актуальной подготовка специальной государственной программы, направленной на оперативное реагирование на преступления и иные правонарушения, средством или орудием совершения которых становятся БПЛА. Указанная программа может быть облечена в отдельный, самостоятельный документ или же включена в качестве подпрограммы в общий документ по предупреждению киберпреступности (преступлений в сфере IT-технологий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2022. № 2.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2022. № 2.
3. Приговор Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27.01.2020 по делу № 1–36/2020 // Документ опубликован не был. Судебные решения. РФ. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://xn-90afdbaa0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/47752676> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Аниськов Р.В., Архипова Е.В., Гордеев А.А., Пугачев А.Н. К вопросу борьбы с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов коммерческого типа // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2017. № 9–10. С. 72–73.
5. В тюменской колонии поймали квадрокоптер с посылкой для заключенных // Тюменская область сегодня. 10.11.2020. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://tumentoday.ru/2020/11/10/v-tyumenskoj-kolonii-pojmali-kvadrokopter-s-posylkoj-dlya-zaklyuchennyh/> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Вишневская О. Дроны как орудие преступления: покушение на Мадуро открыло миру глаза на новую угрозу // Интернет-издание «ИнфоРеактор». 06.08.2018. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://inforeactor.ru/170132> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Волынская О.В. Развитие юридической мысли и перспективы в борьбе с киберпреступностью в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 72–73.
8. Демьянович М.А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2. С. 109.
9. Иванова Л.В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 32.
10. Митрофанов Д.Г., Шишков С.В. Инновационный подход к вопросу обнаружения малогабаритных беспилотных летательных аппаратов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2018. № 1. С. 31–34.
11. Новые возможности ФСИН — больше ни одного дрона над колониями [Интервью с А. Хинштейном] // ФСИН-Письмо. 18.11.2019. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://fsin-pismo-gid.ru/novosti/novye-vozmozhnosti-fsin-bolshe-ni-odnogo-drona-nad-koloniyami> (дата обращения: 20.01.2022).
12. Петров И. Генштаб предупредил об угрозе «атак дронов» в любой точке мира // Российская газета. 11.01.2018. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/01/11/genshtab-predupredil-ob-ugroze-atak-dronov-v-liuboj-tochke-mira.html> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Предотвращены попытки доставки запрещенных предметов в колонии Мурманской области посредством квадрокоптера // Официальный сайт УФ-СИН России по Мурманской области. 12.11.2021. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://51.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=596923 (дата обращения: 20.01.2022).
14. Румянцев Н.В., Колотушкин С.М. Современные методы и средства противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов, для доставки запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы России // Вестник Московского университета МВД России. 2018 № 4. С. 225.
15. Boes S. Fighting cybercrime: joint effort / Boes S., Leukfeldt E.R. Cyber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level. Cincinnati: Springer, 2016. P. 200.

© Гиба Владислав Владимирович (vlad-giba@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СООТНОШЕНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И УКРАИНЫ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ О ПРИОРИТЕТЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

RELATIONSHIP OF THE DOMESTATE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE AND INTERNATIONAL LEGAL ACTS ON THE PRIORITY OF FAMILY EDUCATION

S. Golikova

Summary. The paper notes the fact that the Russian Federation signed the Hague Convention on the Protection of Children and Cooperation in Respect of Foreign Adoption of 1993 on September 7, 2000, and Ukraine signed the European Convention on the Adoption of Children (revised) 2008 on April 28, 2009. Consistently comparing the provisions of these international documents with domestic legal norms, it is concluded that the ratification of the relevant Conventions by the Russian Federation and Ukraine at the moment will create additional uncertainty in the regulation of the adoption process, as a result of which the general legal regime for international adoption will not be able to be ensured. On the contrary, attention is drawn to the fact that the Russian Federation, unlike Ukraine, is not a party to international conventions specifically related to the transfer of children under guardianship (guardianship), which justifies the need for the Russian Federation to join the European Convention on the Recognition and Enforcement of Decisions regarding Custody of Children. The paper notes the fact that the Russian Federation signed the Hague Convention on the Protection of Children and Cooperation in Respect of Foreign Adoption of 1993 on September 7, 2000, and Ukraine signed the European Convention on the Adoption of Children (revised) 2008 on April 28, 2009. Consistently comparing the provisions of these international documents with domestic legal norms, it is concluded that the ratification of the relevant Conventions by the Russian Federation and Ukraine at the moment will create additional uncertainty in the regulation of the adoption process, as a result of which the general legal regime for international adoption will not be able to be ensured. On the contrary, attention is drawn to the fact that the Russian Federation, unlike Ukraine, is not a party to international conventions specifically related to the transfer of children under guardianship (guardianship), which justifies the need for the Russian Federation to join the European Convention on the Recognition and Enforcement of Decisions regarding Custody of Children

Keywords: International law, convention, adoption, guardianship (custody), child.

Голикова Светлана Витальевна

*К.ю.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»
golikovasv@mail.ru*

Аннотация. В работе отмечается факт подписания Российской Федерацией 7 сентября 2000 года Гаагской Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 года, а Украиной — 28 апреля 2009 года Европейской конвенции по усыновлению детей (пересмотренной) 2008 г. Последовательно сравнивая положения данных международных документов с внутригосударственными правовыми нормами, делается вывод, что ратификация на данный момент РФ и Украиной соответствующих Конвенций, создаст дополнительную неопределенность в регламентации процесса усыновления, в результате чего общий правовой режим для международного усыновления не сможет быть обеспечен. И напротив, обращается внимание на то, что Российская Федерация, в отличие от Украины, не является участником международных конвенций, специально касающихся передачи детей под опеку (попечительство), в силу чего обосновывается необходимость присоединения РФ к Европейской конвенции о признании и исполнении решений относительно опеки над детьми и восстановления опеки 1980 г.

Ключевые слова: международное право, конвенция, усыновление, опека (попечительство), ребенок.

Эффективная реализация и использование права, как и его развитие, достигается только тогда, когда существует внутренняя согласованность его составных элементов и, прежде всего, самих норм права. Противоречивость и несогласованность правовых норм ведет к нарушению системности правового регулирования и тем самым снижает его эффективность в масштабе страны, нарушает нормы международного права. Во внутригосударственном праве необходимо, чтобы все нормы права соответствовали Конституции. И эта система норм права должна быть стройной, внутренне согласованной и непротиворечивой. Без такой согласованной системы невозможно успешное осуществление функций права, обеспечение регулирующего воздействия его норм на общественные отношения.

Данное положение, будучи общим, для всех правовых систем, касается также и международно-правовой системы, часть норм которой осуществляется во внутригосударственной сфере. В настоящее время успешное правовое регулирование внутригосударственных отношений становится во все большей мере зависимым от согласованности норм национального права с международным правом, что обуславливается, прежде всего, осознанием приоритетности общечеловеческих ценностей, уважением прав и свобод человека, необходимостью поддержания справедливости, стабильности и демократии [1, с. 45].

Подписав Конвенцию о правах ребенка, РФ и Украина признали приоритетность семейных форм устройства детей-сирот перед распространённой длительное время практикой передачи таких детей на воспитание в государственные организации. Проведенный анализ норм российского и украинского права по вопросам реализации принципа приоритета семейного воспитания детей, позволяет выявить его соответствие международно-правовым стандартам в этой области, закреплённым во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Пакте о гражданских и политических правах 1966 года, в Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г., а также Конвенции о правах ребенка 1989 года. Благодаря введению международных стандартов в РФ и в Украине происходят положительные изменения в рассматриваемой сфере: защита прав детей становится общегосударственной политикой. Последовательно формируется целостная правовая система защиты прав детей-сирот и детей, лишённых родительской опеки.

На основе п. 4 ст. 15 Конституции РФ [9] многие нормативные акты закрепили положения о непосред-

ственном действии источников международного права на территории Российской Федерации. В частности, такой нормой является п. 3 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [14], согласно которой положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. Следовательно, Конвенция о правах ребенка, в которой Россия участвует в порядке правопреемства, имеет прямое действие на территории РФ [12, с. 5].

Такой же вывод, исходя из норм п. 1 ст. 19 Закона «О международных договорах Украины» от 29.06.2004 № 1906-IV [5] (где сказано, что действующие международные договоры Украины, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства и применяются в порядке, предусмотренном для норм национального законодательства) и п. 11 ст. 1 Закона Украины «О международном частном праве» от 23.06.2005 № 2709-IV [6] (где международный договор Украины определяется как «действующий международный договор Украины, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины») можно сделать и в отношении Украины.

В соответствии со ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ [13] нормы Конвенции о правах ребенка должны применяться национальными судами при рассмотрении дел, затрагивающих интересы детей, а также, связанных с защитой прав ребенка. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены национальным законодательством, применяются правила договора. Учитывая это, суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим для России в силу международным договором, решение о согласии, на обязательность которого для России было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом РФ (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [10]). Аналогичное положение закреплено и в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 01.11.1996 № 9 «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия» [11].

07.09.2000 года Россия подписала Гагскую Конвенцию от 29.05. 1993 «О защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления». Украина на сегодняшний день не подписала и не ратифицировала указанный правовой акт, что объясняется, прежде всего, следующим: осуществление посреднической деятельности по усыновлению детей, коммерциализация такой деятельности (предусмотренные ст. 32 Конвенции) запрещены национальным базовым в этой сфере нормативно-правовым актом — СК Украины (ст. 216). Присоединение же Украины к Конвенции с соответствующими оговорками невозможно, поскольку ее ст. 40 не допускает каких-либо оговорок для участников. Думается, что в указанной ситуации целесообразнее было бы увеличить численность работников консульских отделов за рубежом, которые должны проследить судьбу украинских малышей, вывезенных за пределы Украины иностранными усыновителями. И тогда можно считать, что проблема будет решена.

Исследование норм российского и украинского права по вопросам семейного устройства ребенка, позволяет выявить и другие существенные расхождения с положениями Гагской Конвенции.

Так, анализ ст. 5 Конвенции приводит к выводу, что отдающее государство лишено возможности оценить претендентов на усыновление, так как последнее допускается, когда принимающее государство установит ряд обстоятельств, указанных в этой статье, а именно: предполагаемые приемные родители имеют право на усыновление и подходят для этого; проведена консультация предполагаемых приемных родителей, выверены данные о том, что ребенку разрешается или будет разрешено въезжать в это государство и постоянно проживать в нем. Более того, принимающая сторона вольна признать усыновление или вернуть ребенка обратно, а отдающая — автоматически признает усыновление.

Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [15] в ст. 3 определяет гражданство России как устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией, выражающуюся в совокупности их взаимных прав и обязанностей (норма аналогичного содержания закреплена в ст. 1 Закона Украины «О гражданстве» от 18.01.2001 № 2235-III [8]). Решение вопроса о гражданстве ребенка стоит в прямой зависимости от эффективности защиты прав и интересов детей, усыновленных за пределы России (Украины). Так, например, дети-иностранцы, усыновленные (удочеренные) гражданами США, попадают в категорию «прямые родственники граждан США» и соответственно имеют право на получение иммиграционных льгот.

Вопрос о гражданстве усыновленного ребенка не нашел отражение в Гагской Конвенции. Формулировка о том, что «принимающее государство позволяет или будет позволять постоянно проживать на его территории» не дает гарантии того, что: а) государство обязано позволить постоянно проживать на своей территории и б) нет прямого указания на характер «постоянного проживания» и связанного с ним объема прав и обязанностей.

Как нарушающие тайну усыновления, закрепленную в ст. 139 СК РФ и ст. 228 СК Украины следует признать и положения ст. ст. 16 и 19 Гагской Конвенции. Статья 16 Конвенции гласит: «Центральный орган государства происхождения... передает центральному органу принимающего государства свой доклад о ребенке, доказательства того, что необходимое согласие было получено, и причины намерения перемещения, не раскрывая тайны личности матери и отца, если в государстве происхождения они не должны быть раскрыты». Можно согласиться с О.П. Абдулиной в том, что возникает закономерный вопрос: а разве информация о самом ребенке, подлежащем усыновлению, не составляет тайну усыновления? [2, с. 197] — Выход из данной ситуации видится в неприменении к иностранному усыновлению нормы ст. 139 СК РФ о тайне усыновления, что потребует соответствующих изменений в семейное законодательство РФ.

Конвенция устанавливает окончательный характер согласия на усыновление всех заинтересованных лиц так, что они не могут быть в последствии отозваны, а в отношении принимающей стороны такого «окончательного» согласия не требуется и даже предусматривается возможность испытательного срока (ст. 20, 21 Конвенции). Статья 21 Гагской Конвенции предусматривает: если «продолжающееся нахождение ребенка у предполагаемых приемных родителей не отвечает наилучшим интересам ребенка, центральный орган принимает необходимые меры для защиты ребенка, в частности: а) отбирает ребенка у предполагаемых приемных родителей и организует временную опеку над ребенком; б) по консультации с центральным органом государства происхождения организует без задержки новое размещение ребенка с целью его усыновления или, если это не подходит, организует альтернативную долговременную опеку; усыновление не будет иметь места, пока центральный орган государства происхождения не будет должным образом информирован относительно новых предполагаемых приемных родителей; в) в качестве последнего средства организует возвращение ребенка, если того требуют его интересы». Так как ребенок переходит под покровительство государства его нахождения, возникают проблемы осуществления контроля за его судьбой со стороны соот-

ветствующих органов РФ (Украины). По-сути, как пишет О.П. Абдулина, ребенок превращается в объект правоотношения, что совершенно недопустимо [2, с. 197].

В отличие от РФ, Украина присоединилась к Европейской конвенции по усыновлению детей (пересмотренной) от 27.11.2008 [4]. Подписание состоялось 28.04.2009, в Страсбурге (Франция). Как сообщил по результатам подписания министр юстиции Украины (на тот период) Н. Онищук, после выполнения внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу для Украины указанной Конвенции, в государстве будут внедрены современные правовые стандарты в сфере усыновления. Предложенные Конвенцией принципы усыновления учитывают все современные тенденции, а главное — призваны обеспечить, чтобы усыновление осуществлялось и имело правовые последствия с максимальным учетом наивысших интересов ребенка [3, с. 4]. Конвенция предусматривает, что ее положения применяются к усыновлению ребенка, который на момент обращения усыновителя о его усыновлении еще не достиг 18 лет, не состоит и не состоял в браке и в зарегистрированном партнерстве и не достиг совершеннолетия (ст. 1). Статья 5 Конвенции устанавливает, что на усыновление ребенка необходимо согласие его матери и отца. Согласие матери на усыновление ребенка действительно, если оно дано в предусмотренное законом время после рождения ребенка, но не менее, чем через шесть недель, или, если не установлено указанное время, в такое время, которое, по мнению компетентного органа, предоставляет ей возможность в достаточной мере восстановиться от последствий, связанных с рождением ребенка. Указанные положения не противоречат п. 1 ст. 218 и п. 3 ст. 217 СК Украины. В то же время, нельзя сделать указанный вывод относительно других положений данной Конвенции. Так, к примеру, п. b ст. 7 и ст. 13 Конвенции 2008 года предусматривают возможность усыновлять одному лицу. В то же время п.п. 9 п. 1 ст. 212 СК Украины запрещает усыновление украинских детей иностранцами, не состоящими в браке. Разница в возрасте между усыновителем и ребенком должна составлять в соответствии с положениями Конвенции 2008 г., по крайней мере, 16 лет (п. 1 ст. 9), вместе с тем, ст. 211 СК Украины устанавливает такую разницу в 15 лет (п. 2 ст. 211 СК Украины). Кроме того, в отличие от СК Украины, Конвенция 2008 года (п. 2 ст. 7) предусматривает возможность усыновлять ребенка однополым парам.

По словам П. Костенко, после ратификации Конвенции 2008 года будет принят «ряд подзаконных актов, предусматривающих изменения в законодательство». При этом народный депутат затруднился ответить, разрешат ли в Украине усыновление для однополых пар [3, с. 4]. С другой стороны, как пояснил народный депутат

Ю. Кармазин: «Во-первых, Конвенция 2008 года принята с оговорками. Во-вторых, нормы документа обновлены. В-третьих, усыновление однополыми партнерами возможно только при соответствующих правовых нормах в государстве. Соответственно, так как в СК Украины такой принцип не разрешен, то Украине при ратификации Конвенции угроз нет» [3, с. 4]. — В любом случае, как представляется, подписание Украиной указанной Конвенции приведет к необходимости пересмотра действующего внутригосударственного законодательства, и, прежде всего, касающегося усыновления детей. Таким образом, как представляется, ратификация на данный момент РФ и Украиной соответствующих Конвенций, создаст дополнительную неопределенность в регламентации процесса усыновления, в результате чего общий правовой режим для международного усыновления не сможет быть обеспечен.

На сегодняшний день, к сожалению, нет специальных международных актов в сфере передачи детей под такую форму воспитания в семье как опека (попечительство), в которых участвовала бы Российская Федерация. Украина (в отличие от РФ) 24.01.2006 подписала, а 06.03.2008 ратифицировала Европейскую конвенцию о признании и исполнении решений относительно опеки над детьми и восстановления опеки, принятую 20.05.1980 [7]. Как представляется, ратификация указанной Конвенции даст право обращаться к властям более 35 стран, подписавших Конвенцию, с требованием об установлении места нахождения детей как из РФ, так и из Украины, незаконно вывезенных за границу, а также опеки над ними.

Таким образом, анализируя имплементацию и соотношение норм международного права и российского (украинского) законодательства по вопросам семейного устройства детей, можно сделать следующие выводы:

1. нормы международного права могут и должны применяться в регулировании внутригосударственных отношений (если в них участвует Россия (Украина));
2. соблюдение Россией и Украиной международно-правовых стандартов в области защиты прав детей в общем, и защиты права детей на семейное воспитание в частности, имплементация их во внутригосударственное право, создаст правовые механизмы регулирования иностранного усыновления и иностранной опеки (попечительства), более эффективной защите прав и интересов детей — граждан указанных государств;
3. важным условием реализации российскими и украинскими гражданами семейных прав, обеспечивающим надежное правовое регулирование, является международное сотрудничество в области, затрагивающей семейные отношения

с иностранным элементом. Бесспорно, отвечает интересам граждан участие России и Украины в Конвенциях о правах ребенка, в Минской конвенции 1993 г., двусторонних договорах о правовой помощи и других. Желательно дальнейшее расширение международного сотрудничества в данной области. Представляется, что нет, в частности, препятствий для присоединения РФ к Европейской конвенции о признании и испол-

нении решений относительно опеки над детьми и восстановления опеки 1980 года. В то же время следует признать, что обеспечение более тесной связи законодательства РФ и Украины с требованиями Гаагской Конвенции 1993 года об иностранном усыновлении, развитие современного семейного законодательства в рамках требований этой Конвенции — относятся к актуальным правовым проблемам современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев М.И. Согласование внутригосударственного права с международным: Теоретические аспекты. // Правоведение. — 1993. — № 2. — С. 45–49.
2. Абдулина О.П. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. — Ростов н/Д., 2008. — 223 с.
3. Глумланова О.И. Украина присоединилась к Европейской конвенции по усыновлению детей. // Флаг Родины. 2009. 15 мая. — С. 4.
4. Европейская Конвенция по усыновлению детей (пересмотренная) от 27.11.2008. // Официальный вестник Украины, 16.09.2011, № 69/ № 18, ст. 726. / стр. 87, ст. 2645.
5. Закон Украины от 29.06.2004 № 1906-IV «О международных договорах Украины». // ВВР Украины, 10. 12. 2004, № 50, ст. 540.
6. Закон Украины от 23. 06. 2005 № 2709-IV «О международном частном праве». // ВВР Украины, 12. 08. 2005, № 32, стр. 1278, ст. 422.
7. Закон Украины от 06.03.2008. № 135-VI «О ратификации Европейской конвенции «О признании и исполнении решений относительно опеки над детьми и восстановления опеки». // ВВР Украины, 25. 04. 2008, № 17, ст. 177.
8. Закон Украины от 18.01.2001 № 2235-III «О гражданстве». // ВВР Украины, 30. 03. 2001, № 13, ст. 65.
9. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. // Российская газета. 1993. 25 дек.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1996, № 1
11. Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 01. 11 1996 № 9 «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия». // Право Украины, № 12, с. 91–94.
12. Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка в системе общей регламентации прав человека: Дис. . . . канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2000. — 181 с.
13. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». // СЗ РФ, 06.01.1997, № 1, ст. 1.
14. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ, 17. 07.1995, № 29, ст. 2757.
15. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ, 03.06.2002, № 22, ст. 2031.

© Голикова Светлана Витальевна (golikovasv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF THE MARRIAGE CONTRACT

**A. Gudkov
V. Mishchenko**

Summary. This article provides an analysis aimed at establishing the features of the functioning and development of such a civil law institution as a marriage contract. The authors, building a model of logical understanding of the activities of such an institution through the prism of problems arising in connection with its use in family relations, give examples of what exactly causes the consequences of the misuse of its mechanisms and what is the difference between this institution and others similar to it. on civil law grounds. In addition, the authors touch upon the development of modern contractual relations and the role of this agreement in their assessment and resolution.

Keywords: family relations, property, marriage, contract, civil law.

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru
Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ, направленный на установление особенностей функционирования и развития такого гражданско-правового института, как брачный договор. Авторы, выстраивая модель логического осмысления деятельности такого института через призму проблем, возникающих в связи с его применением в семейных отношениях, приводят примеры того, какие именно причины влекут за собой последствия неправильного использования его механизмов и в чем отличие данного института от других, схожих с ним по гражданско-правовым признакам. Кроме этого, авторы затрагивают вопросы развития современных отношений договорного типа и роль указанного соглашения при их оценке и разрешении.

Ключевые слова: семейные отношения, имущество, брак, договор, гражданское право.

Анализ применения отечественных норм семейного права, определяющих сущность взаимоотношений между супругами, а также порядок регулирования данных отношений при условии возникновения вопросов, затрагивающих имущественные интересы сторон, показывает, что данный аспект правового взаимодействия в современной практике имеет ряд проблем. Часть этих проблем по-прежнему приходится на решение вопросов, связанных с разделом совместно нажитого имущества, а также воспитанием детей [7, с. 264]. Как правило, практически в каждом таком споре упомянутые вопросы переплетаются.

Симптоматично, но и то и другое направление социального регулирования не может достичь дна правовой определенности по причине нестабильности законодательного внимания к этим вопросам, а также слабости развития некоторых институтов, призванных защищать интересы сторон более цивилизованным путем, нежели судебное производство. К сожалению, в отечественной судебной практике, как правило не отличающейся особой прогрессивностью по отношению к законодательным взглядам на разрешение аналогичных вопросов, на сегодняшний момент так активно не применяются механизмы, использование которых явно бы упростило вышеуказанный порядок и позволило бы внести ясность в характер оценки спорных

моментов, определяющих границы допустимого и возможного в семейном законодательстве.

При этом пассивность, по нашему мнению, не связана со слабостью работы судебной власти как таковой. Здесь, как отмечает исследователь Н.В. Багрова, важно учесть совершенно иной фактор. Каким бы парадоксальным ни казалось представление о современной семейной жизни, и какие бы традиционные принципы (ценности) ни составляли её основу, социальные преобразования последнего времени свидетельствуют о том, что правила её организации в некоторых странах, включая и наше государство, меняются. Такое положение дел вынуждает законодателя отказываться от консервативной логики регулирования семейных отношений и двигаться в будущем по пути расширения прав (возможностей) их участников. Это, в свою очередь, склоняет законодателя к использованию более демократичных институтов, к каковым с полной уверенностью можно отнести и институт брачного договора [4, с. 126].

Институт брачного договора в разных странах представляет собой разнообразное явление. Дело в том, что идея внедрения и использования данного института в коррекции взглядов на развитие семейных отношений несколько подрывает саму аксиологию семейного

права. Так, ещё Э. Кант утверждал, что к отношениям в браке такая форма их регулирования, как договор, не применима. Философ полагал, что договор не может порождать брак, так как само по себе юридическое соглашение, заключенное между людьми, имеет определенные границы и действует по времени. В то время как брак — понятие социально неограниченное конкретными обязательствами и должно оканчиваться не достижением конкретной цели, а смертью людей [5, с. 1].

Между тем, с одной стороны, брак между людьми воспринимается как форма успешного социального взаимодействия и развития всего общества, с другой — исключительно как попытка двух индивидов опробовать русло семейной жизни, и как средство взаимного выживания, позволяющее не просто совместно вести быт и хозяйство, но и гарантированно иметь возможность рожать детей, а также принимать активное участие в их воспитании. Более того, в некоторых странах брачный договор, как механизм гражданско-правового регулирования семейных отношений, так и не нашел своего применения по причине заведомого неравенства их участников. В основном это страны, где преобладает теологическое представление о семейной жизни.

Тем не менее институт брачного договора признается аналитиками одной из самых эффективных форм разрешения внутреннего спора между супругами по поводу раздела совместного имущества. Более того, как абсолютно справедливо отмечает В.Р. Кочурова, несмотря на ряд проблемных вопросов, которые имеют место в современной практике, данный институт за время его использования показал себя исключительно с положительной стороны именно как институт гражданско-правовой превенции.

Действительно, его прерогатива основана не на нарушении принципов семейного права, декларирующих необходимость защищать интересы членов семей вопреки любым обстоятельствам, а на превентивной защите интересов лиц, вступающих в официальные семейные отношения. В частности, если затронуть проблему применения брачного договора на практике, то можно увидеть, что основные проблемы возникают в той сфере, где законодатель не провел четких границ между теми участниками, которые уже состоят в браке, когда заключают данный договор, и теми, кто еще не вступил в брак, но заключить аналогичный договор уже имеют право.

К примеру, в соответствии со ст. 40 Семейного Кодекса РФ [2] субъектами брачного договора могут выступать только те лица, которые уже состоят в зарегистрированных отношениях либо вступают в них (скорее

всего, речь идет о лицах, официально подавших заявление для его регистрации). Однако законодатель в данном вопросе не конкретизировал позицию тех лиц, которые только пытаются вступить в брак. Здесь налицо правовая неопределенность, которая, как мы полагаем, соотносится с позицией того, что нельзя точно определить, будет ли лицо, к примеру, подавшее заявление на вступление в брак, действительно вступать в него в дальнейшем, и имеет ли право в таком случае заключать брачное соглашение лицо, которое еще не подало заявление в органы ЗАГС, но намерено это сделать и хотело бы, заключая брачное соглашение, заранее обезопасить себя от негативных последствий. Стоит отметить, что в действующем законодательстве, причем как в нормах Семейного Кодекса РФ, так и в Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3], понятие «лицо, вступающее в брак» отсутствует, а следовательно юридические признаки такого понятия четкого законодательного отражения не имеют. Таким образом, дабы избежать последствий признания недействительным брачного договора, необходимо внести изменения, которые позволят более точно определять правовое положение субъектов при его заключении. В том числе и скорректировать законодательство РФ по части определения признаков вышеуказанных субъектов.

Если затронуть научное толкование сложившейся ситуации, то здесь мнения исследователей разделились. Одни полагают, что относить к лицам, вступающим в брак, следует только тех, кто сделал официальное обращение в органы ЗАГС (с момента подачи заявления) [6, с. 95]. Другие полагают, что это позиция ошибочна. Причина расхождений во мнениях в том, что законодательные предписания не содержат императивных указаний о возможности заключения брачного договора только со стороны тех лиц, кто-либо состоит в браке, либо официально подал заявление на вступление в него. Более того, мы имеем дело с не совсем удачной попыткой нормативно определить сущность данного явления. В данном случае примененная формулировка влечет за собой несколько иное толкование ситуации, согласно которому только после официальной регистрации своих отношений лица могут стать субъектами брачного контракта.

Таким образом, логично внести изменения, которыми можно было бы скорректировать понятие «лица, вступающие в брак» или частично заменить его на, к примеру, «лица, собирающиеся (намеревающиеся) вступить в брак». Также обоснованным представляется устранить препятствия для лиц при заключении брачного соглашения путем исключения из нормативных положений указанного понятия вовсе. Справедливым было бы отразить в законе, что заключение брачно-

го договора не может быть связано исключительно со следствием вступления в брак или официальной подачей заявления для его регистрации, а именно с обязательствами, располагающими к этому вступлению.

Еще одним проблемным аспектом использования института брачного договора на практике стало некорректность определения содержания самого брачного контракта. Здесь законодатель, отталкиваясь от положений ст. 40 СК РФ, где указано, что предмет брачного договора определяется как комплекс имущественных прав и обязанностей, устанавливает в качестве основной цели его использования сохранение личного имущества его субъектов. Между тем, в соответствии с п. 3 ст. 256 Гражданского Кодекса РФ [1], имущество одного из супругов может быть использовано как предмет исполнения обязательств, если оно имеет статус его личной собственности, либо данное имущество является составной (общедолевой) частью имущества супругов и выделено в качестве независимой доли при его разделе. При этом нормы семейного законодательства позволяют использовать совместное имущество для исполнения обязательств, вне зависимости от его статуса и определения в остальном долевом разделении, при условии, если суд установит, что общее имущество супругов, полученное в рамках обязательств одно-

го из супругов, было использовано на общие нужды (ст. 45 СК РФ). Здесь же указано, что если для исполнения обязательств такого имущества недостаточно, то на супругов будет возложена солидарная ответственность — исполнять обязательства за счет имущества обоих супругов.

В данном вопросе закономерным было бы прибегнуть к логике коррекции на уровне судебного регулирования, то есть путем дачи официальных разъяснений со стороны Верховного суда РФ. В этом случае закономерным было бы привести нормы СК РФ в соответствие с нормами гражданского законодательства, поскольку обратное неминуемо приведет к нарушению баланса между положениями, определяющими действие брачного договора в правовом пространстве, и существенно снизит эффективность его конструкции, как гаранта имущественных интересов каждого из супругов, а также лиц, вступающих в брак.

Таким образом, мы видим, что природа использования брачного договора на практике имеет ряд проблем, которые, что закономерно с точки зрения редкого использования данной формы договорного права на практике, в большей степени касаются несовершенства действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N32. ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. N1. ст. 16.
3. Федеральный закон от 15.11.1997 N143-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. N47. ст. 5340.
4. Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов: дисс. . . канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Томск, 2019. 259 с.
5. Батурина Н.В. Ретроспектива развития культуры семейно-брачных отношений: от Платона до Фрейда / Н.В. Батурина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2018. — Т. 9. — № 4. — С. 1-
6. Ибрагимова Г.Ш. Брачный договор: проблемы правового регулирования / Г.Ш. Ибрагимова // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, — 2017. — С. 95–97.
7. Зубарева О.Г. Проблемы, возникающие при банкротстве супругов, чьи имущественные отношения регулируются брачным контрактом / О.Г. Зубарева, В.С. Гриненко // Семейный бизнес и самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2021. — С. 256–267.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FEATURES OF THE CURRENT STATE MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Dzonik

Summary. In the modern world, population migration is becoming global. This is a consequence of economic, political, social and cultural transformations. This article presents the most common trends in the emergence of illegal migration in everyday life and the problems of legislative regulation in this area.

Keywords: internationalization, illegal migration, marginalization, integration, law enforcement.

Дзьоник Виталий Романович

К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет
elleno4ka@mail.ru

Аннотация. В современном мире миграция населения приобретает глобальный характер. Это является следствием экономических, политических, социальных и культурных преобразований. В настоящей статье приводятся самые распространенные тенденции возникновения нелегальной миграции в повседневности и проблематика законодательного регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: интернационализация, незаконная миграция, маргинализация, интеграция, правоприменение.

Наблюдаемое сегодня расширение международных связей, сопровождаемое развитием мировых интеграционных процессов, утверждением приоритета гуманистических ценностей в решении межгосударственных вопросов, способствует упрощению порядка перемещения граждан между государствами.

В соответствии с Конституцией Российская Федерация «принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности» (ст. 79). Противодействие преступности в области незаконной миграции — одна из задач государства, обеспечивающая национальную безопасность Российской Федерации, которая нашла отражение в Стратегии национальной безопасности: «противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов» (ст. 47).

Интернационализация преступности в современном мире характеризуется следующими тенденциями.

Во-первых, наблюдается усложнение преступных действий, выражаемое в расширении форм и видов преступного поведения (незаконный оборот наркотических средств, оружия, изготовление порнографии, сексуальное рабство, торговля людьми и т.д.), представляющее сегодня опасность для всего международного сообщества.

Во-вторых, в большей или меньшей степени международная преступность проявляется во всех странах, ока-

зывая негативное влияние на их политическое, культурное и социально-экономическое развитие государств.

Указанные тенденции обуславливают необходимость объединения государств в целях эффективного противодействия преступности и поиска наиболее действенных средств и методов ее предупреждения и своевременного выявления.

Усложнение преступности среди мигрантов обусловлено и ежегодным увеличением их числа. Только за 15 лет число международных мигрантов возросло в 1,3 раз и составило более 240 млн. человек [1,].

Наблюдение за потоками миграции на основе административных данных о регистрации и снятии с регистрационного учета по месту жительства (и пребывания) показывает, что за аналогичный период в Российской Федерации рост числа международных мигрантов существенно превышает мировой уровень.

Международное сотрудничество МВД России в сфере миграции выражается в:

- ♦ обмену оперативной и криминалистической информацией, в том числе исполнении запросов правоохранительных органов иностранных государств;
- ♦ сопровождении уголовных дел по преступлениям, совершаемым на территории нескольких государств, и проведении оперативно-розыскных мероприятий;

- ♦ проведении комплекса мероприятий, предусмотренных международными договорами Российской Федерации в области противодействия незаконной миграции;
- ♦ признании и исполнении правовых решений правоохранительных и судебных органов иностранных государств и экстрадиции лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Международное сотрудничество МВД России в сфере противодействия незаконной миграции выражается в двух формах: конвенционной (предполагающей заключение и исполнение международных договоров, регулирующих взаимодействие) и институциональной (состоящей во взаимодействии в рамках международных союзов).

Согласно данным официального сайта МВД России, в настоящее время сотрудники МВД России принимают участие в расследовании и раскрытии преступлений в восьми государствах, 24 сотрудника осуществляют свои обязанности в составе миротворческих миссий. В регионах российской Федерации функционирует свыше 60 полицейских атташе из иностранных государств.

Таким образом, наблюдающиеся глобальные социально-экономические и политические изменения в международном сообществе обуславливают устойчивые тенденции к увеличению международной миграции на территории Российской Федерации, что вызывает необходимость обращения правоохранительных органов к сотрудничеству с представителями иных государств в рамках функциональных полномочий. В современных условиях наблюдается тенденция к расширению международного взаимодействия между правоохранительными органами, сосредоточенными на противодействии преступности. Перед МВД России стоит широкий спектр задач, осуществление которых затрагивает не только профессиональную, но и дипломатическую сферу.

Вместе с тем, если немного окунуться во внутреннюю сферу миграционных процессов, станет очевидно, что корректировка требуется и внутри страны. Рассматривая возникшие тенденции за последние два года в Российской Федерации, количество иностранной рабочей силы резко сократилось в связи с введенными ограничениями. Этот процесс, несомненно, сказался и на экономической составляющей, а дефицит рабочей силы вырос в несколько десятков раз. В частности, это затронуло строительную сферу, где строительные компании претерпевали огромные риски срывов сроков из-за нехватки рабочих, что повлекло бы колоссальные штрафные санкции, в связи с чем были вынуждены предлагать все более и более высокую оплату труда,

что фактически привело к переманиванию работников.

Важным фактором, оказавшим влияние на процессы нелегальной миграции, также оказал так называемый «мораторий» на принятие решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

Однако после прекращения действия запретов на принятие решений о неразрешении въезда и выдворении иностранцев, уже за первое полугодие 2021 года МВД России направило более 113 тыс. неразрешений иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда на территорию страны [2], а количество оформленных патентов на работу возросло в два раза.

Напомним, что основными причинами вынесения решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию являются совершенные административные правонарушения или превышенные сроки пребывания на территории Российской Федерации.

Таким образом, очевидно, что с одной стороны приток иностранцев влечет рост правонарушений и преступности в целом, а с другой на сегодняшний день обойтись без привлечения иностранных рабочих в Российской Федерации не представляется возможным.

К основным задачам и направлениям политики президент В. Путин, в частности, относит организацию правовой помощи мигрантам и препятствие маргинализации иностранцев. Вместе с тем, прежде всего ставит приоритетными интересы граждан России как внутри страны, так и за рубежом.

В настоящее время к основным внутренним проблемам данной области следует отнести рост нелегальной миграции (причины, следствие), а также отсутствие эффективной системы управления и коррупция в действующей регулирующей системе.

Росту нелегальной миграции способствует множество объективных факторов, но одним из первоочередных — это желание и возможность реализации разнообразного обмана мигрантов и в данном случае несовершенство действующего законодательного регулирования на стороне мошенников.

Попробуем рассмотреть самые простейшие примеры пути «от законного до нелегального мигранта» среди иностранцев, прибывающих из стран СНГ.

1. Обращаясь к принимающей стороне за постановкой на миграционный учет, получая «заветный бланк уведомления» иностранец никак не может удостовериться в его достоверности и наличии

в информационной базе. А в случае, если учет окажется подделкой, ответственность, предусмотренная действующим законодательством, предполагает штраф с выдворением на 5 лет.

2. Оформление патента на работу самостоятельно иностранным гражданином на практике невозможно, так как предполагает сбор и строгое оформление множества документов в кратчайшие сроки, в связи с чем снова появляется необходимость обращаться за помощью к третьим лицам, где гарантии отсутствуют.
3. Продление миграционного учета осуществляется только на основании оплаченного авансового платежа за предстоящий период, что зачастую достаточно дорого и также требует обращения к «принимающей стороне». Тут хочется обратить внимание, что оплаченная квитанция может не сразу оказаться в базе, или реквизиты налогового органа измениться (это достаточно часто встречается на практике) и тогда ни о каком продлении не может быть и речи.

Все эти обстоятельства непременно ведут законопослушного иностранца к результату становления нелегальным мигрантом. И в случае, если иностранец, ставший «нелегалом» своевременно не смог уехать по каким-либо причинам, его дальнейшее пребывание уже не станет законным, а скорее приведет к более серьезным нарушениям действующего законодательства.

В данной статье не хочется затрагивать вопросы правоприменения, ведь там проблем окажется куда больше, но хочется обратить внимание что в настоящее время полномочия по принятию решений в сфере миграции переданы всем сотрудникам полиции, в частно-

сти приказом МВД России от 8 мая 2019 г. № 303 определен порядок принятия решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию всеми подразделениями МВД России хотя, безусловно, принятие таких решений требует глубокого владения и практического опыта в области миграционного законодательства.

Вопросы применения миграционного законодательства в разных субъектах страны имеют свои особенности. Так, например, проблема двух субъектов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которая неоднократно затрагивалась в научной литературе. В настоящее время отсутствует понимание каким образом поступать с иностранцами, которые осуществляют трудовую деятельность сразу на территории двух субъектов, такие как водитель техники. В настоящее время этот вопрос по-прежнему остается открытым и выход или оформлять два патента и оплачивать авансовые платежи сразу по двум субъектам, или становиться нелегалом попросту переезжая перекресток.

Как мы видим, проблем в сфере регулирования миграционной сферы бесконечное множество и конечно к их решению необходимо подходить комплексно. Миграция населения в настоящее время приобретает глобальный характер и одновременно является признаком самой глобализации.

В этой связи одной из основных задач, стоящих не только перед Российской Федерацией, но и перед всеми странами, в эпоху глобализации, является разработка эффективной миграционной политики, четко регулирующей миграционные процессы, чтобы обеспечить бесконфликтное и благополучное развитие стран, их дальнейшее экономическое, политическое, культурное и социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев С.А. Историография миграционных процессов России (конец XX — начало XXI века) / С.А. Ананьев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 1 (15): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 17–20.
2. Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/25487770/> (дата обращения: 27.08.2021).
3. Вертелецкая Н.П. Миграционная политика в условиях глобализации // Мир и политика, 2012. № 11.

© Дзьоник Виталий Романович (elleno4ka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ТРАНСПОРТЕ

Добровольская Юлия Сергеевна

*Аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта», г. Москва
yul1556911@yandex.ru*

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF PERSONS WHO COMMIT CRIMES OF A TERRORIST NATURE ON TRANSPORT

Yu. Dobrovolskaya

Summary. The record growth of terrorist acts on transport, which Russia faced in 2000–2021, forced the government to take decisive action to counter terrorism. Every year, terrorists have fewer and fewer chances to carry out their attacks, however, this circumstance should not create the illusion that terrorism has been completely defeated. In order to achieve the goals of their existence, terrorist organizations are constantly developing new means and methods of committing actions aimed at intimidating the State and society while simultaneously spreading radical ideology among their potential members. This article attempts to form a holistic view of the criminological characteristics of persons committing terrorist crimes in transport, which can greatly assist in the development and refinement of the strategy of countering terrorism in Russia.

Keywords: criminology, criminal identity, terrorist crimes, profiling, terrorism, terrorist, transport.

Аннотация. Рекордный рост террористических актов на транспорте, с которыми Россия столкнулась в 2000–2021 гг., вынудил правительство предпринять решительные действия на пути противодействия терроризму. С каждым годом террористы имеют все меньше шансов осуществлять свои атаки, однако, данное обстоятельство не должно создавать иллюзию, что терроризм полностью побежден. Террористические организации для достижения целей своего существования постоянно разрабатывают новые средства и способы совершения акций, направленных на устрашение государства и общества при одновременном распространении радикальной идеологии среди своих потенциальных членов. В настоящей статье предпринята попытка сформировать целостное представление о криминологической характеристике лиц, совершающих террористические преступления на транспорте, которая может оказать большое содействие в развитии и уточнении стратегии противодействия терроризму в России.

Ключевые слова: криминология, личность преступника, преступления террористического характера, профайлинг, терроризм, террорист, транспорт.

Не вызывает сомнений, что выявление и расследование любого преступления, а, тем более, предупреждение преступности, будут успешными при наличии четкого представления о лицах, которые совершают преступления. Учитывая это, категория «личность преступника» изучается многими правовыми науками — криминологией, криминалистикой, уголовным и уголовно-процессуальным правом, юридической психологией и др. Выводы, к которым приходят представители этих наук, во многом пересекаются между собой, но имеют и отличия.

Так, для криминологии в рамках исследования личности преступника приоритетными являются следующие цели: установление закономерностей в преступном поведении отдельных лиц и в преступности как массовом явлении, выявление условий и причин совершения преступлений, разработка научно обоснованных рекомендаций по противодействию всей преступности и конкретным группам, видам преступлений. Аккумулирование сведений о личности преступника является не только научной, но и сугубо практической работой, которая может приносить свои плоды.

Н.Ю. Акинина, В.Ф. Анисимов и А.А. Берндт обращают особое внимание на статистические отчеты, которые готовят сегодня МВД России, Генпрокуратура России, Судебный департамент при Верховном Суде РФ и др. органы. В каждом из них есть раздел (разделы), содержащий информацию о лицах, привлеченных к уголовной ответственности (осужденных за совершение преступлений), включая их характеристики: возраст, пол, гражданство, судимость и т.д. На основе анализа таких данных можно предельно объективно описывать состояние современной преступности, на основании чего утверждать новые или корректировать действующие меры превентивного воздействия [2, с. 61].

Криминологические изыскания о личности преступника ведутся многие годы. В результате к настоящему времени устоявшимся является подход выделять целую совокупность психологических, социальных, правовых и иных особенностей и качеств человека, формирующих основу для его преступного поведения. Вместе с тем, профессор Я.И. Гилинский продолжает настаивать на справедливости мысли о том, что, несмотря на введущиеся столетиями дискуссии, еще ни один ученый не смог установить какое-либо конкретное личное свойство (качество, признак), присущее исключительно «преступнику» или, напротив, «не преступнику». Любой человек, в том числе никогда не подвергавшийся уголовному преследованию, в той или иной степени может быть злым, агрессивным, грубым, злопамятным, вспыльчивым, ревнивым, алчным и т.д. и т.п. [5, с. 210] Представляется, что доля истины в процитированном мнении присутствует, но в отношении преступлений террористического характера, совершаемых на транспорте, оно не совсем верно.

Террористы существенным образом отличаются от иных преступников. Профессор П.Н. Кобец прав, когда подмечает следующую важную черту: «Обычный» преступник старается маскировать свою преступную деятельность на всех этапах — подготовки и совершения преступления, сокрытия его следов, обеспечения конфиденциальности своей личности и пр. Террорист, напротив, зачастую открыто реагирует на общественно-экономические и политические проблемы, не проявляет каких-либо признаков унижения, осуществляет свои действия демонстративно (за исключением подготовительного периода). Даже при своей непричастности к совершенному теракту, высока вероятность взятия ответственности за него [9, с. 54].

Анализ самых резонансных терактов, совершенных на транспорте, позволяет заключить, что члены террористических организаций, особенно, высшие лица стремятся к тому, чтобы об их умысле узнал достаточно широкий круг людей. Не вызывает сомнений, что до мо-

мента совершения преступления они не будут распространяться о своем умысле, но после его совершения преимущественно сознательно идут на афиширование своей причастности к таковому. Уместно даже сказать, что террористы не просто осознанно идут на совершение преступлений, они пытаются вовлечь в террористическую деятельность максимальное число новых лиц. Посредством посвящения в подробности такой деятельности, они, прежде всего, преследуют пропагандистскую цель. Собственная безопасность в таком случае намеренно и демонстративно пренебрегается.

При этом, большинство специалистов, подробно изучающих феномен терроризма не считают возможным относить террористов к какой-либо специфической диагностико-психиатрической группе. Одновременно с этим, они же придерживаются точки зрения о том, что идеологию терроризма как основную в жизни чаще всего выбирают люди, которые имеют к этому особую личностную предрасположенность [7, с. 20; 10, с. 30]. И действительно, ни один террорист не родился таковым, он им стал. Но стал террористом потому, что изначально обладал определенными психологическими особенностями, создающими предпосылки для занятия террористической деятельностью. Вопрос заключается в том, начнут действовать эти предпосылки в конкретных социальных условиях, в макро- и микросреде обитания лица. Если же в какой-то момент времени психологическая готовность личности к осуществлению насилия и необходимая для этого обстановка все же соединяются, то человек встает на путь совершения преступлений террористического характера.

Следовательно, выстраивание эффективной системы предупреждения транспортного терроризма будет возможным при ответе на вопросы, кто и когда может стать террористом, как эту трансформацию не допустить. В данном плане следует сказать, что, начиная с середины 1990-х гг., когда Россия лицом к лицу столкнулась с угрозой терроризма, раз за разом стали происходить теракты на транспорте, уносящие жизни десятков и сотен людей, создающие панику в обществе, научная общественность активно приступила к поиску наиболее явных качеств, присущих личности террориста. К настоящему времени издано большое число работ (статей, монографий, диссертаций), где представлены комплексные разработки «портрета типичного террориста». Если провести их обобщенный анализ, то получится следующий перечень криминологических характеристик личности лиц, совершающих террористические преступления на транспорте:

1. социально-демографические признаки — лицо преимущественно мужского пола, относящееся к возрастной группе до 30 лет, имеющее низкий уровень образования, без постоянного легаль-

ного источника доходов, что в совокупности позволяет подвергаться негативному влиянию авторитетов, психологическому давлению и другому воздействию, являющемуся определяющим для формирования установки на преступное проявление радикального мировоззрения;

2. уголовно-правовые признаки — отсутствие судимости, реже наличие одной и более судимостей, совершение преступления в соучастии, обязательное присутствие умысла (террорист сознательно стремится именно к тому результату, который описывается диспозицией конкретной статьи Уголовного кодекса РФ [1], например, совершить взрыв, поджог или иное действие, устрашающее население ...), неосторожных преступлений террористического характера не бывает;
3. нравственные качества — деформированность основных понятий и восприятия окружающего мира, доминирующая враждебность по отношению к ключевым общественным институтам, политической системе, закону, традиционным религиям, национально-духовным ценностям, убежденность в исключительной роли, состоянии превосходства надо всеми, кто не входит в состав определенной общности (организации), явное оправдание либо одобрение аморального и противоправного поведения, готовность к насилию вообще и террористическому в частности, неразборчивость в средствах и способах достижения выгоды;
4. психологические особенности — экстернализация (поиск во внешней среде причин появления внутренних проблем), состояние постоянной обороны, паранойяльность (склонность видеть в действиях посторонних лиц постоянную угрозу себе и своей общности, отвечать на нее агрессивным путем), ригидность («застреванность» эмоций и переживаний, сохраняемых длительный период времени, даже при исчезновении ключевой причины, которая их вызвала), замкнутость в границах определенной группы, ее ценностей, целей и задач деятельности, как следствие — изоляция, жесткие ограничения свободы выбора, низкий уровень порога терпимости; полимотивированность поведения (сочетание идейных, корыстных и др. мотивов), развитие аутоагрессии (склонности к причинению физического и морального вреда самому себе).

Важно, при этом, подчеркнуть, что названные выше качества в большей степени характеризуют исполнителей террористических актов и иных преступлений террористического характера, в действиях которых

зачастую отсутствует «трезвый» хладнокровный, экономически выверенный подход. Лица, руководящие террористическими организациями и группами, вербовщики, консультанты и т.д. обладают другими чертами. Среди них: зрелый, осознанный возраст, высокий уровень интеллекта, устоявшееся мировоззрение, наличие конкретных целей, тщательное обдумывание своих действий, сильная мотивация как моральная, так и материальная. А.О. Андрианова, изучая особенности личности лиц, финансирующих терроризм, отмечает, что в пользу террористических структур сегодня работает большое число специалистов, включая высококвалифицированных финансистов, аналитиков, программистов, хакеров-фанатиков и пр., которые стремятся «переигрывать» спецслужбы, выходить за пределы правового поля, противопоставлять себя государствам [3, с. 71–72].

Из всех преступников-террористов особо следует выделять такую группу, как «смертники». С учетом того, что значительная часть преступлений террористического характера на транспорте связана именно с их действиями, отдельно стоит остановиться на выявлении специфических черт, непосредственно присущих таким лицам. Помимо молодого возраста (20–30 лет), террористы-смертники обладают высокой преданностью идеологическим соображениям вплоть до фанатизма, при одновременном категорическом неприятии «инакомыслящих», по разным причинам находятся в полной зависимости от организаторов (долговые обязательства, приговор шариатского суда к смертной казни или иному наказанию, др.), являются оторванными от семьи, ближайшего окружения.

В целом, можно сказать, что выстраивание любой стратегии предупреждения терроризма на транспорте должно происходить на основе тщательного изучения личности террористов-преступников, в первую очередь, исполнителей. Серьезное содействие в этом направлении может (и должна) оказывать криминологическая наука, в рамках которой уже сформирован целый пласт специальных исследований по данной теме.

Однако, понимая, что терроризм всегда был и будет динамичным и изменчивым явлением, постоянно модернизирующимся и приобретающим новые черты, вести речь о прекращении научных изысканий в сфере построения портрета личности террориста вряд ли уместно. Так, в последнее время все большее распространение получает использование IT-технологий в террористической деятельности. Многими учеными признается, что различные достижения в области искусственного интеллекта, машинного обучения, баз данных (Big Data) и пр. уже изменили формы террористического насилия и возможности для совершения

преступлений, ведущих к разрушительным последствиям.

К примеру, в СМИ все чаще озвучивается информация о применении в террористических целях беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Помимо того, что с их помощью могут совершаться террористические акты, осуществляться подготовка к ним (посредством разведки и слежения), высока вероятность причинения беспилотниками серьезного ущерба транспортной системе. К настоящему времени широко известны факты запуска БПЛА в районах аэродромов, вертодромов и посадочных площадок. А.И. Трусов справедливо отмечает, что столкновения БПЛА с самолетами или вертолетами могут приводить к реальным катастрофам, влекущим значительные жертвы [13, с. 65]. А.В. Демидюк и А.П. Фомин обращают внимание на то, что БПЛА также могут наносить существенный вред объектам транспортной инфраструктуры посредством повреждения средств регулирования движения, распыления реагентов для локального повреждения дорожного покрытия, а также транспортных узлов, разбрасывания над участками дорог прокалывающих элементов в целях нарушения целостности колес автомобилей [6].

Принимая в расчет данное обстоятельство, можно предположить, что типичный портрет террориста-исполнителя, как низкообразованного, нетерпимого, агрессивного и жестокого человека, у которого эмоции преобладают над разумом, серьезно трансформируется. Дополнительно в него уже можно включать: специальные знания, умения и навыки; сочетание профессионализма с элементами своеобразного фанатизма и изобретательности; повышенную корыстную мотивацию.

В условиях постоянных видоизменений преступлений террористического характера, в том числе, тех, которые совершаются на транспорте, сегодня все большую популярность приобретает концепция «профилирования террористов», вплоть до ее повсеместного внедрения в работу правоохранительных органов и спецслужб. Именуется она по-разному, например, криминалистическое профилирование («criminal profiling»), профилирование преступника («offender profiling»), профилирование личности преступника («criminal personality profiling»), но суть остается единой — это метод получения ориентирующей информации при расследовании преступлений. В отличие от словесного портрета, профиль преступника содержит психологические параметры личности, а также расширенный комплекс ее свойств и признаков (физиология, социально-экономическое положение, место проживания, привычки, поведение до и после совершения преступления и др.). Составленный профиль направлен на установление виновного в совершении

преступления лица, неизвестного (неочевидного) на первых этапах расследования [4, с. 111–112].

Рассматриваемый метод имел изначальную сферу применения — поиск серийных преступников (маньяков). В России первый известный факт использования профиля разыскиваемого преступника связан с именем психиатра А.О. Бухановского, который в 1986 г. подготовил проспективный портрет, позволивший выйти на след Чикатило.

Но сегодня профилинг деятельностью только криминальных органов не ограничивается. В конце 1970-х гг. израильская авиакомпания «Эль-Аль» разработала систему профилинга, подлежащую применению в ходе предполетного досмотра в зоне регистрации. В основу концепции было заложено утверждение о том, что любой пассажир — это потенциальный террорист, а любой предмет у него — это взрывное устройство, оружие и т.п. Исходя из этого, все мероприятия профилинга (психологическое наблюдение, опрос, досмотр) направлены на подтверждение или опровержение данной гипотезы [11, с. 20]. В нашей стране профилинг стал набирать обороты после взрыва террористками-смертницами двух самолетов, вылетевших 24 августа 2004 г. из аэропорта «Домодедово»: по распоряжению начальника Федеральной службы надзора в сфере транспорта службам авиационной безопасности было рекомендовано вводить у себя группы профилинга. Сегодня такие группы работают на международных рейсах в аэропортах «Пулково», «Шереметьево», «Домодедово» и др.

Специалисты сходятся во мнении, что профилирование террористов является действенной мерой противодействия террористическим угрозам, направленной не только на выявление потенциальных (и реальных) преступников, но и на удержание сомневающихся лиц (подвергнутых психологической обработке) от совершения противоправных деяний [12, с. 50].

Представляется, что именно в направлении поиска новых эффективных средств и способов выявления террористов должны развиваться наука и практика. В данном плане следует только приветствовать образование в структуре ООН специального Центра, призванного заниматься изучением поведенческих аспектов в целях глобального противодействия терроризму. Планируется, что исследования данного органа, опирающегося на достижения когнитивной психологии, поведенческой экономики и социальных наук, позволят точнее выявлять условия и причины, приводящие людей к радикализации, и находить возможные пути вмешательства в этот процесс, что, в свою очередь, будет оказывать содействие государствам в разработке и реализации действенных стратегий борьбы с терроризмом [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Российская газета. — 2022. — № 20.
2. Акинина Н.Ю., Анисимов В.Ф., Берндт А.А. Учет характеристик личности преступника-правонарушителя при организации профилактической деятельности // Российский следователь. — 2019. — № 9. — С. 61.
3. Андрианова А.О. Некоторые особенности личности и роли субъекта преступления в рамках уголовно-правового противодействия финансированию терроризма // Юрист. — 2021. — № 3. — С. 71–72.
4. Бахтеев Д.В., Леднев И.В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2020. — № 3. — С. 111–112.
5. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — 3-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Алеф-Пресс, 2014. — С. 210.
6. Демидюк А.В., Фомин А.П. Дроны в городе: новые возможности или новые угрозы? [Эл. ресурс] // Системы безопасности. — 2019. — № 6. — URL: <https://www.secuteck.ru/articles/drony-v-gorode-novye-vozmozhnosti-ili-novye-ugrozy> (дата посещения: 20.02.2022).
7. Дорохов Н.И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журнал. — 2006. — № 5. — С. 20.
8. Как становятся террористами — в ООН создан Центр поведенческого анализа [Эл. ресурс] // Официальный сайт ООН. — 08.12.2020. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1391962> (дата посещения: 20.02.2022).
9. Кобец П.Н. Некоторые современные тенденции, связанные с проявлением терроризма: природа и причинный комплекс // Российский следователь. — 2017. — № 18. — С. 54.
10. Коновалов И.В. Психология терроризма // Юридическая психология. — 2007. — № 4. — С. 30.
11. Пирогова Л.К. Актуальность обучения сотрудников ОВД технологии профайлинга как превентивной меры обеспечения безопасности граждан, объектов и территорий // Транспортное право. — 2013. — № 2. — С. 20.
12. Романовский В.Г. Профилирование террористов и конституционная защита прав человека // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 10. — С. 50.
13. Трусов А.И. Административно-правовое регулирование полетов квадрокоптеров в России // Российская юстиция. — 2020. — № 4. — С. 65.

© Добровольская Юлия Сергеевна (yul1556911@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

LEGAL BASIS FOR THE CONTROL ACTIVITIES OF REGIONAL EXECUTIVE AUTHORITIES ON ISSUES OF SOCIAL IMPORTANCE

M. Kvaratskhelia

Summary. Control activity is an integral part of public administration, especially in the context of additional social obligations. In this regard, the purpose of the work was to study the legal foundations for the control activities of regional executive authorities that are authorized to conduct and implement the social policy of the state. The subject of the study was regional executive authorities powers in matters of control activities and the powers of state institutions subordinate to him. Regulatory legal acts of the federal and regional levels, internal documents of the relevant institutions were considered. Based on the results of the analysis, the features of the interaction of organs, possible points for their growth were derived. The article will be useful for authors interested in issues of management and interaction between the regional and local levels of government in terms of control (supervisory) functions, including as an example of joint management activities.

Keywords: management, social protection, control activities, state control (supervision) and municipal control, state and municipal administration, social policy, law.

Кварацхелия Матильда

*Российский государственный социальный университет, г. Москва
matildakvaratshelia@yandex.ru*

Аннотация. Контрольная деятельность является неотъемлемой частью государственного управления, особенно в условиях возложенных дополнительных социальных обязательств. В этой связи целью работы было изучение правовых основ контрольной деятельности региональных органов исполнительной власти, которые уполномочены проводить и реализовывать социальную политику государства. Предметом исследования были полномочия региональных органов исполнительной власти в вопросах контрольной деятельности и полномочия подведомственных ему государственных учреждений. Были рассмотрены нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, внутренние документы соответствующих учреждений. По результатам анализа были выведены особенности взаимодействия органов, возможные точки для их роста. Статья будет полезна для авторов, интересующихся вопросами управления и взаимодействия между региональным и местным уровнями власти в части контрольных (надзорных) функций, в том числе как пример деятельности совместного ведения.

Ключевые слова: управление, социальная защита, контрольная деятельность, государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль; государственное управление, социальная политика, право.

Введение

Вопросы социального значения — одни из первостепенных в политике нашей страны, что подтверждается ст. 7 Конституцией РФ. В условиях сильного воздействия различных внешних факторов, будь то геополитическая обстановка или опасные эпидемиологические условия, вызванные коронавирусной инфекцией, важность социальной поддержки граждан возрастает в несколько раз. Вместе с ростом важности социальной поддержки государством своих граждан растет и важность контроля за выполнением данных обязательств. Социальная поддержка может иметь различную форму: индивидуальная ответственность юридических и физических лиц, страхование, социальная помощь, государственное обеспечение[10].

В этой связи, контрольная деятельность играет немаловажную роль в системе обеспечения порядка и дисциплины в государстве. Контроль — одна из основных функций этих органов, выражающаяся в реализации своих полномочий по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных областях жизнедеятельности[11]. В первую очередь стоит отметить, что самое понятие «контроль» в юридической литературе трактуется по-разному: это можно трактовать как функцию, форму, институт, а можно трактовать как фактор, метод или деятельность. Государственный надзор является одним из важнейших элементов внутренней политики государства, поскольку в его рамках происходит наблюдение за четким и неуклонным исполнением действующих правовых норм, тем самым гарантируя защиту права человека. Поми-

мо правовых норм, государственный контроль важен и по причине большого объема бюджетных ассигнований, выделяемых на социальную сферу. Соответственно, необходимо следить за правильностью, целесообразностью освоения данных средств на социальные нужды.

Ранее, с целью исполнения федеральных законов в области контроля, региональные власти принимали нормативные документы на своем уровне. Однако сейчас, по мнению А.Ю. Соколова, данная сфера сейчас «является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений правовой политики» [12].

На протяжении очень долгого времени в сфере контрольно-надзорной деятельности действовал Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ[2] среди достоинств которого, в первую очередь, можно отметить ясные принципы защиты предпринимателей от органов контроля, регламентированные права и обязанности контрольных органов на осуществление своей деятельности, порядок их взаимодействия при проведении проверок.

С принятием Федерального закона № 248-ФЗ[4], региональным властям потребуется привести соответствие с ним региональное законодательство. Очевидно, что вместе с законом меняется и методика контроля: потребуется изменения механизмов реализации контрольной деятельности, в том числе и с применением дистанционных технологий. Стоит отметить, что сам закон предрасполагает к разнообразным формам реализации мероприятий по контрольной и надзорной деятельности.

Однако следует понимать, что контроль может быть разным: в зависимости от уровня и полномочий органов исполнительной власти, их целей деятельности, возможных последствиях при не соблюдении контроля. Вопросами управления социальной защитой и роли контроля в данной деятельности интересовались и ранее. Вместе с развитием технологий и глобализацией, появлением новых рынков и социальных услуг, изменением общества следует и усложнение задач по государственному управлению, следовательно, и контрольной функции. Можно отметить тенденцию к системности административных процедур при ее осуществлении. Данные процедуры встроены в общую систему правового регулирования, что способствует сокращению дублирующих (на другом уровне власти) или же вовсе ненужных процедур при исполнении контрольной функции. Общая вертикальная система, идущая от регионального органа контрольной деятельности до своего территориального подразделения, а то, в свою очередь, до казенного учреждения, в действительности

существенно повышает ответственность органов социальной защиты в вопросах контрольной деятельности. Исходя из этого можно утверждать, что региональный и местный уровень играет ключевую роль в вопросах социального обслуживания, следовательно, правовое обоснование контрольной деятельности на данных уровнях и следует рассматривать в работе.

Методика

В данной статье будут рассмотрены правовые основы контрольной деятельности органов исполнительной власти, которые уполномочены реализовывать социальную политику государства.

Для более подробного изучения правовых основ контрольной деятельности будет проведен анализ нормативно-правовой базы и систематизация ее по уровням от вышестоящего до нижестоящего, а в качестве примера будет рассмотрено контрольная деятельность Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы (далее — Департамент). Сначала будут рассмотрены общие положения о региональном государственном контроле. Основным документом, рассмотренным на данном этапе будет Федеральный закон № 248-ФЗ, т.к. он является ключевым документом в вопросах контрольной деятельности органов исполнительной власти на данный момент. После этого планируется систематизировать имеющиеся правовые обоснования контрольной деятельности. На региональном уровне будут рассмотрены постановления, распоряжения и законы г. Москвы, которые связаны с Департаментом в части контрольной деятельности.

Результаты

В соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ[1], в части совместного ведения, к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации (далее — субъект РФ) относится исполнение регионального государственного контроля (надзора). В том же законе отмечено, что в целях исполнения данных полномочий могут создаваться государственные учреждения субъекта РФ и другие организации. Функции и полномочия учредителя в данном случае возлагаются на соответствующие органы государственной власти субъекта РФ.

Основным документом на данном уровне сейчас является Федеральный закон № 248-ФЗ. При его рассмотрении становится ясно, что данные совместные полномочия остались без изменений. Виды регионального контроля по предметам ведения субъекта РФ, при этом, устанавливаются региональной властью самостоятельно посредством своих законодательных актов (часть 8

статьи 1 Федерального закона № 248-ФЗ). Кроме этого, в статье 26 ч. 2 данного документа отмечается, что на государственные или муниципальные учреждения могут быть возложены отдельные виды государственного контроля и отдельные полномочия по осуществлению данных видов контроля, если это установлено федеральными законами о видах контроля или же законами субъектов РФ. В целом, федеральным законодательством допускается исполнение регионального государственного контроля (надзора) через соответствующие созданные учреждения, однако необходимо иметь юридические документы об установлении соответствующего вида регионального государственного контроля (надзора) и возложении полномочий по осуществлению данного вида контроля на созданное с этой целью учреждение, а также об определении органа исполнительной власти, который будет принимать нормативные и правовые документы по контрольной деятельности на региональном уровне. Наконец, исполнение регионального государственного контроля созданным для этих целей государственным учреждением не будет противоречить федеральному законодательству, если соблюдаются требования, установленные Федеральным законом № 248-ФЗ. В случае создания учреждения необходимо учитывать требования статьи 6 Бюджетного кодекса, в которой отмечается что государственное казенное учреждение создается с целью исполнения предусмотренных законодательством полномочий органов государственной власти. При этом в самом законе организация и проведение ведомственного контроля не регламентируется. В этой связи, ведомственный контроль в отношении субъектов учреждений относится к полномочиям органов государственной власти региона. Соответственно, региональный орган государственной власти субъекта РФ для осуществления полномочий по ведомственному контролю может так же создавать государственные учреждения. Как уже было указано ранее, в таком случае учредителем будет являться исполнительный орган государственной власти субъекта РФ. В случае с Департаментом, примерами учреждений, осуществляющих ведомственный контроль являются Центр занятости населения, и Служба контроля Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы.

На основании документов г. Москвы по региональному государственному контролю, Департамент выполняет контроль в сфере социального обслуживания граждан и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты[9].

В первом случае, полномочия предусмотрены п. 2 ч. 1 статьи 33 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ[3], а также п. 12 ч. 2 статьи 4.1 Закона г. Москвы от 09.07.2008 № 34[6]. При этом организация и осуществ-

ление контроля за соблюдением обязательных требований регулируется Федеральным законом № 248-ФЗ. Полномочия Департамента выполнять контроль за данной сферой установлены постановлением Правительства Москвы от 08.09.2015 № 566-ПП[7]. В свою очередь, внутренними приказами Департамента определяются должностные лица, ответственные за осуществление контроля в сфере социального обслуживания граждан. Структурными подразделениями, отвечающими в Департаменте за контроль в сфере социального обслуживания граждан, являются:

- ◆ Управление организации социального обслуживания на дому;
- ◆ Управление организации стационарного социального обслуживания;
- ◆ Управления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних;
- ◆ Управление координации сети

Стоит отметить, что контрольные мероприятия по данной сфере деятельности проводятся при участии сотрудников ведомственной службы контроля. Контрольно-надзорные функции указанные работники выполняют наряду с выполнением других должностных обязанностей, предусмотренных их должностными обязанностями.

Осуществление контроля за прием инвалидов в пределах установленной квоты предусмотрено Законом Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». Организация и исполнение контроля за соблюдением обязательных требований, как и в случае со сферой социального обслуживания граждан, регулируется Федеральным законом № 248-ФЗ. Полномочия Департамента выполнять контроль за приемом инвалидов в пределах установленной квоты установлены постановлением Правительства Москвы от 17.07.2017 № 471-ПП[8]. В Департаменте полномочия по данному контролю отнесены к задачам отдела по квотированию рабочих мест Управления содействия занятости населения. В свою очередь, к проведению мероприятий по осуществлению контроля за приемом на работу инвалидов в качестве экспертов привлекаются работники Центра занятости населения, аттестованные в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2014 № 636[5].

Заключение

В данной статье были рассмотрены правовые основы контрольной деятельности органов исполнительной власти, которые уполномочены реализовывать социальную политику государства. Основным регламентирующим документом в части контрольной де-

тельности является Федеральный закон № 248-ФЗ. В соответствии с данным документом региональный орган исполнительной власти имеет право создавать государственные учреждения (становясь его учредителем) для осуществления через него своих полномочий.

Исходя из перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти г. Москвы, Департамент выполняет контроль в сфере социального обслуживания граждан в г. Москве и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты. Оба вида контроля Департамента осуществляет совместно с государственными казенными учреждениями, созданными с этой целью. В вопросах ведомственного контроля Департамент контролирует подведомственные ему организации по вопросам социального и финансового значения.

Анализ правовых основ показал, что система контрольной деятельности в органах исполнительной власти, ответственных за реализацию социальной по-

литики, является обширной и исчерпывающей. Этому способствует уже сформированная нормативная база и новый федеральный закон, добавляющий гибкости региональным органам власти. Однако есть и пути роста, в первую очередь, в сторону цифровизации. Связанная с пандемией COVID-19 изоляция населения показала недостаточную проработанность в данном аспекте. Такого рода вызовы вынуждают лучше работать над переводом механизмов контрольной деятельности в цифровой, дистанционный формат, оказание услуг социальной защиты посредством цифровых заявлений и обращений. Безусловно, с развитием цифровых технологий, сервисов и ресурсов обеспечит возможность перехода контрольной деятельности на качественно новый уровень, о котором многие из нас могли мечтать. Существующая нормативная база, по мнению прочих авторов, предусматривает возможность применения средств дистанционного взаимодействия, а внедрение в контрольную деятельность цифровых технологий для решения задач не изменит при этом сам механизм контроля в сфере государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;
3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»;
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»;
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2014 № 636 «Об аттестации экспертов, привлекаемых органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля, к проведению мероприятий по контролю»;
6. Закон г. Москвы от 09.07.2008 № 34 «О социальном обслуживании населения и социальной помощи в городе Москве»;
7. Постановление Правительства Москвы от 08.09.2015 № 566-ПП «Положение о Департаменте труда и социальной защиты населения города Москвы»;
8. Постановление Правительства Москвы от 17.07.2017 № 471-ПП «О региональном государственном надзоре и контроле за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов и внесении изменений в постановления Правительства Москвы от 4 августа 2009 г. № 742-ПП и от 8 сентября 2015 г. № 566-ПП»;
9. Постановление Правительства Москвы от 26.12.2019 № 1850-ПП «Об утверждении Правил ведения перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти города Москвы, уполномоченных на их осуществление»;
10. Гембаренко, В.И. Проблемы управления системой социальной защиты населения в современной России / В.И. Гембаренко // Социальная политика и социология. — 2010. — № 4(58). — С. 88–92.
11. Павликов, А.М. Контроль как направление деятельности органов исполнительной власти / А.М. Павликов // Социология власти. — 2006. — № 5. — С. 164–171.
12. Соколов, А.Ю. Региональный государственный контроль (надзор) в контексте правовой политики Российской Федерации / А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев // Правовая политика и правовая жизнь. — 2020. — № 4. — С. 9–19.

© Кварацхелия Матильда (matildakvaratshelia@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

PENSION SYSTEM OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

*N. Kuznetsova
T. Matveeva*

Summary. The article is devoted to the Institute of pension provision in Russia. The paper examines the current state and prospects for the development of pension provision in Russia. The work reveals the problems of pension provision and the problems of interaction in matters of accounting for the pension rights of citizens. The article also contains possible solutions to these problems.

Keywords: pension, pension provision, pension reform.

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена институту пенсионного обеспечения в России. В работе рассматриваются современное состояние и перспективы развития пенсионного обеспечения в России. Работа выявляет проблемы пенсионного обеспечения и проблемы взаимодействия в вопросах учета пенсионных прав граждан. Также статья содержит возможные пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: пенсия, пенсионное обеспечение, пенсионная реформа.

Пенсионное обеспечение является главным институтом защиты прав пожилого человека в Российской Федерации. Реальность последних десятилетий диктует новые вызовы обществу: низкая рождаемость, вызванная распадом СССР, глубоким экономическим кризисом привела к диспропорции поколений, и невозможности применения старой советской распределительной модели, когда пенсии старшему поколению выплачивались за счет взносов работающего поколения.

С 2001 года по настоящее время Правительство РФ проводит активное реформирование пенсионной модели, пытаясь адаптировать ее под изменяющуюся реальность. С 1 января 2002 года Россия полностью отказалась от пенсионной системы СССР, предусмотрев страховую и накопительную часть пенсии, установив страховые взносы для работодателей в государственные внебюджетные фонды, персонифицированный учет застрахованных лиц. Но хотелось заметить, что требования к стажу и пенсионный возраст остались прежними. Это должно было решить проблему возникшего дефицита Пенсионного фонда России и гарантировать пенсию по старости каждому пенсионеру.

В 2015 году законодатель внес изменения в нормативные правовые акты [2], предусмотрев постепенное увеличение страхового стажа с 5 до 15 лет. Это изменение кажется оправданным и справедливым, позволяет избежать приобретения пенсионных прав неработающим гражданам, для них предусмотрена социальная пенсия в более позднем возрасте. В пенсионной формуле появилось новое понятие — индивидуальный пенсионный коэффициент (далее ИПК), который теперь следует использовать для учета и оценки, пенсионных прав, застрахованных лиц. К 2025 году ИПК должен стать равен 30. Это следует понимать так, что все заработанные пенсионные накопления застрахованного лица переводятся по специальным формулам в ИПК, а затем, при выходе на пенсию, накопления пересчитываются, исходя из стоимости индивидуального пенсионного коэффициента. Это стало новеллой пенсионной системы, которая должна защитить пенсионные накопления граждан от инфляции, так как стоимость ИПК зависит от текущей инфляции и пересчитывается ежегодно.

Предыдущие реформы охватывали важные аспекты пенсионной формулы, но не касались увеличения пен-

сионного возраста, установленного еще в СССР и считающегося одним из самых низких в мире.

За последние 20 лет в большинстве стран произошел пересмотр возрастных пенсионных цензов и был увеличен пенсионный возраст, а в некоторых странах — это произошло даже дважды (например, Казахстан). Основной целью повышения пенсионного возраста является: обеспечение достойного уровня жизни будущих пенсионеров и снижение нагрузки федерального бюджета как основного источника покрытия дефицита Пенсионного фонда России. В результате пенсионная реформа увеличивает число трудоспособного населения, в то же время наблюдается нехватка рабочих мест для их трудоустройства, появляются проблемы безработицы пожилого населения, снижения уровня жизни, увеличивается нагрузка на экономику страны.

Отметим, что в каком бы положительном ключе не было принято решение о повышении пенсионного возраста, данный вопрос всегда проходит с негативной реакцией населения. При принятии решения о повышении возраста выхода на пенсию во внимание не берется показатель продолжительности жизни человека, в частности продолжительность жизни мужчин и женщин — граждан нашей страны. Даже в связи с развитием процессов общего старения населения и увеличение доли пожилых людей — реальная продолжительность жизни влияет на пенсионное обеспечение. В реалии сегодняшних событий, когда от коронавирусной инфекции произошло реальное сокращение населения не только в нашей стране, но и во всем мире, увеличение пенсионного возраста обязательно должно предусматривать анализ такого важного показателя как продолжительность жизни. Получение пенсии — это заслуженная старость и безбедное существование. Кроме всего, следует проработать механизмы наследования накопленных пенсионных средств, как в некоторых западных странах (например, Италии, Словении и некоторых др.), если пенсионер не успел ими воспользоваться в случае наступления смерти.

За чертой бедности в России находится около 20 млн. человек и среди них большую часть занимают пенсионеры. И это говорит о серьезных проблемах в распределении бюджетных средств.

При этом повышение пенсионного возраста совершенно не возможно без качественного улучшения уровня жизни работающих граждан и принципиального повышения размера пенсий. Без улучшения качества медицинской помощи, соблюдения гигиены и безопасности труда, отсутствия оплаты за переработки на рабочих местах, увеличения уровня заработной платы, доступного и комфортного жилья совершенно невоз-

можно выполнить планы Правительства по увеличению продолжительности жизни и продуктивной трудовой деятельности.

Также хотелось бы отметить, что в стране неоднозначно восприняли повышение пенсии. Какой в связи с этим станет жизнь населения? Население должно быть уверенно, что за отсрочкой выхода на пенсию, следует спокойная и сытая старость, а не продолжение низкоквалифицированного дешевого труда, чтобы выжить.

Самой главной и актуальной проблемой, из которой вытекают все второстепенные проблемы — это дефицит бюджета Пенсионного фонда России. В 1990 году с целью аккумулирования и управления средствами пенсионного обеспечения был создан Пенсионный фонд Российской Федерации, который отвечает за хранение, учет, начисление и выплату пенсий и некоторых других пособий.

В соответствии с Положением «О Пенсионном фонде Российской Федерации» фонд выступает как самостоятельное учреждение, которое управляет финансами пенсионной системы, являющимися собственностью Российской Федерации.

Бюджет Пенсионного фонда России формируется в основном за счет средств федерального бюджета, страховых взносов согласно ст. 17 Федерального закона Российской Федерации «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» [1].

Изучая статистику Росстата можно увидеть, что бюджет ПФР принят с дефицитом, в соответствии с ФЗ от 08.12.2020 № 388-ФЗ «О бюджете пенсионного фонда Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [3]

Кроме всего выше перечисленного, серьезную проблему мы видим в функционировании масштабного сектора теневой экономики. На 2020 год размер теневой экономики составлял 15% от ВВП. Это показывает то, что 1/5 часть организаций являются официально незарегистрированными, не производят налоговых отчислений, в том числе, и в Пенсионный фонд России, и это влияет не только на пенсионное обеспечение страны, но и на развитие экономики России в целом. Многие официально зарегистрированные предприятия применяют теневые схемы сокрытия доходов сотрудников и ухода от налогообложения, тем самым влияя на формирование бюджета ПФР.

Еще одной проблемой пенсионного обеспечения страны выступает финансовая безграмотность населения. С 2014 года действует законопроект о наложении

моратория на перевод накопительной части пенсии в негосударственный пенсионный фонд. Действие моратория продлено до 2023 года в соответствии с ФЗ от 08.12.2020 № 405-ФЗ «О внесении изменений в статью 33.3 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 6.1 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования, в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения».

Обеспечение гарантий социальной защищенности пожилых людей и стабильности общества является основной задачей негосударственных пенсионных фондов. Мало кто из граждан нашей страны знает о данном законопроекте, но и даже та часть населения, которая об этом осведомлена не торопится вносить денежные средства а негосударственный сектор, предпочитая Пенсионный фонд России.

Недоверие негосударственным организациям является причиной этого. Население нашей страны полагает, что государственный пенсионный фонд намного важнее и надежнее, поскольку ранее некоторые Негосударственные пенсионные фонды до ужесточения требований законодательства к ним создавались как офшорные для вывода пенсионных накоплений за границу.

Рассматривая полномочия пенсионного фонда, хотелось бы отметить также как проблему — увеличения функций Пенсионного фонда России. Помимо функций пенсионного обеспечения, выполняемых Пенсионным фондом России, в его деятельности существуют и те функции, которые не связаны напрямую с его главной целью. Например, назначение и осуществление социальных выплат отдельным категориям граждан, ведение регистра лиц, имеющих право на получение государственной социальной помощи, выплата семейного (материнского) капитала и других пособий.

Считаем, что увеличение данной нагрузки на Пенсионный фонд России негативно сказывается на выполнении главной функции — финансирования пенсионного обеспечения граждан нашей страны.

Возможным решением вышеназванных проблем может стать:

1. Увеличение финансовых поступлений в Пенсионный фонд России. Данное решение поможет перекрыть дефицит бюджета пенсионного фонда. Этого можно добиться двумя способами: первое, — путем увеличения числа работающего населения, т.е. повышение пенсионного возраста, или увеличение страховых взносов, взимаемых с застрахованных лиц.

2. Реформирование системы пенсионного обеспечения. Для активного внедрения Негосударственных пенсионных фондов в пенсионную систему страны, необходимо реализовать следующие этапы:

- ◆ разработать систему солидарной ответственности работодателя, граждан и государства,
- ◆ остановить систему обязательных взносов работающего населения, для накопления в негосударственных пенсионных фондах;
- ◆ внесение добровольных пенсионных сбережений в негосударственные пенсионные фонды.

Реализация двух названных этапов напрямую зависит от развития экономической ситуации страны, поскольку многие граждане живут на границе прожиточного минимума и бедности, имеют на иждивении несовершеннолетних детей, и не имеют возможность и достаточное количество средств для отчисления части их в негосударственный пенсионный фонд. Также считаем, что следует со школьной скамьи учить население финансовой грамотности.

Для решения проблемы касательно теневого сектора, государству необходимо производить активную политику в сфере занятости по созданию рабочих мест и поощрению малого и среднего бизнеса. А тем более в такой сложный период оказывать поддержку малому и среднему бизнесу.

3. Изменение пенсионного возраста в сторону уменьшения, поскольку в России наблюдается ухудшение демографической ситуации, а так же коронавирусные ограничения привели к уменьшению количества работающих предприятий, снижению занятости и увеличению безработицы, увеличению смертности работающего населения.
4. Увеличение пенсионных выплат за стаж работы и вклад в развитие организации и даже той или иной отрасли государства.

В заключении хотелось бы заметить: система пенсионного обеспечения в РФ несовершенна и это показывают некоторые перечисленные нами проблемы. Но мы уверены, что данные проблемы могут быть устранены или хотя бы сглажены. Государство должно продолжить политику в сфере занятости населения, поощрять малый и средний бизнес, разрабатывать механизмы солидарной ответственности государства, работодателя и гражданина, повысить прозрачность пенсионных формул и расчетов, обеспечить осведомленность граждан о механизмах формирования будущей пенсии. После этого пенсионное обеспечение граждан нашей страны может достичь более высокого уровня, и ожидаемо приведет к повышению качества жизни пенсионеров России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (в ред. от 24.07.2009 № 213-ФЗ) // «Собрание законодательства РФ», 17.12.2001, № 51, ст. 4832.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ // «Российская газета», № 296, 31.12.2013
3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» от 08.12.2020 № 388-ФЗ // <http://www.consultant.ru/>

© Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru), Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский юридический институт ФСИН России

ПОНЯТИЕ ПРАВИЛА ДЕЛОВОГО СУЖДЕНИЯ МАЖОРИТАРНОГО УЧАСТНИКА КОРПОРАЦИИ

Леденев Виктор Владимирович

Аспирант, Московский Государственный
Юридический Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

vikt.ledenew@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE BUSINESS JUDGMENT RULE OF THE MAJORITY SHAREHOLDER OF THE CORPORATION

V. Ledenev

Summary. The article reveals for the first time the concept and, accordingly, the content of the rule of business judgment of the majority participant in a corporation. To do this, the author reveals the concept of business judgment, considers the approaches proposed by scientists to the concept of the rule of business judgment, and also explores the positions for determining the standards of behavior that are checked in accordance with the rule. The author substantiates that the concept of the rule of business judgment of the majority participant should take into account several aspects. First, the acts of business judgment of the majority participant should include transactions not only of the majority participant itself, but also of management bodies acting in the interests of the majority participant. Secondly, the rule is aimed at limiting judicial review of the content of acts of business judgment to cases of violation of evaluative standards of conduct. Thirdly, the evaluative standards of conduct for acts of business judgment by a majority participant cannot be reduced to any specific legal form (for example, reasonableness or good faith).

Keywords: corporate law, business judgment rule, minority shareholder, majority shareholder.

Аннотация. В статье впервые раскрывается понятие и, соответственно, содержание правила делового суждения мажоритарного участника корпорации. Для этого автор раскрывает понятие делового суждения, рассматривает предложенные учеными подходы к понятию правила делового суждения, а также исследует позиции по определению проверяемых в соответствии с правилом стандартами поведения. Автор обосновывает, что понятие правила делового суждения мажоритарного участника должно учитывать несколько аспектов. Во-первых, к актам делового суждения мажоритарного участника следует относить сделки не только самого мажоритарного участника, но и органов управления, действующих в интересах мажоритарного участника. Во-вторых, правило направлено на ограничение судебного пересмотра содержания актов делового суждения случаями нарушения оценочных стандартов поведения. В-третьих, оценочные стандарты поведения для актов делового суждения мажоритарного участника не могут быть сведены к какой-либо конкретной правовой форме (например, разумности или добросовестности).

Ключевые слова: корпоративное право, правило делового суждения, миноритарный участник, мажоритарный участник.

Настоящая статья будет посвящена определению того, что такое правило делового суждения (далее — правило) мажоритарного участника. В практике Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) такое правило именуется правилом о защите делового решения, что нашло отражение, например, в п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3]. В доктрине можно встретить формулировки как «правила делового суждения» [8], так и «правила делового решения» [5]. Мы будем использовать термин «правило делового суждения», поскольку он представляется нам более удачным переводом иностранного термина «business judgment rule», которое явно принималось во внимание при введении института в российское право, а так-

же поскольку акцент на суждении лучше подчеркивает усмотрение как сущность деловых решений.

В России упоминание правила связано в первую очередь с ограничением ответственности органов управления, предусмотренной ст. 53.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации. С учетом некоторого сходства между этими конструкциями мы будем заимствовать и адаптировать для анализа литературу, посвященную правилу, применяемому к действиям органов управления. Исключение составляет работа А.Ю. Глазунова, который посвящает применимости правила к ответственности мажоритарного участника часть диссертации [4, с. 127–139]. Тем не менее детально понятие правила в известных нам отечественных работах не исследуется ни применительно к органам управления, ни применительно к действиям мажоритарного участника конкрет-

но. Нет и консенсуса о понятии правила в иностранной доктрине. Как отмечает, профессор Гевуртц (Gevurtz), в отношении содержания правила существует «недостаток консенсуса о том, чем правило является» [10, р. 287–288]. Такая неопределенность подтверждает, на наш взгляд, актуальность настоящей работы.

Понятие делового суждения

Понятие правила тесно связано с понятием делового суждения. Соответственно, сначала мы определимся с тем, что мы понимаем под деловым суждением. В научной литературе определение делового суждения нам удалось найти только в работе Г.В. Цепова, по мнению которого, «*понятие делового суждения охватывает сделки организации, а также иные действия, содержащие рациональный выбор*» [8]. Ученый дает это определение лишь мимоходом и при исследовании правила делового суждения в отношении директоров, а не мажоритарных участников. В этой связи требуются некоторые уточнения.

Во-первых, суждение — это мнение о чем-то, а деловое суждение, соответственно, — это мнение о чем-то с точки зрения деловой целесообразности. Следовательно, нам кажется необходимым разделять само деловое суждение и решения, принятые на основе делового суждения о таких решениях. Для удобства сами такие решения мы будем называть актами делового суждения.

Во-вторых, необходимо проверить, сводится ли деловое суждение мажоритарного участника к сделкам или же включает в себя и иные юридические факты. Основной правовой формой актов делового суждения мажоритарного участника является голосование на общем собрании участников, а не заключение сделок от имени корпорации, поскольку участники корпорации формируют ее волеобразующий, а не волеизъявляющий орган. Решения общих собраний участников относятся к сделкам в соответствии с позицией ВС РФ, выраженной в п. 15 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)», утвержденного Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года [1].

Говоря о субъектах делового суждения, мы бы хотели еще раз обратить внимание на то, что общее собрание участников, через которое действует мажоритарный участник, является волеобразующим, а не волеизъявляющим органом. Соответственно, многие действия, совершаемые мажоритарным участником, производят реальный эффект только при условии их воплощения другими субъектами, в первую очередь, генеральным директором корпорации. Например, одобрение общим собранием сделки или даже выдача указания директо-

ру совершить ее само по себе не приводит к заключению и исполнению сделки. Кроме того, волеобразующие функции может осуществлять не только общее собрание участников, но и иные коллегиальные органы корпорации, например, совет директоров.

Такие органы объединяет то, что на практике большинство их членов действуют в интересах мажоритарного участника, который обладает голосами для назначения или избрания таких лиц. Коль скоро они действуют таким образом и необходимы для полной реализации контроля мажоритарного участника над корпорацией, нам представляется оправданным их акты делового суждения относить к актам делового суждения мажоритарного участника в той части, в которой они совершаются в интересах мажоритарного участника. Очевидно, такое понимание было бы некорректно в отношении сделок, совершаемых не в интересах мажоритария. Соответственно, например, сделки, совершаемые генеральным директором с целью вывода активов на аффилированное с ним юридическое лицо, к актам делового суждения мажоритарного участника отнесены быть не могут.

Указанные субъекты также осуществляют свою деятельность в правовой форме сделок: генеральный директор заключает сделки от имени корпорации, а коллегиальные органы (исполнительные и управления) принимают решения гражданско-правового сообщества. Мы не видим причин не применять подход, предложенный ВС РФ к решениям собраний участников, и к решениям иным гражданско-правовых сообществ с учетом единства их правовой природы.

Таким образом, деловое суждение мажоритарного участника действительно связано со сделками, которые совершают как сам мажоритарный участник, так и действующие фактически в его интересах органы управления. Мы допускаем, что деловое суждение мажоритарного участника может быть связано и с юридическими фактами помимо сделок, но нам не удалось придумать явных релевантных убедительных примеров этого.

В-четвертых, ссылка на рациональный выбор не кажется нам удачной. Принятие решений мажоритарным участником может быть осуществлено и в условиях ограниченной рациональности, например, если он не обладает всей информацией об одобряемой им сделке, однако это само по себе никак не повлияет на саму сделку. Нам, впрочем, понятно стремление Г.В. Цепова обнаружить некую сущностную характеристику делового суждения. Представляется более удачным было бы видеть ее в том, что деловое суждение выносится на основе усмотрения (которое может быть и нерациональным) субъекта суждения. Под усмотре-

нием может пониматься как дискреция, так и результат реализации дискреции [7, с. 34–37]. Мы в рамках настоящей работы считаем обоснованным исходить из первого понимания, поскольку оно хоть и влечет риск смешения с понятием субъективного права, но в то же время лучше подчеркивает именно дискреционную природу деятельности мажоритарного участника. Поскольку же понятие делового суждения нам необходимо для целей выведения определения правила, предлагаемый подход лучше отражает то, что цель проверки делового суждения состоит в контроле над потенциально безграничным усмотрением (дискрецией) субъекта суждения.

Таким образом, мы предлагаем понимать под деловым суждением основанное на усмотрении мнение об экономической целесообразности сделки (акта делового суждения), со стороны лица, совершающего такую сделку.

Подходы к понятию правила

Теперь перейдем к рассмотрению понятия правила. Мы уже отмечали отсутствие консенсуса по этому вопросу. Отметим и то, что имеющиеся в литературе различия в понимании правила являются, уже на наш взгляд, достаточно туманными. Как бы то ни было, из литературы, в которой содержится понятие правила, можно вычленивать четыре основных подхода к пониманию правила.

Первый подход заключается в том, что содержание правила состоит в том, чтобы возложить на истца бремя доказательства того, что субъект, привлекаемый к ответственности, нарушил свои обязательства (по заботе и лояльности или, в переложении на российское право, разумности и добросовестности) [11, р. 85–86; 4, с. 135]. Второе понятие смешивает правило с обязательством заботы [11, р. 86–87]. Третье понимание сводит правило к ограничению возможности содержательной оценки судом акта делового суждения [12, р. 631]. Четвертый подход состоит в том, что правило ограничивает возможность суда проверять содержательно решение органа управления, пока не доказано нарушение упомянутых выше оценочных стандартов-обязательств [4, с. 135; 5; 10, р. 290].

Первый подход кажется нам некорректным. Дело в том, что А.Ю. Глазунов указывает, что схожие с распределением бремени доказывания функции в разных юрисдикциях выполняют разные механизмы, которые не сводятся к распределению бремени доказывания: например, в США — процессуальные инструменты, направленные на раскрытие доказательств [4, с. 136–137]. Таким образом, распределение доказательственного бремени выступает лишь одним из возможных, но не-

обязательным аспектом правила. С учетом такой необязательности нам представляется необоснованным включать распределение бремени доказывания в понятие правила.

Второй подход, отождествление стандарта заботы с правилом, также представляется нам некорректным. Дело в том, что наиболее распространенное представление о правиле (четвертый подход), состоит именно в том, что оно регулирует то, как суды должны проводить проверку соблюдения стандартов поведения, которые, кроме того, не сводятся только к стандарту заботы (аналогу обязательства действовать разумно [4, с. 115]). Соответственно, второй подход смешивает один из возможных стандартов поведения (обязанность заботы) и правило проверки соблюдения стандартов поведения участниками оборота (правило), в связи с чем не может быть признан удачным.

Третий подход к понятию правила заслуживает внимания, поскольку он справедливо отражает цель существования правила — ограничение возможности судебной оценки существа актов делового суждения. Указанный подход во много напоминает четвертое понимание правила, однако является менее нюансированным, поскольку не отражает то, что ограничение судебной оценки достигается повсеместно путем того, что судам не дозволяется пересматривать существо акта делового суждения, пока не нарушены некоторые оценочные критерии. В этом смысле четвертый подход кажется нам наиболее правильным. Он в целом действительно наибольшим образом соответствует пониманию правила в российском и иностранном праве (например, в праве США [11, р. 83]) как ограничения на судебный пересмотр существа решения при условии соблюдения оценочных обязанностей.

Оценочные стандарты для актов делового суждения

Последним открытым вопросом остается вопрос о том, о нарушении каких оценочных обязанностей должна идти речь применительно к отечественному праву. Так, А.Ю. Глазунов, пишущий о применении правила к ответственности мажоритарных участников в русле *de lege ferenda*, определяет правило на основе связи с фидуциарными обязанностями между участниками [4, с. 135]. Е.М. Ключарева указывает, что правило «предполагает, что директор освобождается от ответственности, если будет установлено, что он действовал добросовестно, на основании надлежащей информации и с уверенностью, что его действия пойдут во благо компании» [5]. В этой позиции можно усмотреть стремление видеть оценочные обязанности в добросовестности и по сути разум-

ности, которая может выражаться в достаточной продуманности решения, принятии его на основании всей необходимой информации.

Первый подход вызывает сомнения из-за того, что на настоящий момент в российской доктрине нет единства о том, предусматривает ли и должно ли предусматривать отечественное право категорию фидуциарных обязанностей участников. Например, Д.В. Ломакин полагает, что российское законодательство не нуждается в такой категории, поскольку она не является широко известной в России, но при этом ее функции могут выполнять стандарты разумности и добросовестности [6]. Мы не хотели бы вдаваться в дискуссию о форме выражения стандартов поведения мажоритарного участника *de lege ferenda*, однако отметим, что на настоящий момент российское право не предусматривает явным образом категорию фидуциарных обязанностей участников, в связи с чем мы не можем понимать правило через них.

Второй подход кажется нам более интересным, тем более, что категории разумности и добросовестности уже применяются при привлечении к ответственности по ст. 53.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации контролирующих лиц, которыми могут быть в том числе мажоритарные участники. Более того, отражение указанного подхода можно найти и наиболее новых позициях ВС РФ. Так, в п. 13 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденного Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 года, ВС РФ допустил оспаривание решения общего собрания участников, если участник, повлиявший на принятие решения действовал недобросовестно или неразумно [2]. Проблема, однако, заключается в том, что в этом же Обзоре содержатся похожие на разъясняющие правило позиции, которые не отсылают к неразумности и недобросовест-

ности. Например, п. 12 провозглашает допустимость оспаривания решения об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов, если такое решение не обусловлено интересами общества и уменьшит долю несогласных участников. В этой позиции ВС РФ указывает, что решение может быть оспорено, если соблюдено одновременно два условия: «размыта» доля миноритарного участника и нарушен оценочный стандарт поведения, обусловленность решения «интересами общества». Можно обратиться и к абз. 4 п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предоставляет участнику непубличной корпорации потребовать исключения другого участника, если последний причинил существенный вред корпорации или иным образом затрудняет ее деятельность. Условия для удовлетворения соответствующего иска так же ограничивают усмотрение мажоритарного участника, однако выражаются не в обязанностях вести себя разумно и добросовестно.

Таким образом, российское право не содержит единого подхода о том, в какой форме выражаются оценочные стандарты поведения участников корпорации — их объединяет только то, что они предусматриваются законодательством или разрабатываются актами ВС РФ.

ВЫВОДЫ

С учетом этого анализа мы можем заключить, что правило делового суждения мажоритарного участника следует понимать как ограничение возможности судебного пересмотра существа актов делового суждения, принятых мажоритарным участником или органами управления корпорации в интересах мажоритарного участника на основании их усмотрения, пока не установлено нарушение оценочных стандартов поведения, предусмотренных законодательством или актами ВС РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)», утвержденный Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденный Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5, май.
3. Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3, март.
4. Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 253 с.
5. Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. — 2015. — № 11. СПС «КонсультантПлюс».
6. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. — 2019. — № 4. СПС «КонсультантПлюс».
7. Никитин А.А. Усмотрение в праве и его признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6. — С. 34–40.

8. Цепов Г.В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. СПС «КонсультантПлюс».
9. Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 25–69.
10. Gevurtz F.A. The Business Judgment Rule: Meaningless Verbiage or Misguided Notion? // South California Law Review. — 1994. — № 67. — P. 287–337.
11. Gordon S.D. The Modern Business Judgment Rule // Research Handbook on Mergers and Acquisitions. — 2016. — P. 83–98.
12. Johnson L. The Modest Business Judgment Rule // The Business Lawyer. — 2000. — Vol. 55; № 2. — P. 625–652.

© Леденев Виктор Владимирович (vikt.ledenew@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

ПРАВО НА ЦИФРОВОЕ ЗАБВИЕНИЕ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Минаева Анастасия Игоревна

Аспирант, Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
law.minaeva@gmail.com

THE RIGHT TO DIGITAL OBLIVION AS A SUBJECTIVE RIGHT OF INDIVIDUAL SUBJECTS OF LAW: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

A. Minaeva

Summary. The subject of this article is the impact of the digitalization process on such a legal category as the rights of individual subjects of law. The author explores the nature of the right to digital oblivion through the prism of approaches to the concept of “digital rights”, justifies the need to expand the category of “digital rights”, abandoning a narrow understanding of them based solely on the norms of civil law, and also formulates some features of digital rights based on the analysis of the construction of digital rights. In addition, the author attempts to determine the place of the right to digital oblivion in the structure of the subjective rights of individual subjects of law, examines the problems of exercising the right to digital oblivion, based on some statistical data, and also proposes a number of changes necessary to introduce into the current legislation in order to ensure the principle of legal certainty of legal regulation of the digital environment. As a result of the research, the author comes to the conclusion that there is an objective need for legal regulation of the digital environment and possible problems that arise in this case.

Keywords: digital rights, the right to digital oblivion, individual subjects of law, digital environment.

Аннотация. Предмет рассмотрения настоящей статьи — влияние процесса цифровизации на такую правовую категорию, как права индивидуальных субъектов права. Автор исследует природу права на цифровое забвение через призму подходов к понятию «цифровые права», обосновывает необходимость расширения категории «цифровые права», отказа от узкого понимания их, опирающегося на нормы исключительно гражданского права, а также формулирует некоторые особенности цифровых прав на основе анализа конструкции цифровых прав. Кроме того, автор предпринимает попытку определить место права на цифровое забвение в структуре субъективных прав индивидуальных субъектов права, исследует проблемы осуществления права на цифровое забвение, опираясь на некоторые статистические данные, а также предлагает ряд изменений, необходимых для внесения в действующее законодательство в целях обеспечения принципа правовой определенности правового регулирования цифровой среды. В результате исследования автор приходит к выводу об объективной необходимости правового регулирования цифровой среды и возможных проблемах, возникающих при этом.

Ключевые слова: цифровые права, право на цифровое забвение, индивидуальные субъекты права, цифровая среда.

В современном мире активно развиваются и распространяются цифровые технологии, которые стали причиной пристального внимания современной правовой науки к роли цифровых технологий, перспективам их развития, особенностям их проникновения во всю структуру права. В условиях фактически тотальной цифровизации подверглись трансформации и система права, и сама юридическая наука.

На современном этапе у человека появились новые субъективные права, принципиально отличающиеся от прав, существовавших в доцифровую эпоху. Так, свое отражение в законодательстве нашло право требования удаления определенной информации о себе пользователем Интернет-пространства, так называ-

емое, «право на цифровое забвение» (или «right to be forgotten» («право быть забытым»)).

Дословно «забвение» означает утрату памяти, воспоминаний о чём-либо или о ком-либо [1]. Соответственно, право на цифровое забвение можно определить, как право требования удаления определенных сведений (или ограничения доступа к ним третьих лиц) о пользователе сети «Интернет», обозначенных цифрами, выраженных в цифрах.

Такое понимание права на цифровое забвение следует из нормы п. 1 ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно

которой оператор поисковой системы, распространяющий в сети «Интернет» рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость [5].

Данное положение закона означает, что операторы поисковых систем в Интернете обязаны прекратить выдачу ссылок на информацию о пользователе при показе результатов поиска по запросам пользователей поисковой системы, содержащих имя и (или) фамилию заявителя, который обратился к ним с соответствующим требованием. Таким образом, каждый пользователь может обратиться к администрации поисковых систем «Яндекс», «Google», «Rambler» и так далее с требованием об удалении ссылки на его страницы в рамках поисковой системы, если информация обладает какими-либо свойствами из нижеперечисленных:

- ◆ распространена с нарушением законодательства Российской Федерации;
- ◆ является недостоверной;
- ◆ является неактуальной;
- ◆ является утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Критерий нарушения действующего законодательства является объективным, речь может идти, например, о распространении экстремистской информации, определение которой закреплено в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Однако возникают некоторые сомнения относительно того, что оператор поисковой системы самостоятельно определяет наличие или отсутствие нарушений законодательства Российской Федерации, нет уверенности в том, что он наделен необходимой компетенцией для этого, всё-таки представляется необходимым задействование правоохранительных органов для данного действия.

Легальное определение недостоверной информации отсутствует, можно предположить, что это информация, которая так или иначе не соответствует действи-

тельности, иными словами, неправильная, искаженная информация.

Критерии неактуальности информации и утраты значения ее для заявителя являются в большой степени субъективными, поскольку сам пользователь может считать, что какая-то информация о нем больше не актуальна, однако доказать это бывает достаточно сложно (например, человек считает, что в настоящее время он выглядит гораздо лучше, чем два года назад и размещенные в Интернете его фотографии больше не являются актуальными), то есть оператор поисковой системы, по сути, в данном случае получает возможность по своему усмотрению определять, соответствует ли информация данным критериям или нет и, соответственно, может отказать пользователю в удалении соответствующих ссылок на нее.

При этом, как справедливо отмечается, в правовой науке, не совсем понятно, возможно ли удаление, например, негативных отзывов об оказываемых пользователем сети «Интернет» услугах, выполненных им работах, производстве им некачественных товаров, ведь такая информация, по мнению самого пользователя, может быть недостоверной, неактуальной [6, с. 296].

В таком случае, если мы исходим из того, что права одного человека заканчиваются там, где начинаются права других людей, не лишаем ли мы, например, возможности потенциального потребителя ознакомиться со всей возможной информацией о продавце товаров или исполнителе услуг? Ответа на данный вопрос в настоящее время нет и, по существу, остается усмотрение самого оператора, а также суда в случае, если пользователь Интернета получит отказ в удалении информации и обратится в суд с требованием об оспаривании решения о таком отказе.

Также важно учитывать, что реализация субъективного права пользователя поисковой системы на цифровое забвение связана с техническими аспектами. Так, информация не удаляется в полном объеме, она всё равно остаётся в целом в Интернет-пространстве, просто сама поисковая система такую информацию уже не выдает по запросу пользователей. Таким образом, цифровое пространство «не забывает» информацию о пользователе, а всего лишь затрудняет ее поиск.

Субъектом права на цифровое забвение является исключительно гражданин (физическое лицо). При этом, например, согласно ст. 20.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 23.07.2004 № 79-ФЗ гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы или гражданский служащий обязаны размещать об-

щедоступную информацию (общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен), а также данные, позволяющие их идентифицировать в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». То есть те лица, для которых размещение определенной информации о себе (например, публичной информации о доходах государственных служащих) в сети «Интернет», является законодательно установленной обязанностью, не могут воспользоваться правом на удаление ссылок на такую информацию, даже, если считают ее, например, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

В соответствии с требованиями закона подавать заявление оператору поисковой системы гражданин должен исключительно относительно той информации, которая касается непосредственно его самого. В контексте определения субъекта права на цифровое забвение можно выделить некоторые пробелы:

- ♦ буквальное толкование правовых норм, регулирующих право на цифровое забвение, не позволяет точно определить, могут ли родители (или иные законные представители) несовершеннолетних граждан обратиться к оператору поисковой системы с требованием об исключении информации из поисковой выдачи. Однако нормы п. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляют положение, согласно которому родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Следовательно, родители или опекуны могут обратиться к оператору поисковой системы с требованием о прекращении выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о своих детях или подопечных, и также являются субъектами права требования удаления определенных сведений (или ограничения доступа к ним третьих лиц) о пользователе сети «Интернет».
- ♦ также буквальное толкование правовых норм, регулирующих право на цифровое забвение, ориентирует на применение их исключительно к информации о живых людях, непонятно, как одно из таких оснований — утрата значения информации для гражданина — может применяться к умершему человеку. Наконец, не адаптирована для удаления ссылок, содержащих информацию об умершем, процедура направления требования оператору, на что указывает перечень реквизитов требования или то, какие документы заявителю необходимо предоставить.

Указанные пробелы явно не способствуют реализации принципа правовой определенности: возможно законодатель намеренно категорично ограничил круг потенциальных заявителей либо это всё-таки можно рассматривать как пробел в правовом регулировании права на цифровое забвение, поскольку действия заинтересованных лиц в отношении информации об умершем предусмотрены в схожих механизмах отечественного законодательства. Речь идет о правилах обработки персональных данных и о защите нематериальных благ, аналогия с которыми позволяет предположить, что «право на забвение» может быть реализовано и после смерти гражданина.

Также в соответствии с требованиями закона подавать заявление оператору поисковой системы гражданин должен исключительно относительно той информации, которая касается непосредственно его самого.

Следовательно, исходя из результатов буквального и системного толкования норм действующего законодательства, можно сделать вывод, что субъектами права требования прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе (права на цифровое забвение), являются граждане Российской Федерации, не являющиеся государственными и гражданскими служащими, в отношении информации о себе, а также законные представители ребенка в отношении информации о нем.

Право на цифровое забвение представляется возможным отнести к категории цифровых прав. Однако в данном случае речь идет о более широкой трактовке цифровых прав, чем сейчас предусмотрена действующим гражданским законодательством (в п. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, определивших цифровые права, как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам). В настоящее время фактические возможности индивидуальных субъектов права в цифровом пространстве вышли далеко за пределы того понимания, которое дано в нормах гражданского законодательства.

Как отмечается в науке, субъективное право — это возможность, позволяющая субъекту пользоваться благом в границах, строго установленных законом [3, с. 62].

Чтобы определить сущность субъективного права (и в том числе цифрового права) индивидуального субъекта права, можно руководствоваться в данном

случае тем, что сущность любого явления представляет собой способность служить средством удовлетворения потребностей (интересов) личности. Таким образом, субъективное право личности можно рассматривать как право на удовлетворение определенных потребностей. Если к пониманию цифровых прав субъекта применяется потребностный подход, необходимо определить, чьи именно потребности существуют в цифровом пространстве, круг таких потребностей, а также определить, способно ли право выступить средством их удовлетворения [4, с. 103].

В контексте права на цифровое забвение у субъекта данного права существует потребность в защите чести и достоинства, потребность в обеспечении распространения только той информации, которую сам субъект считает допустимой для доступа третьих лиц.

Компания «Яндекс» опубликовала статистические данные по использованию права на цифровое забвение: например, за период с января по июнь 2021 года было получено 4405 запросов об удалении определенных сведений (или ограничения доступа к ним третьих лиц) о пользователе сети «Интернет» по причине неактуальности информации, из которых 2572 были отклонены оператором (то есть 58% заявлений), 3069 запросов было получено об удалении сведений по причине их недостоверности, 2352 заявления были отклонены (то есть 77% заявлений), 3113 запросов были связаны с распространением информации в нарушение законодательства, 2534 из них были отклонены (то есть 81% заявлений) [2].

Из приведенных данных видно, что пользователи активно стремятся воспользоваться правом на цифровое забвение, однако достаточно большое количество отказов со стороны оператора показывает, насколько высока степень его субъективного усмотрения при принятии соответствующего решения.

Можно увидеть, что в настоящее время механизм реализации права на цифровое забвение не является совершенным, поскольку операторам поисковых сетей предоставлено «поле» для собственного усмотрения, субъективного определения соответствия информации, на которую указывает субъект права на цифровое забвение, критериям, сформулированным в правовых нормах, нет четкого закрепления сущности этих критериев (в частности, как именно можно расценить неактуальную информацию или информацию, утратившую значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя).

В целом, как представляется, под цифровыми правами индивидуального субъекта права можно понимать

его меру возможного поведения, возникающую в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий, установленную системой общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правовых норм, позволяющую индивидуальному субъекту права удовлетворять свои потребности с помощью правовых и цифровых средств.

Цифровое право, как субъективное право личности, включает в себя право на активные действия, право требования от других субъектов совершения определенных действий или воздержания от них, право на защиту своего нарушенного права, реализуемые в цифровой среде. При этом необходимо учитывать, что спецификой таких прав является их связанность с использованием цифровых данных (массива цифр, описывающего свойства объектов реального мира), а также цифровых технологий (основанной на методах кодировки и передачи информации особой системе, позволяющей выполнять множество различных задач в максимально короткие сроки), реализация цифровых прав связана напрямую с уровнем развития цифровых технологий, а также с определенной степенью ограниченности государственного регулирования правоотношений, складывающейся в цифровой среде.

Следовательно, право на цифровое забвение является цифровым правом индивидуального субъекта права требовать от других субъектов совершения определенных действий.

При этом, поскольку право на цифровое забвение прямо отнесено законодателем к правам, принадлежащим исключительно физическому лицу (гражданину), предполагается, что субъективным правом наделяется именно человек, а не различные его виртуальные формы (в виде аватаров, профилей в социальных сетях, цифровых сущностей и так далее).

Конструкция права на цифровое забвение позволяет увидеть специфику цифровых прав в целом. Так, субъектом права на цифровое забвение является пользователь сети «Интернет», то есть непосредственно лицо, использующее цифровые технологии; осуществление права на цифровое забвение напрямую связано с использованием особых цифровых кодов, работой операторов поисковых систем, а, значит, особой технической сложностью; интерес, который стремится удовлетворить субъект права на цифровое забвение находится в плоскости цифровой среды (скажем, если человек не пользуется «Интернет», не осуществляет поиск информации в поисковых системах, он в принципе может и не узнать о существовании какой-либо информации о нем в этой сети); реализация права на цифровое забвение связана с обращением не к органам

государственной власти, а к операторам поисковых систем (и в данном случае пользователь может столкнуться с проблемой определения обязанного лица, а также понимания самого алгоритма защиты своих прав (возникают обыденные вопросы: куда именно необходимо подать свое обращение? каким требованиям по оформлению это обращение должно отвечать? как проконтролировать ход его рассмотрения и исполнения?). Также, безусловно, осуществление права на цифровое забвение предполагает наличие у заинтересованного лица технической возможности подключения к сети «Интернет», наличие необходимого объема знаний по использованию цифровых технологий, что, как представляется, может вызывать существенные затруднения у пользователя.

Таким образом, на современном этапе в условиях стремительно развивающейся цифровизации возможности индивидуальных субъектов совершать определенные действия, требовать от других субъектов совершения действий или воздержания от определенных действий, а также необходимость защиты таких возможностей уже объективно сложились в цифровом пространстве. Эта новая цифровая реальность стимулирует законодателя регулировать правоотношения, возникающие в цифровом пространстве, предоставлять индивидуальным субъектам права новые правовые инструменты защиты своих прав в сети «Интернет»,

к таковым представляется возможным отнести и право на цифровое забвение.

Закрепление права на цифровое забвение, с одной стороны, показывает значимость правового регулирования цифрового пространства, а, с другой стороны, демонстрирует наличие множества сложностей при этом. Как представляется, в будущем понадобится внесение изменений в действующие правовые нормы, например, необходимо доработать критерии недостоверности, неактуальности и утраты значения информации, сделать их более четкими, определить их, возможно добавить критерий общественной значимости информации (для защиты публичных интересов со стороны заинтересованных органов государственной власти), определить форму обращения к оператору поисковых систем, чтобы снизить степень их субъективного усмотрения, установить четкие сроки рассмотрения обращений, а также основания для отказа в удалении определенных сведений (или ограничения доступа к ним третьих лиц) о пользователе сети «Интернет». Кроме того, представляется необходимым предусмотреть этап задействования правоохранительных органов для оценки такого критерия как наличие или отсутствие нарушений действующего законодательства Российской Федерации при размещении информации в поисковой системе для того, чтобы избежать ошибки самого поискового оператора в квалификации действий третьих лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://slovarzhegova.ru/>, свободный.
2. «Яндекс»: Раскрытие информации о запросах URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencyreport>.
3. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 58–70.
4. Трансформация прав человека в современном мире: монография/отв. ред. Савенков А.Н. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 256 с.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. (часть I) ст. 3448
6. Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 296

© Минаева Анастасия Игоревна (law.minaeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRACTICE IN THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN LAW

N. Petrunin

Summary. This article discusses such an important source of law as judicial practice. Each legal system has its own legal source. It is also necessary to highlight judicial precedents, legal customs and regulatory legal acts, because thanks to these sources, the judiciary can perform its functions. The existence of judicial practice proves that the judiciary is also engaged in legislative activity in the state. Both positive and negative arguments will be noted by the author of the study.

Keywords: legal source, judicial practice, judicial practice, court, decision, law.

Петрунин Николай Викторович

Аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт
управления и экономики»
advokat_petrunin@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается такой важный источник права, как судебная практика. Каждая правовая система имеет свой собственный правовой источник. Также необходимо выделить судебные прецеденты, правовые обычаи и нормативные правовые акты, поскольку благодаря этим источникам судебная власть может выполнять свои функции. Наличие судебной практики доказывает, что судебная власть также занимается законодательной деятельностью в государстве. И положительные, и отрицательные аргументы будут отмечены автором исследования.

Ключевые слова: правовой источник, судебная практика, судебная практика, суд, решение, закон.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что судебную практику можно рассматривать по-разному: с одной стороны, это судебная деятельность, направленная на применение правовых норм, которая связана с развитием определенных правоотношений. Основой является раскрытие смысла и содержания применимых норм, их конкретизация и детализация. С другой стороны, судебная практика — это совокупность правовых норм.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что судебная практика — это способ применения правовых норм, который связан с формированием установленного положения в процессе применения правовых норм и совокупности решений по аналогичным делам; одно такое понимание судебной практики характерно для стран, где судебные институты не имеют законодательных функций. В этих странах судебные прецеденты официально не признаны. В Российской Федерации судебная практика оказывает определенное влияние на всю правовую систему, особенно на деятельность судебной системы, но она не выработала обязательных правовых норм.

Эксперты в области юриспруденции все чаще сталкиваются с проблемой использования судебных решений в делах, защищающих конституционные права граждан и права человека, и часто используют их в ка-

честве единственного источника и менеджера по связям с общественностью.

Темы судебной практики, широко освещаемые в отечественной юридической литературе, недостаточно разработаны. Это связано с различными компонентами судебной деятельности — усмотрением, толкованием и т.д. — как средство формирования особого правоприменительного сознания.

Это деятельность судов и участников правоприменительного процесса по выявлению ситуационной значимости правовых норм при решении конкретных дел, а также по уточнению и пересмотру их значений в процессе продвижения правоприменительной практики. Рассмотрение этих компонентов в системной взаимосвязи помогает дополнить социальную роль и правовую значимость судебной практики и позволяет определить долю практически всех методов правового воздействия, используемых судами в своей деятельности в рамках общей терминологической базы, а также долю интенсивных дискуссий среди ученых. Этот вопрос является новым, поскольку судебная практика по формированию правоприменительной осведомленности еще не рассматривалась. [9]

Источник права имеет давнюю традицию исследования в отечественной науке, но он не является абсолют-

но исследованным. В рамках этого вопроса по-прежнему остаются дискуссионными следующие сложные и специфические аспекты:

1. Необходимо ли использовать законодательство о судебной практике в качестве источника права;
2. Какая существенная часть судебной практики (судебное решение или судебный прецедент) имеет значение правового образования или с точки зрения другого учреждения, какое соединение судебной системы может сделать саму эту практику таким источником (только решение Верховного Суда России и решение Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд по правам человека) или любого суда, особенно решение суда низшей инстанции);
3. В каком порядке взаимодействуют судебная практика и законодательство.

Важность постановки вопроса об официальном статусе судебной практики заключается в достижении общественно полезных результатов путем ответа на него: обеспечение устойчивого социально-экономического развития, политической свободы и правовой защиты Конституции Российской Федерации. По нашим наблюдениям, они начали говорить о закреплении судебной практики как источника права в законе, когда уровень легитимности судебной власти в обществе недостаточен. Нынешняя ситуация с оказанием профессиональной и кадровой поддержки отправлению правосудия далека от идеальной. Он оценивается в диапазоне от «хорошего» до крайнего нигилизма. Но самое главное — это «мораль, мораль давно ушла в прошлое».

Можно согласиться с предположением, что вышестоящие судьи обладают более высокими способностями и полномочиями (в конце концов, у них, как правило, меньше рабочей нагрузки и больше обязанностей), но с учетом специфики современных российских условий при переводе на более высокие должности трудно ожидать, что судьи, работающие в первой инстанции, быстро повысят свой профессионализм. Поэтому на повестку дня был поставлен вопрос о репутации и имидже судебной власти в обществе:

Эта логика подтверждается тем фактом, что автор, выступающий за консолидацию законодательства, использующего судебную практику в качестве источника права, не раскрыл, зачем это необходимо и какие задачи решаются при этом. Очевидно, что морально авторитетные судебные институты пользуются высокой степенью доверия в обществе. Это не требует обязательной «институционализации» их социальных ролей, но требует соответствующего уровня социального развития, нравственного воспитания и профессионального выбора.

В российской правовой теории долгое время доминировала теория о том, что судебная практика не может быть полноценным источником права. Представляя объективный опыт применения законов, судебная практика не должна устанавливать первоначальные нормы, а изменять и дополнять общие нормативные положения. Роль судебной практики носит чисто официальный и вспомогательный характер, включая конкретизацию правовых норм в процессе толкования с учетом конкретных обстоятельств в рамках правового применения [5]. Я хотел бы отметить, что признание судебной практики Российской Федерации одним из источников права противоречит положениям статьи 120 Конституции Российской Федерации: «... Судьи независимы и руководствуются только Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.»

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, можно предположить, что судебная практика может быть источником права, определяемым судом по своему усмотрению. Для того чтобы определить, является ли судебная практика источником права в современной Российской Федерации, стоит обратиться к истории. В Российской империи целесообразность судебной практики как источника права появилась в земствах, после того как во второй половине XIX века были проведены военные, судебные и другие реформы. Важно, что до судебной реформы судебная практика не могла существовать и не могла стать источником права. Это объясняется тем, что в то время не существовало разделения между судебной властью и законодательной властью, и высшей судебной властью был Государственный совет.

В этом случае судебная практика не может получить значение независимых правовых источников. Ранее, если суд не мог рассмотреть дело, то «он видел двусмысленность или неокончателность законодательства, и ему приходилось передавать его в Верховный суд. Поэтому из одной инстанции в другую дело доходило до Государственного совета и там разрешалось» [11], а судебные решения становятся законодательными постановлениями. После принятия «Устава о коммерческом судопроизводстве, уголовном судопроизводстве и гражданском судопроизводстве» отношение к судебной практике изменилось. Однако это изменение отношения не означает, что судебная практика на законодательном уровне признана одним из источников права, и не указывает на то, что отношение официальных властей Российской Федерации претерпело серьезные изменения.

Стоит отметить, что признание судебной практики в качестве источника права впервые было признано крупными теоретиками права в пореформенный пери-

од. Один из них — Боботов, С.В., он указал: «В качестве третьего и последнего, после права и обычного права, согласно универсальным учениям современной науки об источниках, судебная практика дает юридическую литературу по российскому праву [6].

В пользу вышеупомянутого тезиса о судебной практике как источнике российского права свидетельствуют законодательные положения гражданского и уголовно-процессуального кодексов, а именно статья 10 Гражданского процессуального кодекса и статьи 12 и 13 Уголовно-процессуального кодекса. На законодательном уровне суды должны решить, что «каждое дело основано на существующих законах, а не прекращать принимать решения под предлогом неполных, расплывчатых, отсутствующих и противоречивых законов», и, по мнению теоретиков, «Это требование может быть выполнено только путем свободного толкования закона», что неизбежно «требует творческого смысла судебной практики», а следовательно — «Поднять ее как источник права» [4].

Поэтому судебная практика в России до революции не может стать самостоятельным источником права, но в то же время многие теоретики в научном сообществе считают, что судебная практика заслуживает того, чтобы быть в источнике российского права. Ссылаясь на советскую правовую теорию, исходящую из предположения, что судебная практика не является источником права, Вильянский, С.И. подчеркнул, что противоположная ситуация противоречила бы «принципу законности судебной деятельности». Законодательная деятельность суда неизбежно ослабляет значение закона» [7].

Советский суд является блюстителем законности. Он должен строго следить за тем, чтобы общие нормы закона (и подзаконных актов) строго соблюдались всеми гражданами, должностными лицами, учреждениями и, самое главное, самим судом [6]. В советский период считалось, что на законодательном уровне при рассмотрении правовых норм можно учитывать больше факторов, чем при рассмотрении судами конкретных дел. Что касается судебных учреждений более высокого уровня, то они осуществляют надзор за судебными учреждениями более низкого уровня и не вносят серьезных изменений в законодательные акты путем разрешения конкретных дел.

Стоит отметить, что в современных условиях также существует мнение, что судебная практика не может быть источником права, поскольку эта позиция противоречит принципу разделения властей. Однако можно также отметить тот факт, что законодательные функции судов соответствуют конституционным принципам органов власти. Не все решения любого суда могут быть

признаны источниками права. Этой функцией должно обладать постановление Верховного Суда Российской Федерации.

В последнее время действия Высшего судебного органа Российской Федерации считаются источником права. Нижестоящие суды имеют возможность ссылаться на разъяснения, постановления и судебные акты Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и пленарных заседаний Верховного Суда Российской Федерации. В современной России также есть теоретики, которые ссылаются на некоторые признаки судебной практики как источника права.

Одним из них является Анишина, В., он считает, что «...Есть признаки правовых источников для постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. Как способ исправить спецификацию;
2. Точно содержать правовые нормы, выраженные в абстрактной форме, применимые к неограниченному числу людей;
3. Предназначен для повторного использования;
4. Это внешний способ выражения прав;
5. Принят уполномоченным государственным органом Российской Федерации;
6. Обязательная публикация должна быть произведена, иными словами, они имеют характеристики нормативных актов и носят подчиненный характер». [4]

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, спорно признавать судебную практику источником права, но есть одно место, где это возможно. С точки зрения законодательства законодательные функции должны быть возложены на высшие судебные органы, такие как Высший Арбитражный суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, поскольку фактически эта функция в них уже существует. Косвенно нормотворческая функция также закреплена в Федеральном законе № 1 от 28.04.1995 — Федеральный закон «Об арбитражном суде Российской Федерации» По вопросу о его юрисдикции, принятый пленумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации.

Постановления и разъяснения высшего судебного органа и судебные акты являются вторичными источниками права, поскольку они основаны на законе и в то же время конкретизируют и дополняют его с учетом конкретных случаев. Судебная практика более четко и ясно разъясняет законодательство Российской Федерации и может сократить пробелы в нем.

Поэтому, хотя формальная судебная практика не является источником права в российской правовой си-

стеме, она занимает в ней все более устойчивое положение. С нормативными правовыми актами, которые будет применять суд, судебная практика постепенно входит в правовую реальность России и стала одной из мер, которыми руководствуется суд в судебном управлении.

Нижестоящие суды должны следовать позиции вышестоящих судов, выраженной в постановлениях суда,

главным образом потому, что они хотят обеспечить единство судебной практики, направленной на достижение правовой стабильности, и не допускать повторных изменений судебных актов при различных обстоятельствах. Хотя акты судебной практики имеют определенный нормативный характер, их нельзя сравнивать с источником права, поскольку они связаны с законом и являются официальными толкованиями действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 13. — Ст. 1447.
3. Алексеев С.С. Общая теория государства и права. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. 314 с.
4. Анишина, В. Применение постановлений Конституционного суда РФ судами общей юрисдикции // Российская юстиция. — 1999. — № 11. — С. 2.
5. Бабаев В.К. Теория государства и права. М., 2017. 221 с.
6. Боботов, С.В. Роль судебной практики в правотворчестве. СССР — Франция. Социальные вопросы правотворчества. По материалам Второго советско-французского симпозиума — М., июнь 1978 г. — М.: Институт государства и права АН СССР, 1980. — С. 85.
7. Вильнянский, С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. — Харьков, 1958. — С. 57. 3. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С.Н. Братусь. — М.: Юридическая литература, 1975. — С. 9.
8. Вопленко, Н.Н. Официальное толкование норм права. — М.: Юридическая литература, 1976. — С. 96.
9. Казанцев С.М. Проблема единообразия судебной практики в РФ // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2016. № 3.
10. Маркель, А. Юридическая энциклопедия / пер. Ф.К. Зейделя. — СПб.: Изд. Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1992. — С. 104.
11. Рожкова М.А. Судебный прецедент и судебная практика // Иски и судебные решения: сборник статей. М.: Статут, 2019.

© Петрунин Николай Викторович (advokat_petrinin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПАРАДИГМА ОТКРЫТОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION SERVICES: THE PARADIGM OF OPEN DETERMINISTIC COMPETITION

D. Sandler

Summary. The article presents the results of a study aimed at identifying the features of the development of higher education services in Russia at the present stage. Reasoning about the need to find ways to increase the competitiveness of educational organizations allows us to draw conclusions about the presence of a specific type of competition on the market — open deterministic competition. In the article, the author gives a description of the claimed paradigm.

Keywords: competitiveness of universities, strategic university management, development of higher education, quasi-competition.

Сандлер Даниил Геннадьевич

*К.э.н., доцент, в.н.с., ФГАОУ ВО «Уральский
федеральный университет им. первого
Президента Б.Н. Ельцина»
d.g.sandler@urfu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей развития сферы услуг высшего образования в России на современном этапе. Рассуждения о необходимости поиска способов повышения конкурентоспособности образовательных организаций позволяют сделать выводы о наличии на рынке специфического типа конкурентной борьбы — открытой детерминированной конкуренции. В статье автор приводит характеристику заявленной парадигмы.

Ключевые слова: конкурентоспособность вузов, стратегическое управление вузом, развитие высшего образования, квазиконкуренция.

Введение

Развитие сферы высшего образования как в России, в частности, так и в мире, в целом, детерминировано увеличивающимися темпами трансформации социально-экономических процессов, активным развитием технологий, экологическими вызовами и напряженностью задач государственной политики. Решение вопросов освоения вузами процессов самостоятельного стратегирования и развития инструментария оперативного реагирования осложняются необходимостью вступать в конкурентную борьбу за ресурсы. Особенно остро этот аспект проявлен в российском высшем образовании, поскольку трансформационные процессы начались относительно недавно и более резко от централизованного планирования к рыночным отношениям. Так, сфера отечественного высшего образования, по нашему мнению, в своем развитии преодолела четыре этапа изменений за последние три десятилетия: этап плановой экономики, коммерциализация и появление конкуренции, управляемая дифференциация, современный этап — управляемая кооперативная конкуренция. Подчеркнем, что процесс трансформации высшего образования до сих пор не завершен, что актуализирует вопросы совершенствования универси-

тетского управления, определения условий, в которых происходит развитие вузов.

Степень разработанности

Основу данного исследования составили работы зарубежных и отечественных авторов, в которых была освещена проблематика развития конкуренции в сфере высшего образования. Так, особенности рыночных механизмов и наиболее значимые для вузов ресурсы изучали Dill D.D., Kaiser F., Teixeira P., Horta H.Y., дополнили работы указанных исследователей в части управления репутацией вуза и ее влияния на конкурентоспособность образовательной организации российские авторы Скрипкина А.В., Резник С.Д., Юдина Т.А.

Исследование публикаций позволяет сделать вывод о существовании общемировых тенденций, таких как влияние конкуренции среди вузов на их эффективность, что представлено в работах Agasisti T., Afonso A., St. Aubyn M., Belfield C., Levin H. В работах отечественных авторов Князева Ю.К., Приходько А.Р., Радаева В.В., Толокиной Е.Л. нашла отражение вторая мировая тенденция — усиление кооперативного характера конкуренции.

Роль и значение государственного регулирования, свободной и управляемой конкуренции в сфере высшего образования освещены в работах существенного количества авторов. Так, сторонниками чистой формы конкуренции и второстепенного значения государственного регулирования являются G. Simmel, De Groof J., Neave G., Sveč J. Напротив, существенную роль социальной значимости отрасли, а соответственно, необходимости прямого государственного контроля и регулирования в своих работах отразили Agasisiti T., Gary-Bobo R., Trannoy A., Kendall J., Nazarko J., Saparauskas J. и Зафирова Ц.

Развитие дискуссии относительно каналов финансирования в сфере высшего образования, доводы в пользу прямого государственного финансирования или распределение финансирования через частный сектор выступили представлено в работах Amaral A., Agasisiti T., Birdsall C., Correia F., Dill D.D., Yonezawa A., Kaiser F., Magalhaes A., Psacharopoulos G.

Методология исследования

Методологической основой исследования проблематике конкуренции в сфере высшего образования является определение конкуренции как борьбы за ресурсы [21, 26, 30], которые могут быть сгруппированы по-разному, но нам представляется наиболее наглядным их разделение на четыре группы: человеческие, финансовые, материальные (инфраструктурные) и репутационные [25]. Нередко отдельно выделяется группа интеллектуальных ресурсов, однако, по нашему мнению, она неотделима от сотрудников, которые создают и используют этот вид ресурсов, что позволяет считать ее включенной в группу человеческих ресурсов. Эффективное управление человеческими ресурсами, как механизм повышения эффективности и конкурентоспособности университета, уже отражено в литературе и подвергнуто системному изучению [5]. Конкуренция представляет собой соревнование за привлечение указанных видов ресурсов, формирование соответствующих групп капиталов, которые в свою очередь складываются в ресурсный потенциал вуза, а возможно, и конкурентное преимущество. Достижению конкурентного преимущества способствует грамотно выработанное стратегическое решение, включающее акцент внимания на том или ином виде ресурсов или их комбинации, в привлечении и управлении которым вуз является наиболее компетентным.

Основные выводы и обсуждение

Вместе с тем конкуренция в сфере высшего образования, в частности российского, обусловлена доминированием единого учредителя — государства.

Так, по итогам 2020 года среди 1222 организаций 916 являются муниципальными и чаще государственными (почти 500 вузов), более половины последних подведомственны Минобрнауки РФ [9]. На протяжении последних пяти лет доля обучающихся в частных образовательных учреждениях высшего образования не превышает 10%. Подобное доминирование усиливает указанные ранее общемировые тенденции в части использования конкуренции как драйвера повышения эффективности и кооперативного характера конкуренции в сфере высшего образования.

При этом эффективность оценивается либо как объем выпуска при фиксированных входных данных [16], либо как затраты на единицу выпуска [18]. О кооперативном характере конкуренции свидетельствует тот факт, что вузы кооперируют друг с другом для совместного решения технологических, логистических и организационных задач, вырабатывая при этом правила совместной деятельности [10, 11]. По мнению экспертного сообщества: «В будущем именно конкуренция станет одной из форм сотрудничества, а не наоборот» [14].

Отечественные авторы не столь часто, как зарубежные коллеги, положительно относятся к конкуренции среди вузов и необходимости ее развития. Чаще именно сотрудничество выступает первоочередной ценностью как в историческом развитии российской сферы ВО, так и на современном этапе в форме сотрудничества конкурентов, его новом объекте [7]. Однако, конкурентное сотрудничество носит временный характер, целью является получение взаимной выгоды и выигрыша среди других конкурирующих организаций [7]. Долгосрочный характер рассматриваемых взаимоотношений может быть в случае их институционализации, например, посредством создания предпринимательских сетей с целью обмена ресурсами для совместного проведения научных исследований и конструкторских разработок, снижения себестоимости и ускорения производственных процессов, повышения качества услуг высшего образования [12]. Отметим, что во время пандемии COVID-19 актуализировались вопросы трансформации конкуренции на рынке высшего образования с целью более рационального использования ресурсов всей системы [2, 4].

Основной акцент при рассмотрении вопросов повышения эффективности организаций высшего образования ставится, как правило, на дуальном отношении и выполнении требований регулятора и работодателей. В указанном автор видит ограничение сложившихся концепций, поскольку в результатах предоставления услуг высшего образования заинтересован целый ряд акторов, в число которых входят, помимо обозначенных, обучающиеся, их родители и семьи, а также мест-

ное сообщество. Так, современная законодательная база рассматривает, например, родителей только как представителей несовершеннолетних обучающихся, участниками образовательных отношений выступают обучающиеся, организации, осуществляющие образовательную деятельность и педагогические работники [1]. Работодатели, их объединения, федеральные и региональные органы власти относятся, согласно ФЗ, к категории «участники отношений в сфере образования», что не соответствует реалиям, в которых работодатель принимает непосредственное участие в образовательном процессе, оказывая влияние на его результат.

Вышеизложенное формирует такую ключевую характеристику высшего образования как мультисубъектность, что приводит, с одной стороны, к изменению характеристик услуги и процесса ее оказания. С другой, мультисубъектность является источником резерва повышения качества результатов и ресурсообеспеченности, в том числе финансовой. Трансформация процессов высшего образования на основе повышения вовлеченности заинтересованных сторон способно сформировать мультиканальное обеспечение ресурсами, а следовательно, повысить экономическую устойчивость и конкурентоспособность вузов.

Заинтересованность государственных органов власти в результатах оказания услуг высшего образования, обладающих высокой социальной значимостью, актуализирует вопросы управления конкуренцией в сфере ВО и роли государства как регулятора и заказчика. Точки зрения исследователей относительно данного вопроса существенно поляризуется. По нашему мнению, существующие подходы можно разделить на две группы: концепции социально-ориентированной конкуренции и конкуренции, ориентированной на эффективность.

В силу довольно единодушно признаваемой высокой социальной значимости результатов высшего образования, сторонников свободной или чистой конкуренции на данном рынке не столь много. Адептами государственного невмешательства конкуренция позиционируется как процедура дисциплинирования, мотивации конкурентов, а также механизм повышения информированности игроков рынка о потребностях потребителей [29]. Отмечая опасность свободной конкуренции с позиции социальных последствий, ряд экспертов выступают за управляемую через механизм государственного финансирования конкуренцию [20, 22].

Вопросы государственного финансирования, его влияния на качество результата и эффективность деятельности вузов столь же неоднозначен. С одной стороны, существуют доводы за прямое государственное

финансирование, которое уравнивает возможности получателей услуг, с другой, частный сектор принимает решение в зависимости от своих потребностей, не является столь расточительным, рыночные механизмы устанавливают равновесие между качеством и объемами финансирования [13].

Результаты оказания услуг высшего образования имеют отложенный эффект и не могут рассматриваться с позиции благосостояния только потребителя, необходима оценка роста благополучия общества в целом. Государственное регулирование должно обеспечивать реализацию конкретных рекомендаций, изложенных в документах Всемирной конференции по высшему образованию 1998 года [31], а также отсутствие маргинализации и отчуждения отдельных социальных групп [27]. Без конкурентной борьбы, однако, невозможно «никакого позиционного преимущества и, следовательно, никакой всемирной социальной конкуренции через высшее образование» [28], несмотря на риски асимметрии и стратификации ресурсного распределения, ей обусловленные. Показательным примером высокой способности университетов откликаться на общественные запросы стало оперативное появление концепции зеленого университета: «стратегия зеленого университета должна быть направлена на максимизацию непосредственного и опосредованного вклада образовательного учреждения в устойчивое развитие общества и отдельных субъектов рынка, обеспечивая при этом конкурентное преимущество вуза в борьбе за потребителя и его победу в борьбе за источники финансирования» [8].

Для российской сферы высшего образования справедлива смешанная концепция, при которой активно используются преимущества конкуренции по повышению эффективности, но в то же время государство выступает регулятором, который размещает заказы на решение стратегических задач социально-экономического и научно-технологического развития. В подобных условиях повышается сложность условий деятельности вузов, формируется качественный переход, обозначенный нами детерминированной квазиконкуренцией. Появление новых игроков, к числу которых относятся ИТ-ориентированные компании и экосистемы, обуславливает справедливость определения складывающейся модели как открытой детерминированной квазиконкуренцией. Предлагаемая модель с учетом ее новизны и сложности представляет собой новую парадигму деятельности образовательных организаций высшего образования и их партнеров.

Сфера высшего образования обладает такими характеристиками квазирынка как автономия вузов; государственное регулирование и вовлеченность в управление; нивелирование неравенства среди аби-

туриентов за счет госбюджетных мест [15]; контроль и оценка результатов, эффективности и успешности со стороны государства [19]; институты лицензирования и аккредитации [17]. При этом наиболее значимыми чертами квазирынка, которыми не наделен рынок ВО, являются банкротство и свободный вход на рынок государственного финансирования [24].

Проанализируем релевантность характеристик квазирынка для российской сферы услуг высшего образования:

1. Конкуренция как инструмент повышения эффективности. На современном этапе развития финансирование распределяется на конкурсной основе на образовательные, научно-исследовательские и иные цели, в том числе развитие инфраструктуры. Большую часть финансирования образовательные учреждения высшего образования получают на конкурсной основе. Кроме того, конкуренция ведется за потребителей, приобретающих услуги на внебюджетные средства, что подталкивает вузы к совершенствованию своей деятельности и ее более полному согласованию с интересами потребителей и партнеров.
2. Доля участия государства. Данный параметр является одним из наиболее значимых для российского рынка ВО, на котором большинство учреждений являются государственными, уровень автономии которых существенно ограничен.
3. Уровень кооперации. Российские вузы значительно кооперируются как между собой, так и с зарубежными партнерами, однако достигнутый уровень не является предельным, существуют резервы повышения уровня сотрудничества. Регулятор и учредитель государственных вузов проводят политику интенсификации кооперации вузов, многие государственные программы, федеральные и национальные проекты предусматривают финансовую поддержку сотрудничества вузов между собой, с предприятиями реального сектора и научными организациями.
4. Финансирование как инструмент социального выравнивания. Несмотря на то, что в России наиболее предпочтительной является схема нормативно-подушевого прямого финансирования, в отношении студентов с инвалидностью предусмотрены элементы ваучерной схемы, согласно которой вузы, привлекающие на бюджетные места инвалидов, получают за них двойной норматив финансирования. Со стороны государства отслеживается развитие и поддержание инклюзивной среды в образовательных учреждениях высшего образования.
5. Количество мест, финансируемых из бюджета. Для российской сферы высшего образования ха-

рактерна относительно высокая доля бюджетных мест, в том числе для студентов особых социальных групп, что является ключевым инструментом по нивелированию социального неравенства, обеспечению мобильности человеческого капитала в едином образовательном пространстве страны.

6. Обеспеченность недорогим проживанием в общежитии. Данный параметр является дополнением предыдущего пункта, увеличивающим возможности для мобильности, выбора городов и вузов для обучения.
7. Преференции для работодателей. Для студентов, поступающих по предварительной договоренности студента и будущего работодателя, уже много лет в РФ предусмотрен облегченный порядок поступления. Инструменты целевого обучения хоть и имеют целый ряд критикуемых аспектов, продолжают сохранять свою значимость и являются элементом институционального оформления высшего образования в России.
8. Каналы распределения. На текущий момент в российской практике преобладает прямое распределение финансирования через вузы. Однако, исследования [3] демонстрируют, что модель распределения через предприятия имеет свои обоснования и может быть эффективна как дополнение к существующей модели. Предложенный вариант позволит в большей степени вовлекать работодателей в контроль качества результатов обучения и обеспечивать трудоустройство сразу после завершения обучения.
9. Поддержка экспорта услуг высшего образования. Существование квот Минобрнауки РФ для студентов из-за рубежа обеспечивают вузам привлечение иностранных абитуриентов.
10. Дифференциация финансирования. Российский рынок ВО отличается высоким уровнем дифференциации финансирования, не являющимся, впрочем, результатом волевых решений, а имеющим легальное обоснование. В разные периоды в большей или меньшей степени различия в финансировании присутствовали даже в рамках одного субъекта федерации.
11. Детальное стратегирование и элементы внешнего управления стратегическими проектами вуза. Современный этап отличается тем, что вузы должны предоставить учредителю стратегию развития на утверждение. Борьба университетов за участие в проектах Минобрнауки РФ обуславливает принятие на себя вузами обязательств, которые жестко контролируются регулятором, в случае их невыполнения предусмотрены санкции. Приоритезация задач, вовлечение государства в детальное стратегическое плани-

рование усложняет стратегическое управление развитием вуза. В случае если традиционные для конкретного вуза задачи не входят в перечень приоритетных и поддерживаемых со стороны государства, привлечение дополнительных ресурсов в этих направлениях за счет научно-исследовательской деятельности затруднительно. Следует ли университетам отказываться от подобных направлений? Превращение вузов в организации по оказанию образовательных услуг приведет к их разрушению в качестве социальных институтов [23]. Однако, прозрачной и достижимой альтернативы пока не предложено.

12. Разнообразие ситуаций. Даже подведомственные одному учредителю образовательные учреждения нередко оказываются, конкурируя друг с другом, в отличительных друг от друга ситуациях, которые не всегда можно объективно предсказать. Так, имеющие большую эффективность вузы могут увеличить свои поступления за счет генерации большего объема выпуска на тот же уровень ресурсов. Вместе с тем возникают ситуации, в которых для того же объема выпуска происходит снижение финансирования, в частности государственного, вероятно, даже при растущих KPI's. Указанное приводит к снижению численности НПР, увеличению средней нагрузки на одного НПР. Описанные ситуации коррелируются по смыслу с типовыми конкурентными стратегиями, описанными М. Портером.
13. Доминирование элитарных образцов. Конкурентная борьба подталкивает вузы к принятию дорогостоящих решений в части привлечения элитарных академических кадров и инфраструктуры. При этом результат подобных решений не очевиден. Риск быть вовлеченными в подобную «гонку вооружений» наиболее велик для региональных вузов, имеющих амбициозные цели.
14. Динамизм и изменчивость государственной политики. На протяжении последних 10–15 лет наблюдаются существенные изменения, в том числе в части определения правил финансирования со стороны государства. Однако, данная характеристика квазирынка до сих пор зачастую недооценена руководителями образовательных учреждений высшего образования. Вместе с тем необходимо учитывать данный риск при страте-

гическом планировании и определении уровня консерватизма финансовой политики университета, что обусловлено потребностью быть готовыми к принятию антикризисных решений, искать механизмы диверсификации, повышать конкурентоспособность, в том числе в условиях изменения порядка и размера государственного финансирования.

Одним из дополнительных следствий парадигмы детерминированной конкуренции является взвешенное отношение к проявлениям «академического капитализма» и «позволит усилить направления образовательной и научной деятельности без болезненного слома апробированного годами уклада управления вузом по пути поиска, обсуждения и запуска внутренних механизмов усиления конкурентоспособности университета» [6].

Заключение

Подытоживая вышеизложенный материал, подчеркнем, что трансформационные процессы, которые присутствуют в сфере высшего образования, актуализируют необходимость поиска новых способов повышения конкурентоспособности вузов. Общемировые тенденции использования конкуренции как драйвера повышения эффективности и кооперативного характера конкуренции в сфере высшего образования — являются особенно актуальными для рынка российского высшего образования. Указанное обусловлено тем, что модель государственного регулирования является смешанной — активно используются преимущества конкуренции по повышению эффективности, но в то же время государство активно вовлечено в детальное стратегирование и приоритезацию задач развития вузов.

Необходимость кооперативного конкурентирования и повышения эффективности деятельности, неоднозначная роль государства, непостоянство государственной политики, в том числе в части финансирования, которое выступает как инструмент социального выравнивания и повышения мобильности, разнообразие ситуаций, в которых оказываются образовательные учреждения — всё это обуславливает формирование новой парадигмы — парадигмы открытой детерминированной квазиконкуренции на рынке высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. ФЗ 273 «Об образовании», ст. 2.
2. Абрамова М.О., Акоев М.А., Анисимов Н.Ю. и др. Российское высшее образование: уроки пандемии и меры по развитию системы (монография) // Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. — 200 с.

3. Ахмедова Д.Р. Профессиональная социализация молодежи в условиях современного моногорода: некоторые противоречия и пути повышения эффективности. // *Современные исследования социальных проблем*, 2011, Т. 8, № 4
4. Влияние пандемии covid-19 на сектор высшего образования и магистратуру: аналитический материал международный, национальный и институциональный ответ. // Благотворительный Фонд Владимира Потанина. Электронный ресурс. URL: <https://ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (Доступ 04.05.2021).
5. Гришина О.А., Сагинова О.В., Скоробогатых И.И. и др. Оценка эффективности преподавателя в современном образовательном учреждении. // Монография. Под редакцией д.э.н. Сагиновой О.В., к.э.н. Мусатовой Ж.Б. ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». Москва. 2015. 115 с.
6. Калинина И.А., Карасев П.А., Кулапов М.Н., Скоробогатых И.И., РЭУ им. Г.В. Плеханова как конкурентоспособный университет будущего // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2017. № 6. С. 5–14. — с. 5.
7. Князев Ю. О конкуренции и сотрудничестве в современной экономике. // *Общество и экономика*, № 4, 2018, С. 31–42. — С. 34.
8. Кузнецов В.В., Лукина А.В., Малова Д.В., Принципы и механизмы стратегии устойчивого развития вуза. // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2017. № 1. С. 56–64. — С. 62.
9. Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. // МИРЭА — Российский технологический университет. Электронный ресурс. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>. (Дата обращения 20.08.2021)
10. Нейлбафф Б., Бранденбургер А. Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. / М.: Кейс, 2012, 352 с.
11. Плещинский А.С. Анализ конкуренции и сотрудничества при разработке технологических инноваций в отраслях промышленности. // *Экономика и математические методы*, 2017, Т. 53, № 3, С. 38–58.
12. Приходько Р.В. Сетевая научно-производственная кооперация высших учебных заведений и промышленных предприятий. // *Экономика и экологический менеджмент*, 2009, № 2, С. 34–43. — С. 34
13. Судакова А.Е., Сандлер Д.Г., Тарасьева Т.В., Конкуренция между ВУЗами: концептуальный анализ // *Университетское управление: практика и анализ*. 2020. Т. 24. № 4. С. 58–74
14. Толокина Е.Л. Сотрудничество и конкуренция: кто кого? // *Теоретическая экономика*, 2013, № 6 (18), С. 36–41. — С. 41.
15. Agasisti, T., Catalano, G. Governance Models of University Systems — Towards Quasi-Markets? Tendencies and Perspectives: a European Comparison, *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2006, vol. 28, n. 3, pp. 261–278. <https://doi.org/10.1080/13600800600980056> (Дата доступа 09.01.2019)
16. Agasisti T. Market forces and competition in university systems: theoretical reflectio and empirical evidence from Italy, *International Review of Applied Economics*, 2009, 23:4, 463–483. <https://doi.org/10.1080/02692170902954783> (Дата доступа 17.02.2018)
17. Bartlett W., Le Grand, J. (Eds.). *Quasi-markets and social policy*. London: Macmillan, 1993. https://doi.org/10.1007/978-1-349-22873-7_9 (Дата доступа 06.01.2017)
18. Belfield C., Levin H. The Effects of Competition on Educational Outcomes: A Review of U.S. Evidence, *Occasional Paper No. 35, National Center for the Study of Privatization in Education, Teachers College, Columbia University*. September, 2001. <https://doi.org/10.3102/00346543072002279> (Дата доступа 10.06.2012)
19. Catalano G., Silvestri P. Regolamentazione e competizione nel sistema universitario italiano: Effetti e problemi del nuovo sistema di finanziamento. In D. Fabbri & G. Fiorentini (Eds.), *Regolamentazione dei servizi pubblici*, Roma: Carrocci Editore, 1999, pp. 143–185.
20. De Groof J., Neave G., Sve` c J. *Democracy and governance in higher education*, Dordrecht: Kluwer Law International, 1998, 202 p.
21. Dill D.D. Higher Education Markets and Public Policy, *Higher Education Policy*, 1997, vol. 10, n. 3/4, pp. 167–185. [https://doi.org/10.1016/S0952-8733\(97\)81763-1](https://doi.org/10.1016/S0952-8733(97)81763-1) (Дата доступа 27.02.2019)
22. Gary-Bobo R., Trannoy A., L'Economie Politique Simplifié du 'Mammouth': Efficacité Sociale et Concurrence entre Universités, Working Paper THEMA, Université Cergy-Pontoise, 1998b, P. 13, n. 3, pp. 85–126.
23. Gibbs P. (2001) Higher Education as a Market: A Problem or Solution? // *Studies in Higher Education*. Vol. 26. No 1. P. 85–94
24. Glennerster H. Quasi-Markets for Education?, *The Economic Journal*, 1991, vol. 101, n. 408, pp. 1268–1276. DOI: 10.2307/2234442
25. Horta H.Y., Huisman J., Heitor M. Does Competitive Research Funding Encourage Diversity in Higher Education?, *Science and Public Policy*, 2008, 35(3), pp. 146–158. <http://dx.doi.org/10.3152/030234208X299044> (Дата доступа 12.03.2015)
26. Kaiser F., van der Meer P., Beverwijk J.M.R., Klempere A.M., Steunenber B., van Wageningen A.C. Market type mechanisms in higher education: a comparative analysis of their occurrence and discussions on the issue in five higher education systems. CHEPS, 1999. No 319, 113 p.
27. Kendall J., Knapp M., Forder J., Social care and the nonprofit sector in the western developed world. In W. Powell, & R. Steinberg, (Eds.), *The nonprofit sector: A research handbook*, 2006, (2 nd ed.). New Haven: Yale University Press, pp. 415–431.
28. Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education, *Higher Education*, 2006, 52(1), pp. 1–39. <https://doi.org/10.1007/s10734-004-7649-x> (Дата доступа 05.03.2018)
29. Simmel G. *The Sociology of Georg Simmel*, New York, NY: Simon and Schuster, 1950.
30. Teixeira P., Jongbloed B., Dill, D., Amaral A., (eds.). *Markets in Higher Education: Rhetoric or Reality*, Kluwer Academic Publishers, 2004. DOI:1007/1-4020-2835-0
31. Yonezawa, A., Kaiser, F. System-Level and Strategic Indicators for Monitoring Higher Education in the Twenty-First Century, *Studies on Higher Education Series*, UNESCO, Bucharest, 2003.

ЗАПРЕТ АНОНИМНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА

Семенова Наталья Александровна

Аспирант, Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
624559@list.ru

PROHIBITION OF ANONYMITY ON THE INTERNET AS A MEASURE TO PREVENT FRAUD

N. Semenova

Summary. This article analyzes the possibility of legislative introduction of a ban on anonymity on the Internet, as a fraud prevention measure, reveals the types and meaning of anonymity on the Internet. The scientific novelty of the article lies in the fact that the author makes an attempt to give a criminological assessment of anonymity on the Internet, to reveal its strengths and weaknesses. The expediency of banning anonymity on the Internet as a measure to prevent fraud is also analyzed. To do this, the author intends to find out exactly how anonymity is used to commit Internet fraud and how effective its ban will be and in what cases. Comparative-analytical research method is used in the analysis. In conclusion, it is concluded that the effectiveness of preventing Internet fraud depends on the implementation of a balanced policy to combat cybercrime by the state and society.

Keywords: internet-fraud, Internet fraud, internet anonymity, information security, computer fraud.

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ законодательного введения запрета на анонимность в сети Интернет, как меры профилактики мошенничества, раскрываются виды и смысл анонимности в сети интернет. Автором предпринята попытка дать криминологическую оценку анонимности в сети Интернет, раскрыть её сильные и слабые стороны, проанализировать целесообразность запрета анонимности в сети интернет в качестве меры по профилактике мошенничества. Для этого предлагается выяснить, каким образом анонимность используется для совершения интернет-мошенничества, насколько эффективным будет её запрет и в каких случаях. При написании статьи использовался сравнительно-аналитический метод исследования. В заключении делается вывод, что эффективность предупреждения интернет-мошенничества зависит от проведения сбалансированной политики борьбы с киберпреступностью со стороны государства и общества.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, мошенничество в сети Интернет, анонимность интернета, информационная безопасность, компьютерное мошенничество.

Слово анонимность происходит от греч. *ἀνωνυμία* «безымянность» от *ἀνώνυμος* «безымянный», неизвестный. Идея анонимности заключается в невозможности идентифицировать субъекта, однако анонимность может быть связана с понятиями конфиденциальности, свободы и безопасности.

Вопрос о целесообразности запрета анонимности в сети интернет, с правовой точки зрения остаётся мало изученным. Запрет анонимности, вызывает массовые споры, критику и даже протесты. Некоторые сторонни-

ки анонимности в интернете, справедливо опасаются, что такой запрет затронет их право на конфиденциальность персональных данных, личную и коммерческую тайну. В обоснование своих доводов они приводят понятие анонимности как способа защиты от противоправных действий третьих лиц, в том числе и мошенников.

Так по мнению Кецко К.В, для субъектов электронной коммерции, анонимность в сети Интернет, с одной стороны является преимуществом, с другой вызывает

опасения участников, несет определенные риски. Это, в частности, доступность внешнего проникновения, спам-атаки, создание сайтов-дубликатов [1, с. 58].

Другие авторы относят анонимность в сети Интернет к проблемам правового регулирования цифровых технологий, связанным с реализацией прав и свобод граждан. Они утверждают, что анонимность пользователя — это его конституционная гарантия, обеспечивающая охрану тайн его личной жизни. При этом авторы не исключают ограничение анонимности, когда она используется во вред охраняемым законом, общественным отношениям [2, с. 5].

Сторонники запрета анонимности в сети интернет, считают, что тем самым, можно снизить количество преступлений в виде мошенничества в сфере компьютерной информации. Как доказательство своей точки зрения, они приводят тот факт, что анонимность, затрудняет поиск лиц, совершивших мошеннические действия и сбор доказательств по соответствующим преступлениям.

Идея о запрете анонимности в интернете является не новой. Ее ещё в 2011 году поддержал один из ведущих мировых специалистов в сфере информационной безопасности Евгений Касперский. Однако в настоящее время на сайте <https://www.kaspersky.ru> пользователям предлагают услуги, маскирующие уникальный IP-адрес и гарантирующие полную анонимность в интернете.

Общеизвестным является факт, что основная проблема профилактики интернет-мошенничества заключается в том, что способы совершения мошенничества меняются с огромной скоростью.

Предупреждение интернет-мошенничества во многом зависит от того, насколько известен способ его совершения. Сегодня, правоохранители не успевают проанализировать все способы и предложить соответствующие меры профилактики, тем более довести эти профилактические меры до широкого круга лиц, которые потенциально могут стать жертвами интернет-мошенников.

Фактически профилактикой интернет-мошенничества занимаются как правоохранительные органы и государственные структуры, так и медиа и IT гиганты, такие как Google, Yandex, другие. Кроме того, профилактикой занимаются и субъекты предпринимательской деятельности — это банки, крупные корпорации, операторы сотовой связи, организации, занимающиеся разработками IT продуктов, другие организации и физические лица, так или иначе заинтересованные в информационной безопасности в сети Интернет.

Возможности социальных методов профилактики интернет-мошенничества ограничиваются восприятием субъектами профилактики профилактической информации и невозможностью раскрыть и донести до широкого круга пользователей, не только все схемы интернет-мошенничества, но и даже основные паттерны социальной инженерии используемые мошенниками. В человеческих отношениях, возможно всё, что угодно, восприятие людей сложно сориентировать на распознавание мошенничества, поэтому мошенники без особого труда находят своих жертв.

Что касается технических способов профилактики интернет-мошенничества, то речь идет о разнообразных программных методах, призванных защитить устройства, выходящие в сеть Интернет от различного рода атак злоумышленников. Сюда можно отнести различные антивирусные программы, сервисы типа CheckShortURL, используемые для проверки сайта на наличие вредоносных программ. Например, когда человек собирается перейти по ссылке на сайт.

Несмотря на разнообразие и всеобъемлющий характер профилактических мер, направленных профилактику и борьбу с мошенничеством в сети интернет, практика показывает, что сегодня, этих мер уже недостаточно, уровень интернет-мошенничества за последние два года резко возрос. Как следует из отчета Центробанка, всего за период времени с января по март 2021 года мошенники украли путем несанкционированных переводов у граждан и компаний в России 2,9 миллиардов рублей, что на 57% больше, чем в первом квартале 2020 года [3].

Профилактика мошенничества в сети Интернет в криминологическом аспекте, имеет некоторые затруднения вызванные тем, что интернет-мошенничество представляется, как мошенничество с использованием интернета как глобальной виртуальной сети, а также мошенничество с использованием интернет-связи. В последнем случае — это технология подключения к глобальной сети Интернет. При обсуждении вопроса анонимности в сети Интернет, понимание этих нюансов в контексте интернет-мошенничества необходимо для правильной квалификации деяний, образующих состав преступления.

Говоря об анонимности в сети, необходимо разграничивать анонимность в быденном понимании, анонимность данных и анонимность в техническом аспекте. Эти аспекты хотя и связаны между собой, всё же имеются существенные различия по содержанию.

Что касается анонимности в быденном понимании, речь идет, прежде всего, о возможности использова-

ния псевдонимов, вымышленных имен, создания в социальных сетях страниц, не содержащих личных данных, таких как имя, фамилия, другая информация, в том числе фотографий, позволяющей идентифицировать пользователя или опознать его. Не всегда такие страницы создаются с целью совершения мошенничества. Для многих это шанс пообщаться без идентификации, возможность будучи не опознанным, просматривать чужие страницы, выражать свои мысли, без боязни быть, в чем либо уличённым, или в иных целях. Это так называемые, «технические» аккаунты.

В данном случае анонимность пользователей довольно условна, если речь идет о добропорядочных гражданах, ведь для регистрации в социальной сети, добропорядочным пользователям приходится оставлять какие-либо данные о себе.

Другое дело, когда в социальных сетях и на торговых площадках, например, «Авито», под вымышленными именами скрываются профессиональные мошенники, которые регистрируют страницы по сим-картам, оформленным на подставных лиц, а в сеть выходят, используя специальные программы анонимайзеры, что существенно затрудняет их поиск. Однако, сами социальные сети, сайты знакомств и торговые площадки довольно быстро реагируют на такие подозрительные страницы, блокируя их деятельность.

В данном случае можно говорить об ограничении или запрете анонимности с целью профилактики мошеннических действий, при которых потерпевшие лица, подвергшись обману, сами передают, принадлежащие им денежные средства мошенникам, например в счёт оплаты несуществующих товаров или услуг, на благотворительность, в долг или на другие цели.

Безопасность пользователей в социальных сетях, на сайтах знакомств, а также на торговых площадках, в большей степени зависит от выполнения ими несложных правил, касающихся общения и обращения с денежными средствами. Полностью исключить обман и обезопасить каждого пользователя таких сайтов, запретив регистрацию анонимных страниц, представляется нам маловероятным. Добропорядочные граждане будут предоставлять паспортные данные при регистрации, предоставлять биометрические данные, а мошенники найдут способы, например, вскрыть чужие «настоящие» страницы и, как это практикуется сейчас, совершать преступные действия через них. Формально, запрет анонимности в социальных сетях и на торговых площадках повысит уровень доверия пользователей, в результате чего, мошенники только выиграют. В правовом плане, на выше упомянутые платформы будут возложены дополнительные обязанности по контролю

и выявлению, ещё на стадии регистрации, недобросовестных пользователей, что неминуемо приведет к дополнительным затратам, которые скажутся на обычных пользователях, в отдельных случаях регистрация может стать платной или цена на регистрацию, если она была платной, возрастет.

Когда речь идет об анонимности данных, то имеется ввиду идентификация анонимных данных конкретного лица в сети Интернет. Необходимо отметить, что в настоящее время возможности идентификации данных физических и юридических лиц в сети Интернет весьма велики без применения каких-либо специфических технических методов. Например, в социальных сетях, многие пользователи добровольно выкладывают информацию о себе. Здесь можно говорить об имени, дате рождения, семейном положении, номере телефона, транспортных средствах, включая государственные номера, данные геолокации и другую информацию, которую мошенники могут использовать в своих целях. Юридические лица так же выкладывают в сеть свои данные, используя которые можно узнать большинство интересующей информации. Но когда речь идет о защите персональных данных, коммерческой тайны или данных, которые физическое или юридическое лицо не хотело бы придать огласке, например данные о наличии счетов в банках и тому подобные, необходимо иметь ввиду, что для сохранности этих данных применяются технологии анонимизации данных. Анонимизация является способом обработки данных, в результате которого происходит преобразование идентификационной информации таким образом, чтобы по полученным данным нельзя было определить их принадлежность тому или иному субъекту. Анонимность данных рассматривается в качестве меры безопасности и должна, неукоснительно соблюдаться всеми субъектами оперирующими этими данными. Однако, как показывает практика, утечки данных происходят даже в крупных корпорациях. Попадая в руки мошенников они используются ими в своих преступных целях. В этой связи необходимо учесть, что утечка данных происходят во многом благодаря тому, что они недостаточно анонимизированы, и вообще не защищены, часто они хранятся в незашифрованном виде, поэтому в определенных условиях становятся легкой добычей мошенников.

Так в феврале 2022 года в Бурятии завершилось расследование уголовного дела против 22-летнего жителя республики, обвиняемого в совершении преступлений предусмотренных частью 2 статьи 138 Уголовного кодекса РФ — «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений граждан, совершённое с использованием служебного положения», частью 3 статьи 272 «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации» и частью 3 статьи 183

УК РФ — «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну». По данным следствия, 8 февраля 2021 года молодой человек устроился продавцом-консультантом в торговую точку дилера оператора сотовой связи. На следующий день он разместил в нескольких группах в популярном мессенджере объявления о том, что имеет доступ к конфиденциальной информации абонентов и готов предоставить её всем желающим за определённое денежное вознаграждение. В последующие несколько дней злоумышленник по запросам анонимных пользователей передал им сведения с детализацией телефонных звонков и сообщений восьми клиентов из разных регионов. За это ему заплатили 21 тысячу рублей [4].

Данный пример свидетельствует, о том, как отсутствие анонимизации данных, способствует совершению разнообразных преступлений. Становится очевидным, что если данные попадают к мошенникам, то число мошенничеств неизбежно растёт.

В целях профилактики такого вида преступности, необходимо возложить на компании повышенную ответственность за неправильное и незащищенное хранение персональных данных, стимулируя их, тем самым, применять более строгие меры к отбору сотрудников, имеющих доступ к персональным данным. Например, предлагать им проходить проверки на полиграфе при приёме на работу.

Однако наиболее проблемным и спорным аспектом в борьбе с интернет-мошенничеством, на сегодняшний день является инициатива ограничения анонимности в сети Интернет, в техническом аспекте. Идентификация в интернете или локальной сети возможна благодаря IP-адресам. IP означает «Интернет-протокол» — это набор правил, регулирующих формат данных, отправляемых через сеть. IP содержит информацию о местоположении устройства, обеспечивая его доступность для связи. По IP-адресам идентифицируют компьютеры, маршрутизаторы и веб-сайты в сети Интернет. IP-адрес назначается устройству интернет-провайдером. Любое действие в сети, любой запрос будет привязан к этому адресу.

Отбросив технические тонкости про то, какие бывают IP-адреса как они работают, отметим, что скрытие IP-адреса для добропорядочного пользователя — это способ защитить персональные данные и личность в сети Интернет, а для мошенника шанс остаться незамеченным и безнаказанным за совершенные им преступления. Зная IP-адрес, злоумышленники, с помощью специальных программ могут вести сбор статистики пользователя для передачи третьим лицам, определять его месторасположение, получать сведения о ка-

ких-либо действиях пользователя, в том числе компрометирующих его. Так, преступник сможет подтвердить чью-либо личность по IP-адресу системы, с целью, например загрузки какого-либо контента с IP-адреса этого пользователя. Такие действия совершаются часто с намерением загружать пиратские фильмы, музыку, видео, что является нарушением условий использования услугами провайдера. Может быть загружен контент, связанный с экстремизмом, терроризмом или детской порнографией, а также контент, способствующий совершению мошенничества, например, объявления о продажах товаров и услуг. Во всех случаях у правоохранительных органов возникают сложности с выявлением исполнителей. Отдельно отметим, что зная IP-адрес пользователя злоумышленники могут взломать устройство, заразить его вредоносными программами и использовать в своих преступных целях.

Мошенники могут использовать социальную инженерию, чтобы обманом заставить пользователя раскрыть IP-адрес. Например, они могут найти субъекта в Skype или аналогичном приложении для обмена мгновенными сообщениями, использующем IP-адреса для связи. Общение с незнакомцами в этих приложениях, предполагает, понимание того, что они могут видеть IP-адрес. Злоумышленники могут использовать инструмент Skype Resolver, позволяющий определить IP-адрес по имени пользователя.

Однако наиболее спорный метод профилактики, предлагаемый в настоящее время — это запрет операторам связи использовать «серые» IP-адреса, то есть публичные сетевые адреса, преобразованные по технологии NAT (Network Address Translation). Сторонники метода ссылаются на то, что технология NAT позволяет преступникам безнаказанно совершать все новые и новые преступления. Поэтому ввиду сложности их изобличения предлагается законодательно запретить операторам связи использовать протокол «IPv4», а протокол «IPv6» применять как его альтернативу. Полагаем, что внедрение нового протокола может способствовать борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, поскольку можно будет более точно выявить абонента, оставляющего электронные следы в сети Интернет.

Важно отметить, что данное предложение имеет смысл в долгосрочной перспективе, в ближайшие 10–15 лет, его реализация весьма затруднительна и экономически не обоснована. В настоящее время NAT (Network Address Translation) является базовой фундаментальной технологией и необходима для функционирования сети. А для перехода на протокол «IPv6» необходима замена аппаратно-технологической базы. То есть один IP-адрес должен соответствовать одному

устройству, что на сегодняшний день технологически невозможно воплотить. Попытки же быстро осуществить данную политику могут повлечь обрушению сети Интернет. Кроме того, NAT (Network Address Translation) не является как таковой технологией анонимизации, анонимизация в данном случае, является её побочным продуктом.

К сожалению, что авторы таких предложений часто не приводят достаточных доказательств того, что запрет NAT (Network Address Translation) повысит уровень безопасности сети и снизит уровень преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации. Более того, предлагая запретить NAT (Network Address Translation), необходимо сослаться на исследования о экономической целесообразности такого запрета и провести оценку рисков для безопасности государства.

Говоря об отмене NAT (Network Address Translation) необходимо понимать, что во-первых преступники могут использовать и другие технологии анонимизации, например VPN тоннель (англ. Virtual Private Network — виртуальная частная сеть) или Проект I2P. I2P.

На наш взгляд, для вынесения предложения о законодательном запрете NAT (Network Address Translation) необходимо привлечение экспертов в сфере безопасности сетей к исследованию данного вопроса.

Нельзя игнорировать тот факт, что анонимность в сети Интернет имеет огромное значение для безопасности предприятий, компаний и государственных структур, так как анонимные каналы необходимы для передачи информации благонадежным участникам правоотношений. Именно анонимность в данном контексте, выступает гарантом безопасности от преступных посягательств. Большинство сервисов безопасности используют именно технологии NAT (Network Address Translation).

На практике для того чтобы остаться не идентифицированными в сети Интернет, используется множество разнообразных методов. Например, использование анонимайзеров, вход в интернет с зарубежных IP-адресов, использование серверов, получающих почтовые сообщения и переправляющих их по адресам, указанным отправителем, так называемые ремейлеры, когда

при переадресовке, информация об отправителе уничтожается, использование Tor (The Onion Router — луковая маршрутизация) и VPN (Virtual Private Network — виртуальная частная сеть). Использование VPN с Tor обеспечивает максимальную анонимность.

Таким образом, можно сделать вывод, что для профессиональных интернет-мошенников, проблемы преодоления анонимности в сети Интернет не являются столь серьёзными, полагаем, что со временем преступники будут только совершенствоваться в уничтожении следов своей деятельности в сети Интернет. Поэтому, для решения вопроса о законодательном запрете анонимности в сети Интернет, необходима тщательная оценка всех положительных и отрицательных последствий запрета. Для решения этого вопроса должны быть привлечены специалистов из разных сфер деятельности, начиная от IT и заканчивая криминалистами, криминологами и психологами. В противном случае запреты как мера профилактики мошенничества в сети Интернет приведут к ограничению возможностей и прав добросовестных участников правоотношений, что является недопустимым.

Что же касается профилактики интернет-мошенничества, полагаем, прежде всего, необходимо совершенствовать техническую защиту, проводить более глубокую профилактическую работу среди населения. Особенно со стороны субъектов, предоставляющих услуги сотовой сети и интернет, со стороны социальных сетей, торговых площадок. Очень важным является контроль за хранением и обработкой данных. Именно утечка данных даёт наибольшие возможности интернет-мошенникам осуществлять свои преступные намерения.

Эффективность предупреждения интернет-мошенничества зависит от проведения сбалансированной политики со стороны государства и общества в борьбе с киберпреступностью.

Законодательная защита интересов бизнеса, электронной коммерции, неминуемо приведёт к тому, что бизнес-сообщество получит более широкие возможности по укреплению и развитию технологий защиты от интернет-мошенничества и других киберпреступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кецко К.В. Преступность в сфере электронной коммерции // Российский следователь. 2021. №9. С. 58–63.
2. Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. №2. С. 5–11.
3. Евгения Чернышова <https://www.rbc.ru/finances/09/07/2021/60e845c39a794772e1d0e21e>

4. Артемий Иванов <https://www.infpol.ru/238278-v-ulan-ude-sotrudnik-salona-sotovoy-svyazi-prodaval-personalnye-dannye-klientov/>.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 N3-ФЗ) // Российская газета от 31 января 2022 г. N202.
6. Федеральный закон от 28.12.2009 N381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N27 (часть I) ст. 51823.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 N152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N27 (часть I) ст. 5159.
8. Федеральный закон от 07.07.2003 N126-ФЗ «О связи» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2022 г. N1 (часть I) ст. 34.

© Семенова Наталья Александровна (624559@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бурятский государственный университет

POST COOKIES WORLD: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

COMMERCIALIZATION OF PERSONAL DATA AS A CONSEQUENCE OF THE USE OF BIG DATA TECHNOLOGIES

**A. Sokolova
G. Akhmadieva**

Summary. This article analyzes advertising tools and cookies and their impact on the transformation of the right to protection of personal data and privacy. In the context of widespread digitalization, fundamental legal institutions are also changing, which directly predetermines the problem of the imbalance between the interests of individuals and companies seeking to implement technological tools.

Keywords: cookies, personal data, Big Data, digitalization, right to privacy.

Соколова Алина Сергеевна

ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени академика
С.П. Королева» (Самарский университет)
alisokolova@bk.ru

Ахмадиева Гюзэль Ринатовна

ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени академика
С.П. Королева» (Самарский университет)
giuzel.akhmadieva@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу рекламных инструментов и cookies и их влиянию на трансформацию права на защиту персональных данных и неприкосновенность частной жизни. В условиях повсеместной цифровизации изменяются и фундаментальные правовые институты, что напрямую предопределяет проблему нарушения баланса между интересами физических лиц и компаний, стремящихся внедрять технологические инструменты.

Ключевые слова: cookies, персональные данные, Big Data, цифровизация, право на неприкосновенность частной жизни.

Рынок данных расширяется и растет с каждым годом, планируя к 2025 году выйти на отметку в \$230 млрд. Объем пользовательских данных, создаваемых самими пользователями, диктует новые условия и для рекламного рынка. Маркетинговые агентства с помощью сбора и анализа подобной информации работают с определенными сегментами целевой аудитории, транслируя определенные рекламные сообщения. Сайты получают подобную информацию с помощью ряда инструментов: IP-адрес, Hash-ID, Referrer HTTP, а также используя специальные cookie-файлы.

Cookies представляют собой специальные записи в реестре, которые хранятся непосредственно в браузере самого пользователя. Данная технология позволяет отследить действия конкретного пользователя на сайте. Cookies, в свою очередь, не однообразны и подразделяются на несколько видов. Если системные куки необходимы исключительно для работы самого сайта, то функциональные, в свою очередь, сохраняют информацию о том выборе, который пользователь совершал в прошлом. Маркетинговые cookies рассчитаны на сбор информации о пользователе и использовании ее в рекламных целях впоследствии. Именно

последний вид таких файлов представляет особый интерес при рассмотрении темы о защите персональных данных. Так, маркетинговые куки-файлы могут быть основными — создаваемыми самими владельцами сайта и сторонними (third-party cookies) — файлы, сохраняемые третьей стороной (рекламными и аналитическими системами). Именно third-party cookies помогают отслеживать предпочтения аудитории и транслировать трагетированную, контекстную и баннерную рекламу. Несмотря на кажущуюся очевидную пользу и эффективность, данная технология может служить не только для персонализации товаров, работ и услуг, но и для персонифицированного ценообразования и предложений. Такие технологии приводят к расширению рынка mash-up сервисов и распространению data brokers, которые коммерциализируют персональные данные.

Ввиду того, что использование third-party cookies связано с неосведомленностью пользователей и отсутствия согласия, возникает вопрос том, являются ли технологии cookies персональными данными. В этой связи, необходимо обратиться к Генеральному регламенту по защите персональных данных, действующему в Европейском Союзе (GDPR) [1]. Согласно данному до-

кументу, физическое лицо может быть определено через так называемые cookie identifiers (файлы, сохраняемые в системе посетителя сайта). Именно такие данные позволяют оставлять цифровые следы пользователя и при соотнесении их с уникальным ID идентифицировать физическое лицо. Однако, GDPR — не единственный регулятор данных технологий в Европейском Союзе. Так, файлы cookie законодательно закреплены в ePrivacy Directive (2002/58/EC) [2]. Именно в данном документе выделяются правовые основания работы с данными. В данном случае необходимо наличие согласия, которое, в свою очередь, должно быть конкретным, свободным, информированным и подразумевать недвусмысленное выражение намерений, а также легитимного интереса. Таким образом, европейский подход к регулированию может являться ориентиром и примером имплементации в национальное законодательство.

В Российской Федерации технологии cookies подпадают под регулирование Федерального закона «О персональных данных» и, соответственно, являются персональными данными [3]. Однако, в российской практике технологии cookies не имеют достаточного закрепления, а именно: не подразделяются на обязательные и необязательные, не имеют предписания для владельцев сайтов об оповещении пользователей об их использовании. Cookie-файлы содержат и «сохраняют» определенную информацию, а именно: личные данные для авторизации (логин — мобильный телефон, email, пароль; тип устройства, с которого совершается вход, товары и услуги, выбранные пользователями, пользовательский путь на сайте). Неурегулированность в российском законодательстве вопроса о том, в каком случае и какая совокупность сведений будет являться персональными данными порождает проблему несоблюдения баланса между интересами физических лиц, чье право на неприкосновенность жизни может быть нарушено и компаниями, которые могут привлекаться к ответственности за сбор и несанкционированную обработку информации. Так, например, для работы с системными cookies согласие от пользователя на обработку персональных данных не требуется, ввиду отсутствия последующей обработки персональных данных. Однако, в Европейском Союзе превалирует подход, при котором указание на использование таких cookie-файлов необходимо в Политике использования cookie. Более того, европейский подход характерен еще и тем, что обязывает владельцев интернет-ресурсов получать явное согласие от пользователей на использование cookies. Это выражается в отсутствии текущей возможности добавлять стандартные чек-боксы, которые делали достаточным для пользователей проставление галочки в соответствующем месте. 1 октября 2019 года Европейским Судом по правам человека было принято решение, согласно которому интернет-ресурсы лиша-

ются возможности использовать чек-боксы в качестве выражения согласия пользователя, а также владельцы сайтов будут обязаны перечислять названия сторонних компаний, имеющих доступ к персональным данным посетителей в целях контроля над third-party cookies [4]. В российской практике часто возникает вопрос о том, могут ли являться персональными данными сведения, предоставляемые самими пользователями, если они не проверяются на достоверность. На данном этапе развития технологий доступна косвенная идентификация лица, которая становится возможной при использовании cookie-файлов. Так, идентифицировать лицо можно при соотношении его ID с материалами, размещенными самим пользователем. В таких случаях, согласно Федеральному закону «О персональных данных» контроллер обязан получить письменное согласие на обработку персональных данных, а не презюмировать его на основании акцепта условий пользовательского соглашения. Это становится актуальным и при использовании иных рекламных инструментов. Так, согласно решению Арбитражного суда Новосибирской области от 29 марта 2019 г. по делу N А45-44774/2018 обработка персональных данных в целях продвижения товаров, работ, услуг на рынке путем осуществления прямых контактов с потенциальным потребителем с помощью средств связи, а также в целях политической агитации допускается только при условии предварительного согласия субъекта персональных данных. В указанном деле ООО «Авиакомпания Победа» оспаривало постановление Управления Федеральной антимонопольной службы, согласно которому действия авиакомпании в части отправления на адрес электронной почты физического лица не только копии электронных билетов, но и рекламных материалов партнера были признаны неправомерными. Политика конфиденциальности ООО «Авиакомпания Победа» предусматривала, предусматривает, что каждый клиент, заключивший с авиакомпанией «Победа» договор воздушной перевозки, либо воспользовавшись инструментами управления услугами и сервисами авиакомпании «Победа» выражает согласие на обработку персональных данных. Суд пришел к выводу о том, что акцептирование условий в момент оформления договора перевозки пассажира в виде билета не свидетельствует о воле лица на получение рекламных материалов. Таким образом, российская практика, во многом, копирует европейский подход относительно того, что проставление специальных знаков в соответствующем поле, свидетельствующую о получении согласия на получение рекламы не является соблюдением требований Федерального закона «О персональных данных» и Федерального закона «О рекламе» [5].

Таким образом, несмотря на попытки имплементации европейского опыта относительно законодательного регулирования рекламных технологий, в част-

ности файлов cookie, в российском законодательстве остается немало пробелов, которые могут угрожать соблюдению баланса между интересами физических лиц и компаний. Учитывая рост рынка данных и стреми-

тельного технологического прогресса, решение спорных вопросов о защите персональных данных в связи с использованием рекламных технологий становится необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R06>. 1843
2. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0058>
3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N152-ФЗ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
4. Court of Justice of the European Union PRESS RELEASE No 125/19, Judgment in Case C-673/17 Bundesverband der Verbraucherzentralen und Verbraucherverbände — Verbraucherzentrale Bundesverband eV v Planet49 GmbH., 1.10.2019. — Luxembourg
5. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 29 марта 2019 г. по делу N А45–44774/2018. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OCe6s4hlxtYK/> (дата обращения: 21.01.2022) — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система]
6. Rouiller Nicolas. International Business Law: An Introduction to the Legal Instruments and to the Legal Environment of Business from an International Perspective. Zurich, 2015
7. Smit, Van Noort & Voorveld. Understanding Online Behavioural Advertising: User Knowledge, Privacy Concerns and Online Coping Behaviour in Europe // Elsevier. Computers in Human Behavior, 32. 2014. P. 15
8. Cookie: что нужно знать? [Электронный ресурс] // Kaspersky lab Daily. — Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/cookie-cto-nuzhnozhat/979/> (дата обращения: 20.01.2022)
9. Ткаченко А.Л., Сафронов Е.С., Кузнецова В.И. Анализ эффективности защиты персональных данных и проблема cookie-файлов // Дневник науки. № 6 (54). 2021. С. 58

© Соколова Алина Сергеевна (alisokolova@bk.ru), Ахмадиева Гюзэль Ринатовна (giuzel.lakhmadieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАНДАРТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ

FEATURES OF THE APPLICATION OF STANDARDS OF INTERNATIONAL PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN DECISIONS OF NATIONAL COURTS

Z. Suyunova

Summary. This article discusses the application by national courts of the provisions of the European Convention on Human Rights, the content of which is reflected in the decisions of the European Court of Human Rights. The author analyzes the problem arising from the contradiction between the principle of subsidiarity implemented by the ECHR and the principle of freedom of national discretion implemented by the Constitutional Court of Russia. The author noted the lack of a unified approach to the interpretation of such crucial elements in the field of property protection as the concept of indirect nationalization, balance of interests, public control of the state over property.

Keywords: protection of property rights, principle of subsidiarity, principle of freedom of national discretion, indirect nationalization, protection of public interest, balance of private and public interest.

Суюнова Заира Мухарбиевна

Старший преподаватель, Северо-Кавказская
государственная академия (СКГА)
zaira_suyunova@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы применения национальными судами положений Европейской конвенции по правам человека, содержание которых отражено в решениях Европейского суда по правам человека. Автором проанализирована проблема, возникающая вследствие противоречия между принципом субсидиарности, реализуемым ЕСПЧ, и принципом свободы национального усмотрения, реализуемым Конституционным Судом России. Автор отметил отсутствие единого подхода к вопросам толкования таких важнейших элементов в сфере защиты собственности как понятие косвенной национализации, баланса интересов, публичный контроль государства над собственностью.

Ключевые слова: защита права собственности, принцип субсидиарности, принцип свободы национального усмотрения, косвенная национализация, защита общественного интереса, баланс частного и публичного интереса.

Построить эффективную систему защиты экономических прав исключительно на национальном уровне, без учета положений и стандартов международного права и правоприменительной практики надгосударственных судебных инстанций не может ни одно государство. От согласованности национальных правовых систем с международным правом во многом зависят и уровень международного сотрудничества государства, и его авторитет. Как правомерно отмечают некоторые авторы, обращение к международному опыту в настоящее время необходимо не только в рамках научных исследований, но и при разработке новых законов [13]. Данный подход по-разному находит отражение в национальных источниках. Так в Российской Федерации учет положений международного права проявился в приоритете общепризнанных принципов и норм международного права, которые являясь частью правовой системы РФ тем не менее имеют большую юридическую силу (ст. 15 Конституции РФ) Вы-

шеупомянутый конституционный принцип нашел свое отражение в действующем ФЗ от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [1], а также конкретизирован впоследствии в практике Конституционного Суда РФ.

Признавая в ч. 3 ст. 46 Основного закона возможность каждого обращаться за защитой в международные (наднациональные) судебные институции, государство тем самым признает и юридическую силу правоприменительных актов ЕСПЧ с оговоркой, касающейся ситуаций, предусмотренных Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах РФ», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части

четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», которым признан приоритет Конституции РФ и определено, что в случае, когда постановление ЕСПЧ, вынесенное против России, основано на таком толковании положений Конвенции, которое входит в противоречие с Конституцией РФ, такое постановление ЕСПЧ не может быть исполнено в России.

В настоящее время прослеживается тенденция фактического непринятия Россией на безусловном уровне решений ЕСПЧ как наднациональной судебной инстанции в случаях, когда есть основания полагать, что решение ЕСПЧ носит политизированный и предвзятый характер, а потому государство посредством осуществления конституционного судопроизводства принимает решение о неисполнении судебного акта ЕСПЧ в связи с его несоответствием положениям Конституции РФ.

На данный момент практика непризнания и не приведения к исполнению решений ЕСПЧ по делам, связанным с реализацией права собственности, ничтожно мала, чтобы отследить какую-либо закономерность. Единственным примером является Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [3], в котором орган конституционного правосудия указывает на необходимость нахождения разумного баланса «с тем, чтобы принятое им (*Конституционным судом.* — *Авт.*) решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой — не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина».

По результатам рассмотрения дела, КС РФ признал невозможным исполнение Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [7], указав на то, что неисполнение ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» налоговых обязательств могло подорвать не только экономическую стабильность

Российской Федерации, но и ее политическую стабильность, посягая на принцип равенства всех перед законом.

Указанное позволяет обосновать мнение о том, что в настоящий момент существует противоречие между принципом субсидиарности, реализуемым ЕСПЧ, и принципом свободы национального усмотрения, реализуемым Конституционным Судом России, которое в рамках защиты права на свободное владение недвижимостью и уважение собственности хоть и представлено единичным случаем из практики, однако может рассматриваться как прецедент, иллюстрирующий несоблюдение принципа баланса интересов лица — субъекта экономических отношений, а также интересов государства и общества.

В конкретном случае ЕСПЧ исходил из позиции наличия в деле исключительных обстоятельств, в то же время апеллируя к необходимости соблюдения условий законности и пропорциональности при изъятии имущества в пользу государства в ходе национализации. Аргументируя свое решение, ЕСПЧ указал на непропорциональность требований России как государства-ответчика, имея в виду то обстоятельство, что сумма претензий первоначально составляла \$28,3 млрд., но в дальнейшем была увеличена до \$114,2 млрд.

В то же время, на принцип пропорциональности ссылаясь и орган конституционного правосудия России в процессе непризнания решения ЕСПЧ и не приведения его к исполнению, считая итоговую сумму взыскиваемой компенсации завышенной как минимум на \$20 млрд. Кроме того, Россия аргументировала обоснованность своих действий предусмотренным в том числе и в ст. 1 Протокола № 1 правом контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами лица, общества и государства, реализуемых законным путем.

Следует также отметить, что позиция России базируется на преобладании публичных интересов перед интересами собственника, вплоть до непризнания юрисдикции ЕСПЧ в конкретном деле в связи с его политизацией.

При этом, юридическая сила Конвенции в России не оспаривается, а ее значимость для установления приоритета прав и свобод лица в России признается на высоком уровне, поскольку Конвенция является уникальным по своему юридическому влиянию «конституционным инструментом европейского общественного порядка». Указанное обуславливается тем, что роль ЕСПЧ в формировании обобщенного видения основных прав и свобод подтверждает стремление го-

сударств-участников «связать» установленными Конвенцией стандартами национальное право.

В этой связи, несмотря на проанализированное исключение из общего правила признания решений ЕСПЧ в вопросах защиты права собственности в России, с целью дальнейшего развития российского законодательства в соответствии с нормами и принципами международного права, крайне важной является соотносимость опыта применения ЕКПЧ в практике ЕСПЧ по указанным вопросам с национальной правоприменительной практикой России. Указанное обусловлено тем обстоятельством, что «знание практики ЕСПЧ является неотъемлемой частью познания права и системы ЕКПЧ. Изучая или знакомясь исключительно с текстом Конвенции о правах человека, почти невозможно прийти к однозначному выводу, каким образом она должна толковаться и применяться. Конвенция создает свою уникальную систему юриспруденции, которая если даже и не должна быть наследуема, в отличие от юридически обязательных источников права, поскольку не является прецедентом в его классическом понимании, то в любом случае должна быть известна юристам-практикам. И хотя подход Конвенции к решению вопросов о признании нарушения прав человека и, в частности, права собственности, и отличается от подхода отечественной юриспруденции, все же Конвенция и ее нормы, как нормы международного права, является частью законодательства России, должны быть понятными для юристов из цели надлежащего применения ее норм» [15].

Поскольку с ратификацией ЕКПЧ Россия приняла на себя два типа обязательств (приведение в соответствие с ЕКПЧ национального законодательства и устранение нарушений прав и свобод человека), то согласованное с прецедентной практикой ЕСПЧ национальное правоприменение будет свидетельствовать о гарантировании конвенционно защищаемых ценностей, в том числе — и связанных с обеспечением мирного владения имуществом, а также уважением права собственности. Как справедливо отмечают некоторые авторы, изменение политического устройства страны и переход к рыночной экономике привели к необходимости усовершенствования всех разделов и институтов гражданского законодательства, включая механизмы защиты права собственности [12].

На данный момент декларативно законодательство России о защите права собственности соответствует требованиям ЕКПЧ, и, в частности, ст. 1 Протокола № 1, которой закреплены основные принципы осуществления права собственности и его ограничения, а именно — беспрепятственное осуществление собственником дозволенных правомочий в отношении своего имущества; границы допустимого разумного вмеша-

тельства государства в осуществление правомочий собственника.

Однако, на практике возникают вопросы, связанные с осуществлением национализации или иных форм изъятия имущества собственника в адрес государства, в том числе — в рамках косвенной национализации, а также процессуальные вопросы, связанные с обеспечением уважения права собственности, выработкой законного, пропорционального и сбалансированного способа защиты права собственности, влекущее необходимость обоснованного (адекватного, взвешенного, оправданного) применения практики ЕСПЧ.

В этой связи представляется целесообразным проанализировать практику применения судами России положений Протокола № 1; решений ЕСПЧ в этой сфере с целью выявить проблемные вопросы в процессе применения практики ЕСПЧ и положений Протокола № 1 национальными судами.

Показательным является дело, в рамках которого заявители (Расторгуев и другие, итого — 12 человек), являвшиеся добросовестными приобретателями, жаловались на то, что они были выселены из квартиры, которую они приобрели у лица, не имевшего на нее прав, однако об этом заявителям не было известно во время покупки квартиры.

ЕСПЧ Постановлением от 27.06.2017 по делу «Расторгуев и другие против Российской Федерации (Rastorguyev and Others v. Russia)» [4] единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требования статьи 1 Протокола № 1 (защита собственности) в отношении некоторых заявителей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Указанное Постановление, а также разрешенная им проблема, по духу и букве закона близки с иными примерами из практики ЕСПЧ, в частности, с Решением ЕСПЧ «Стретч против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» [8] (2003 г.), в рамках которого Судом озвучен вывод, что «признание недействительным договора, согласно которому покупатель получил имущество от государства, и дальнейшее лишения его этого имущества на основании того, что государственный орган нарушил закон, недопустимо».

На указанное решение ЕСПЧ в процессе судебного разбирательства по делу Расторгуева и других один из истцов ссылаясь как на аргумент, обосновывающий его правовую позицию относительно необходимости защиты права собственности, что свидетельствует о по-

степенном внедрении прецедентной практики ЕСПЧ в правоприменение национальных судебных институций.

В контексте применения права, задекларированного в ст. 1 Протокола № 1, не являются исключением и налоговые споры, где на практику ЕСПЧ все чаще ссылаются и судебные органы. В этой категории споров установление обязанности уплатить налог или лишение права получить налоговую выгоду (налоговый кредит или бюджетное возмещение НДС) рассматривается как лишение собственности. Соответственно, оно должно осуществляться «на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права» [16].

Среди самых известных решений ЕСПЧ, принятых по этому вопросу, является упомянутое выше дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», в котором было констатировано, что спор касается не конкретной суммы возмещения налогового платежа или компенсации за задержку его выплате, а общих прав заявителей, связанных как с налогообложением юридического лица, так и с национализацией его имущества.

Кроме того, на одном из этапов рассмотрения указанного дела ЕСПЧ признал, что привлечение налогоплательщика к ответственности после истечения срока давности является нарушением его права на защиту собственности, а отказ налогоплательщику в предоставлении достаточного времени на ознакомление с материалами дела является нарушением его права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ) [7].

Впоследствии, как упоминалось, Суд в связи с обнаруженными нарушениями со стороны России норм материального и процессуального права при осуществлении национализации, постановил взыскать в пользу заявителей рекордную сумму компенсации за нарушение права на защиту собственности в размере 1,9 млрд. евро.

Закономерно, что решение по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», давшее толчок процессу пересмотра обоснованности признания прецедентной практики ЕСПЧ в России с не приведением в исключительных случаях решений ЕСПЧ к исполнению, не применяется отечественными судами в качестве обоснования правовой позиции правоприменительных органов. Однако практика показывает, что в целом приведенные к исполнению решения ЕСПЧ против России, а также решения, принятые Судом в отношении иных государств по вопросам защиты права собственности, в особенности — при рассмотрении на-

логовых споров, достаточно часто ложатся в мотивировочную часть национальных судебных актов.

Так, в деле «Булвес АД против Болгарии» (2009 г.) [5] Суд признал, что отказ в предоставлении вычета по НДС со ссылкой на налоговые нарушения со стороны поставщика налогоплательщика также нарушает право на защиту собственности. К аналогичным выводам Суд пришел и в упомянутом деле «Стретч против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» [8] (2003 г.), а также «Интерсплав против Украины» [6] (2007 г.). На указанные Решения ЕСПЧ ссылались стороны в ряде дел, которые рассматривались национальными судами России, притом, такая практика позитивно воспринята и правовой доктриной России [14].

На необходимость применения прецедентной практики ЕСПЧ ссылается и национальный орган конституционного правосудия в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21-П от 27 июня 2013 года «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Хотя указанное Постановление и послужило толчком для внесения изменений в ст.ст. 104.1–104.4 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] относительно случаев не приведения к исполнению решений ЕСПЧ, Постановление № 21-П также и акцентирует на необходимости в ходе национального правоприменения использовать прецедентную практику ЕСПЧ.

Изложенное позволяет обосновать значимую проблему, связанную с отсутствием унификации подходов применения прецедентной практики ЕСПЧ в правоприменительной деятельности национальных судебных институций в связи с невозможностью на данном этапе выработать единые критерии приведения решений ЕСПЧ к исполнению. Один из элементов данной проблематики связан с тем, что решения ЕСПЧ хоть и обязательны для соответствующих стран, однако не имеют силу нормативного акта. С точки зрения квалификации данного документа, обстоятельства, изложенные в решении суда скорее будут рассмотрены как вновь открывшиеся обстоятельства, необходимый для возможного пересмотра существующего судебного решения. С другой стороны, система права, не основанная на прецеденте, не позволяет эффективно имплементировать в национальную систему решения международных судов, поэтому требуется значительный период времени, чтобы толкование Европейской Конвенции по правам человека в следствие широкого и длительного применения создало единообразие судебной практики на национальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 17.07.1995, № 29, ст. 2757.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 30.01.2017, № 5, ст. 866.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.06.2017 г. Дело «Расторгуев и другие против Российской Федерации (Rastorguyev and Others v. Russia)» (жалобы № 11808/15, 12068/15, 12253/15, 12472/15 и 25624/15). // «Российская хроника Европейского Суда», 2017, № 4.
5. Решение ЕСПЧ от 22.01.2009 г. Дело «Булвес» АД против Болгарии (жалоба № 3991/03) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12065909/> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
6. Case of Intersplav v. Ukraine (Application no. 803/02) (9 January 2007) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«tabview»:«document»,«itemid»:«001-78872»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
7. Case of OAO Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia (Application no. 14902/04) (31 July 2014) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«tabview»:«document»,«itemid»:«001-145730»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
8. Case of Stretch v. the United Kingdom (Application no. 44277/98) (24 June 2003) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»:«001-61173»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
9. J. Crawford and A. Keene, 'The Structure of State Responsibility under the European Convention on Human Rights', in A. van Aaken and I. Motoc (eds.), *The European Convention on Human Rights and General International Law* (2018).
10. Jean-François Akandji-Kombe «Positive obligations under the European Convention on Human Rights» Directorate General of Human Rights Council of Europe F-67075 Strasbourg Cedex © Council of Europe, 2007 1st printing, January 2007 Printed in Belgium
11. Rosana Garcíandia «State responsibility and positive obligations in the European Court of Human Rights: The contribution of the ICJ in advancing towards more judicial integration» *Volum 33, Issue 1, March 2020* pp177–187 <https://doi.org/10.1017/S0922156519000591>
12. Зайцев В.В. Основные направления совершенствования законодательства о залоге // *Юридический вестник Самарского университета*. 2020. Т. 6. № 1. С. 136–144.
13. Зайцев О.В. Проблемы совершенствования гражданского законодательства через призму доктрины // *Юридическая наука*. 2016. № 5. С85–88.
14. Иванец Ю. Как использовать решения Европейского суда в российских налоговых спорах. // *ЭЖ Закон.Ру*, 2017 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/11/07/kak_ispolzovat_resheniya_evropejskogo_suda_v_rossijskih_nalogovyh_sporah_61292#comment_440431
15. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения. / Под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. — М.: Норма, 2002. — С. 99.
16. Сагдеева Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. — М.: Статут, 2014. — С. 201.

© Суюнова Заира Мухарбиевна (zaira_suyunova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ЛЮДЬМИ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

FAMILY PROBLEMS IN THE SYSTEM OF LONG-TERM CARE FOR ELDERLY AND SENILE PEOPLE

A. Kovaleva

Summary. The article examines the content components of long-term care for the elderly and senile people, identifies the specifics of problems in families where this care is provided. The relevance of this study is confirmed by the fact that the percentage of the elderly population in our country is increasing and one of the priorities of the state is the implementation of long-term care for the elderly while maintaining the most comfortable living conditions, providing the necessary services and treatment.

The empirical part of the article is presented by comparing the experience of long-term care for the elderly in various regions of the Russian Federation and abroad, as well as solving problems in families where long-term care for the elderly and elderly is carried out.

The practical part of the article reflects the experience of working within the framework of the Federal project "Active Longevity" on the example of social service institutions of non-stationary and semi-stationary types in one of the pilot regions of the Volgograd region. The experience of the work of state institutions is studied and statistical data on this issue in the whole region are analyzed.

Keywords: long-term care, active longevity, foster family, social service institution, gerontology, rehabilitation, nurse, foster sister.

Ковалева Анна Владимировна

Доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Lagrima777@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются содержательные компоненты долгосрочного ухода за пожилыми и людьми старческого возраста, выявляется специфика проблем в семьях, где осуществляется данный уход. Актуальность данного исследования подтверждена тем, что процент пожилого населения в нашей стране увеличивается и в качестве одной из приоритетных задач государства ставится осуществление долгосрочного ухода за пожилыми при сохранении максимально комфортных условий проживания, с обеспечением необходимого обслуживания и лечения.

Эмпирическая часть статьи представлена сравнением опыта долгосрочного ухода за пожилыми в различных регионах Российской Федерации и за рубежом, а также решения проблем в семьях, где осуществляется долгосрочный уход за пожилыми и престарелыми.

Практическая часть статьи отражает опыт работы в рамках Федерального проекта «Активное долголетие» на примере учреждений социального обслуживания нестационарного и полустационарного типов в одном из пилотных регионов Волгоградской области. Исследован опыт работы государственных учреждений и проанализированы статистические данные по данному вопросу в целом по региону.

Ключевые слова: долгосрочный уход, активное долголетие, патронатная семья, учреждение социального обслуживания, геронтология, реабилитация, сиделка, патронатная сестра.

Введение

Актуальность проблемы, связанной с качеством жизни пожилых и людей старческого возраста подтверждается тем, что с каждым годом количество людей в данной возрастной категории постоянно увеличивается. Если на 2017 г. доля пожилых людей в общей численности населения составляла 25% [2; 35], то к началу 22 года эта доля увеличилась до 29%. Безусловно, особенно остро стоит вопрос о том, что бытовые условия, уход, медицинское обслуживание также должны быть соответствующего качества. При этом, есть

несколько вариантов обеспечения долгосрочного ухода за пожилыми людьми, в число которых входит обслуживание в социальных учреждениях стационарного и полустационарного типа, приемные семьи, проживание в кровной семье с профессиональным уходом и случаи, когда ухаживают специально обученные родственники.

На Западе работа с пожилыми и семьями, в которых они проживают, включает материальную и психологическую поддержку, т.к. семьи испытывают целый ряд проблем, начиная от бытовых, связанных со специфи-

кой ухода и медицинского обслуживания, так и социальных, психологических, включая изменение круга социальных связей, изоляцию, межличностные конфликты. Хотя необходимо отметить, что в ряде стран система работы с пожилыми отражает приоритет проживания престарелых граждан в стационарных учреждениях государственного и частного типа и минимизирует контакты пожилых с родственниками, а те семьи, в которых осуществляется уход за людьми старческого возраста, предпочитают нанимать сиделок, помощников, младший медицинский персонал, самостоятельно не осуществляя уход.

С 2018 г. Указом Президента РФ № 204 в нашей стране также утвержден национальный проект «Демография», в рамках которого в шести пилотных регионах сейчас успешно работает подпроект «Старшее поколение». Кроме того, в различных областях и городах функционируют региональные и муниципальные проекты и программы, нацеленные на долгосрочный уход за пожилыми и людьми старческого возраста. При этом не всегда должное внимание уделяется семье, в которой проживает пожилой человек и тем проблемам, с которыми приходится сталкиваться членам семьи. А, между тем, работа с семьей очень важна, т.к. она является одним из основных ресурсов системы долговременного ухода и полноценное ее функционирование просто необходимо для того, чтобы уход осуществлялся максимально эффективно.

Цель исследования

выявить основные проблемы, возникающие в семье во время долговременного ухода за людьми пожилого и старческого возраста.

Чтобы достигнуть данной цели, мы определили задачи исследования:

1. Определить членов семьи, которых касаются проблемы, связанные с уходом за пожилыми и людьми старческого возраста;
2. Исследовать основные виды и содержание проблем семьи, где осуществляется долговременный уход за пожилыми;
3. Выявить перспективные направления работы с семьями, в которых осуществляется долговременный уход за пожилыми людьми.

Объекты и методика

Объектом нашего исследования выступает семья, в которой за пожилым человеком осуществляется долговременный уход, а предметом — те, проблемы, с которыми сталкиваются члены семьи, в которой проживает данный пожилой человек. Для того, чтобы ис-

следование было максимально эффективным, мы использовали три группы методов:

1. Теоретические: теоретико-методологический анализ современных публикаций по данной тематике, сравнительный анализ;
2. Эмпирические: изучение зарубежного и отечественного опыта организации работы с пожилыми людьми и их семьями;
3. Практические: практическое исследование работы с семьями, в которых проживают пожилые на примере учреждений социального обслуживания г. Волгограда.

Результаты и обсуждение

Увеличение не только масштабов, но и темпов увеличения численности пожилого населения актуализирует развитие технологий повышения качества жизни пожилых людей и тех семей, в которых они проживают. Ускорение динамики старения влияет на организацию системы социального обслуживания и здравоохранения не только по отношению к пожилым, но и к семье, детству, т.к. пожилые не являются изолированной социальной категорией, зачастую имеют семьи, родственников, которые участвуют в уходе. Работа с семьей, в которой осуществляется долговременный уход, является одним из неотъемлемых элементов данной технологии, т.к. минимизация проблем в семье, способствует полноценному ее функционированию.

Вопросы работы с пожилыми и людьми старческого возраста рассматриваются различными современными учеными (Гармаева А.Б., Сененко А.Ш., Зимина Ю.А., Линченко С.А., Постнова М.В., Срослова Г.А.), которые отражают различные аспекты долговременного ухода, показавшие эффективность реализации. При этом отмечается, что важным направлением долговременного ухода является обеспечение доступности для пожилых разных сред жизнедеятельности [6;189], а первичная и значимая среда для пожилых — это семья. В любой, даже самой благополучной семье, при организации специализированного ухода за пожилыми и людьми старческого возраста, наблюдается нарушение функций, межличностных отношений и социальных контактов.

В 2016 году на территории России стартовал первый пилот «Территория заботы» [1;15], который включал различные направления межведомственного взаимодействия, в том числе и по работе с семьей. Затем в ряде регионов (Белгородская, Томская, Волгоградская, Калужская, Воронежская области и р. Башкортостан) [1;6] после успешной апробации было принято решение об участии в Национальном проекте «Демография» (проект «Старшее поколение»). Целевые по-

казатели проекта и дорожные карты ориентированы не только на работу с пожилыми, но и на сохранение или восстановление функций семьи. Пожилой человек, с одной стороны, выступает в качестве объекта медицинского социального, психологического воздействия, а с другой - он активный субъект взаимодействия с психологами, социальными и медицинскими работниками, и, конечно же членами семьи - кровной или приемной. Это не может не отражаться на построении внутрисемейных связей, изменении круга внешних контактов, финансовом положении семьи.

Исходя из теоретико-методологического анализа использованных источников, нами были определены следующие группы проблем семей, в которых осуществляется долговременный уход за пожилыми людьми:

1. Экономические: поддержание жизнедеятельности пожилого человека, которому зачастую необходимо специальное питание, лечение, оказывает существенное влияние на бюджет семьи; немалые затраты семья несет, если решая облегчить себе жизнь, нанимает профессиональную сиделку из частной фирмы. Это снимает ряд социальный и психологический дискомфорт, но формирует финансовые проблемы, которые предполагают значительное финансирование, несмотря на пенсию пожилого человека.
2. Социальные проблемы отражаются в нередкой смене социального статуса членов семьи, сужении круга контактов, смене ближайшего окружения. Семьи, где члены семьи осуществляют уход за пожилыми имеют свою специфику. Квартира или комната зачастую приобретают особый запах, размещение предметов ухода и лечения, что иногда является отталкивающим фактором в общении с друзьями, коллегами, приходом их в гости. Поэтому количество контактов уменьшается, бывшие приятели и знакомые могут смениться людьми из групп поддержки или обучающих центров. Кроме того, может сложиться ситуация, когда для ухода за пожилым родственником люди меняют или совсем бросают работу. Это обуславливает практически полную смену коммуникативного и социального статуса, и зачастую социальную изоляцию.

В большинстве исследований по работе с пожилыми людьми рассматривается феномен социальной изоляции и исключения по отношению к людям преклонного возраста (Зимина Ю.А. Патьян Л., Постнова М.В., Троберт М.А.) и мало внимания уделяется исключению социально активных взрослых членов семьи из общественной жизни. А это является немаловажной проблемой, потому что после окончания ухода (помещения пожилого в стационар или его смер-

ти) необходимо возвращаться в социум, возобновлять или заново выстраивать социальные связи, отношения.

3. Психологические проблемы являются следствием предыдущих, т.к. все это накладывает отпечаток на личностную и коммуникативную сферу семьи, в которой осуществляется уход за пожилыми. Меняется не только круг общения членов семьи, но и внутренние установки, мотивация, эмоциональный настрой. Особенно ярко внешне выражается смена эмоционального настроения, отмечается эмоциональное выгорание, угнетенность, подавленность. Мотивация достижения на начальном этапе ухода сменяется у родственников осознанием отсутствия перспектив улучшения ситуации. Это объясняется невысоким уровнем знаний о психологии и физиологии пожилых, неумением проведения бытовых и медицинских нелечебных процедур. Здесь же необходимо вернуться к проблеме социально-психологического исключения, к которой ведут такие индивидуальные особенности как неспособность справляться с возникающими трудностями, пессимистический настрой и социальные, такие как нарушение баланса между бытовыми и профессиональными ролями членов семьи [5; 45], когда человеку приходится сочетать роль дочери, жены, матери, сына, отца и при этом сиделки, медицинского работника, повара. Это вызывает большие трудности, особенно, если родственник не обучен основам долговременного ухода.

Кроме взрослых членов семьи в ситуацию долговременного ухода включены и дети, и подростки, если они есть в семье. Младшее поколение отражает систему взаимосвязей родителей с пожилыми, проецирует их взаимоотношения на свою систему коммуникации и строит модели поведения в соответствии с теми, которые реализуются в семье. А если родители не получают поддержку в вопросах ухода за пожилыми и несут всю тяжесть эмоциональной и физической нагрузки, то и дети не получают поддержки от них, в семье нарушается равновесие и психологический комфорт.

Одним из регионов, который принимает участие в ряде пилотных и экспериментальных проектов системы здравоохранения и социальной защиты в сфере работы с пожилыми и их семьями является Волгоградская область. И на примере ряда учреждений данного региона мы проанализируем систему работы различных ведомств с семьями, в которых осуществляется долговременный уход за пожилыми. Основными участниками проектов являются такие учреждения как ГБУ СО «Центральный ЦСОН» г. Волгограда, ГКУ Светлоярский ЦСОН

района Волгоградской области, ГКУ СО «Волгоградский областной центр психолого-педагогической помощи населению». Данные учреждения реализуют проекты по работе с пожилыми, программы, ориентированные на помощь и поддержку семей, в которых осуществляется уход за пожилыми людьми, организуется работа с членами семьи, которым наиболее проблематично организовывать свою жизнедеятельность в контексте проживания или ухода за пожилым человеком.

Центральный ЦСОН является координационным центром по Волгоградской области по долговременному уходу за пожилыми, поэтому проекты и программы по работе с пожилыми и их семьями направлены на комплексное решение проблем таких семей. Кроме федерального проекта «Старшее поколение», реализуются региональные проекты «Активное долголетие», который позволяет пожилым как можно дольше оставаться активными и взаимодействовать с обществом и с семьей, «Учебный центр», призванный обучать специалистов, которые помогают семьям и пожилым через «Службу сиделок» и, наконец, «Школа обучения общим навыкам ухода за пожилыми и инвалидами», которая повышает компетентность родственников в сфере ухода за пожилыми и тем самым, решает ряд социально-психологических проблем.

Особенно важно взаимодействие между различными учреждениями, когда используются ресурсы каждого.

В центре психолого-педагогической помощи действует консультативный пункт по работе с населением и 37% консультаций осуществляется по вопросам ухода за пожилыми. Также на базе Центра действует «Школа ухода» для лиц, которые осуществляют неформальный (родственный) уход за пожилыми. Ведь, как уже отмечалось ранее одной из причин эмоционального выгорания и физической усталости родственников является незнание основ ухода за пожилыми, неумение организовать простейшие медицинские и бытовые процедуры. Программы отражают индивидуальный и групповой подход в обучении родственников, что позволяет, с одной стороны — почувствовать

себя уникальными, незаменимыми, а с другой — найти в группе людей со сходными проблемами, иметь возможность выговориться, обсудить проблемные вопросы.

Кроме того, в целях профилактики эмоционального выгорания родственников, ухаживающих за пожилыми на базе вышеуказанных учреждений, функционирует служба профессиональных сиделок, которые осуществляют профессиональный уход, тем самым содействуя полноценному функционированию семьи с пожилым человеком. В данном случае, жизнь членов семьи существенно облегчается, т.к. основные заботы по кормлению, гигиеническим и лечебным процедурам берет на себя специалист. Однако при этом может возникнуть «побочная» проблема изоляции и минимального контактирования пожилого и членов семьи. Члены семьи могут потерять эмоциональную связь с пожилым, особенно, если живут отдельно, а пожилой — полностью быть изолированным от общества, если он лежачий или малоподвижный, а семья или сиделка — основные субъекты коммуникации.

В качестве основного вывода можно определить, что осуществление долговременного ухода за пожилыми и людьми старческого возраста является одним из факторов социального риска для семьи в целом и отдельных ее членов, в том числе, для самих пожилых.

Проблемы, связанные с долговременным уходом, могут возникнуть в результате противоречия между потребностями пожилых и возможностями родственников в уходе, а также интересами и желаниями членов семьи, ухаживающих за пожилыми и ограничениями, вызванными ситуацией долговременного ухода.

Именно поэтому нами особо отмечается, что технологии работы с семьей, в которой осуществляется долговременный уход за пожилыми, должны быть направлены на комплексное сопровождение семьи и межведомственное взаимодействие по решению психологических, социальных, медицинских и бытовых проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гармаева Алтына Борисовна, Сененко Алия Шамильевна Организация межведомственного взаимодействия при оказании медицинской и социальной помощи гражданам пожилого и старческого возраста. Аналитический обзор // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-mezhvedomstvennogo-vzaimodeystviya-pri-okazanii-meditsinskoy-i-sotsialnoy-pomoschi-grazhdanam-pozhilogo-i-starcheskogo> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Горошко Надежда Владимировна, Емельянова Елена Константиновна Старение населения как фактор развития российского рынка патронажного ухода и паллиативной помощи гражданам пожилого возраста // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starenie-naseleniya-kak-faktor-razvitiya-rossiyskogo-rynka-patronazhnogo-uhoda-i-palliativnoy-pomoschi-grazhdanam-pozhilogo-vozrasta> (дата обращения: 11.02.2022).

3. Зими́на Ю́лия Алекса́ндровна, Линченко Сергей Анатольевич, Постнова|Маргарита Викторовна, Срослова Галина Алексеевна. Практики реализации в Волгоградской области социальной и медицинской помощи пожилым пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы // Logos et Praxis. 2019. № 4. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-realizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-sotsialnoy-i-meditsinskoj-pomoschi-pozhilym-patsientam-s-zabolevaniyami-serdechno](https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-realizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-sotsialnoy-i-meditsinskoj-pomoschi-pozhilym-patsientam-s-zabolevaniyami-serdechno-sosudistoy-sistemy) (дата обращения: 10.02.2022).
4. Патьян Л., Голубева Е.Ю., Семан Ж., Троберт М.А. Риски социального исключения при взаимодействии государства и семьи в системе ухода за пожилыми людьми // Экология человека. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-sotsialnogo-isklyucheniya-pri-vzaimodeystvii-gosudarstva-i-semi-v-sisteme-uhoda-za-pozhilyimi-lyudmi> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Храпылина Л.П., Егорова Н.Н. Организационно-экономические основы медицинской помощи и социально-медицинского обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в долгосрочном уходе на дому // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-osnovy-meditsinskoj-pomoschi-i-sotsialno-meditsinskogo-obslyuzhivaniya-lits-pozhilogo-vozrasta-i> (дата обращения: 10.02.2022).
6. <https://soc.volganet.ru/20/starshie-pokolenie/> [Электронный ресурс], (дата обращения: 10.02.2022).

© Ковалева Анна Владимировна (Lagrima777@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

TRANSFORMATION OF LABOR RESOURCES IN DIGITAL ECONOMY

V. Plotnikov

Summary. The paper contains a description of main specific features of labor resources in digital economy in comparison with the industrial model of employment. It is demonstrated that relations between employees and employers in digital economy have features typical for relations between other types of economic agents. The notion of hybrid labor resources is proposed.

Keywords: labor resources, digital economy, digital transformation, employment.

Плотников Владимир Александрович

Д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет
plotnikov_2000@mail.ru

Аннотация. В статье описаны основные особенности функционирования трудовых ресурсов в условиях цифровой экономики по сравнению с индустриальной моделью занятости. Показано, что отношения работников и работодателей приобретают элементы, характерные для отношений между другими типами экономических агентов. Предложено понятие «гибридные трудовые ресурсы».

Ключевые слова: трудовые ресурсы, цифровая экономика, цифровая трансформация, занятость.

Цифровая трансформация мировой экономики ведет не только к изменению процессов хозяйственной деятельности (например, к замещению личного общения с сотрудником сервисной организации дистанционным взаимодействием с автоматизированной системой, как это имеет место при оказании банковских услуг [7]), но и к трансформации сущности экономических явлений [1, 2, 3, 5, 8, 10, 14, 16, 17, 18, 19] (примером может быть замещение иерархической фирмы как основной формы существования экономической организации гибкими и распределенными структурами — платформами и экосистемами [4, 9]). Эта трансформация коснулась и трудовых ресурсов. Однако в существующей литературе основное внимание уделяется внешним признакам этой трансформации — в частности, переводу работы в дистанционный формат (т.е. замещению физической среды ведения трудовой деятельности виртуальным пространством) [12, 20]. Тем не менее, цифровая трансформация трудовых ресурсов имеет намного более глубокое содержание и затрагивает как саму природу отношений работников с работодателями, так и сущность тех ресурсов, которые работодатель получает от своих работников.

В предлагаемой статье мы попытаемся раскрыть сущность этой трансформации. Как уже было сказано выше, основное внимание мы будем уделять не технологическому (цифровому) аспекту трансформации, а его организационной природе. При всей важности цифровых технологий для цифровой трансформации, необходимо помнить о том, что сущность этой транс-

формации заключается не в них — они лишь создают условия для ее реализации.

Традиционная капиталистическая (или, точнее, индустриальная) модель использования трудовых ресурсов основывалась на следующих принципах [6]:

1. Работники выполняли свои трудовые обязанности на рабочем месте, предоставленном работодателем (из-за этого, в частности, работники массово концентрировались в производственных помещениях для получения экономии на масштабе производства). Это связано с тем, что физический капитал, необходимый для ведения производственной деятельности в условиях индустриальной экономики, требовал значительных инвестиций, которые были доступны только компаниям (сами работники создать такой капитал возможности не имели — за исключением корпоративных предприятий, которые широкого распространения не получили). Как показал Карл Маркс, этот контроль над рабочим местом обеспечивал фирмам контроль над работниками;
2. Фирма как работодатель заинтересована только в тех элементах человеческого капитала работника, которые необходимы для выполнения трудовых обязанностей. Привлечение работника к решению посторонних (по отношению к его трудовым обязанностям) задач, а также к управлению предприятием минимально;
3. Трудовой контракт носит долгосрочный характер, что гарантирует работнику устойчивость его

занятости (в условиях зависимости работника от работодателя это имеет большое значение). Отметим, что долгосрочный контракт важен и для фирмы, поскольку ей необходимо гарантированно обеспечивать себя большим количеством работников требуемой квалификации. Фирма при этом выступает потребителем трудовых ресурсов;

4. Работнику гарантируется оплата его труда, которая не зависит от результатов деятельности фирмы;
5. Поскольку большая часть населения в условиях индустриальной экономики относится к наемным работникам, государство обеспечивает их социальную защиту (что необходимо для поддержания стабильности в обществе). Строго говоря, этот пункт не относится к взаимодействию работников и работодателей, однако он является важным элементом индустриальной модели занятости.

Внедрение цифровых технологий, создавших условия для дистанционной занятости, сильно изменили модель привлечения работников к хозяйственной деятельности. Фирме в настоящее время уже нет необходимости самостоятельно создавать рабочие места — значительная часть активов, необходимых для оказания услуг в условиях постиндустриальной (цифровой) экономики, есть у работника (компьютер и программное обеспечение), и работодателю необходимо лишь поставить перед сотрудником задачу и обеспечить контроль над ее выполнением. Кроме того, распространение платформ и замещение ими фирм позволило работодателям перейти к гибкой занятости вместо долгосрочных контрактов.

Можно говорить о следующих отличительных особенностях постиндустриальной (цифровой) модели использования трудовых ресурсов:

1. Работник сам владеет активами, необходимыми для ведения производственной деятельности (это может быть как компьютерная техника, так, например, и помещение, используемое для оказания гостиничных услуг — именно по такой модели работает платформа Airbnb). Задача фирмы — интегрировать этих работников в единое коллективное предложение (что делается при помощи цифровых платформ). Организовать такое сотрудничество вполне возможно в дистанционном формате. Контроль над работниками со стороны фирмы обеспечивается тем, что фирма (как оператор платформы) контролирует каналы получения заказов от потребителей и способ распределения заказов между работниками. Таким образом, сущность дистанционной занято-

сти заключается не в том, что работник выполняет свои обязанности на дому (это лишь внешний аспект трансформации занятости в цифровой экономике), а не в помещении, предоставленном фирмой — речь идет о том, что теперь не фирма обеспечивает работника производственными активами, а, напротив, работник является поставщиком активов для работодателя. Этот важный содержательный момент, как правило, в исследованиях по дистанционной занятости не затрагивается — основное внимание уделяется внешней составляющей [12, 13, 14, 20];

2. Фирмы могут использовать работника не только для выполнения непосредственных трудовых обязанностей, но и для решения нестандартных задач (этот способ использования трудовых ресурсов организации получил название внутреннего краудсорсинга). Важной особенностью этого инструмента является то, что он позволяет привлечь недоиспользованные креативные ресурсы персонала, и при этом не требует значительных затрат (поскольку вознаграждение получают не все участники краудсорсингового проекта, а само это вознаграждение очень часто носит нематериальный характер). Таким образом, потенциал работника, используемый в интересах фирмы, выходит за пределы тех элементов человеческого капитала, которые необходимы для выполнения непосредственных трудовых обязанностей. С учетом того, что было сказано в п. 1 выше, можно утверждать, что, несмотря на то, что в ряде источников говорится о снижении роли трудовых ресурсов в условиях цифровой экономики (из-за непрерывной автоматизации производственных процессов), на самом деле значимость работников для фирмы возрастает, поскольку увеличивается объем ресурсов, которыми они обеспечивают фирму;
3. Происходит замещение трудовых договоров договорами гражданско-правового характера, а сами договоры становятся краткосрочными и заключаются только на выполнение конкретных задач. Подбор исполнителей для этих задач осуществляется через краудсорсинговые платформы. Более того, в рамках платформенной экономики происходит формальная смена ролей работника и работодателя — организация, снабжающая работника заказами от сторонних потребителей (оператор платформы), в соответствии с заключенным с работником договором чаще всего выступает в роли исполнителя (агента, подбирающего для работника заказы, и получающего за это комиссионное вознаграждение). Сам работник при этом ведет свою деятельность в строгом соответствии с требованиями и усло-

виями оператора платформы. Таким образом, будучи с содержательной точки зрения исполнителем трудовых функций в интересах оператора платформы, работник формально выступает потребителем услуг оператора. Иными словами, операторы платформ принципиально отказываются рассматривать людей, выполняющих работу в их интересах, в качестве своих работников. Это означает, что операторы платформ рассматривают обе стороны платформы (исполнителей и потребителей) как своих заказчиков. Фактически это означает отказ от понятия «трудовые ресурсы» и его растворение в более общей категории «интеллектуальный капитал»;

4. Фирмы стремятся перейти к оплате работников за фактически предоставленные потребителям (т.е. уже проданные этим потребителям и оплаченные ими услуги). Это дополнительно размывает содержание трудовых отношений и переносит на работника предпринимательские риски. С учетом того, что работник, как было сказано выше (п. 3), формально становится заказчиком оператора платформы, можно говорить о постепенной и частичной трансформации работника в предпринимателя (причем эта трансформация носит вынужденный характер). Трудовые отношения заменяются партнерскими, что служит дополнительным подтверждением размывания понятия «трудовые ресурсы»;
5. Государство стремится минимизировать свои социальные обязательства (для повышения инвестиционной привлекательности национальной экономики и снижения издержек государственного бюджета). Эта тенденция носит общемировой характер. Она ведет к тому, что уровень социальной защиты работников падает, что, вместе с размыванием трудовых отношений между работником и работодателем и их замещением партнерскими (точнее, псевдо-партнерскими, поскольку работник находится в фактической зависимости от работодателя), ведет к ухудшению социального и экономического положения работников.

Отметим, что описанные выше тенденции не носят универсального характера — в разных сферах деятельности и на разных рынках они проявляются с разной

интенсивностью. Тем не менее, в той или иной степени они представлены на всех рынках труда. Это означает, что категория «трудовые ресурсы» в традиционном понимании этого термина не соответствует существующей практике участия людей в хозяйственной деятельности по всем ключевым параметрам. По этой причине при изучении трудовых ресурсов в современных условиях необходимо либо специально оговаривать изменение содержания этой экономической категории, либо, что предпочтительно, ввести альтернативную категорию (в качестве возможного термина мы можем предложить «гибридные трудовые ресурсы», поскольку работники в рамках цифровой модели занятости обладают элементами как традиционных трудовых ресурсов, так и иных типов экономических агентов — например, предпринимателей).

Важно уточнить, что мы сравниваем цифровую модель использования трудовых ресурсов с индустриальной (которая иначе может быть описана как фордистская), но при этом перечень моделей занятости при капитализме индустриальной не ограничивается. Тем не менее, именно индустриальная модель в современных источниках рассматривается как традиционная.

Наши выводы

- ◆ в условиях цифровой экономики отношения работников и работодателей носят принципиально иной характер по сравнению с традиционной (индустриальной) моделью использования трудовых ресурсов. Эти отличия наблюдаются на всех уровнях трудовых отношений;
- ◆ отношения работников и работодателей в условиях цифровой экономики обладают элементами как трудовых отношений, так и отношений, характерных для взаимодействий между другими типами экономических агентов (например, предпринимателей);
- ◆ для описания трудовых ресурсов в условиях цифровой экономики мы предлагаем использовать термин «гибридные трудовые ресурсы», чтобы отразить комплексный характер отношений между работниками и работодателями (не сводящихся к трудовым отношениям в том понимании, которое вкладывалось в этот термин в эпоху индустриальной экономики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская Д.Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. — С. 1–10.
2. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю. Использование «сквозных» цифровых технологий в сфере государственного управления // Наука Красноярья.— 2020.— Т. 9.— № 4.— С. 85–102.

3. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю., Плотников В.А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. — 2021. — № 2. — С. 100–109.
4. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 1. — С. 40–45.
5. Котляров И.Д. Услуга или манипулирование: взаимодействие интернет-магазинов с потребителями // Интернет-маркетинг. — 2013. — № 6. — С. 358–364.
6. Котляров И.Д. Проблемы регулирования нестандартных форм занятости // Journal of Economic Regulation. — 2015. — Т. 6. — № 1. — С. 55–66.
7. Котляров И.Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управленец. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 72–81.
8. Мажарова Л.А. Государство и бизнес в цифровой экономике: механизмы взаимодействия // Наука Красноярья. — 2021. — Т. 10. — № 3. — С. 7–25.
9. Маркова В.Д. Влияние цифровой экономики на бизнес // ЭКО. — 2018. — № 12. — С. 7–22.
10. Никонов А.А., Стельмашонок Е.В. Анализ внедрения современных цифровых технологий в финансовой сфере // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2018. — Т. 11. — № 4. — С. 111–119.
11. Плещенко В.И. Эффект «черного лебедя»: коронавирусная инфекция как катализатор изменений в социально-экономической сфере // Менеджмент сегодня. — 2021. — № 4. — С. 258–262.
12. Плотников В.А. Пандемия Covid-19, потребительский рынок и цифровизация // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 3. — С. 92–104.
13. Плотников В.А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 2. — С. 104–115.
14. Плотников В.А. Пандемия Covid-19 и поведение россиян: некоторые наблюдения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2020. — № 2. — С. 19–23.
15. Плотников В.А., Катрашова Ю.В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции «умный город» (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. — 2021. — № 1. — С. 131–138.
16. Плотников В.А., Нгуен В.Л. Последствия цифровизации для современного социума // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2022. — № 1. — С. 212–215.
17. Стельмашонок Е.В., Стельмашонок В.Л. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: анализ перспектив // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 2. — С. 336–365.
18. Торотова А.М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. № 1. — С. 118–130.
19. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Сигарев А.В., Устюжанин В.Л. Трансформация рынка труда: влияние пандемии и прогнозы на будущее // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2021. — № 1. — С. 77–102.

© Плотников Владимир Александрович (plotnikov_2000@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПТА

LECTURERS PROFESSIONAL STRATEGIES: HISTORY OF RESEARCH

*M. Sadlovskaya
M. Ustinenko*

Summary. The profession of a lecturer opens up a wide horizon of opportunities for person's self-realization. Successful professional implementation involves building a career, high level qualification, decent pay. Besides, self-realization is always associated with the personal needs of a human-being. with a feeling of deep satisfaction of his activity, with the disclosure of a person's creative potential. And successful self-realization directly depends on a person's choice of his professional strategy. Necessity of the sociological study of the professional strategies of lecturers is associated with the need for a scientific definition of this concept. The study of the social specificity, structure, and mechanisms of professional self-realization of university lecturers, especially their young representatives, is becoming more actual at the present time. Therefore. the article's essence is researching the history of the study of university lecturers professional strategies.

Keywords: professional strategies, lecturer, high school.

Садловская Мария Вячеславовна

*К.с.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
msadlovskaya91@gmail.com*

Устиненко Максим Александрович

*Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
011884@pnu.edu.ru*

Аннотация. Профессия преподавателя открывает перед человеком широкий горизонт возможностей для самореализации. Успешная профессиональная реализация предполагает построение карьеры, высокий уровень квалификации, достойную оплату труда. Кроме того, самореализация всегда связана с личностными потребностями человека, с чувством глубокого удовлетворения своей деятельностью, с раскрытием творческого потенциала человека. А успешная самореализация напрямую зависит от выбора человеком своей профессиональной стратегии. Востребованность социологического изучения профессиональных стратегий преподавателей связана с необходимостью научного определения этого понятия. Все более актуальным в настоящее время становится изучение социальной специфики, структуры, механизмов профессиональной самореализации преподавателей вузов, в особенности их молодых представителей. Отсюда, цель работы — рассмотреть историю изучения профессиональных стратегий преподавателей вузов от момента зарождения понятия до его современного состояния.

Ключевые слова: профессиональные стратегии, преподаватели, высшая школа.

Исследования профессиональных стратегий традиционно находятся на стыке социологии профессий и социологии образования. Изучением профессий в социологии занимались еще классики: Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс, П. Сорокин [17, 8, 32, 44], не оставляют эту тему и современники: В.А. Мансуров, О.В. Юрченко-Лукша, И.П. Попова, А.Л. Темницкий [27, 33, 48]. Исследованию образования посвящены работы Д.Л. Константиновского, В.Н. Шубкина, Г.Е. Зборовского, В.Я. Нечаева, Ф.Р. Филлипова [53, 16].

Проблема выбора жизненного пути, становления человека как профессионала, профессиональной стратегии тесно связана с понятием «социализации», которое мы находим у Э. Дюркгейма, Г. Тарда, Ф. Гиддингса, Г. Зиммеля, Т. Парсонса [17, 46, 11, 19, 32]. Теорию развития личности по стадиям социализации разрабатывал Дж.Г. Мид, вопросы вторичной социализации

интересовали П. Бергер и Т. Лукман [28, 6]. Среди соотечественников исследование процессов социализации поддерживали Г.М. Андреева, А.И. Ковалева, И.С. Кон, В.А. Петровский, В.А. Ядов [3, 22, 23].

Термин «стратегия» в российской и зарубежной научной литературе часто рассматривается глобально, прежде всего как жизненная стратегия. Наиболее полно среди отечественных ученых данную тему раскрыла К.А. Абульханова-Славская, продолжение ее идей можно обнаружить в работах Ю.М. Резника и Т.Е. Резник, Е.А. Смирнова, Ш.И. Алиева, В.С. Магуна, А.Ю. Согомонова, Г.В. Иванченко, Н.Ф. Наумовой [1, 35, 2, 26, 42, 20, 30]. Профессиональные стратегии определяются как компонент жизненной стратегии человека и в работах М.Г. Солнышкиной [43]. Изучением социально-профессионального самоопределения личности занимались также А.А. Русанова, Е.Г. Сергушин, О.В. Сергушина, А.А. Андреев, Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубина [38, 40, 4, 10].

Зачастую профессиональное самоопределение рассматривается в связке с профориентацией на примере учащихся школ и средних специальных учебных заведений (Е.О. Гордиевская, Л.Н. Старикова) [13, 45]. Среди исследований профессиональных стратегий представителей тех или иных социальных групп можно отметить труды Ю.Р. Вишневого, Я.В. Дидковской, М.В. Певной, Ф.М. Кремень, С.А. Кремень (изучаются профессиональные стратегии молодежи), Н.Н. Мирончук (рассматриваются профессиональные стратегии старшеклассников), Е.В. Валиуллиной, А.Р. Заляева (в фокусе внимания стратегии студентов медицинских вузов) [10, 15, 24, 29, 7, 18]. А рассматривая жизненные стратегии современной российской молодежи, важно обратить внимание, что в ситуациях жизненного выбора, ключевым является именно профессиональный выбор [31].

Применительно к специалистам системы образования вопросы профессионального самоопределения, становления и самосовершенствования активно разрабатываются в трудах О.В. Голубевой, О.Н. Давыдкиной, Б.А. Черниченко (самоопределение будущих и молодых учителей), Я.М. Рощиной (преподаватели учреждений СПО), Н.С. Сагитовой (преподаватели технических вузов), Е.Ю. Пряжниковой (преподаватели педагогического вуза) [12, 14, 52, 36, 39, 34]. Близко к проблематике профессиональных стратегий находятся работы, посвященные изучению стратегий профессионального развития (Н.А. Калашникова, М.А. Ларионова) и саморазвития (Т.А. Вековцева, С.В. Снадченко) преподавателей вузов [21, 25, 9, 41]. Отдельный пул работ освещает такие составляющие профессиональных стратегий преподавателей высшей школы, как публикационные стратегии (В.В. Хорина), стратегии педагогической деятельности (Т.И. Руднева, Н.В. Соловова), стратегии преодоления трудностей взаимодействия со студентами (А.И. Тарелкин) [50, 37, 47].

В последние десятилетия в международной научной практике сложились несколько подходов к выделению профессиональных стратегий преподавателей. В самом общем виде можно представить два вида стратегий профессионального развития преподавателей: внутри- и вневузовские. На базе вуза внедряются различные

тренинги, коучинг, преподаватели могут наблюдать за работой коллег, за пределами вуза могут проходить программы повышения квалификации, различные курсы и стажировки.

Еще из характерных особенностей современных профессиональных стратегий можно назвать следующие. Во-первых, признается важность профессионального развития преподавателей на рабочем месте. Во-вторых, профессиональное развитие преподавателей проходит в рамках учебных сообществ. В-третьих, профессиональное развитие преподавателей занимает центральное место среди долгосрочных образовательных стратегий [51].

Профессиональное совершенствование преподавателей, от которого в полной мере зависят и успехи обучающихся, и эффективность университетов, стартует на этапе обучения будущих преподавателей в вузе и продолжается в учебных заведениях, куда они поступают на работу. Профессиональное развитие рассматривается сейчас как непрерывный процесс, который начинается с обучения будущего преподавателя в вузе и продолжается на протяжении всего срока его профессиональной деятельности. На протяжении всей своей карьеры преподаватель должен расти над собой, совершенствоваться, адаптироваться, приобретая новые предметные знания и педагогические навыки. Поэтому профессиональное развитие преподавателя является значимой стратегией достижения успешности для всего университета. Эти условия также определяют портрет «преподавателя нового типа» — готового к новым реалиям, адаптивного, способного работать удаленно, проводить занятия в новых формах. Ожидается, что именно молодые преподаватели будут наиболее активны в развитии научной и преподавательской деятельности, повышении эффективности вузов, генерации новых идей, инновационных решений; им будет легче осваивать и внедрять новые образовательные технологии. Российская система образования находится в процессе реформирования, призванного расширить возможности для подготовки кадров высокого уровня, которые обеспечат дальнейшее успешное развитие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Алиев Ш.И. Понятие и типы жизненных стратегий [Текст] / Ш.И. Алиев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2012. — № 1. — С. 94–100.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. [Текст] / Г.М. Андреева. — М., 2008. — 290 с.
4. Андреев А.А. Социально-профессиональная ориентация и самоопределение личности [Текст] / А.А. Андреев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 2–2. — С. 10–12.
5. Балежина Е.А. Профессиональные стратегии молодых преподавателей вузов в условиях трансформации высшего образования в России (на примере вуза особой категории) [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Екатерина Андреевна Балежина. — Н. Новгород. — 2021. — 23 с.

6. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, — 1995. — 323 с.
7. Валиуллина Е.В. Исследование кризисов профессионального самоопределения у студентов медицинского вуза [Текст] / Е.В. Валиуллина // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 3. — С. 377.
8. Вебер М. Наука как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер / Избранные произведения. — М., 1990. — С. 707–735.
9. Вековцева Т.А. Система содействия профессиональному саморазвитию преподавателя вуза [Текст] / Т.А. Вековцева // Ped.Rev. — 2014. — № 2(4). — С. 68–72.
10. Вишневский Ю.Р. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? [Текст] / Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов, Я.В. Дидковская // Образование и наука. — 2018. — № 1, Том 20. — С. 152–170.
11. Гиддингс Ф. Основания социологии [Текст] / Ф. Гиддингс / Американская социологическая мысль. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — С. 301–328.
12. Голубева О.В. Профессиональное самоопределение будущего учителя в процессе педагогической практики [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ольга Владиславовна Голубева. — Н. Новгород. — 2010. — 23 с.
13. Гордиевская Е.О. Профессиональная проба в процессе профессиональной ориентации лиц с ограниченными возможностями здоровья как средство их профессионального самоопределения [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Елена Олеговна Гордиевская. — Санкт-Петербург, 2009. — 24 с.
14. Давыдкина О.Н. Профессиональное самоопределение будущего учителя в процессе прохождения педагогической практики [Текст] / О.Н. Давыдкина // Самоопределение личности: история, теория и технология: материалы всерос. науч.-практ. конф. с элементами науч. шк. — Белгород, 2013. — С. 228–234.
15. Дидковская Я.В. Динамика стратегий профессиональной карьеры выпускников вузов от кризиса до кризиса [Текст] / Я.В. Дидковская, М.В. Певная // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2010. — № 4. — С. 57–65.
16. Добренков В.И. Социологическое образование в России [Текст] / В.И. Добренков, Г.Е. Зборовский, В.Я. Нечаев. — М.: Альфа, 2003. — 329 с.
17. Дюркгейм Э. Социология образования [Текст] / Э. Дюркгейм / Под ред. В.С. Собкина, В.Я. Нечаева. — М.: ИНТОР, 1996. — 80 с.
18. Заляев А.Р. Социально-профессиональные стратегии студентов медицинских специальностей [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Заляев Артур Рустемович. — Н. Новгород, — 2018. — 24с.
19. Зimmel Г. Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование [Текст] / Г. Зиммель / Тексты по истории социологии XIX–XX вв. — М.: Наука, 1994. — С. 329–347.
20. Иванченко Г.В. Самоопределение личности как открытый проект [Текст] / Г.В. Иванченко // Человек. — 2005. — № 3. — С. 5–16.
21. Калашникова Н.А. Профессиональное развитие преподавателей высшей школы в условиях непрерывного образования [Текст] / Н.А. Калашникова / Непрерывное педагогическое образование. — 2014. — № 12. — С. 16.
22. Ковалева А.И. Методологические проблемы исследования социализации [Текст] / А.И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 19–24.
23. Кон И.С. Социология личности [Текст]/И.С. Кон. — М., 1967. — 185с.
24. Кремень Ф.М. Жизненные и профессиональные стратегии молодежи в контексте профориентации на этапе профессиональной подготовки [Текст] / Ф.М. Кремень, С.А. Кремень // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 4. — С. 391–399.
25. Ларионова М.А. Стратегии профессионального развития преподавателя [Текст] М.А. Ларионова//ОНВ.-2009.-№ 1(75). — С. 129–133.
26. Магун В.С. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985–2005 годы [Текст] / В.С. Магун, М.В. Энгватов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. — 2007. — Вып. 6. — С. 197–219.
27. Мансуров В.А. Социология профессий. История, методология и практика исследований [Текст] / В.А. Мансуров, О.В. Юрченко // Социологические исследования. — 2009. — № 8. — С. 36–46.
28. Мид Дж. Аз и Я [Текст] / Дж. Мид/ Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. — М., 1994. — С. 227–237.
29. Мирончук Н.Н. Особенности жизненного самоопределения и формирования профессиональных намерений старшеклассников [Текст] / Н.Н. Мирончук // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. — 2010. — № 3. — С. 92–95.
30. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия личности в переходном обществе [Текст] / Н.Ф. Наумова // Социологический журнал. — 1995. — № 2. — С. 5–22.
31. Осипова Л.Б. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования [Текст] / Л.Б. Осипова, Л.А. Энвери // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 4(46). — С. 108–129.
32. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношение [Текст] / Т. Парсонс // THESIS. — 1993. — вып. 2. — С. 94–122.
33. Попова О.И. Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования [Текст] / О.И. Попова // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 6. — С. 112–119.
34. Прыжникова Е.Ю. Факторы профессионального самоопределения преподавателей педагогических вузов [Текст] / Е.Ю. Прыжникова // Вопросы психологии. — 1994. — № 6. — С. 64–73.
35. Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности [Текст] / Т.Е. Резник, Ю.М. Резник //Социологические исследования. — 1995. — № 12. — С. 100–105.
36. Рощина Я.М. Трудовые стратегии преподавателей вузов [Электронный ресурс]: Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. — 2015. — № 12.
37. Руднева Т.И. Преподаватель вуза: новая парадигма высшего образования, стратегии педагогической деятельности [Текст] / Т.И. Руднева, Н.В. Соловова // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология. — 2016. — № 4. — С. 103–109.
38. Русанова А.А. Профессиональное самоопределение в структуре социального самоопределения студенческой молодежи (социологический анализ) [Текст] / А.А. Русанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2011. — № 4. — С. 157–158.

39. Сагитова Н.С. Особенности профессионального самоопределения преподавателя технического вуза [Текст] / Н.С. Сагитова // Вестник технологического университета. — 2011. — № 22. — С. 358–362.
40. Сергушин Е.Г. Теоретические основы формирования социально-профессионального самоопределения старшеклассников в условиях довузовской подготовки [Текст] / Е.Г. Сергушин, О.В. Сергушина // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 59. — С. 343–346.
41. Снадченко С.В. Профессиональное саморазвитие преподавателя военного вуза [Текст] / С.В. Снадченко // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2018. — Том 12. — № 1. — С. 134–135.
42. Согомонов А.Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. [Текст] / А.Ю. Согомонов. — М., 2005. — 384 с.
43. Солнышкина М.Г. Профессиональные стратегии личности в условиях трансформации российского общества [Текст]: автореф. дис. ... док. социол. наук: 22.00.04 / М.Г. Солнышкина. — М., 2006. — 38 с.
44. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
45. Старикова Л.Н. Профориентация и профессиональное самоопределение студентов средней профессиональной школы [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Людмила Николаевна Старикова. — Уфа, 2009. — 23 с.
46. Тард Г. Законы подражания [Текст] / Г. Тард — М.: Книга по Требованию, — 2012. — 378 с.
47. Тарелкин А.И. Стратегии преодоления преподавателями трудностей педагогического взаимодействия со студентами [Текст] / А.И. Тарелкин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. — 2011. — № 11. — С. 68–72.
48. Темницкий А.Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования [Текст] / А.Л. Темницкий // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. — Вып. 15. — М.: Новый Хронограф, — 2017. — С. 91–108.
49. Ушаков Д.В. Стратегии профессиональной самореализации молодых преподавателей колледжей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2020. — Т. 5. — № 3. — С. 320–329.
50. Хорина В.В. «Технологии публикационной эффективности ученого» — курс-«инструкция» для построения личной публикационной стратегии преподавателя вуза [Текст] / В.В. Хорина // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Сборник научных трудов. Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН. — 2016. — С. 77–84.
51. Чан Х.Н. Стратегии профессионального развития преподавателей высшего учебного заведения в провинции Хатинь на этапе образовательных реформ [Текст] / Х.Н. Чан, В.Н. Фан, Х.С. Доан, Т.А.Д. Чан, З.Н. Чан // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. — 2020. — № 2. — С. 128–151.
52. Черниченко Б.А. Современный молодой учитель — от профессионального определения до профессиональной устойчивости [Текст] / Б.А. Черниченко // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. — 2016. — № 3(28). — С. 10–14.
53. Шубкин В.Н. Выбор профессии в условиях строительства коммунизма [Текст] / В.Н. Шубкин // Вопросы философии. — 1964. — № 8. — С. 34–41.

© Садловская Мария Вячеславовна (msadlovskaya91@gmail.com), Устиненко Максим Александрович (011884@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РЕАБИЛИТАЦИИ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL REHABILITATION PROGRAMS FOR FAMILIES IN A SOCIALLY DANGEROUS SITUATION

**Z. Taishibaeva
Yu. Rybasova
E. Uteeva**

Summary. In the article, the author analyzes the implementation of individual rehabilitation programs for families in a socially dangerous situation. In modern conditions, it is especially important to pay attention to the upbringing and formation of children who need help and are in difficult life situations. Using the example of the district offices of social assistance to families and children of the Integrated Center for Social Services of the Population in the Kazan city district, the author, studying the rehabilitation programs for families in a socially dangerous situation, provides statistics on the activities of social organizations to prevent family crises. Based on the relevance of studying and researching the problem of families in a difficult and critical situation, recommendations are offered to resolve this issue. First of all, carrying out preventive and cultural and leisure activities with a focus on specific categories of families.

Keywords: family, dysfunctional families, social work, families in a socially dangerous situation, social assistance.

Тайшибаева Зилия Маратовна

Казанский государственный медицинский
университет
ztayshibaeva@mail.ru

Рыбасова Юлия Юрьевна

К.п.н., доцент, Казанский государственный
медицинский университет
rybasova68@gmail.com

Утеева Эльмира Наильевна

Старший преподаватель, Казанский
государственный медицинский университет
elmirauteeva@mail.ru

Аннотация. В статье автором произведен анализ осуществления индивидуальных программ реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении. В современных условиях особенно важно уделять внимание воспитанию и становлению детей, которые нуждаются в помощи и находятся в трудных жизненных ситуациях.

На примере районных отделений социальной помощи семье и детям Комплексного центра социального обслуживания населения в городском округе «город Казань» автор, изучая программы реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении приводит статистику деятельности социальных организаций по предотвращению семейных кризисов. Исходя из актуальности изучения и исследования проблемы семей, находящихся в тяжелом и критическом положении, предлагаются рекомендации по разрешению этого вопроса. Прежде всего, проведение профилактических и культурно — досуговых мероприятий с ориентацией на конкретные категории семей.

Ключевые слова: семья, неблагополучные семьи, социальная работа, семьи находящиеся в социально-опасном положении, социальная помощь.

Актуальность обусловлена тем, что семья — это фундамент для общества, особенно важна роль семьи в становлении и развитии детей, в ней образуются самые важные ценности, формируются нормы поведения, открывается внутренний мир и индивидуальные качества личности. Исследованный нами материал показывает, что сегодня, к сожалению, есть семьи, где наблюдается картина социального неблагополучия и асоциального поведения несовершеннолетнего. Все это в конечном итоге, для подростка путь социально опасного положения [2].

В настоящее время наблюдаются направления больших изменений в семье. Это проявляется в резком снижении социального, психолого-педагогического потенциала семьи, а именно проявлении неграмотности в вопросах воспитания собственного ребенка и трудностях в выполнении родителями своих обязанностей [3]. Родители, относясь жестоко к детям, не выполняют своих обязанностей и применяют к ним репрессивные методы воспитания и обучения. Это, в итоге сказывается на развитии детей и в последующем может привести к преступлению [4].

Таблица 1. Демографическая ситуация территории обслуживания Вахитовского, Приволжского и Советского ОСПСиД КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. чел.

Годы	Численность населения	Численность детей до 18 лет	Из них детей-инвалидов
Вахитовское ОСПСиД			
2018 год	88 293	15 840	224
2019 год	88 293	15 402	214
2020 год	88 378	15 956	217
2021 года	88 375	15 908	214
Приволжское ОСПСиД			
2018 год	250 900	45 602	890
2019 год	238 829	45 415	889
2020 год	248 800	45 925	1 007
2021 года	250 124	45 998	995
Советские ОСПСиД			
2018 год	311 023	74 909	1 269
2019 год	319 869	76 625	1 359
2020 год	337 012	80 386	1 401
2021 года	340 679	81 562	1 403

Постановка проблемы

Изученный нами научный материал по исследуемой проблеме показывает следующее. Источники свидетельствуют, что на конец 2021 года более 500 тысяч детей в Российской Федерации находились под опекой в семьях. Более 100 тысяч детей находятся в организациях, которые остались без попечения родителей [5]. При этом, каждое тридцать второе преступление в 2021 году было совершено несовершеннолетними или при их соучастии (3,1% от всех преступлений в 2021 году).

По данным генеральной прокуратуры РФ, в 2021 году выявлено 258 тыс. нарушений в сфере безопасности жизни, здоровья, защиты семьи, материнства, отцовства и детства. Активная позиция прокуроров в этом направлении позволила защитить права более 20 тыс. детей. По данным МВД по РТ на учете в различных подразделениях по делам несовершеннолетних в 2021 году состоял 2401 несовершеннолетний.

В связи с актуальностью социальной деятельности с семьями по предотвращению семейных кризисов, данная работа становится все более совершенной по мере повышения опыта социальных работников, которые проводят серьезную работу в пределах своих компетенций по предупреждению неблагополучия в семьях и возмещению его отрицательных результатов. Социальные органы и службы по предотвращению кризисных состояний и помощи семьям в решении их проблем имеют большой опыт по проводимой в данном направлении работе [6].

Объектом исследования выступает семья, которая находится в социально опасном положении, поэтому, на наш взгляд важно проводить реабилитационную работу и предлагать разные форматы профилактических и культурно — досуговых мероприятий с целью предупреждения и выхода семей из трудных жизненных ситуаций.

Цель исследования

Провести анализ реализации индивидуальных программ реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении, проживающих в городском округе «город Казань» (на примере Вахитовского, Приволжского и Советского районов г. Казани).

Задачи исследования

1. Провести анализ исполнения и применения индивидуальных программ реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении, по категориям семей.
2. Проверить оказание социальных услуг семьям, которые находятся в социально опасном положении
3. Дать рекомендации и пожелания по выходу семей из социально опасных ситуаций.

Пути решения проблемы

Российские ученые Кочеткова Р.Г., Круглова В.В., Руквишников А.Ю. и Кислицина И.Г., Вдовина М.В. в своих научных трудах рассуждают о том, что наблюдаемые

Таблица 2. Количество человек, семей и несовершеннолетних в них, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСиД КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. чел.

Годы	Получили услуги, всего	Кол-во семей	в них несовершеннолетних
Вахитовское ОСПСиД			
2018 год	542	116	290
2019 год	679	211	375
2020 год	675	213	382
2021 год	496	134	246
Приволжское ОСПСиД			
2018 год	1552	495	939
2019 год	1499	495	900
2020 год	1193	419	813
2021 год	954	245	476
Советское ОСПСиД			
2018 год	1341	499	510
2019 год	873	356	508
2020 год	668	273	386
2021 год	661	270	379

семьи, испытывают насущную потребность как со стороны государства, так и специальных служб и социальных центрах поддержки семьи и детства.

Нам известно, что главная цель таких центров заключается в том, чтобы обеспечить поддержку семьям. Работая со случаем, дать возможность осознать, что надо найти выход из существующей проблемы. [1]

Нами был проведен анализ осуществления и применения индивидуальных программ реабилитации семей, которые находятся в социально опасном положении, проживающих в городском округе «город Казань» (на примере ОСПСиД Вахитовского, Приволжского и Советского районов КЦСОН в городском округе «город Казань»).

На примере трех отделений социальной помощи семье и детям КЦСОН в городском округе «город Казань» мы увидели, что они имеют одинаковые общие направления, цели и задачи деятельности. Учредителем КЦСОН в городском округе «город Казань» является Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, деятельность ОСПСиД основана на единой нормативно-правовой базе.

Территория обслуживания у анализируемых семей ОСПСиД представлена в табл. 1.

Данные таблицы № 1 показывают, что территория, обслуживания, где анализируется проблема семей с помощью ОСПСиД, имеет различия.

Количество человек, которых обслуживают в Вахитовском ОСПСиД средняя из рассматриваемых, а Советским ОСПСиД — наибольшая.

Количество человек, семей и несовершеннолетних в них, получивших услуги в соответствии с разработанными индивидуальными программами предоставления социальных услуг (далее — ИППСУ) на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСиД в 2018–2021 гг. представлено в табл. 2.

Данные таблицы № 2 показывают, что в течение четырех лет прослеживается уровень снижения количества человек и семей, обслуженных в целом в ОСПСиД и по ИППСУ в том числе:

1. В Вахитовском ОСПСиД:
 - ♦ снижение общего количества обслуженных по ИППСУ на 0,5% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.; на 26,5% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.;
 - ♦ снижение количества обслуженных семей по ИППСУ на 37% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
2. В Приволжском ОСПСиД:
 - ♦ снижение общего количества обслуженных по ИППСУ на 3,4% в 2019 г. по сравнению с 2018 г.; на 20,4% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.; на 20% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.;
 - ♦ снижение количества обслуженных семей по ИППСУ на 0% в 2019 г. по сравнению с 2018 г.; на 15% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.; на 41,5% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
3. В Советском ОСПСиД:

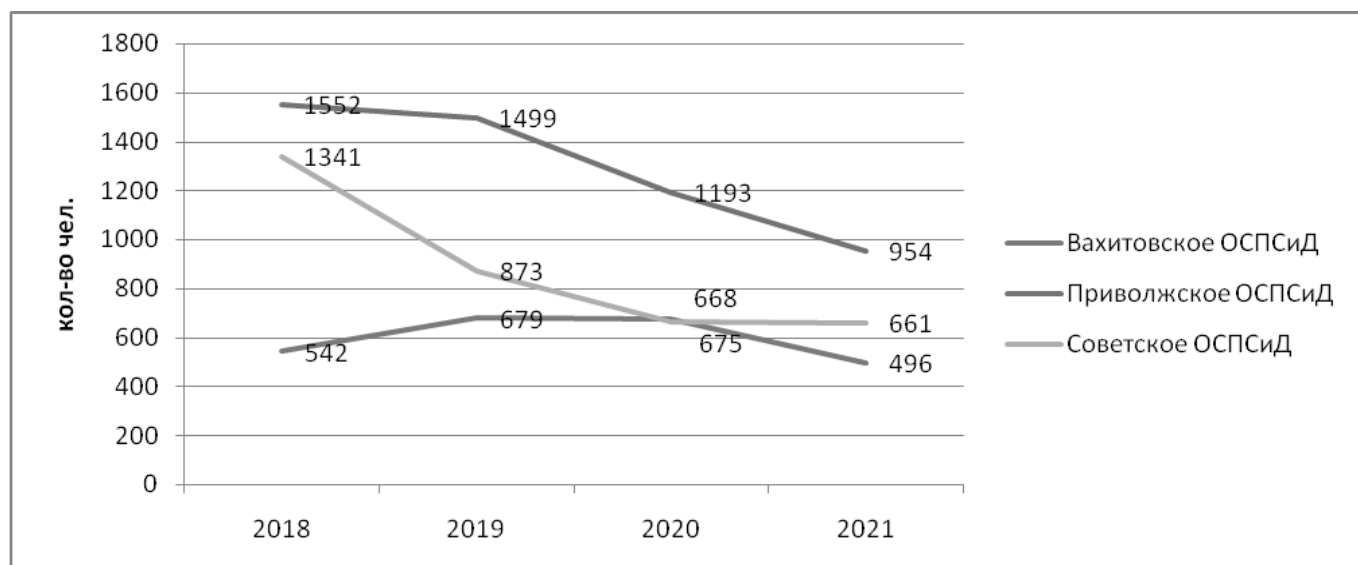

Рис. 1. Динамика количества человек, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСид КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. чел.

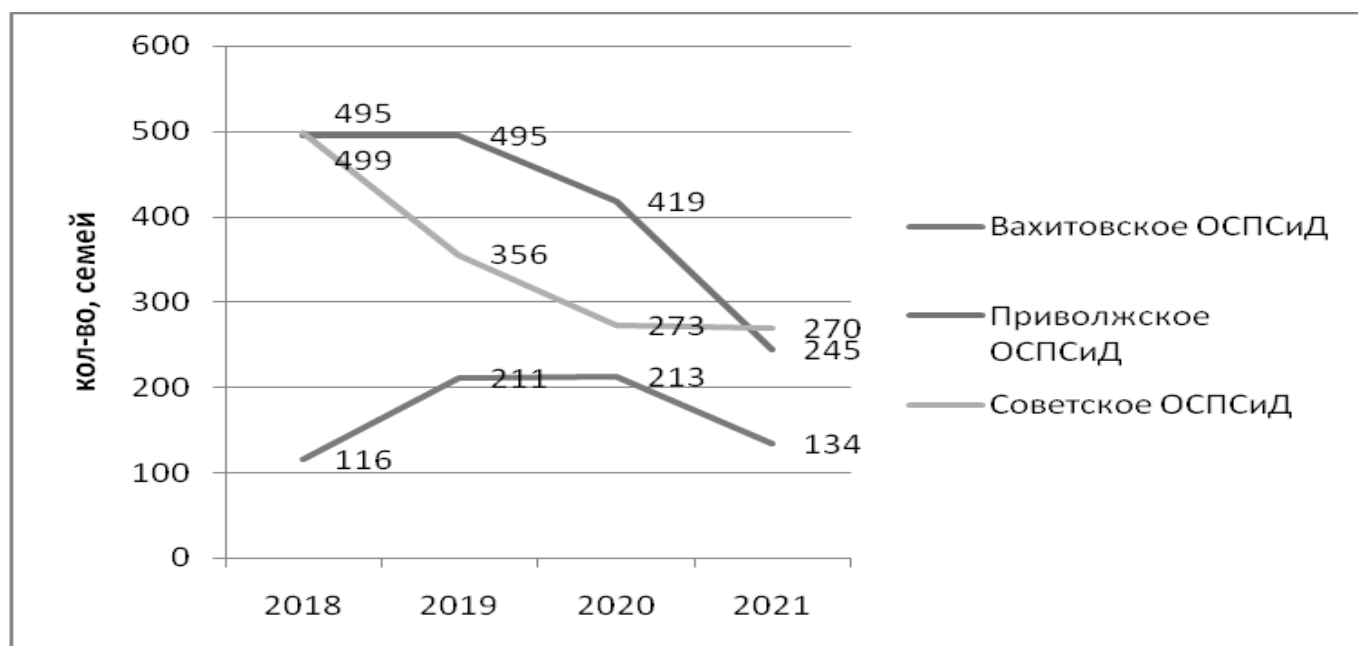

Рис. 2. Динамика количества семей, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСид КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. чел.

- ♦ снижение общего количества обслуженных по ИППСУ на 34,9% в 2019 г. по сравнению с 2018 г.; на 23,5% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.; на 1% в 2021 г. ВПО сравнению с 2020 г.;
- ♦ снижение количества обслуженных семей по ИППСУ на 28,7% в 2019 г. по сравнению

с 2018 г.; на 23,3% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.; на 1,1% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.

Выявленную линию снижения количества обслуженных в ОСПСид человек и семей в 2020 и 2021 гг. в КЦСОН связывают с пандемией. Однако снижение

Таблица 3. Категории семей, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСиД КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. ед.

Годы	Многодетные	Неполные	Малообеспеченные	С детьми-инвалидами	Другие
Вахитовское ОСПСиД					
2018	29	43	19	25	0
2019	56	95	23	37	0
2020	62	101	26	40	0
2021	70	84	28	39	9
Приволжское ОСПСиД					
2018	86	184	206	19	0
2019	53	106	296	40	0
2020	116	175	76	45	7
2021	92	95	38	20	0
Советское ОСПСиД					
2018	154	128	144	73	0
2019	75	91	134	56	0
2020	71	48	112	42	0
2021	69	47	111	41	2

Таблица 4. Количество семей и несовершеннолетних детей, которые получили услуги в рамках деятельности организации межведомственного социального обслуживания в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСиД КЦСОН в городском округе «город Казань» в 2018–2021 гг. чел., в%

Годы	Кол-во семей, чел.	в них несовершеннолетних, чел.	Доля семей на межведомственном патронате от общ. кол-ва обслуж. семей, в%
Вахитовское ОСПСиД			
2018 год	186	351	59,7
2019 год	144	316	53,2
2020 год	126	297	54,8
2021 год	133	312	55,6
Приволжское ОСПСиД			
2018 год	91	174	19
2019 год	88	174	18
2020 год	142	256	34
2021 год	245	481	58
Советское ОСПСиД			
2018 год	93	166	18,6
2019 год	116	226	35,6
2020 год	116	231	42,5
2021 год	217	428	56,7

количества обслуженных до 2020 г. не комментируют ни руководство анализируемых ОСПСиД в аналитических отчетах, ни МТЗ и СЗ РТ. По нашему мнению, ежегодное снижение количества человек и семей, которые обслуживаются по ИППСУ связано с тем, что в Республике Татарстан с 2013 года ведется профилактическая работа с населением. В связи с данной работой, идет

процесс снижения количество семей, находящихся в сложной жизненной ситуации.

Категории семей, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСиД в 2018–2021 гг. представлено в табл. 3.

В категорию «другие категории семей» входят семьи беженцев и вынужденных переселенцев.

Данные таблицы № 3 показывают, что в Вахитовском и Приволжском ОСПСиД в 2021 г. сохранялась аналогичная пропорция семей, получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров: наибольший процент составляли семьи и категорий неполные и многодетные (37% и 30% соответственно в Вахитовском ОСПСиД; 39% и 38% соответственно в Приволжском ОСПСиД).

В Советском ОСПСиД в 2021 году наибольшую долю получивших услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров в 2021 г. составили семьи из категории малообеспеченные (41%), а также из категории многодетные семьи (26%). Ежегодное распределение семей, получающих услуги в соответствии с разработанными ИППСУ по долям не зависит от ОСПСиД, а от количества обратившихся семей и заключенных договоров. Однако данную информацию можно использовать при планировании мероприятий ОСПСиД, ориентируясь на конкретные категории семей.

Количество семей и несовершеннолетних детей, которые находятся в трудных жизненных условиях получивших социальную помощь, представлено в таблице 4

В общее количество обслуженных семей ОСПСиД входят не только семьи, получающие услуги по ИППСУ, а кроме того семьи и несовершеннолетние, получающие услуги в рамках профилактической работы ОСПСиД.

Анализ показывает, что во всех трех ОСПСиД наблюдается стабильный рост доли семей, находящихся на межведомственном патронате, от общего количества обслуженных семей. Такую работу мы считаем положительной, поскольку межведомственная, коллегиальная работа максимально эффективна для применения всех возможностей в целях реализации определенных задач и согласования всей деятельности в отношении семьи в СОП, в том числе и по предупреждению возникновения таких семей.

Наибольшее количество семей находилось на межведомственном патронате, в Вахитовском ОСПСиД в 2021 г. по причине пренебрежения нуждами ребенка:

- ◆ I квартал 2021 г.— 13 семей — это 35,1% от общего количества семей, которые состоят на межведомственном обслуживании;
- ◆ II квартал 2021 г.— 13 семей — это 36,4% от общего количества семей, которые обслуживаются на межведомственном патронате;

- ◆ III квартал 2021 г.— 12 семей — это 36,3% от общего количества семей, которые получают помощь на межведомственном обслуживании;
- ◆ IV квартал 2021 г.— 12 семей — это 40% от общего количества семей, которые принадлежат к состоящим на межведомственном патронате.

Наибольшее количество семей находилось на межведомственном патронате, в Приволжском ОСПСиД в 2021 г. по причине пренебрежения нуждами ребенка:

- ◆ I квартал 2021 г.— 35 семей — это 62,5% от общего количества семей, которые состоят на межведомственном патронате;
- ◆ II квартал 2021 г.— 36 семей — 58,1% от общего количества семей, которые получают помощь от межведомственного патроната;
- ◆ III квартал 2021 г.— 30 семей — это 50% от общего количества семей, состоящих на межведомственном патронате;
- ◆ IV квартал 2021 г.— 36 семей — это 54% от общего количества семей, которые обслуживаются межведомственным патронатом.

Наибольшее количество семей находилось на межведомственном патронате, в Советском ОСПСиД в 2021 г. по причинам:

- ◆ I квартал 2021 г.— несовершеннолетние, родители (законные представители) которых уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов в связи со злоупотреблением алкогольными напитками — 24 семьи, 36,4% от общего количества семей, состоящих на межведомственном патронате;
- ◆ II квартал 2021 г.— пренебрежения нуждами ребенка — 13 семей, 36,4% от общего количества семей, состоящих на межведомственном патронате;
- ◆ III квартал 2021 г.— несовершеннолетние, родители (законные представители) которых уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов в связи со злоупотреблением алкогольными напитками — 32 семьи, 43,8% от общего количества семей, состоящих на межведомственном патронате;
- ◆ IV квартал 2021 г.— несовершеннолетние, родители (законные представители) которых уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов в связи со злоупотреблением алкогольными напитками — 30 семей, 44,1% от общего количества семей, состоящих на межведомственном патронате.

Проблемы семей, которые находятся на межведомственном патронировании, могут быть разрешены при планировании социально — культурных мероприятий

ОСПСид. Их направление будет связано с преодолением сложных жизненных ситуаций в семье, особенно с алкоголезависимыми членами этих семей. Важно не забыть и о профилактических мероприятиях по предупреждению алкогольных зависимостей.

Семьи, находящиеся в социально опасном положении, в Вахитовском, Приволжском и Советском ОСПСид КЦСОН в городском округе «город Казань» с 2019 по 2021 гг. недостаточно получали услуги по социальному обслуживанию. Причиной стал COVID — 19.

Результаты

Исследованный и изученный нами материал по реализации индивидуальных программ реабилитаций семей, находящихся в социально опасном положении, на примере Вахитовского, Приволжского и Советского отделений социальной помощи семье и детям КЦСОН в городском округе «город Казань» показал следующее:

1. Во всех анализируемых районах в течение 2018–2021 гг. наблюдается снижение количества человек и семей, обслуженных в целом в ОСПСид и по ИППСУ в том числе. Выявленную тенденцию снижения количества обслуженных в ОСПСид человек и семей в 2020 и 2021 гг. в КЦСОН связывают с пандемией. Однако снижение количества обслуженных до 2020 г., по нашему мнению, связано с тем, что в республике с 2013 года ведется профилактическая работа с населением. В связи с данной работой, в республике снижается количество семей, находящихся в СОП.
2. В 2021 г. в Вахитовском и Приволжском ОСПСид наибольший процент составляли семьи, получившие услуги в соответствии с разработанными ИППСУ на основании заключенных договоров из категорий неполные и многодетные (37% и 30% соответственно в Вахитовском ОСПСид; 39% и 38% соответственно в Приволжском ОСПСид). В Советском ОСПСид — малообеспеченные (41%) и многодетные семьи (26%). Ежегодное распределение получающих услуги в соответствии с разработанными ИППСУ по категориям семей не зависит от ОСПСид, а от количества обратившихся семей и заключенных договоров. Однако данную информацию можно использовать при планировании мероприятий ОСПСид, ориентируясь на конкретные категории семей.
3. В 2018–2021 гг. во всех трех ОСПСид наблюдается стабильный рост доли семей, находящихся на межведомственном патронате, от общего количества обслуженных семей. Данную тенденцию мы считаем положительной, поскольку

межведомственная, коллегиальная работа максимально эффективна для применения всех возможностей в целях реализации определенных задач и согласования всей деятельности в отношении семьи в СОП, в том числе и по предупреждению возникновения таких семей.

4. Наибольшее количество семей в 2021 г. находилось на межведомственном патронате, в Вахитовском и Приволжском ОСПСид по причине пренебрежения нуждами ребенка, в Советском ОСПСид, помимо вышеназванной так же по причине — несовершеннолетние, родители (законные представители) которых уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов в связи со злоупотреблением алкогольными напитками. Данные причины могут учитываться при планировании мероприятий ОСПСид на следующий отчетный период (на год, на квартал). Так, к примеру, в Советском ОСПСид в соответствии с выявленными причинами постановки на межведомственный учет, наиболее необходимы мероприятия направленные на преодоление сложных жизненных ситуаций в семье, связанные с алкоголезависимыми членами семей, а так же профилактические мероприятия по предупреждению зависимостей.
5. Во всех анализируемых районах преобладает оказание услуг по ИППСУ по сравнению с услугами, оказанными в рамках профилактической работы. При этом в Приволжском районе в 2018–2021 гг. оказано наибольшее количество услуг по ИППСУ и наименьшее в рамках профилактической работы (в процентном соотношении в общем количестве оказанных услуг), что связано с набором молодых специалистов и снижением численности психологов в 2020 году (с 5 чел. до 1 чел.). Однако данная тенденция прослеживается все три года, а не только в 2020 году, что, по нашему мнению, требует усилить контроль за планируемой и реализуемой деятельностью по профилактической работе в отделении.
6. В Приволжском ОСПСид в 2020 г. наблюдалось снижение общего количества оказанных услуг (на 28,3% по сравнению с 2019 г.), что, связано с уменьшением количества психологов (с 5 чел. до 1 чел.). На конец 2021 года произошло увеличение общего количества оказанных услуг, но не до уровня 2018–2019 гг.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Во всех анализируемых районах в течение 2018–2021 гг. наблюдается снижение количества человек и семей, обслуженных в ОСПСид. В частности, все анализируемые ОСПСид отмечают,

что существуют проблемы в увеличении количества обслуживаемых граждан категории «семьи с детьми-инвалидами».

2. В Приволжском ОСПСиД в 2020–2021 гг. наблюдается снижение общего количества оказанных услуг (на 28,3% по сравнению с 2019 г.).

В виде рекомендаций мы хотели предложить:

1. Услуги кружковой деятельности для семей, находящихся в трудной жизненной ситуации в ОСПСиД с целью повышения мотивированности к самопомощи и самозащите. Для детей и подростков проводить культурно — творческие занятия, а для родителей курсы, где они

смогут повысить свой культурно — образовательный уровень.

2. Специалистам важно совершенствовать свои знания, умения и навыки в процессе взаимодействия с семьями и их детьми для выявления и защиты в поиске выхода из трудной жизненной ситуации. Предложения путей и направлений их в городские службы социальной защиты и центры помощи семье и детям.
3. Для повышения профессиональных учений и навыков специалистов социальной работы важно заниматься поиском инновационных технологий работы с семьями, находящихся в социально опасном положении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вдовина М.В. Социальная работа с семьями, находящимися в социально опасном положении: развитие индивидуально — профилактического подхода // Теория и практика общественного развития. — 2016. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rabota-s-semyami-nahodyaschimisya-v-sotsialno-opasnom-polozenii-razvitie-individualno-profilakt> (Дата обращения: 26. 01.2022)
2. Луканина К.В. Социальный портрет несовершеннолетнего и семей, находящихся в социально опасном положении // В сб.: Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства. материалы Всероссийской конференции. — Екб.: Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — 2021. — С. 148–158.
3. Шерстянникова Н.А. Работа с семьями на ранней стадии неблагополучия // Работник социальной службы. — 2021. — № 5. — С. 51–54.
4. Марусина А.Д., Шкляр Н.В. Социально-психологическое сопровождение семей, находящихся в социально опасном положении // В сб.: Социально-психологические проблемы современной семьи: ценность материнства и детства. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Чебоксары: Изд-во ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет». — 2021. — С. 115–118.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Митрофанова С.В., Топчий А.А. Социальная политика в сфере защиты семей, находящихся в социально опасном положении // В сб.: Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы VI Международной научно-практической конференции. — М.: Инфра-М. — 2020. — С. 38–42.

© Тайшибаева Зиля Маратовна (ztayshibaeva@mail.ru),

Рыбасова Юлия Юрьевна (rybasova68@gmail.com), Утеева Эльмира Наильевна (elmirauteeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шевченко Ольга Павловна

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный университет имени
И.Т. Трубилина» г. Краснодар
nikkuban@mail.ru

INTERNET COMMUNICATION IN THE SPACE OF SOCIOCOMMUNICATIVE AND SOCIOCULTURAL REALITY

O. Shevchenko

Summary. The article notes that the global computer network Internet in modern society performs a wide range of functions, which allowed it to go far beyond the limits of the actual communicative phenomenon of society. In particular, the role of the Internet in the processes of socialization and inculturation of the younger generations, in axiological, ideological, ideologically, sociocultural systems of modern culture is high. This gives reason to consider the global computer network as a phenomenon of modern socio-cultural reality.

Keywords: transforming society, Internet, virtualization, sociocommunicative reality, system of spiritual culture, sociocultural reality, sociological research.

Аннотация. В статье отмечается, что глобальная компьютерная сеть Интернет в современном обществе выполняет широкий спектр функций, позволивший ей выйти далеко за пределы собственно коммуникативного феномена социума. В частности, высока роль Интернета в процессах социализации и инкультурации подрастающих поколений, в аксиологических, мировоззренческих, идеологических, соционормативных системах современной культуры. Это дает основание рассматривать глобальную компьютерную сеть как феномен современной социокультурной реальности.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, Интернет, виртуализация, социокоммуникативная реальность, система духовной культуры, социокультурная реальность, социологические исследования.

Социологический анализ интернет-коммуникации предполагает всестороннее рассмотрение особенностей влияния и взаимовлияния глобальной компьютерной сети и общества. Проникая в различные сферы и подсистемы общества, Интернет непосредственно или опосредованно участвует во всех ведущих социальных процессах, как на макро-, так и на микроуровне социальной реальности. Однако едва ли самым знаковым событием трансформирующегося общества XXI в. стали глубокие изменения научно-практических представлений о социальном пространстве в эпоху электронных коммуникаций. До настоящего времени считалось, что социальное пространство обладает специфическими физическими характеристиками, однако рост социальной значимости Интернета изменил сложившуюся точку зрения.

Как полагает А.В. Маслов, «особенностью современной эпохи является то, что благодаря Интернету радикально изменилось представление о социальном пространстве. Современные информационные техно-

логии трансформировали не только характер работы человека, его социальные связи, природу социальных коммуникаций, и самих социальных отношений, они видоизменили организационные формы социального взаимодействия, существенно преобразовали систему социального контроля и влияния, внесли новые элементы в институциональную систему» [1].

Как уже отмечалось ранее, Интернет предоставляет широкие возможности для объединения пользователей по различным критериям. При этом глобальная сеть продемонстрировала высокий потенциал генезиса вертикальных и горизонтальных социально-структурных элементов. Как отмечает Д.В. Акаев, «интернет-сообщества могут рассматриваться в широком смысле как совокупность всех пользователей Интернета независимо от посещения определенных ресурсов, то есть вся аудитория глобальной сети. Интернет-сообщество — это социальная общность, каждый участник которой идентифицирует себя с ней и вместе с тем имеет все атрибуты обычного сообщества; эта группа объединена техно-

логиями Интернета и взаимодействует через Интернет в рамках различных распределенных интересов сообщества, реализуемых на ресурсах глобальной сети» [2.]. Активное участие в создании новых групп, общностей, субкультур и других элементов социальной структуры социума придает Интернету уникальный статус. Именно глобальной компьютерной сети принадлежит инициатива создания новых элементов социальной системы — ранее радио, телевидение и другие масс-медиа не отличались подобным потенциалом.

По мнению Н.С. Прохоровой, «современные информационные технологии, несмотря на существующие экономические и культурные барьеры, с каждым годом все больше и больше становятся частью повседневной жизни, изменяя характер работы человека, его социальные связи, социальные взаимодействия и отношения. Социальная система киберпространства является новой глобальной социальной общностью, элементами социальной структуры которой являются социальные группы участников виртуальных сетевых сообществ. Именно сетевые сообщества, их взаимодействие, организационные формы, их культура, социальные отношения, существующие в новой коммуникативной среде, оказывают существенное влияние на процессы формирования информационного общества в целом на современном этапе [3.]. Таким образом, объединения людей в пространстве Интернета формируют новый, ранее не известный науке и практике тип социальности, в котором оказываются во многом нивелированы сложившиеся ранее представления о социально-структурных элементах общества. Виртуальные объединения создаются на основе сложной системы копий и симуляций реальности и этот феномен оказался еще недостаточно изучен современной социологической наукой.

Как полагает Г.Ф. Нигматуллина, «Интернет за последние годы стал неотъемлемым инструментом функционирования современного общества, во многом способствующим и определяющим темпы, направления и формы его развития. Интернет тесно связан с одной из доминирующих тенденций современного мира глобализацией. Стирание экономических, политических, культурных и национальных границ становится возможным и обуславливается развитием средств коммуникаций, приводящих к формированию новых форм взаимодействия, основой для которых является глобальная компьютерная сеть. Интернет породил не только особый вид коммуникаций, но и новые социальные структуры, нормы отношений между людьми» [4.].

Способность Интернета изменять содержание социальных норм относится уже к несколько иной плоскости социальных преобразований. По сути, речь идет о потенциале оказания серьезного влияния на социо-

культурную реальность, на все основные элементы системы культуры, которые так или иначе связаны с соционормативной регуляцией.

Как отмечает Н.А. Туякбасарова, «информационно-коммуникационные технологии выступают сегодня как фактор социокультурной реальности, революционным образом воздействуя на экономическую и социальную сферу, науку и образование, культуру и образ жизни людей» [5.С.5]. Воплощением научно-технологического прогресса стала именно глобальная компьютерная сеть Интернет, которая меняет привычный облик социума, способствует условному «снятию» пространственно-временных границ, но, в то же время, виртуализирует социальное пространство, существенно перестраивает характер социальных действий, взаимодействий, повседневных практик.

Реализация социологического подхода к анализу Интернета предполагает использование объективных индикаторов (особенно на эмпирическом и теоретико-прикладном уровнях познания), которые позволили бы избежать субъективизма и волюнтаризма при оценке места и роли Интернета в обществе, в том числе и современном российском. Одним из таких индикаторов выступает уровень проникновения глобальной сети в российское общество.

Как указывают в этой связи исследователи, «происходящая в современном мире глобальная трансформация современного общества сопровождается проникновением интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности социума. Уровень проникновения Интернета в России высок, однако находится ниже ряда европейских стран. Растет доля людей, включенных в активные формы социального взаимодействия в Сети» [6.С.205–216]. Посредством социологического анализа, прежде всего, количественных показателей проникновения Интернета в российское общество, можно делать выводы о серьезности влияния компьютерной эти на различные элементы и подсистемы социума.

Еще один аспект социологической оценки, тесно связанный с показателями проникновения Интернета в российское общество, охватывает динамику процесса формирования личности, усвоения ей норм, ценностей, морально-нравственных принципов и мировоззренческих основ современного общества. Речь идет о социализации подрастающих поколений в новых условиях доминирования информационно-компьютерных технологий.

Как полагает А.В. Маслов, «социализацией в киберпространстве называется процесс вхождения (ин-

теграции) пользователя в социокультурную среду посредством освоения технологий коммуникации, информационной культуры, социальной навигации, электронной грамотности, а также социальных норм, ценностей и ролевых требований. Знакомство личности с социальной реальностью телекоммуникационных сетей осуществляется в процессе первичной социализации. При этом индивиду приходится социализироваться одновременно в двух измерениях. Первое из них — это социальная общность киберпространства. Второе — социальная структура, в рамках которой пользователь осуществляет интеракции» [1.]. Становится очевидным, что современный процесс социализации подрастающих поколений существенно отличается от его прежних, сложившихся на протяжении длительного времени, конфигураций. Нынешней молодежи для обретения полноценного статуса теперь необходимо и адаптироваться к интернет-пространству. Соответственно, можно констатировать, что посредством интеграции в социализационные процессы, Интернет глубоко проник в пространство духовной культуры, стал во многом определять облик личности современного человека, а также те или иные духовно-нравственные ориентиры (ценности, нормы, моральные принципы и т.д.).

Одним из наиболее ярких атрибутов Интернета является специфическое технически опосредованное общение аудитории. До появления глобальной сети в ходе процесса социализации подрастающие поколения усваивали определенную сложившуюся культуру коммуникации. В последние десятилетия все изменилось — данная культура стала существенно менее стабильная и все более вариативная.

Т.В. Рягузова в этой связи отмечает, что «в Интернет-коммуникации нет ограничений, существующих в реальных обществах, нет жестких идеалов, критериев оценки, стратегий действий и т.п. Люди объединяются (или наоборот расходятся), основываясь исключительно на взаимных интересах, и поэтому Интернет-общение, по сравнению с обычным, представляется более демократичным и менее стереотипизированным. Интернет, являясь неотъемлемым инструментом процесса глобализации, стимулирует развитие коммуникации на новом уровне — глобальном, что способствует универсализации культуры общения, при этом содействуя развитию местных культур путем их представления во всемирной паутине» [7.].

Новая коммуникативная культура, основанная на переопределении места и роли Интернета в социальной системе, предполагает усложнение процедуры обучения социализирующейся личности. Именно на этот аспект обращают внимание исследователи: «коммуникационные процессы в новом обществе от-

личаются глобальностью и интерактивностью, что полностью преобразует социальные структуры, изменяет мир труда, политики, культуры, выдвигая к человеку много новых требований, основное из которых — способность быстро реагировать на происходящие перемены, способность учиться и эффективно воспринимать, и обрабатывать поступающую информацию в течение всей своей жизни». [7.]

Появление глобальной сети существенно изменило коммуникативную культуру. Это, в свою очередь, оказало воздействие на общее состояние социокультурной системы российского общества. Постепенная виртуализация духовной культуры российского социума, появление различных информационно-технологических феноменов, опосредующих социальные действия и взаимодействия привели к глубоким трансформациям всей системы культуры.

Как полагает С.В. Михайлов, «Интернет — новая информационная среда современной культуры, формирующая новые коммуникативные практики, новый тип мировосприятия и соответственно новый образ жизни. Интернет-общение характеризуется такими чертами, как виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность. Переплетение данных черт задает направление изменений в современном общении: возрастает объем интраперсонального и значение интерперсонального типов общения, изменяет свой былой характер массовая коммуникация, на ведущее место выдвигается специализированное общение» [8.].

Интернет в начале XXI в. занял лидирующие позиции в коммуникационной системе российского общества. Кроме того, глобальная сеть по своему потенциалу вышла далеко за границы собственно информационно-коммуникационной среды. Способность Интернета проникать в политическую, экономическую, социальную и духовную подсистемы общества, формировать новые виды социальных общностей и новые формы социальных взаимодействий достаточно оперативно обеспечили глобальной сети лидерство не только в коммуникационной системе общества. За достаточно короткий промежуток времени Интернет стал значимым элементом социокультурной реальности. Подрастающие поколения в ходе процессов социализации и инкультурации стали усваивать новое содержание социальных норм, традиций, обычаев, морали, мировоззрения с учетом резвившийся он-лайн среды. Проникая в ходе социализации в глубины сознания подрастающих поколений, становясь определенным символом информационной эпохи, Интернет занял лидирующие позиции и в системе духовной культуры российского общества. Этому способствовали как

формирование особой интернет-культуры, так и существенная модернизация социальных норм, ценностей, мировоззренческих и идеологических основ бытия.

Таким образом, благодаря Интернету произошло не просто усиление позиций массовой культуры потребления — она стала своего рода объединяющим культурным и экономическим «стержнем» новой постиндустриальной эпохи. «Массовизация» культуры происходила на фоне процесса ее «вестернизации», а результате чего подрастающее поколение активно интегрировалось в пространство глобальной информационной миросистемы. В этом аспекте Интернет оказался не только и не столько средством коммуникации, а именно элементом социокультурного пространства современного общества. Кроме того, многие элементы системы культуры, проникая в виртуальное интер-

нет-пространство, серьезным образом модифицируются, изменяют свое содержание. В результате ускоряются процессы социокультурной динамики.

Следует также отметить, что процесс влияния интернет-среды на систему культуры российского общества в настоящее время оказался недостаточно исследован в социологической научной литературе. Особенно серьезна ситуация сложилась на эмпирическом уровне познания. Выходом из сложившейся ситуации должны стать как усиливающийся запрос со стороны государства на подобного рода научные изыскания, так и увеличение числа инициативных проектов социологов-исследователей. Очевидно, что в настоящее время российское общество столкнулось с совершенно новым явлением, которое еще не получило должной научной оценки в социологический литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов А.В. Виртуализация социальной среды как фактор социальных инноваций: дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.
2. Акаев Д.В. Интернет-сообщества: место и роль в политическом процессе социума: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009.
3. Прохорова Н.С. Социокультурные аспекты феномена виртуальной коммуникации в русскоязычной сети Интернет: дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.
4. Нигматуллина Г.Ф. Культура российских интернет-сообществ в условиях становления информационного общества: дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2011.
5. Туякбасарова Н.А. Интернет-коммуникации как средство формирования ценностных ориентаций личности студента: дис. ... канд. соц. наук. Курск, 2006. С. 5.
6. Киржаева Д.П., Половнев А.В. Интернет как средство коммуникации и особенности его использования Российской молодежью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1. С. 205–216.
7. Рягузова Т.В. Интернет как фактор социокультурного развития российского общества: дис. ... канд. соц. наук. М., 2001.
8. Михайлов С.В. Интернет как социальное явление: дис. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2003.

© Шевченко Ольга Павловна (nikkuban@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ КУЛЬТУРУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE IMPACT OF INTERNET COMMUNICATION ON MODERN ENTREPRENEURIAL CULTURE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

O. Shevchenko

Summary. The article notes that the increased importance of the Internet in modern society has contributed to the strengthening of the impact of the global network on various elements and subsystems of society, including entrepreneurial culture. However, the specifics of the influence of Internet communication on entrepreneurial culture in the conditions of modern transforming Russian society differ from similar processes in other countries. In this regard, both theoretical and empirical methods of sociological analysis of the impact of Internet communication on entrepreneurial culture acquire special scientific and practical importance.

Keywords: society, cultural system, entrepreneurial culture, Internet, Internet communication, virtual environment, social networks, empirical analysis.

Шевченко Ольга Павловна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный университет имени
И.Т. Трубилина», г. Краснодар
nikkuban@mail.ru*

Аннотация. В статье отмечается, что возросшая значимость Интернета в современном обществе способствовала усилению воздействия глобальной сети на различные элементы и подсистемы общества, в том числе и предпринимательскую культуру. Однако специфика влияния интернет-коммуникации на предпринимательскую культуру в условиях современного трансформирующегося российского общества отличается от аналогичных процессов в других странах. В этой связи приобретают особое научно-практическое значение как теоретические, так и эмпирические методы социологического анализа влияния интернет-коммуникации на предпринимательскую культуру.

Ключевые слова: общество, система культуры, предпринимательская культура, Интернет, интернет-коммуникация, виртуальная среда, социальные сети, эмпирический анализ.

Появление и развитие Интернета оказали существенное воздействие на ситуацию — на макро- и микроуровнях социальной реальности. Принято считать, что в последние десятилетия сложилась объективная социальная обстановка, когда трансформации коммуникационной системы общества стали принимать очевидный, необратимый характер и оказывать существенное воздействие на различные сферы и подсистемы социума.

Влияние Интернета на общество многогранно. Здесь происходит активное воздействие на людей, социальные действия и взаимодействия функционирование социальных организаций и институтов. Интернет оказывает влияние и доминирующую культуру общества, а также различные локальные культурные и субкультурные образования.

Проникая в различные сферы и подсистемы общества, Интернет непосредственно или опосредованно участвует во всех ведущих социальных процессах,

как на макро-, так и на микроуровне социальной реальности. Однако едва ли самым знаковым событием трансформирующегося общества XXI в. стали глубокие изменения научно-практических представлений о социальном пространстве в эпоху электронных коммуникаций.

Т.В. Рягузова в этой связи отмечает, что «в интернет-коммуникации нет ограничений, существующих в реальных обществах, нет жестких идеалов, критериев оценки, стратегий действий и т.п. Люди объединяются (или наоборот расходятся), основываясь исключительно на взаимных интересах, и поэтому Интернет-общение, по сравнению с обычным, представляется более демократичным и менее стереотипизированным. Интернет, являясь неотъемлемым инструментом процесса глобализации, стимулирует развитие коммуникации на новом уровне — глобальном, что способствует универсализации культуры общения, при этом содействуя развитию местных культур путем их представления во всемирной паутине» [1.С.4].

А.А. Курносенко обращает внимание на уникальные атрибутивные характеристики глобальной сети, придающие ей уникальный статус в коммуникационной системе, а также и в обществе в целом. В частности, «симбиоз межличностной, групповой и массовой коммуникации, наличествующий в пространстве глобальной компьютерной сети, позволяет оказывать эффективное воздействие на сознание и поведение не только собственно интернет-аудитории, но и осуществлять более масштабную социально-преобразовательную деятельность, охватывая все общество, даже тех, кто не является активными интернет-пользователями (благодаря механизмам переноса информации из виртуальной в физическую среду и наоборот). Переход из виртуальной среды в реальную осуществляется во многом в опоре на межличностные и групповые контакты аудитории Интернета с теми, кто не включен в контекст воздействия глобальной коммуникационной среды» [2.С.32].

Интернет в начале XXI в. занял лидирующие позиции в коммуникационной системе российского общества. Кроме того, глобальная сеть по своему потенциалу вышла далеко за границы собственно информационно-коммуникационной среды. Способность Интернета проникать в политическую, экономическую, социальную и духовную подсистемы общества, формировать новые виды социальных общностей и новые формы социальных взаимодействий достаточно оперативно обеспечили глобальной сети лидерство не только в коммуникационной системе общества. За достаточно короткий промежуток времени Интернет стал значимым элементом социокультурной реальности. Подрастающие поколения в ходе процессов социализации и инкультурации стали усваивать новое содержание социальных норм, традиций, обычаев, морали, мировоззрения с учетом резвившейся он-лайн среды. Проникая в ходе социализации в глубины сознания подрастающих поколений, становясь определенным символом информационной эпохи, Интернет занял лидирующие позиции и в системе духовной культуры российского общества. Этому способствовали как формирование особой интернет-культуры, так и существенная модернизация социальных норм, ценностей, мировоззренческих и идеологических основ бытия.

На протяжении последних десятилетий наблюдается стремительное развитие информационно-компьютерных технологий, трансформации социальной системы и духовной культуры стали неизбежными. Меняются многие социальные и культурные практики, особенно по мере их «оцифровки» и перемещения в виртуальную интернет-среду. Это напрямую касается и предпринимательской культуры, которая существенно зависит от условий ведения бизнеса, функционирования социальной системы в целом.

По мнению исследователей, «предпринимательская культура — это часть совершенно конкретной культуры с ее специфическим языком и стилем мышления; она включает специфические регуляторы жизнедеятельности в виде норм, систем отношений, социокультурных механизмов, имеющих свое социокультурное пространство проявления, которое порождается характером взаимодействия всей совокупности общественных отношений» [3.С.8].

Интернет оказывает воздействие на предпринимательскую культуру в двух основных направлениях. Как полагает А.С. Биккулов, Интернет «становится средством не просто массовой, но глобальной коммуникации, перешагивающей через национальные границы и объединяющей мировые информационные ресурсы в единую систему» [4.С.3]. В этой связи серьезно ускоряются процессы социокультурного общения, взаимодействия между предпринимательскими культурами различных этносов, стран, континентов. Раньше подобные тенденции в обществе наблюдались весьма редко и носили скорее локальный, а не глобальный характер. Кроме того, социотехнический облик глобальной сети, а именно «особенности коммуникативного пространства Интернета: субъективность информации, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, анонимность и физическая удаленность, мозаичность, низкий уровень рисков социального и коммуникативно характера в процессе общения, свобода выбора контактов и открытость к созданию новых связей, эмоциональные ограничения в общении» [4.С.205–216] принципиально изменили ту среду, в которой существует предпринимательская культура. Это нашло свое отражение не только в создании предпринимателями аккаунтов в социальных сетях, совершении бизнес-операций с использованием возможностей Интернета, расширении возможностей общения с коллегами-предпринимателями, но и изменении сознания, ценностных ориентаций, мировоззрения и др. структурных элементов, составляющих основу предпринимательской культуры. Ряд исследователей обращает внимание на высокий потенциал Интернета в изменении социокультурной реальности, что далеко выходит за рамки обычного средства массовой коммуникации.

Рассуждая о влиянии Интернета на изменения в облике предпринимательской культуры, необходимо обратить внимание на такой важный аспект, как передача опыта предшествующих поколений предпринимателей, а также связанных с этим традиций, обычаев, ценностей, практик ведения бизнеса. В последние десятилетия прогресс информационно-компьютерных технологий привел к доминированию стихийной профессиональной социализации, сходных по направленности интеграционных процессов (инкорпорация

в предпринимательскую среду), которые априори содержат в себе информационные пласты, способные привести к определенным непрогнозируемым эффектам предпринимательской культуры. Данная проблема нуждается в более глубоком научном исследовании, как и различные аспекты «сетевизации» предпринимательской культуры.

В этой связи О.А. Фихтнер рассуждает о сетевой предпринимательской культуре, которая «служит фоновым и необходимым условием эффективного функционирования всех видов сетей. Их участники, имея общие ценностные ориентации, формируемые посредством культурных механизмов через религию, традиции, исторические обычаи, а также на основе практики совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям, т.е. используя единые нормы сетевой культуры, получают неоспоримые преимущества такого взаимодействия» [5.С.70–78].

Предпринимательская культура закономерно испытывает существенное влияние со стороны глобальной сети Интернет вследствие происходящих масштабных социальных и социокультурных трансформаций общества XXI в. Это касается и российской предпринимательской культуры, которая характеризуется сложной, противоречивой динамикой, обусловленной переходом от рыночной к командной, а, затем, от командной к рыночной экономической системе. В результате оказалось травмированным сознание поколений российских предпринимателей, часть из них подверглась преследованию со стороны советского государства за поведение, которое ранее считалось правомерным, а затем было признано преступным. Такая ситуация нашла свое отражение в российском менталитете, системе ценностей, традициях, усвоенных новым поколением предпринимателей (в период конца 1980-х — 2000-е г.).

Ситуация осложнилась в последнее десятилетие, так как только начавшая формироваться полноценная предпринимательская культура столкнулась с происходящими глобальными изменениями социальной реальности, результате которых начало возрастать влияние Интернета и интернет-коммуникации. Таким образом, неустойчивое, лабильное доктринальное ядро предпринимательской культуры оказалось подвержено серьезному коммуникативному воздействию, направленному на трансляцию зачастую иных ценностей, норм, идеалов, традиций, чем те, которые были заложены именно в российскую предпринимательскую культуру. Так возник определенный социокультурный шок, последствия которого еще предстоит изучить социологической науке.

Автором был также проведен эмпирический анализ (посредством метода анкетирования) российских

предпринимателей — общее число опрошенных составило 452 человека, граждан Российской Федерации, в возрасте от 18 лет и старше.

Большая часть опрошенных (53,9%) склонны рассматривать роль Интернета в формировании облика предпринимательского сообщества как не слишком значимую (32,5% — скорее незначительная, а 21,4% — незначительная). Оптимистично настроены по поводу влияния Интернета на генезис предпринимательской культуры 42,4% участников исследования (значительную роль отметили 21,8%, а 20,6% — скорее значительную). Кроме того, 3,7% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. В целом полученные данные соответствуют ранее выявленным тенденциям относительно оценки предпринимателями корпоративного сообщества, а также и его социокультурного поля. В настоящее время российские предприниматели не считают Интернет значимым фактором генезиса и развития российской предпринимательской культуры.

Подавляющее большинство респондентов осведомлены о наличии виртуальных сообществ российских предпринимателей (79,2%). Лишь 15,5% участников исследования ничего не знают о таких объединениях, а еще 5,3% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Вместе с тем, осведомленность о наличии подобных сетевых объединений российских предпринимателей не изменяет сознание опрошенных в аспекте отождествления данных объединений с трансформирующимися формами предпринимательской культуры в XXI в.

В настоящее время 58,4% опрошенных предпринимателей состоят в корпоративных виртуальных сообществах. Еще 16,3% респондентов указали, что состояли ранее в таких сообществах, но теперь не состоят. В то же время 16,6% участников исследования отметили, что никогда не состояли и не состоят в подобных сообществах.

Несмотря на высокий потенциал воздействия Интернета на российскую предпринимательскую культуру, в настоящее время в данной сфере скорее ощущается инерция позднего индустриального общества. За исключением столиц и крупных мегаполисов, в остальных городах предприниматели слабо используют возможности интернет-коммуникации. Этим обуславливается противоречивость воздействия Интернета на современную предпринимательскую культуру.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что в обществе XXI в. существенно усилилось влияние глобальной компьютерной сети Интернет на все стороны жизни общества, в том числе и на его систему культуры. В результате элементы, явления, феномены системы

культуры, под воздействием происходящих социально-коммуникационных изменений, трансформировались, приобретая новые, ранее не известные черты.

Интернет обладает рядом уникальных атрибутивных характеристик. С одной стороны, он способен продуцировать собственную интернет-культуру, которая активно проникает в жизнь социума как одна из современных локальных форм культуры. В этом случае эта форма культуры оказывает очевидное воздействие на другие, в том числе и предпринимательскую культуру (посредством ассимиляции, интеграции, диффузии и пр. процессов).

С другой стороны, глобальная сеть обладает серьезным потенциалом воздействия как на систему культу-

ры российского общества в целом, так и на различные локальные культуры, сегменты культуры, субкультуры, в том числе и предпринимательскую культуру. В результате происходит трансформация предпринимательской культуры, как на внешнем, так и на внутреннем уровнях взаимодействия с российским социумом. Данная проблема характеризуется существенным гносеологическим и эвристическим потенциалом применительно к российскому обществу XXI в. Однако социологическая наука в настоящее время находится лишь в начале пути в аспекте качественно-количественного изучения проблемы влияния Интернета на предпринимательскую культуру (как и обратного воздействия). Сложившееся противоречивое положение повышает риски в экономической, а также и в ряде других подсистем общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рягузова Т.В. Интернет как фактор социокультурного развития российского общества: дис. ... канд. соц. наук. М., 2001. С. 4.
2. Курносенко А.А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2016. С. 32.
3. Ожерельева О.Ю. Предпринимательская культура в условиях социокультурной трансформации российского общества: специфика становления и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 8.
4. Биккулов А.С. Интернет как средство массовой коммуникации: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2003. С. 3.
5. Киржаева Д.П., Половнев А.В. Интернет как средство коммуникации и особенности его использования Российской молодежью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. *Общественные науки*. 2018. № 1. С. 205–216.
6. Фихтнер О.А. Сетевая предпринимательская культура в России // *Экономический журнал*. 2011. № 21. С. 70–78.

© Шевченко Ольга Павловна (nikkuban@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Akhmadieva G. — Samara National Research University named after Academician S.P. Queen (Samara University) giuzel.akhmadieva@yandex.ru

Akulov A. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor Kfba_ieay@mail.ru

Alexandrov A. — PhD (Law), Associate Professor, Kaluga state university named after K. Tsiolkovsky Alexandrov.klg@yandex.ru

Avtonomova S. — Candidate of Social Sciences, Plekhanov Russian University of Economics avtonomova1@yandex.ru

Ayrapetyan V. — Associate Professor, Sochi State University venusar@mail.ru

Belousov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen state University belousovalecs@mail.ru

Borobov V. — Doctor of Economics, Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin; Financial University under the Government of the Russian Federation vborobov@mail.ru

Breslava V. — ITMO University valeria.bresalava@gmail.com

Calderon R. — Teacher, UTE University (Ecuador); PhD student, Southwestern State University roberto.calderon.84@inbox.ru

Dobrovolskaya Yu. — Postgraduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian University of Transport», Moscow yul1556911@yandex.ru

Drabysheuski A. — Head of agricultural subsidy sector of Agricultural Policy Department of Eurasian economic commission, Moscow a.a.dr@yandex.ru

Dzonik V. — Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics elleno4ka@mail.ru

Efremov M. — Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»

Ganicheva E. — PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg State economic university; lawyer of the St. Petersburg Bar Association «Justum» ganichewa@mail.ru

Giba V. — Postgraduate student, RUTH (MIIT) vlad-giba@mail.ru

Golikova S. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department «Theory and History of State and Law» of the Sevastopol State University golikovasv@mail.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia gudkovaniv@yandex.ru

Klimin V. — Doctor of Medicine, Doctor of Economics, President of the National Interregional Association of Medical Tourism vladimir.klimin2014@yandex.ru

Kovaleva A. — Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University» Lagrima777@yandex.ru

Kshniakin P. — Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Samara State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation kshnjakin@yandex.ru

Kussikbayeva L. — Lecturer at the West Kazakhstan Innovative and Technological University, Uralsk, Kazakhstan lkussikbayeva@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, FKOU VO «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia» kuz1503@yandex.ru

Kvaratskhelia M. — Russian State Social University, Moscow
matildakvaratskhelia@yandex.ru

Ledenev V. — Post-graduate student, MSUA O.E. Kutafin
vikt.ledenew@yandex.ru

Maltseva Yu. — Ph. D., Associate Professor, UrFU (Yekaterinburg)
i.a.maltceva@urfu.ru

Matveeva T. — Senior Lecturer, FKOУ VO «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
matveeva33@mail.ru

Minaeva A. — Postgraduate student, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)
law.minaeva@gmail.com

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Musatov B. — Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics
Musatov.BV@rea.ru

Petrinin N. — Postgraduate student, Private Educational Institution of Higher Education «Taganrog Institute of Management and Economics»
advokat_petrinin@mail.ru

Plotnikov V. — Dr. Sc. (Economics), Professor, St. Petersburg State University of Economics
plotnikov_2000@mail.ru

Ryakhovsky D. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
Dlryahovskiy@fa.ru

Rybasova Y. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan State Medical University
rybasova68@gmail.com

Sadlovskaya M. — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»
msadlovskaya91@gmail.com

Sandler D. — C.econ.s., docent, FGAOU VO «Ural Federal University named after the First President B.N. Yeltsin», Ekaterinburg
d.g.sandler@urfu.ru

Semenova N. — Postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University
624559@list.ru

Shevchenko O. — Candidate of Economics, Associate Professor of Federal state budgetary educational institution of higher education «Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin». Krasnodar
nikkuban@mail.ru

Sokolova A. — Samara National Research University named after Academician S.P. Queen (Samara University)
alisokolova@bk.ru

Suyunova Z. — Senior Lecturer, North Caucasian State Academy
zaira_suyunova@mail.ru

Taishibaeva Z. — Kazan State Medical University
ztayshibaeva@mail.ru

Torosyan A. — ITMO University
alisato2311@gmail.com

Torosyan E. — PhD in Economics, assistant professor, ITMO University
etorosyan@mail.ru

Traore A. — Postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations
abtraore201@gmail.com

Tsukanova O. — PhD in Economics, professor, ITMO University
zoa1999@mail.ru

Ukhanova E. — Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»
ukhanovaekaterina@gmail.com

Ustinenko M. — Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»
011884@pnu.edu.ru

Uteeva E. — Senior Lecturer, Kazan State Medical University
elmirauteeva@mail.ru

Vasilkova S. — PhD., Associate Professor, St. Petersburg State University; Director of the Research Center «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex»; member of the Scientific Advisory Council of the Parliamentary Assembly of Belarus and Russia on state Construction and Law; arbitrator of the Arbitration Center at the Autonomous Non-profit Organization, «National Institute for the Development of Arbitration in the Fuel and Energy Complex»
vasilkova973@mail.ru

Vassalatiy Z. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen state University
z.v.vassalatiy@utmn.ru

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Research Officer, FSKU «VNII Ministry of Internal Affairs of Russia»
alex_voronoff@mail.ru

Wang Yongjuan — Teacher, Heihe University, Institute of Natural Sciences, Heilongjiang Province, Heihe, China

Yao Yao — Teacher, Heihe University, Heilongjiang Province, Heihe, China
123060625@qq.com

Zaitseva I. — PhD student, Plekhanov Russian University of Economics
chaleurish@yandex.ru

Zotova A. — Assistant, Plekhanov Russian University of Economics

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

